ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА СО РАН

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Алтайская лаборатория экономических и
социальных исследований ИЭОПП СО РАН

БЕДНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ:

ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ

Монография

Барнаул
Издательство «АЗБУКА»
2014

УДК 316.334.52
ББК 60.541.32
Б 382

Авторский коллектив:
доктор социол. наук Сергиенко А.М. (введение, гл. 1-3, пп. 5.1, 6.1-6.3, гл. 7-8, заключение); Анисимова М.М. (пп.1.1-1.2, 2.2, 7.1, 7.4); Иванова О.А. (гл. 5); Перекаренкова Ю.А. (гл. 4); Рзаева С.В. (пп. 6.1, 6.4, 7.3); канд. социол. наук Решетникова С.А. (п. 7.2); канд. социол. наук Родионова Л.В. (п. 2.2, гл. 4, пп. 6.4, 8.2, заключение); Сергиенко Ю.В. (п. 6.2)

Научный редактор: доктор социологических наук, проф. *А.М. Сергиенко*

Рецензенты: доктор социологических наук, проф. *А.Я. Троцковский;*
доктор социологических наук, проф. *С.Г. Максимова*

Б 382 **Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления**: коллективная монография / под общ. ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.
ISBN 978–5–93957–692–5

В монографии представлены результаты комплексного анализа проблем бедности сельских территорий в регионах аграрной специализации, рассмотренных на примере Алтайского края и Республики Алтай. Дается оценка масштабов, динамики и глубины бедности сельского населения, особенностей ее формирования и механизмов преодоления в 2000-х гг. и начале нового десятилетия. В фокусе исследования – не только материальное положение различных групп бедных, но и проблемы доступности различных социальных услуг, рабочих мест, нарушения прав на сельском рынке труда и другие лишения. Показана значимость не только государственной социально-экономической политики, но и сельского сообщества в решении проблем бедности.

Монография адресована научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, студентам и магистрантам, чьи научные интересы связаны с изучением бедности, социологии села, региона, социальной политики. Результаты исследования могут представлять интерес для органов государственного и муниципального управления при формировании научной базы совершенствования системы управления социальным развитием села, для разработки соответствующих федеральных и региональных программ. Книга также адресована сельскому бизнес-сообществу и общественным организациям на селе, заинтересованным в повышении социального эффекта от их участия в социальной поддержке бедных.

Коллективная монография подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда *в рамках проекта «Сельская бедность в России: современные тенденции, социальные механизмы формирования и преодоления» (№ 11-03-00667а). При реализации проекта использовались также средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 года № 300–рп (договор №001/К от 11.01.2011).*

ISBN 978–5–93957–692–5

© Коллектив авторов Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН, 2014
© Центр социально-экономических исследований и региональной политики, 2014
© Оформление. Издательство «АЗБУКА», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ *(А.М. Сергиенко)* 5

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ 9

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ..... 10

1.1. Бедность как категория социологического анализа: генезис исследований и современное представление *(М.М. Анисимова, А.М. Сергиенко)* 10

1.2. Методологические подходы к изучению бедности сельского населения *(А.М. Сергиенко, М.М. Анисимова)* 26

1.3. Общая характеристика факторов и механизмов формирования и преодоления сельской бедности *(А.М. Сергиенко)*..... 41

Глава 2. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ..... 51

2.1. Логика, этапы и методические предпосылки исследования *(А.М. Сергиенко)* 51

2.2. Особенности информационной базы и технологий исследования *(А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова, М.М. Анисимова)*..... 67

РАЗДЕЛ 2. ПРОЦЕССЫ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АГРАРНЫХ РЕГИОНАХ 79

Глава 3. МАСШТАБЫ, ГЛУБИНА, ДИНАМИКА И ФОРМЫ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ 80

3.1. Динамика бедности и социального расслоения жителей России и регионов аграрной специализации *(А.М. Сергиенко)*..... 80

3.2. Масштабы и глубина бедности сельского населения *(А.М. Сергиенко)* 90

3.3. Оценка социальной исключенности как формы проявления сельской бедности *(А.М. Сергиенко)*..... 100

3.4. Динамика материального положения и социального настроения сельских бедных *(А.М. Сергиенко)* 118

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКИХ БЕДНЫХ В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ..... 126

4.1. Характеристика и стратегии поведения занятых бедных *(Л.В. Родионова, Ю.А. Перекаренкова)* 128

4.2. Комплексная оценка положения и активности бедных безработных и экономически неактивных *(Л.В. Родионова, Ю.А. Перекаренкова)*..... 141

4.3. Адаптационные стратегии сельских бедных *(Л.В. Родионова, Ю.А. Перекаренкова)*..... 146

Глава 5. ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ И ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С НАЧАЛА 2000-Х гг. 152

5.1. Территориальные характеристики социального положения сельской молодежи: опыт типологического анализа *(О.А. Иванова, А.М. Сергиенко)* .. 152

5.2. Демографическое состояние сельской молодежи и его динамика *(О.А. Иванова)* 162
5.3. Профессионально-трудовые и доходно-потребительские характеристики социального положения сельской молодежи *(О.А. Иванова)* 170

РАЗДЕЛ 3. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ 181

Глава 6. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ 182
6.1. Факторы и причины возникновения и распространения сельской бедности *(А.М. Сергиенко, С.В. Рзаева)* 182
6.2. Социально-экономическая активность сельских жителей как механизм формирования и преодоления бедности *(А.М. Сергиенко, Ю.В. Сергиенко)* ... 191
6.3. Типология бедных сельских жителей по социально-экономическому положению и активности как инструмент политики преодоления бедности *(А.М. Сергиенко)* 202
6.4. Репродуктивные и миграционные установки как социальные последствия сельской бедности *(Л.В. Родионова, С.В. Рзаева)* 208

Глава 7. ПОЛИТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ 216
7.1. Исторический ракурс и современные акценты в государственной политике преодоления бедности *(М.М. Анисимова, А.М. Сергиенко)* 216
7.2. Практики социальной поддержки сельских бедных *(С.А. Решетникова, А.М. Сергиенко)* 227
7.3. Оценка населением и экспертами государственной и муниципальной политики по решению проблем бедности *(А.М. Сергиенко, С.В. Рзаева)* 243
7.4. Роль сельского бизнеса и общественных организаций в преодолении сельской бедности *(А.М. Сергиенко, М.М. Анисимова)* 249

Глава 8. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ 257
8.1. Перспективы преодоления бедности сельского населения: институциональные основы и субъективные оценки *(А.М. Сергиенко, М.М. Анисимова)* 257
8.2. Рекомендации по совершенствованию государственной и муниципальной политики сокращения сельской бедности *(А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова)* 267

Заключение *(А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова)* 275

Библиографический список 292

Приложения 308

Сведения об авторах 329

ВВЕДЕНИЕ

Успехи экономического роста в 2000-х гг. и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины прошедшего десятилетия привели к заметным позитивным сдвигам в решении данной проблемы, кардинальному сокращению масштабов бедности (по данным государственной статистики, до 12,7% в 2011 г.). И уже, по оценкам экспертов, не представляется затруднительным достижение в 2015 г. 10%-ного целевого показателя, установленного в Национальной программе ООН развития тысячелетия для России. Способствовать преодолению бедности россиян в перспективе ближайшего десятилетия должны результаты модернизации экономики, курс на которую установлен в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

Вместе с тем одним из последствий социально-экономических реформ в России стала масштабная концентрация бедности в сельской местности, повлекшая за собой падение социально-экономической мотивации, распространение алкоголизма и других социальных девиаций, массовую миграцию активной части молодежи из села. Это не только подрывает основу модернизации сельской экономики и обеспечения продовольственной безопасности страны, что особенно немаловажно в условиях членства в ВТО, но и формирует реальные угрозы социального воспроизводства сельского социума.

Для подтверждения этому приведем лишь два аргумента. Во-первых, социальная составляющая факторов инновационного развития агропромышленного комплекса включает не только человеческий потенциал экономики отраслей производства и переработки сельхозпродукции, но и социальное благополучие работников АПК и членов их семей, а также сельских жителей в целом. И поскольку социальное благополучие во многом определяется материальным положением людей, доступностью для них различных социальных благ и услуг, сельскую бедность сегодня следует рассматривать как мощный ограничитель модернизации сельской экономики, инновационного развития АПК, а ее преодоление – как важнейшее условие такого развития.

Во-вторых, отметим, что вступление России во Всемирную торговую организацию вызвало очередную волну научных и политических дискуссий о его возможных социальных и экономических последствиях для аграрных регионов и сельского сообщества. В прошлое ушли дебаты о необходимости такого вступления, особенностью данного этапа является главным образом разговор о масштабах таких последствий и готовности к ним российского общества. И село, аграрные регионы здесь становятся фокусом внимания как территории концентрации уже сложившихся и аккумуляции будущих социальных вызовов, одним из которых, безусловно, является бедность.

В настоящее время действия органов государственной власти в области социального развития села носят преимущественно несистемный характер, большинство действующих программ и мероприятий (микрокредитование,

поддержка молодежи в получении жилья и др.) не направлены на целевую группу бедных, не сформированы эффективные механизмы взаимодействия властей, бизнес-сообщества и третьего сектора в решении проблем бедности, не построены социальные лифты преодоления сельской бедности.

Решение всех этих проблем сопряжено с изучением динамики бедности и экономической активности селян как основы ее формирования и преодоления, выявлением социальных групп с различным потенциалом преодоления бедности, а также с определением направлений социально-экономической политики для преодоления бедности этих групп. Это вызвало необходимость ответить на следующие вопросы. Каковы масштабы, глубина и динамика бедности на селе? Какова сегодня экономическая активность сельских жителей, кто из них имеет возможность преодолеть бедность, а кто рискует погрузиться в нее, и что на это влияет в первую очередь? Кто отличается в настоящее время материальным неблагополучием, но имеет задатки социальной базы модернизации экономического развития села? И, наконец, какие социально-экономические политики применяются и потребуются в перспективе для преодоления бедности этих групп?

Предлагаемая читателю коллективная монография представляет результаты трехлетнего исследования проблем бедности сельского населения. Для ответа на поставленные вопросы сотрудниками Некоммерческого партнерства «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» и Алтайской лаборатории Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук было проведено исследование масштабов, глубины и динамики бедности в сельской России, причин ее возникновения и механизмов преодоления в 2000-х гг. и начале нового десятилетия. Особое внимание было обращено на специфику изменений процессов формирования и преодоления бедности сельского населения в российских регионах аграрной специализации в периоды экономического роста (2001–2008 гг.) и глобального экономического кризиса 2009–2011 гг.

Авторский коллектив опирался в своих рассуждениях и выводах на результаты многочисленных социологических опросов сельского населения и экспертов. В данной монографии авторы сфокусировали свое внимание на анализе результатов социологического обследования, проведенного в 2011 г. в Алтайском крае и Республике Алтай при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-03-0667а) и за счет средств государственной поддержки, выделенных Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 года № 300–рп (договор № 001/К от 11.01.2011). Кроме того, для формирования объективной основы исследования использовались данные государственной и муниципальной статистики, а также результаты анализа федеральных и региональных законов, стратегических документов и программ, касающихся проблем сельской бедности.

Предлагаемая читателю коллективная монография состоит из трех разделов, один из которых отражает теоретическое представление и методологию исследования бедности в сельской России, а в остальных содержатся эмпирические результаты, завершающиеся авторскими рекомендациями по совершенствованию политики преодоления бедности на селе. Первый раздел книги посвящен теоретико-методологическим и методическим аспектам анализа бедности как социологической категории. Здесь описываются различные подходы к ее определению и измерению бедности, дается общая характеристика факторов формирования и преодоления сельской бедности. В результате авторы определяют теоретико-методологические основания анализа бедности сельского населения, учитывающие специфику данного явления. Это позволяет разработать оригинальную методику изучения процессов формирования и механизмов преодоления бедности в сельской России.

Второй раздел начинается с анализа динамики бедности и социального расслоения жителей России и регионов аграрной специализации с начала рыночных реформ, выделены особенности развития данных процессов в Алтайском крае и Республике Алтай. Далее представлены результаты социологического анализа масштабов, глубины и динамики бедности сельского населения в указанных регионах; рассматриваются различные формы социальной исключенности сельских жителей (по качеству и структуре питания и непродовольственных товаров, обеспеченности и качеству жилья, доступности услуг образования, здравоохранения и др.).

Во втором разделе читателю предстоит познакомиться также с оценкой социально-экономического положения и поведения сельских бедных в сфере труда и занятости, в т.ч. занятых, безработных и экономически неактивных, рассматриваются различные варианты адаптации сельских бедных на рынке труда. Отдельная глава посвящена анализу территориальных, демографических, профессионально-трудовых и доходно-потребительских характеристик социального положения сельской молодежи в Алтайском крае и особенностям его изменения с начала 2000-х гг.

Третий раздел обобщает результаты социологического исследования факторов возникновения и преодоления сельской бедности. Внимание фокусируется на социально-экономической активности сельских жителей как одном из основных механизмов формирования и преодоления бедности. Представленную типологию бедных сельских жителей по социально-экономическому положению и активности авторы предлагают рассматривать как инструмент формирования дифференцированных политик преодоления бедности. Репродуктивные и миграционные установки сельских жителей характеризуются как важнейшие последствия бедности, определяющие современное состояние и перспективы воспроизводства сельского социума, его возможности в модернизации экономики.

Последние две главы третьего раздела посвящены политике преодоления бедности в сельской России, начиная с изложения исторических особенностей и далее акцентируя внимание на ее современных проявлениях и пер-

спективных направлениях. Дается оценка не только государственной политике, но и роли сельского сообщества в решении проблем бедности, в т.ч. бизнеса и общественных организаций. В завершении авторы представляют рекомендации по совершенствованию государственной и муниципальной политики сокращения сельской бедности, касающиеся сферы труда и занятости, поддержки сельского бизнеса и сельхозпроизводителей, развития сельской социальной инфраструктуры, молодежной политики, и предлагают особые меры по реализации комплексного подхода к решению проблем сельской бедности.

Авторский коллектив выражает свою признательность научному экспертному сообществу АНО «Институт социального проектирования», чьи принципиальные замечания помогли улучшить качество методики, инструментария исследования и повысить надежность результатов при реализации проекта в 2011 г., а также рецензентам монографии – докторам социологических наук, профессорам *А.Я. Троцковскому* и *С.Г. Максимовой* – за предложения по доработке монографии, позволившие усилить научную ценность работы.

Мы выражаем благодарность *М.М. Анисимовой, С.В. Неризько, Ю.А. Перекаренковой* и *С.В. Рзаевой* за высокое качество организации сбора и обработки социологической информации, нашим интервьюерам – магистрантам и студентам факультета социологии Алтайского государственного университета и студентам Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, проявившим ответственность и искреннюю заинтересованность в получении качественной социологической информации, а также *С.В. Рзаевой* – за большую помощь в подготовке рукописи монографии к изданию.

Также коллектив авторов благодарит всех руководителей и специалистов федеральных и региональных органов управления, органов местного самоуправления сельских территорий Алтайского края и Республики Алтай, а также руководителей сельских хозяйств и общественных организаций, выступивших экспертами в данном исследовании, всех респондентов – сельских жителей, принявших участие в выборочных опросах. Особую благодарность мы выражаем *Т.С. Абакумовой, Ю.А. Вислогузову, Н.П. Даниловой, Ю.А. Ковалевой, А.Г. Назарчуку, Н.В. Оськиной, С.Н. Серову* и д.с.-х.н., проф. *В.П. Часовских* за участие в глубинном интервью и за высокопрофессиональную оценку происходящих социальных и экономических процессов в алтайских селах и реализации политики по преодолению бедности.

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1.1. Бедность как категория социологического анализа: генезис исследований и современное представление

Генезис исследований бедности. Эволюция взглядов на бедность прослеживается через всю историю развития человеческой мысли. Мыслители убеждены в естественности происхождения бедности (Ксенофон, Конфуций, Аристотель и др.), в негативном влиянии данного явления на государство (Конфуций, Платон, Аристотель, Макиавелли, Бентам, Руссо, Гегель и др.). Бедность является следствием недостатка производимых благ (Ибн Хальдун, Мальтус), индустриального развития общества (А. Смит). Социал-дарвинизм связывает бедность с соотношением темпа прироста населения с темпом прироста жизненных благ, определяющих прожиточный минимум. С позиции эгалитаризма бедность – это социальное зло, которое должно быть преодолено, например, посредством уравнительного распределения благ[1]. По мнению К. Поланьи, чтобы справиться с распространением бедности, нищеты, человек либо обречен остановить процесс размножения собственного рода, либо сознательно приговорить себя к уничтожению через войну, мор, голод и порок[2].

Проблемы бедности находятся в центре внимания российских и зарубежных ученых. Значительный теоретический вклад в их изучение внесли Г. Беккер, М. Вебер, Б. Гидденс, Г. Зиммель, К. Маркс, Т. Парсонс, М. Грановеттер, Дж. Скотт, А. Этциони и др. Среди современных зарубежных работ следует выделить исследования бедности как социальной эксклюзии от средств существования, социальных сетей как механизмов ее формирования и преодоления, методов борьбы с бедностью в условиях политики социального государства, «государства благосостояния» (J. Berghman, H. Bolderson, J.-M.Bonvin, M. Diewald, D. Gallie, W. Hanesch, C. Jencks, C. Kerr, R. Layte, T. Marshall, D. Mayes, D. Mabbett и др.).

В России изучать явление бедности стали только со второй половины XIX века. Статистика бедности и нищеты собиралась попечительскими комиссиями и земской статистикой, изучавшими быт низов (В. Орлов, В. Яковенко, А. Петровский и др.). Описание обездоленных слоев русского общества (в том числе на основе личных наблюдений) можно найти у В. Берви-Флеровского, К. Пажитного, М. Туган-Барановского[3].

---

[1] Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2009. С. 5-7.

[2] «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 261.

[3] Голосенко И.А. Нищенство как социальная проблема // Социс. 1996. № 7. С. 27-28.

В советской России подобные исследования не проводились, так как бедность не считалась проблемой государственного управления, связывалась в первую очередь с личностными особенностями человека и семьи. Со временем стало понятно, что эта проблема не индивидуально-личностная, а общественная. Но термин «бедность» как таковой не использовался, говорили о малообеспеченности, критерием которой считался установленный государством в абсолютном размере уровень среднедушевого совокупного дохода. Только с 1980-х гг. появляется множество работ по проблемам занятости, пенсионного обеспечения, материальных компенсаций различным социальным группам, низкой оплаты труда, авторы которых связывают эти проблемы с малообеспеченностью.

Современные отечественные исследования по проблеме бедности можно условно разделить на две группы:

- теоретические и эмпирические исследования бедности как проявления социально-экономической стратификации российского общества в условиях его трансформации, проводимые социологами новосибирской экономико-социологической школы (Т.И. Заславская, Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина и др.);
- эмпирические, прикладные исследования уровня и качества жизни населения для определения масштабов и динамики бедности, для выявлений стратегий поведения различных социальных групп, оказавшихся в состоянии нужды; мониторинги общественного мнения россиян об их уровне жизни для принятия решений в области социальной политики; выработка рекомендаций по преодолению или смягчению проблемы бедности и повышению благосостояния граждан (А.Л. Александрова, Л.Н. Овчарова, Л. Ржаницина, С.В. Шишкин, Л.В. Бондаренко и др.).

Методологические подходы к измерению бедности разработаны такими российскими учеными, как Римашевская Н., Роунтри Б.С., Сен А., Таунсенд П., Хансен Е. и др. Эмпирическим исследованиям бедности (изучению масштабов, динамики, глубины, ее основных характеристик, факторов и механизмов) посвящены работы Богомоловой Т., Волчковой Л., Заславской Т., Зубаревич Н., Малевой Т., Можиной М., Овчаровой Л., Поповой Д., Тапилиной В. и др.

Отечественными исследователями рассмотрено положение отдельных групп сельских бедных. Проблемам сельской молодежи, сопряженным с бедностью, посвящены работы Абдоковой А., Силласте Г. Положение стариков на селе изучено Бахтуриной Л., Великим П., Елютиной М., Коростелевой О., Штейнберг И. и др. Проблемы семей (в частности, приводящие к сокращению рождаемости), в том числе и сельских, поднимались Балабановым С.С., Отделкиной Н.Т., Саралиевой З.Х., Ушаковой М.В. и др.

Исследованием факторов и механизмов формирования и преодоления бедности сельского населения занимались Бондаренко Л., Гальмукова Е., Молчанова Е., Морозова Т.В., Нечипоренко О.В., Никифорова Е., Нысанбаев А.Н., Овчарова Л., Огнивцев С., Серова Е.В., Фадеева О. и др. Вопросы

развития личного подсобного хозяйства как фактора преодоления бедности сельского населения поднимались Бойко А., Кутенковым Р., Мельниковой Н., Морехановой М., Прониной Г., Соскиевой Е., Ястребинской Г., Шуклиной З. и др. Аграрная реформа как фактор формирования бедности рассматривалась Великим П., Калугиной З., Никулиным А., Пациорковским В., Староверовым В., Хагуровым А. Шелепа А. и др. Вопросы формирования социальных лифтов (как фактора преодоления бедности) в России поднимались в трудах Беляевой Л., Горюновой С., Малевой Т., Тихоновой Н. и др.

Исследованиям политики преодоления бедности посвящены работы Зубаревич Н., Ибрагимовой Д., Ракитского Б., Смирнова С., Ярской-Смирновой В. и др. Политика преодоления бедности сельского населения изучалась Бочаровой Е., Великим П., Гатауллиной Р., Кундиус В., Обыденным П., Роговской Н., Сидоркиной З., Уваровой Е., Фисенко Н., Харитоновым Н., Яновым В. и др.

Бедность: понятие, основные аспекты исследования и формы проявления. В исследовании категории бедности традиционно выделяется *экономический (материальный) аспект*. Ключевой характеристикой бедности здесь является доход, он определяет **материальное положение** человека и является одним из важнейших элементов его **социально-экономического статуса** в обществе (по М. Веберу, наряду с властью, образованием, престижем), выступающего обобщенным индикатором стратификации.

В энциклопедическом словаре бедность определяется как «социально-экономическое явление, выраженное в недопустимо низком уровне жизни, измеряемом по объему текущих доходов и расходов, нижним пороговым значением которого является установленный в данной стране прожиточный минимум»[1]. Исходя из этого определения бедность – объективная категория, зависящая от установленного в стране прожиточного минимума. В современном экономическом словаре бедность – это крайняя недостаточность имеющихся у человека, семьи, региона, государства имущественных ценностей, товаров, денежных средств для нормальной жизни и жизнедеятельности[2].

Вместе с тем бедность можно рассматривать не только в экономическом контексте, в отношении физического существования, но и с позиции *социокультурного аспекта*. Так, в Большом толковом социологическом словаре бедность определяется как отсутствие не только достаточных материальных, но и культурных ресурсов для поддержания здорового существования[3]. В Социологическом энциклопедическом словаре понятием ***бедность*** обозначается состояние нужды, нехватки жизненных средств, не позволяющее удовлетворить насущные потребности индивида или семьи[4]. В этом от-

---

[1] Социология: энциклопедический словарь / пред. Г.В. Осипова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 35.

[2] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 с.

[3] Большой толковый социологический словарь. Том 1. (А-О). Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 2001. С. 47-48.

[4] Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. 480 с.

ношении нам близка позиция Н.Д. Вавилиной, которая, говоря о бедности как о социально-психологическом состоянии, представила ее как отсутствие доступа личности к совокупности материальных, социальных и духовных благ, имеющихся в данном обществе в данное время, неудовлетворенность социальных интересов, и на основе (в рамках) которого формируются чувства социального дискомфорта, социальной несправедливости и социальной напряженности[1].

В последнее время в условиях активного развития информационных технологий и учений, связанных с информационным обществом, наряду с материальным и культурным (духовным) аспектами в трактовке бедности появился также новый аспект – информационный, исследователи говорят в необходимости анализа информационной бедности.

Бедность обоснованно рассматривается исследователями во взаимосвязи с понятием *богатства*. В дихотомии «бедность-богатство», по мнению Л.Т. Волчковой и В.Н. Мининой, бедность в широком смысле представляет собой состояние, при котором возникает несоответствие между достигнутым уровнем удовлетворения потребностей в том или ином сообществе и возможностями их удовлетворения для отдельных социальных групп, слоев населения. Бедность характеризуется неразвитостью самих потребностей, стремлением удовлетворять материальные потребности и нужды в ущерб духовным и социальным, нарушением (разрывом) социальных связей. Это приводит к низкой материальной обеспеченности отдельных групп людей, к изменению их системы ценностей, к формированию особого социального мира и своей культуры (субкультуры бедности), жизненного стиля, диссонирующего с общепринятым, утвердившимся в обществе, что вызывает угрозу нормального его функционирования[2].

Богатство же, с точки зрения данных исследователей, характеризует многогранность, развитость общественных потребностей и социальных связей[3]. Действительное богатство общества заключается в культивировании всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями. Согласимся с Людвигом фон Мизесом в том, что богатство – не бесплатный дар природы, оно завоевывается людьми, сотрудничающими в общей системе разделения труда. Мизес пишет по этому поводу: «Что касается распределения богатства, нелепо было бы ссылаться на какой-либо божественный или природный принцип справедливости. Дело здесь не сводится к распределению доли из общего фонда, предоставляемого человеку природой. Скорее,

---

[1] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 49.

[2] Волчкова Л.Т., Минина В.Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социс. 1999. № 1. С. 52.

[3] Волчкова Л.Т., Минина В.Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социс. 1999. № 1. С. 52.

речь идет о том, чтобы развивать те социальные институты, которые позволяют продолжать и расширять производство всего необходимого человеку»[1].

Важным аспектом исследования бедности и богатства является вопрос о *неравенстве*. В Социологическом словаре неравенство трактуется как неодинаковый доступ больших социальных групп людей (страт, слоев, сословий, каст, классов) к экономическим ресурсам, социальным благам и политической власти[2]. В анализ экономического неравенства внесли заметный вклад ученые, разработавшие теорию человеческого капитала (Г. Беккер, К. Маркс, У. Петти, Д. Рикардо, А. Смит, К. Шмалензи, Т. Шульц, И. Фишер и др.). По Г. Беккеру, человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека, здравоохранение, миграцию, поиски информации о ценах и доходах[3]. Согласно концепции человеческого капитала, стратегия рациональных семей такова: инвестировать сначала в человеческий капитал детей, поскольку отдача от него сравнительно больше, а затем, когда по мере убывания она сравнивается с нормой доходности прочих активов, переключаться на инвестирование в них, чтобы впоследствии передать эти активы детям[4].

С категорией бедности тесно связано понятие *уязвимости*, причиной либо следствием которой являются ограничения в доступе людей к различным жизненно важным ресурсам. Обращаясь к этим понятиям, Л.Н. Овчарова четко разделяет понятия бедности и уязвимости, отмечая, что к уязвимым относятся группы населения, которые испытывают ограничения в доступе к таким жизненно важным ресурсам, как доходы, образование и здравоохранение, а бедные – это те, кто ограничен в доступе к доходам[5].

Бедность населения является одним из элементов *депривации*. Последняя представляет собой недостаток экономических и эмоциональных опор, общепринятых в качестве базисных основ человеческого опыта (доход, обеспеченность жильем, родительская забота о детях или адекватная ей замена)[6]. Депривация увеличивает риск бедности населения, следовательно, может являться одной из ее причин. По мнению К. Оппенгейма и Л. Харкера, бедность влияет на все аспекты существования индивида, хотя не обязательно бедные страдают от ущербности всех сторон нормального существования, но

---

[1] Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: «Дело» при участии изд-ва «Catallaxy», 1993. С. 211.

[2] Социологический онлайн-словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://www.online-dics.ru/slovar/soc/n/neravenstvo.html.

[3] Зайцева А.Н., Рахимова Л.Р. Формирование и развитие теории человеческого капитала в западной экономической мысли // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С.152.

[4] Зайцева А.Н., Рахимова Л.Р. Формирование и развитие теории человеческого капитала в западной экономической мысли // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С.153.

[5] Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 1.

[6] Большой толковый социологический словарь. Том 1. (А-О). Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 2001. С. 173.

часто их лишения действительно многомерны по сравнению с теми, кто обеспечен лучше, чем они[1].

Амартия Сен в труде «Развитие как свобода»[2] рассматривает бедность скорее как *отсутствие базовых возможностей*, чем наличие низкого дохода. Нищета, скудость экономических возможностей и постоянные социальные лишения, убожество структур, обслуживающих население, с позиции А. Сена, входят в число главных источников несвободы. Отсутствие элементарных возможностей, по мнению ученого, приводит к ранней смертности, серьезному недоеданию (особенно это верно в отношении детей), постоянным болезням, массовой неграмотности и прочим бедам. А. Сен отмечает, что мировое сообщество на современном этапе отказывает в элементарных правах огромному числу людей. Но жить действительно долго (а не погибать в расцвете сил) и жить хорошо (а не в нищете и угнетении) желают почти все люди. Доход и богатство желанны потому, что они, как правило, являются чудесным и универсальным средством обрести большую свободу – свободу жить, с вполне здравой точки зрения, «хорошо». А. Сен справедливо утверждает, что важно уяснить ключевую роль материального благополучия в создании условий и качества жизни, а также понять сущность этой взаимосвязи и то, каким влияниям она подвержена.

К основным формам несвободы, от которых могут страдать люди, А. Сен относит вспышки массового голода, недоедание, отсутствие доступа к чистой воде, жизнь в антисанитарных условиях, лишения реализации основных прав на здравоохранение, профессиональное образование и хорошо оплачиваемую работу, экономическую и социальную безопасность, неравенство между мужчинами и женщинами, систематическое нарушение политической свободы и элементарных человеческих прав. Ученый, анализируя проблему массовой безработицы Европы (10-12%), отмечал, что она приводит не только к недостатку доходов (что частично может быть компенсировано системой социальной защиты), но и к таким негативным последствиям, как «социальная отверженность» некоторых групп, а также утрата самоуважения, уверенности в себе, потеря психического и физического здоровья. Существует связь между смертностью и уровнем доходов: А. Сен указывал, что степень обездоленности некоторых групп в очень богатых странах сравнима со степенью обездоленности в так называемом «третьем мире».

Мы согласны с А. Сеном в том, что доход не является единственно надежным индикатором благосостояния и качества жизни. Нельзя отрицать, что «скудость» индивидуальных возможностей тесно связана с недостаточным доходом, и эта связь двояка: низкий доход часто становится главной причиной неграмотности и плохого здоровья, а также голода и недоедания, и,

---

[1] Oppenheim C, Harker L. Poverty: the Facts. L., 1996. P. 88.

[2] Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ., под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое изд-во, 2004. 432 с.

наоборот, повышение уровня образования и укрепление здоровья способствуют получению более высоких доходов[1].

Бедность также коррелирует с понятием *социальной эксклюзии (исключенности)* как одной из форм ее проявления. Изучение лишений, социальной исключенности является методологически важной компонентой анализа процессов бедности, поскольку, по словам Н. Лумана, «преобладающими являются не отношения иерархии, а отношения включения и исключения, … это относится не к стратификации, а к функциональной дифференциации»[2].

Термин «социальная эксклюзия» впервые стал использоваться в 1974 г. во Франции для обозначения социально незащищенных категорий населения (умственно и физиологически зависимых, склонных к суициду, одиноких родителей, пожилых инвалидов, маргиналов, детей-сирот, асоциальных личностей и др.)[3]. Ф.М. Бородкин выделил два подхода к интерпретации социальной эксклюзии – французский и англосаксонский[4]. Французский – ориентирован на социальную солидарность, интеграцию (инклюзию) граждан в общественную жизнь; и эксклюзия в этом случае рассматривается преимущественно как следствие групповой монополии, принудительности социального порядка, служащего интересам инклюзированных. Согласно англосаксонскому подходу, социальная интеграция трактуется преимущественно как результат свободного выбора отношений как между индивидами, так и между индивидами, с одной стороны, и обществом и государством – с другой. В англо-американском либерализме эксклюзия рассматривается как следствие специализации: социальной дифференциации, экономического разделения труда и общественных сфер. При таком подходе социальная эксклюзия оказывается тесно связанной с проблемами бедности и минимального жизненного стандарта, хотя ими не ограничивается[5].

Мы разделяем точку зрения Ф.М. Бородкина, З.И. Калугиной и других авторов на понимание сути и особенностей проявления данного феномена[6]. При анализе социальной исключенности различают понятия ситуации, состояния и процесса. В основе *ситуации социальной эксклюзии* (*исключенности*)

---

[1] Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ., под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое изд-во, 2004. 432 с.

[2] Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. Основные направления исследований / под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1999. С. 94-109.

[3] Gore Ch. Introduction: Markets, citizenship and social exclusion // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994.

[4] Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Borodkin_Soc_zhur_2000_3.pdf.

[5] Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Borodkin_Soc_zhur_2000_3.pdf.

[6] Преодоление (материалы Международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления») / под ред. Ф.М. Бородкина. Новосибирск, 2000; Бородкин Ф.М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 2003. Гл. 25; др.

лежат объективированные обстоятельства, под ней понимается трудная жизненная ситуация индивида или группы, связанная с недоступностью социальных благ и услуг, а также нарушением социальных прав, соблюдение которых гарантировано нормативно-правовыми (международными, национальными и местными) актами. Как отмечает Ф.М. Бородкин, ситуация социальной эксклюзии близка к ситуации бедности как относительной депривированности, однако понятие социальной эксклюзии шире: последняя может быть связана не только с бедностью, но и с культурно-этническими, экономическими, религиозными обстоятельствами[1].

Состояние социальной исключенности – результат рефлексии, осознания ситуации, оно всегда субъективно и в значительной степени определяется психологическим состоянием индивида, на основе самоидентификации[2]. В связи с этим Ф.М. Бородкин обращает внимание на самоэксклюзию как отказ от активного поиска источника заработка при длительном отсутствии работы, бедности и изолированности от привычного культурного окружения. *Процесс социальной исключенности* рассматривается как последовательность состояний, стадий, уровней, глубины, интенсивности относительной социальной депривированности, или как последовательность обстоятельств, переводящих индивида или группу из нормального состояния в состояние социальной исключенности[3].

Социальная исключенность – понятие, активно используемое прежде всего западными исследователями, во-первых, учитывает не только абсолютные и относительные проявления лишения, но и экономические, политические и иные аспекты положения и активности бедных людей. В частности, в процессе анализа активности бедных социальная исключенность связывает понятия бедности и занятости. Во-вторых, особое значение играет практический аспект концепции социальной исключенности, заключающийся в большем внимании проблемам социальной справедливости и механизмам нарушения социальных прав, их восстановления и защиты.

Как подчеркивают Л.Т. Волчкова и В.Н. Минина, проблема бедности связана с социальными формами отчуждения человека от человека (от общества), от предпосылок и результатов труда, от самого труда, с существенным ограничением потребления основных жизненных благ, с формированием таких условий, при которых субкультура бедных превращается в фактор дестабилизации жизни общества[4].

---

[1] Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Borodkin_Soc_zhur_2000_3.pdf.

[2] Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Borodkin_Soc_zhur_2000_3.pdf.

[3] Сергиенко А.М., Родионова Л.В. и др. Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века. М., 2004. С. 248.

[4] Волчкова Л.Т., Минина В.Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социс. 1999. № 1. С. 53-54.

Помимо указанных, можно выделить множество других проявлений, форм бедности. Так, Н.М. Римашевская выделяет две основные формы бедности *по устойчивости ее сохранения во временном аспекте* – «устойчивую» и «плавающую»: первая форма связана с тем, что бедность, как правило, рождает бедность; вторая форма характеризуется тем, что бедные, предпринимая усилия, отстаивают право на лучшую жизнь[1]. Н.Д. Вавилина рассматривает три формы бедности *по критерию использования собственных либо общественных ресурсов*: «паразитическая бедность», «пассивная бедность» и «активная бедность»[2]. Под «паразитической» бедностью понимается состояние, при котором домохозяйство имеет низкие, как правило, нерегулярные доходы, при этом их основная часть предоставляется либо обществом, либо другими людьми, либо совместно теми и другими. Фактически ситуация характеризуется социальным потреблением чужих ресурсов. Формой проявления является бродяжничество, попрошайничество, «профессиональное нищенство» и т.п. «Пассивная» бедность характеризуется также крайне незначительным количеством потребляемых ресурсов, но в данном случае используются собственные ресурсы. Ограничение ресурсов связано с некоторыми объективно заданными условиями существования индивида или семьи: инвалидность, проживание на территории, относящейся к экономически депрессивным районам либо территории, перенесшей природные, техногенные, социальные катаклизмы. «Активная» бедность также основана на потреблении в основном собственных ресурсов, но для входящих в эту группу людей характерна совокупность действий, позволяющих расширить количество ресурсов, а значит, существует возможность преодолеть состояние бедности.

Вавилина Н.Д. выделяет также *институциональную и фоновую бедность*. Первая имеет как объективные, так и субъективные основания (болезнь, инвалидность, старость, нежелание работать, склонность к алкоголизму), вторая (фоновая) связана с внешними обстоятельствами, например, процессами экономической и политической трансформации общества (смена форм собственности, изменение приоритетов экономического развития, политические и социальные конфликты, природные и техногенные катаклизмы)[3].

Ученые, анализируя бедность, выделяют различные составляющие в ее *структуре.* По мнению Л.А. Гордона, существует три степени абсолютной бедности: нищета, нужда (средняя бедность), необеспеченность (недостаточ-

---

[1] Римашевская Н.М. Социальные исследования экономических трансформаций в России // Социс. 1997. № 6. С. 56.

[2] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 104-106.

[3] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 106-107.

ная обеспеченность, умеренная бедность)[1]. Показателем нищеты является недостаток физиологического минимума средств к жизни. Средний уровень бедности характеризуется достатком средств на простейшие физиологические потребности и отсутствием возможности удовлетворить социальные потребности, даже самые элементарные (что наблюдается, например, при доходах меньше прожиточного минимума, но больше бюджета продовольственной корзины). Умеренная бедность предполагает возможность удовлетворения элементарных потребностей (как физиологических, так и социальных), но при этом неудовлетворенными остаются более сложные и высокие потребности (при доходах в пределах прожиточного минимума и выше, но не существенно выше минимального потребительского бюджета).

В неоклассической теории рассматривается бедность «сильных» – трудоспособных людей и бедность «слабых» – нетрудоспособных. Бедность трудоспособных является результатом добровольного выбора человека, а бедность нетрудоспособных обусловлена физиологическими и социальными причинами, и для ее преодоления необходимы нерыночные перераспределительные меры и социальная защита государства[2]. По нашему мнению, далеко не всегда бедность трудоспособных связана с добровольным выбором людей. Одной из причин бедности работающего населения в России является занятость в низкооплачиваемых сферах экономики.

Подходы к измерению бедности, ее основные индексы. В современной науке выделяют три основных концепции бедности (абсолютная, относительная и субъективная) и на их основе три соответствующих подхода к ее измерению. Каждая концепция предполагает методологическое решение двух принципиальных вопросов: 1) установление черты бедности или того минимального стандарта, уровень ниже которого рассматривается как бедность; 2) определение таких характеристик уровня и качества жизни индивидов, семей (домашних хозяйств), сопоставление которых с чертой бедности позволяет отнести семью или индивида к числу бедных[3].

Абсолютная концепция основывается на установлении минимального перечня основных потребностей (прожиточного минимума) и размера ресурсов, требуемых для удовлетворения этих потребностей[4]. Так, Б.С. Роунтри определял бедность как невозможность удовлетворить основные потребно-

---

[1] Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18-35.

[2] Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 158.

[3] Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Коллективная монография / рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: ГУВ – ШЭ, 2005. 348 с.

[4] Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. / под ред. Т.М. Малевой. Моск. центр Карнеги; Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги, 1998. С. 15.

сти в еде, одежде и жилье[1]. При определении стоимостной оценки прожиточного минимума (черты бедности) он исходил из того, что потребительское поведение бедняков рационально. Однако исследователями было замечено, что предписанные в нормативах уровни потребления складываются при более высоких доходах, чем черта бедности, поскольку люди не всегда ведут себя рационально в отношении расходов[2].

Для международных сравнений по методике ООН индикатором крайней бедности является потребление, стоимость которого в расчете на душу не превышает 1 доллара США в день для стран с теплым климатом и 2,15 доллара в день для стран с холодным климатом[3]. По методике Всемирного Банка потребление на душу населения менее 1 доллара в день означает уровень крайней бедности; для стран Карибского бассейна принята черта бедности в 2 доллара расходов в день, для стран Восточной Европы и СНГ – 4 доллара, для стран с переходной экономикой – 4,3 доллара, 11,4 долларов для развитых стран[4]. Оценки такого уровня потребления осуществляются в соответствии с паритетом покупательной способности национальных валют по отношению к доллару США. В Программе ООН «Глобальные цели задачи развития тысячелетия» первой целью является ликвидация крайней бедности и голода путем сокращения в два раза доли населения с доходами менее 1 доллара в день.

В России черта бедности определяется официально Федеральной Службой государственной статистики на основе ***абсолютной концепции бедности***. Бедными (малоимущими) считаются те российские граждане (домохозяйства) с доходами ниже стоимости прожиточного минимума[5].

С начала рыночных реформ в России использовались две различные методики определения величины прожиточного минимума. С 1992 по 1999 гг. величина прожиточного минимума устанавливалась на основе комбинированного или нормативно-статистического метода, в котором питание рассчитывалось по нормативам, а непродовольственные товары и услуги – по их доле в общих потребительских расходах малоимущих семей. С 2000 г. величина прожиточного минимума определяется полностью нормативным методом[6]. Абсолютная концепция имеет преимущества при измерении бедности

---

[1] Адресная социальная помощь. Теория. Практика. Эксперимент / [Бочкарева В.К., Брейтвейт Ж., Волкова Г.Н. и др.]; под ред. Н.М. Римашевской; М.: ИСЭПН РАН, 1999. С. 15.

[2] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 53.

[3] Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 2.

[4] Попов Н.П. Как измерить бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.indem.ru/PUBLICATII/Popov/KakIzmerBedn.htm.

[5] Федотовская Т.А. Проблема бедности в современной России / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213).

[6] Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 3.

для сопоставления данных по разным регионам страны, а также для анализа динамики уровня бедности в стране в целом и в ее отдельных регионах. Однако использование этого подхода для оценки бедности сельских жителей затруднено в связи с тем, что в России не ведется статистика бедности сельского населения.

По мнению Т.Ю. Богомоловой, В.С. Тапилиной в качестве основной переменной для изучения материального положения населения выступают денежные доходы[1]. Авторы анализировали денежный доход не в рублях, а в количестве прожиточных минимумов, приходящихся на одну потребительскую единицу. По мнению ученых, деление величины доходов жителей различных регионов на величину регионального прожиточного минимума позволяет выделить в каждом из регионов группу населения с уровнем доходов ниже величины регионального прожиточного минимума и более корректно сопоставить доходы населения различных регионов страны[2].

Согласно ***относительной концепции бедности,*** на которую ориентируются европейские государства, к бедным относятся те, чей уровень жизни существенно отличается от стандарта, преобладающего в стране. В данном случае экспертными и социологическими методами оценивается преобладающий стандарт жизни и уровень жизни социальных групп с существенным отклонением от стандарта[3]. Исходя из этой концепции бедность – это недостаток средств для удовлетворения стандартных потребностей. ***Относительно бедные*** с таким уровнем жизни не могут позволить себе того, что имеет основная масса граждан[4], и поэтому они ощущают некоторое состояние *исключенности* (социальной эксклюзии) из сложившегося в стране стиля и образа жизни. Отклонения от сложившегося в обществе уровня потребления обозначаются понятием лишения, депривации. И бедность семьи понимается как высокая степень концентрации различных лишений[5], а черта бедности определяется как доля от величины среднего дохода всего населения. Одним из основателей такого подхода можно считать английского исследователя П. Таунсенда, который считал, что бедность можно объективно измерить только в терминах относительных лишений. Экспертным путем он

---

[1] Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2006. Т. 22. С. 90-113.

[2] Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2006. Т. 22. С. 90-113.

[3] Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 160.

[4] Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 1.

[5] Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Коллективная монография / рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: ГУВ – ШЭ, 2005. 348 с.

определил потребности, к удовлетворению которых при желании должны иметь доступ все граждане и недостаток которых определяется как лишение[1].

Согласно подходу, разработанному учеными Лейденского университета в Нидерландах в 1970-х гг., люди сами по себе являются лучшими судьями относительно того, что считать бедностью. Исследователи относят этот подход к субъективной оценке бедности[2]. Мы согласны с Н.М. Давыдовой в том, что в современных условиях, когда доход перестает быть единственным мерилом реального потребления, бедность может трактоваться, в частности, как определенное самоощущение себя в социуме[3].

Субъективная бедность определяется на основе собственных оценок населением своего материального положения, возможностей платить за питание, одежду обувь и другие предметы повседневного пользования, мебель и бытовую технику, жилье, лекарства, образование и т.п. Согласно субъективной концепции представления о минимально необходимом доходе определяются мнением населения[4]. С позиции специалистов ВЦИОМ (Н.В. Бондаренко, Л.Г. Зубова, Н. Ковалева), субъективный подход – скорее индикатор политической устойчивости реформ, чем критерий фактического материального положения[5].

Кроме трех вышеназванных в литературе выделяется ряд других концепций измерения бедности. *Концепция развития человеческого потенциала* не сводит измерение бедности к оценке доходов[6]. Чтобы оценить бедность, используется концепция недостатка возможностей (лишений) в удовлетворении базовых потребностей. В индексах нищеты выделяется три элемента человеческого развития: долголетие, образование и адекватные условия жизни. Конкретные показатели дифференцированы для развитых и развивающихся стран.

В рамках *концепции аккумулированной депривации*, предложенной норвежским социологом Е. Хансеном в 1979 г., для измерения бедности осуществляется не просто изучение благосостояния индивида (либо семьи), но и подсчет количества проблем, с которыми он сталкивается (материальный доход, занятость, социальные отношения, образование и т.д.)[7].

---

[1] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 54.

[2] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 56.

[3] Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социс. 2003. № 6. С. 88.

[4] Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 160.

[5] Бондаренко Н.В. Интерпретация субъективных оценок личного материального благосостояния // Экономические и социальные перемены. 1997. № 6. С. 25-30.

[6] Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд 2-ое, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 161.

[7] Латова Н. Бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/BEDNOST.html.

Поскольку суть депривационного подхода в оценках бедности состоит в анализе депривации, лишений и ограничений в социальной жизни, которые в действительности испытывает и от которых страдает определенная доля населения, использование данного подхода предполагает применение не только материальных, но и социальных индикаторов с целью определения качественного «порога», ниже которого недостаточность доходов приводит индивида или домохозяйство на грань выпадения из привычных социальных связей и общепринятого образа жизни большинства населения определенного региона или страны[1].

Н.М. Давыдова в оценках бедности с использованием депривационного подхода разграничивала количественную и качественную стороны депривации. Качественное направление включает четыре ступени: нищета (недоедание, недостаток денег на средства гигиены, одежду, самые необходимые предметы длительного пользования), острая нуждаемость, или бедность (низкое качество питания, нехватка одежды и обуви, отсутствие возможности сделать ремонт, обновить необходимую мебель, приобрести жизненно необходимые медицинские средства, ограничение возможности приглашения гостей, выхода в гости), стесненность, или малообеспеченность (нехватка средств на любимые деликатесы, подарки близким, снижение качества досуга, отказ от платных услуг), близкие к средним жизненные стандарты (необеспеченность социальной нормой жилья, экономия на дорогих предметах длительного пользования, платных образовательных, рекреационных услугах)[2].

Важными характеристиками измерения бедности являются ее *масштабы и глубина*. Г.Б. Челнокова определяет масштаб бедности как долю населения страны, проживающего у официальной черты бедности, выраженной в процентах[3]. Глубина бедности представляет собой величину недостающего дохода для той или иной группы бедных. Анализируя уровень бедности, помимо малообеспеченности, при которой доходы ниже величины прожиточного минимума, следует выделить ее крайнюю форму: носители крайней бедности имеют среднедушевые доходы в два и более раз ниже величины прожиточного минимума.

Л.И. Ниворожкина, Л.Н. Овчарова и Д.О. Попова считают, что в некоторых случаях кроме индекса численности бедного населения важно использовать *показатель дефицита дохода*. Он позволяет оценить эффект от реализации социальных программ, направленных на улучшение материального положения бедных в том случае, когда получатели помощи не покидают группу бедных[4].

---

[1] Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социс. 2003. № 6. С. 90-91.
[2] Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социс. 2003. № 6. С. 92-93.
[3] Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2009. С. 18.
[4] Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 7.

Для определения дефицитности материального положения домохозяйств А.Е. Суринов считает возможным использование не их доходов, а расходов. Поскольку установлено, что население склонно занижать свои доходы, в качестве базового показателя для сравнения с границей бедности лучше использовать показатель располагаемых ресурсов домохозяйств, который соответствует сумме денежных доходов и стоимости потребленных товаров собственного производства и полученных в дар[1].

В *индексе бедности*, разработанном А. Сеном, соединен абсолютный и относительный методы оценки: S = L(N+d/P *Gp), где L – доля бедного населения, N – средний дефицит дохода в процентах к границе бедности, d – средний доход бедных домохозяйств, P – граница бедности, Gp – коэффициент Джини для бедных. Индекс бедности Сена А. позволяет более точно провести абсолютную черту бедности при разработке и реализации политики борьбы с бедностью, соотнесенной с возможностями государства в оказании социальной помощи[2].

Как пишет Н.П. Попов, есть *многокомпонентный показатель*, соответствующий *расширенному толкованию бедности*. Он включает душевой ВВП, динамику инфляции за год, ожидаемую продолжительность жизни при рождении и грамотность[3].

По мнению А.А. Подузова, для каждого типа домохозяйства (одиночки, семейные пары без детей или с детьми, старики и др.) должна быть своя граница бедности, зависящая от числа и состава его членов и нормативов потребления[4].

Исследователи предлагают различные *классификации подходов к измерению бедности*. Так, Н.П. Попов выделяет три основных подхода к измерению бедности. Один состоит в *оценке потребления населением основных продуктов питания, товаров первой необходимости и одежды*. Второй подход содержит *официальную статистику доходов и расходов населения*, определяемую государственным статистическим органом на основании переписей населения, а в промежутке между ними с помощью ежегодных выборочных опросов домохозяйств страны. Третий подход – это *массовые опросы общественного мнения*, которые оценивают не столько физические показатели доходов и расходов, сколько оценки людей своего материального благосостояния, материальных проблем и образа жизни[5].

---

[1] Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 312-313.

[2] Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 160.

[3] Попов Н.П. Как измерить бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.indem.ru/PUBLICATII/Popov/KakIzmerBedn.html.

[4] Подузов А.А. Измерение бедности (зарубежный опыт) // Проблемы прогнозирования. 1996. № 4. С. 100-108; № 5. С. 100-114.

[5] Попов Н.П. Как измерить бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.indem.ru/PUBLICATII/Popov/KakIzmerBedn.html.

А.Е. Суринов считает, что все методы построения границы бедности можно разделить на четыре типа: *нормативные* (установление государством норм потребления в соответствии с рекомендациями экспертов или в соответствии со своими ресурсными возможностями), *статистические* (расхождение в уровне жизни у различных слоев населения), *социологические* (на основе обработки мнений населения о степени собственной материальной недостаточности) и *смешанные* (комбинации описанных выше трех или двух подходов)[1].

Наиболее широкий перечень методов оценки бедности представлен В.В. Парамоновым, Н.Д. Вавилиной и др. Ученые выделяют следующие методы: 1) *статистический*: в качестве бедных рассматриваются либо 10-20% населения в общем ряду его распределения по размерам получаемых душевых доходов, либо часть этого ряда; 2) *нормативный:* по нормам питания и иным стандартам минимального потребительского набора; 3) метод *лишений*, рассчитывающий недопотребление важнейших продуктов и товаров; 4) *стратификационный*: к бедным относят людей, априорно ограниченных в возможностях самообеспечения (старики, инвалиды, члены неполных и многодетных семей, дети без родителей, безработные, иммигранты и т.п.); 5) *эвристический*, выявляющий достаточный или недостаточный уровень жизни исходя из общественного мнения или с позиции самого респондента; 6) *экономический*, определяющий категорию бедных ресурсными возможностями государства, направленными на поддержание их материальной обеспеченности[2].

* * *

Таким образом, проведенный анализ теоретических аспектов исследования бедности позволил сделать следующие выводы. Категория «бедность» наполнена богатым содержанием, у ученых нет однозначных представлений о происхождении и последствиях этого явления. Традиционно бедность рассматривалась в основном как негативное явление, имеющее естественное происхождение, ее связывали с материальным аспектом жизнедеятельности человека. В дальнейшем понятие бедности наполнилось и другим содержанием, включая социокультурный аспект. В последнее время ученые говорят об информационной бедности. В нашем исследовании для решения поставленных задач анализа бедности сельского населения мы будет использовать элементы традиционного подхода, учитывать доходы как важный фактор формирования бедности.

Неоднородность бедности иллюстрируют представления ученых о ее структуре и формах, выделяются разные степени бедности по уровню обеспеченности, по основаниям пребывания в таком состоянии и др.

---

[1] Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 312 с.

[2] Бочарова Е.В. Основные направления преобразований на селе и перспективы социальной политики // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 88-90.

1.2. Методологические подходы к изучению бедности сельского населения

Бедность – это явление, которое изучается давно, и за это время в социологической науке сложилось множество различных подходов к ее изучению. Остановимся на наиболее разработанных, апробированных, имеющих значительную историю применения: стратификационном, социоструктурном, деятельностно-активистском, институциональном, социокультурном, транзитивном, рисковом подходах.

Стратификационный подход. В основе стратификационного подхода лежит слоевая дифференциация общества. Одну из моделей дифференциации общества, на которой основаны современные теории стратификации, предложил М. Вебер. Он утверждал, что тип стратификации зависит от статуса (уровня социальной оценки индивида, группы), сословия (социальной группы, в которой индивид рожден), власти (способности осуществлять свои намерения в обществе вопреки сопротивлению других), стиля жизни (способа жизни различных групп в обществе)[1].

Бедность сельского населения является характеристикой соответствующего статуса. Основными критериями статуса общественных групп, а соответственно, и социальной стратификации общества считаются, по мнению Т.И. Заславской, политический, экономический, социокультурный потенциалы и социальный престиж[2]. Политический потенциал выражается в объеме властных и управленческих функций; экономический – проявляется в масштабах собственности, доходов и в уровне жизни; социокультурный – отражает уровень образования, квалификации и профессионализма работников, особенности образа и качества жизни. Социальный престиж является концентрированным отражением названных выше признаков. Все эти критерии взаимосвязаны, но вместе с тем они образуют относительно самостоятельные «оси» стратификационного пространства[3].

На материальное положение индивида оказывает значительное влияние уровень дохода семьи, в которой он рожден и воспитывался. Бедным свойственен определенный стиль жизни, который привел к такому состоянию и не позволяет из него вырваться. Бедность является одним из полюсов социального неравенства (другой полюс – богатство – высокий уровень материального благосостояния)[4].

---

[1] Социология управления: учебник / под общ. ред. В.Э. Бойкова. М.: Изд-во РАГС, 2006; Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York: Free Press, 1957.

[2] Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/saslavskaja_soc/.

[3] Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/saslavskaja_soc/.

[4] Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь / ред. кол.: Мчедлов М.П. и др.; Авт. кол.: Андреев А.Л. и др. М.: Республика, 2001. С. 17.

П. Сорокин выделял четыре группы факторов, выступающих объектами социального неравенства, в одну из которых входили такие противоположные понятия, как нужда и социальное богатство (наряду с правами и привилегиями, обязанностями и ответственностью, властью и влиянием)[1].

А.Ю. Шевяков в рамках общего неравенства и неравенства доходов за счет различных источников выделяет нормальное и избыточное неравенство (обусловленное бедностью). Нормальное неравенство (при исключении неравенства, обусловленного бедностью) выступает как оценка неравенства, соответствующего условиям, в которых практически всё экономически активное население имело бы возможность полностью реализовать свой потенциал, а остальной части населения был бы обеспечен вполне приемлемый уровень жизни. Чем выше нормальное неравенство, тем выше продуктивность региональной экономики и тем ниже избыточное неравенство. И чем выше доля нормального неравенства в общем неравенстве, тем выше темп роста экономики региона[2].

В советской социологической науке предположения о стратифицированности советского общества, о наличии в нем «верхов» и «низов», «элиты» и «дна» жестко пресекались. Как отмечает Р.В. Рывкина, исследования реального распоряжения собственностью, дифференциации по размерам дохода и объему власти в СССР не велись, и население страны не знало, из каких групп состояло то общество, в котором оно жило[3].

По мнению Л. Абалкина, требование равенства в нищете является по своей природе реакционным, сдерживает развитие общества. Действительное равенство – равенство исходных условий, открывает возможность каждому своим трудом, умением, мастерством обеспечить благосостояние себе и своей семье. Попытки переложить ответственность за личную необеспеченность на социальную систему создают обстановку внутреннего комфорта, оправдывают безделье, безынициативность, рождают зависимость[4].

Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина отмечают, что высокий уровень экономического неравенства и его последствия являлись острейшей проблемой российского общества в 1990-х гг. Этот период характеризуется массовым относительным обеднением населения, сползанием значительной его части на более низкие ступени экономической иерархии. Анализируя структуру общества с позиции экономического неравенства, ученые учитывали дифференциацию между городом и селом. Бо́льшая часть населения в указанный

---

[1] Социология. Кравченко А.И., Анурин В.Ф., «Питер», 2003, 432 с.

[2] Россия 2002-2005: соц.-демогр. ситуация: XII аналит. доклад / под ред. А.Ю. Шевякова; сост. В.М. Жеребин; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН. М.: Наука, 2008. С. 12-13.

[3] Рывкина Р.В. Советская социология и теория социальной стратификации. М.: Постижение, 1989. С. 33.

[4] Кузнецов В.Н. Социология безопасности: учебник / Институт социально-политических исследований РАН. Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Книга и бизнес. Сер. науч. и уч. литературы «За нашу и Вашу безопасность». Прил. к журн. «Безопасность Евразии», 2003. С. 215-216.

период принадлежала низшему слою. По данным исследований (1998 г.), доля селян – представителей низшего слоя почти на четверть превышала данный показатель в городе, среди представителей среднего низшего слоя горожан в 2,4 раза больше, чем селян. В среднем верхнем слое жителей города в 2 раза больше, чем представителей села. Малочисленный высший слой преимущественно состоял из горожан: их доля превышала долю селян на три четверти[1].

Таким образом, в рамках стратификационного подхода (М. Вебер, Э. Гидденс, К. Маркс, П. Сорокин и др.) бедность рассматривается как одно из проявлений социального неравенства в обществе, деления социальных слоев по уровню доходов и образу жизни, по наличию или отсутствию привилегий. Бедными, заполняющими низшие слои социальной иерархии, становятся люди с низкими доходами и уровнем образования с низким уровнем образования, неквалифицированные рабочие, безработные.

Использование стратификационного подхода при исследовании проблемы бедности сельского населения позволяет проанализировать слоевую дифференциацию общества и выявить слои, в которых концентрируются бедные.

Социоструктурный подход. Проблема бедности может быть рассмотрена в рамках социоструктурного подхода, в основе которого лежит положение человека в иерархической структуре общества. Т.И. Заславская уделяет серьезное внимание исследованию социальной структуры общества, считая ее своего рода «солнечным сплетением» общества[2].

Одной из разновидностей подходов к изучению социальной структуры общества является *классовый подход*. Анализу классовой структуры индустриального капитализма XIX века уделено серьезное внимание в марксистской социологии. К. Маркс анализировал структуру общества в аспекте экономической жизнедеятельности, разделяя общество на тех, кто обладает собственностью на средства производства, и на тех, кто лишен такой собственности. Признавалось существование и других очень больших групп, не нашедших места в этой структуре: крестьяне, мелкая буржуазия, которые, по мнению ученого, будут «размываться» по мере созревания капиталистической системы[3].

Бедность, по мнению К. Маркса, – закономерное явление, порождаемое капиталистическим обществом, ориентированным в первую очередь на увеличение прибыли, а не на повышение материального благосостояния трудящихся. Таким образом, как считал К. Маркс, богатые в капиталистическом

---

[1] Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы: динамический аспект // Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 409-410.

[2] Заславская Т.И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4. С. 7.

[3] Маркс К. Капитал. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 2230 с.

обществе будут богатеть, а бедные – нищать. Чтобы этого избежать, общество должно вернуться к бесклассовой стадии развития.

В социальной структуре общества можно выделить группы, для основной массы представителей которых характерен низкий уровень дохода. По Т.И. Заславской, российское общество состоит из четырех социальных слоев: верхнего, среднего, базового и нижнего, а также десоциализированного «социального дна». Верхний слой – это реально правящий слой. В средний слой входят мелкие предприниматели, полупредприниматели, менеджмент средних и небольших предприятий, среднее звено бюрократии, старшие офицеры, наиболее квалифицированные и дееспособные специалисты и рабочие. К базовому слою относится основная часть интеллигенции (специалистов), полуинтеллигенция (помощники специалистов), служащие из технического персонала, работники массовых профессий торговли и сервиса, а также большая часть крестьянства. Нижний слой в основном состоит либо из пожилых, малообразованных, не слишком здоровых и сильных людей, не заработавших достаточных пенсий, либо из тех, кто не имеет профессий, а нередко и постоянного занятия, безработных, беженцев и вынужденных мигрантов из районов межнациональных конфликтов. Представителями «социального дна» являются преступники и полупреступные элементы – воры, бандиты, торговцы наркотиками, содержатели притонов, мелкие и крупные жулики, наемные убийцы, а также опустившиеся люди – алкоголики, наркоманы, проститутки, бродяги, бомжи и т.д.[1]. В данной структуре бедные встречаются преимущественно не только среди представителей «социального дна» (например, алкоголики, бродяги) и нижнего слоя (например, люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации: лишившиеся здоровья, работы), а также в значительной степени среди базового слоя (крестьяне, служащие с низким заработком).

Т.И. Заславская и другие ученые подчеркивают, что тенденции развития России в годы реформ направлены в сторону углубления социальной поляризации общества. В работах В.Е. Гимпельсона и В.С. Магуна[2] открытая безработица, ситуация высвобождения описаны как старт процессу вынужденной социальной мобильности, проявляющейся в нашем обществе трояко: человек может сохранить, потерять или повысить свой трудовой и социальный статусы.

Т.М. Малева в своих работах отмечает, что российская социальная структура 2000-х включает многочисленный класс бедных (в разных подходах название может меняться, но сущность остается неизменной), который характеризуется нехваткой материальных ресурсов, ограниченностью доступа к социальным благам. Согласимся также с Н. Латовой, по мнению которой бедность, с позиции социоструктурного подхода, является результатом нера-

---

[1] Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/saslavskaja_soc/.

[2] Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 134-149.

венства людей в обществе и неравного распределения материальных благ между ними[1].

Социоструктурный подход примен*и*м для изучения явления бедности в целом и в частности бедности сельского населения. Так, существуют разные группы сельского населения, а также сельских бедных в зависимости от социального статуса (предписанного или приобретенного). Бедность сельского населения связана с низкими доходами, формирующими соответствующий социальный статус. Данный подход позволяет также дифференцированно рассмотреть положение различных групп бедных.

Деятельностно-активистский подход основан на том, что деятельность является определяющим фактором в развитии человека. Согласно М. Веберу, социальные институты должны изучаться социологией в той форме, в какой они становятся значимыми для отдельных индивидов, в какой последние реально ориентированы на них в своих действиях[2]. Данный подход интересен с позиции его применения в исследовании тем, что социальное действие (активность) можно рассматривать как важнейший механизм преодоления бедности сельского населения.

Институциональный подход. Представители современного институционализма (Д. Норт, Э. Фуруботи, Р. Рихтер, Г. Мюрдаль, Р. Коуз) под институтом понимают «правила игры», представляющие собой формальные нормы (конституции, законы, права собственности) и неформальные ограничения на взаимодействия людей (табу, привычки, кодексы поведения)[3]. Социологи-институциалисты «московского крыла» (В.В. Радаев и др.) под институтами понимают прежде всего правила, регулирующие практики повседневной деятельности и, одновременно, получающие импульсы развития из практики. Институты образуют «не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия»[4]. Объектом изучения новосибирских социологов в рамках институционального подхода является социальная деятельность в более широком контексте, включая процессы демографического и социального воспроизводства, повседневную жизнедеятельность населения, многостороннюю социальную адаптацию к меняющимся в ходе трансформаций условиям жизни и «правилам игры»[5].

---

[1] Латова Н. Бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/BEDNOST.html.

[2] Громов И.А., Мацкевич А.Ю. Западная теоретическая социология. Теория «социального действия» [Электронный ресурс]. – URL: http://society.polbu.ru/gromov_sociology/ch19_ii.html.

[3] Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Сухарев М. В. Регион как социально-экономическая система. Петрозаводск, 2010. 308 с.

[4] Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социс. 2002. № 12. С. 6.

[5] Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социс. 2002. № 12. С. 7-8.

Институциональный подход, по мнению Н.В. Зубаревич, объясняет бедность несовершенством рынка, барьерами (пол, уровень образования, социальные обычаи и др.), неравенством стартовых возможностей, неполной рациональностью поведения[1]. Конечно, далеко не всегда поведение (в отношении расходов) не входящих в категорию бедных можно считать рациональным, однако здесь идет речь о нерациональном поведении бедных, результатом которого стало состояние бедности, невозможность его преодоления.

В условиях трансформации институтов российского общества значительная часть населения оказалась вытесненной за черту бедности и даже за порог нищеты, что произошло вследствие возникновения многосекторной экономики, отказа от государственного регулирования зарплаты, отсутствия общенационального рынка труда, множественности локальных очагов безработицы, задержки зарплаты[2].

В качестве теоретической основы исследования проблемы сельской бедности может рассматриваться ***концепция моральной экономики (этики) выживания Дж. Скотта***. Концепция Дж. Скотта основывается на теоретических постулатах институционализма К. Поланьи, в частности, на его классическом утверждении: «Отсутствие угрозы индивидуального голода в определенном смысле делает архаическое общество более гуманным по сравнению с рыночной экономикой, но в то же время экономически менее эффективным»[3].

Главный повседневный социальный идеал любого традиционного сообщества, по мнению Дж. Скотта, – моральная экономика выживания, понимаемая как безопасное существование, предотвращающее голод[4]. Именно древний страх перед голодом стал причиной многих особенностей технической, социальной и нравственной организации сельских обществ. Скотт метафорически поясняет экономическую ситуацию большинства традиционных обществ до второй половины XX столетия: «...Есть районы, в которых положение сельского населения напоминает положение человека, все время стоящего по шею в воде, когда легкой волны достаточно, чтобы он захлебнулся». В такой ситуации крестьянин более всего стремится избежать риска, при этом предпринимательский азарт, попытки политической организации отходят в традиционных сообществах на второй план[5]. Ряд повседневных особен-

---

[1] Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 158.

[2] Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/saslavskaja_soc/.

[3] Никулин А.М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1(4). С. 130-140.

[4] Скот Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанина; под ред. А.В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 202-210.

[5] Никулин А.М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1(4). С. 130-140.

ностей экономического поведения сельских жителей, труднопостижимых с точки зрения классической экономической теории, Дж. Скотт, опираясь на историко-социологические исследования Карла Поланьи, Александра Чаянова и Э.П. Томпсона, проясняет в собственной концепции этики существования или выживания.

Дж. Скотт формулирует несколько правил традиционного сельского выживания: крестьянская склонность к традиционным формам аграрного существования есть стремление свести к минимуму риск голода в случае гибели урожая. Лишь при наличии верных гарантий от риска крестьяне согласны на инновации. На случай всеобщего неурожая крестьянством разработана определенная стратегия мер выживания: от спонтанного затягивания поясов до переключения на мелкую торговлю, ремесла, поденщину, отходничество. Попавшие в крайнюю нужду обращаются за помощью к родным, друзьям, односельчанам, помещику, наконец, государству.

Крестьяне смиренно отдают часть своей продукции государству, арендодателям, но только до тех пор, пока не возникнет угроза самому существованию крестьянских семей. Имущим классам не следует изымать у крестьянина жизненно необходимое его семье, иначе дело может дойти до бунта. Образцы взаимопомощи, вынужденная щедрость, общинная земля и разделение труда помогали крестьянам выровнять неизбежные провалы в семейных ресурсах, которые в противном случае должны были бы столкнуть семью ниже уровня выживания[1]. Перераспределительные механизмы обеспечивали сельским жителям минимальные гарантии существования, минимизировали риски, которым подвергаются члены общины со стороны капризов природы и ограниченности техники.

Дж. Скотт ставил этику выживания в центр анализа крестьянской политики. Главный принцип социального существования: все сельские семьи имеют право на минимальный прожиточный уровень, даже если это требует перераспределения экономических ресурсов. Впрочем, это отнюдь не означает всеобщего аграрного равенства. В современных российских сельских сообществах прослеживаются многие из названных Скоттом принципов концепции моральной экономики выживания, что делает ее актуальной и в наше время при исследовании бедности в сельском сообществе, где особую роль играет социальная поддержка.

С точки зрения **социокультурного подхода** в основе бедности лежит свойственная для бедняков определенная культура, в основе которой – смирение, неумение строить свое будущее и фатализм. В процессе первичной социализации эти ценности передаются от одного поколения к другому, приводя к «наследованию» бедности. Источником бедности людей, по мнению Н. Латовой, выступает их поведение и установки: бедняки сами виноваты в своей бедности. А в концепциях культуры зависимости источником бедности

[1] Скот Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанина; под ред. А.В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 202-210.

является государство, которое вызывает иждивенческие настроения людей посредством реализации программ социального обеспечения. Бедные, полагаясь на государство, не желают активно действовать, прилагать усилия для улучшения своего материального положения[1]. Данный подход может быть использован при анализе институциональных ловушек бедности сельского населения.

Бедность сельского населения сквозь призму транзитивного подхода. Для изучения процессов формирования и преодоления бедности сельского населения примен*и*м также транзитивный подход. Классическое определение социального процесса дал Питирим Сорокин: «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или «эволюции», короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве, либо модификация его количественных или качественных характеристик»[2]. Данная концепция, по мнению П. Штомпки, более точно помогает определить изменения, относящиеся к самой системе (происходящие в ее рамках и трансформирующие ее как целое).

П. Штомпка отмечает две специфические формы процессов, выделяемые социологами: «социальное развитие» и «социальный цикл». «Социальное развитие» – форма, раскрывающая потенциал, который изначально заложен в системе; сюда входят все разновидности эволюционизма (О. Конт, Т. Парсонс) и исторического материализма (К. Маркс). «Социальный цикл» не имеет определенной направленности, хотя и не является случайным (циклические теории изменений объясняют человеческую историю в терминах социальных циклов (О. Шпенглер, П. Сорокин)).

Говоря о формах процессов, П. Штомпка выделяет различные виды направленных и ненаправленных процессов[3]. Бедность сельского населения является многомерным явлением, ее формируют многовекторные, разнонаправленные факторы (политика, реализуемая в государстве, рыночные процессы создают поляризацию общества). Положение многих бедных селян может меняться на протяжении продолжительного времени как направленный процесс. Мы предполагаем далее в нашем исследовании уделить внимание процессам, результатами которых являются как обеднение, так и преодоление бедности сельского населения.

Процессы, направленные на достижение какой-либо цели, называются телеологическими. Процесс преодоления бедности сельского населения можно считать таковым, если за цель принять выход из состояния бедности. Данный процесс относится к прогрессивным процессам, а обеднение является регрессивным процессом. Как обеднение, так и выход из этого состояния – нелинейные процессы, поскольку могут развиваться по разным траекториям.

---

[1] Латова Н. Бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/BEDNOST.html.

[2] Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. С. 23.

[3] Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. С. 32.

Рассматривая движущие силы, механизмы процессов, можно выделить два типа процессов: эндогенные (с имманентной, внутренней причиной), экзогенные – с внешней причиной[1]. Водораздел между экзогенными и эндогенными процессами, по мнению П. Штомпки, определяется уровнем анализа, но многое зависит и от временных рамок, в которых изучается тот или иной процесс[2]. Процессы могут различаться по скорости течения. И в этом отношении процессы, протекавшие в России в 1990-е гг., носили ярко выраженный трансформационный характер, одним из результатов которых был рост уровня бедности, особенно в сельской местности.

Анализируя любой процесс, согласно П. Штомпке, необходимо уделить внимание его конечному результату: в нашем случае важно рассмотреть процессы, приводящие к бедности сельского населения и, напротив, способствующие выходу из этого состояния. Результаты развития бедности (обеднения) как социального процесса являются преимущественно негативными. Бедность является фактором социально-экономической напряженности в обществе: бедные более склонны к насильственным методам политической борьбы. Дети из бедных семей имеют меньше шансов реализоваться, чем выходцы из семей с высоким уровнем материального достатка. Бедность влияет на рост преступности, следовательно, снижение бедности – условие сокращения и социально-политической напряженности в обществе[3].

Как писал В. Ключевский, нищенство в древней Руси считалось не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при церкви практическим институтом благонравия[4]. Мы склоняемся к другому мнению, выраженному в работах Л.Т. Волчковой и В.Н. Мининой. Они, не отрицая некоторого положительного воздействия бедности на общественную жизнь, считают, что бедность не позволяет социуму реализовывать свои потенциальные возможности, а следовательно, развиваться. Они связывают бедность с регрессом в общественном развитии[5].

Высокий уровень бедности представляет угрозу безопасности государства. Наличие значительного масштаба бедноты является серьезным препятствием для экономического развития страны. Бедное население практически не вносит вклад в доходную часть бюджета, не обеспечивает высокого платежеспособного спроса на потребительские товары и услуги, от чего страдает отечественное производство, ориентированное на внутренний рынок. Таким

---

[1] Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. С. 29-30.

[2] Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. С. 30.

[3] Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России / отв. ред. Д.Н. Карпухин. Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2006. С. 74.

[4] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 40.

[5] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 40.

образом, повышение доходов малообеспеченных экономически выгодно обществу[1].

Н.Д. Вавилина выделяет такие последствия бедности, как дисгармония социального самочувствия большинства социальных групп, социальная напряженность, социальные девиации и социальные эксклюзии значительной части членов социального сообщества[2].

При всей очевидности негативных последствий обеднения, можно выделить и позитивные результаты бедности: у бедных могут возникать интересы преодолеть бедность, и, как следствие, бедные проявляют активность, чтобы вырваться из этой среды. По мнению Г. Ганса, бедность, выступая социальным злом, функциональна: бедные выполняют ряд общественно необходимых работ, неприемлемых для богатых людей, и за это получают низкую заработную плату. Бедные обусловливают создание рабочих мест для среднего класса, в частности, в секторе социального ухода, административного и социального контроля. К политическим и культурным функциям бедности Г. Ганс относит тот факт, что бедные служат в качестве «козлов отпущения» для представителей других классов[3].

Социально-воспроизводственный подход акцентирует внимание на проблемах социального воспроизводства, под которыми мы понимаем сохранение и воспроизводство основных элементов и связей социальной сферы, социальной структуры.

Эффективной в методологическом отношении базой исследования сельской бедности, современных процессов и механизмов ее формирования и преодоления в России является, на наш взгляд, ***концепция устойчивого развития общества***. Данная концепция рассматривает общество с позиций обеспечения в нем процессов стабилизации и устойчивого функционирования и развития, особенно в период кризисных явлений и деформаций социально-экономических отношений. При практическом применении концепции устойчивого развития общества определяется уровень устойчивости развития социальных систем, адаптивность и эластичность социально-воспроизводственных процессов общества, выявляются очаги и факторы неустойчивого, несбалансированного развития, разрушения необходимых связей и обнаруживаются источники возможного устранения причин и последствий такой дестабилизации.

Прогрессивное развитие социальной сферы зависит от ее внутренней сбалансированности и гармоничности, в первую очередь в развитии ее стержневых элементов и связей, а также от социальной активности и прово-

---

[1] Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России / отв. ред. Д.Н. Карпухин. Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2006. С. 73.

[2] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 125-126.

[3] Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. С. 40.

димой социальной политики. На основе целевой направленности развития общества, диагностики современного состояния в развитии социальных процессов и параметров допустимых значений отклонения от желаемой траектории (социальных нормативов и индикаторов, таких как пороговые значения бедности и социального расслоения, уровня экономической активности, безработицы и др.) производится оценка перспектив устойчивости, возможностей развития неустойчивых процессов и роста социальной напряженности, возникновения социальных угроз и кризисных ситуаций. Как показывают результаты исследований З. Голенковой, С. Григорьева, Т. Заславской, Ю. Левады, Т. Малевой, Ю. Растова, Р. Рывкиной, В. Тапилиной, В. Ядова и других ученых, трансформационные процессы в социальной сфере современного российского общества характеризуются стихийностью, неопределенностью и повышенной социальной напряженностью на всех уровнях (в регионах и сельских сообществах, на предприятиях, локальных рынках труда и др.). К социально-взрывной неустойчивости социальной сферы приводят отсутствие многочисленного среднего класса, высокий уровень бедности и безработицы, усиливающаяся социальная поляризация.

Рисковый подход. В последнее десятилетие активно развивается и все более часто используется в управленческой практике ***теория социальных рисков*** (подробнее см. в работах У. Бека, Б. Ракитского, А. Орлова, О. Яницкого и др.), довольно тесно связанная с теорией устойчивого развития[1]. Сутью теории рисков является выявление различных социальных рисков, классификация их по характеру и вероятности возникновения, остроте, масштабам распространения и последствиям реализации. Для снижения вероятности возникновения и смягчения последствий рисков бедности (безработицы, нарушений прав в области оплаты и условий труда, социальных гарантий) выявлены различные способы социальной защиты: от недопущения (методами запрета, нормативного регулирования или иными способами) и сдерживания рисков (методами блокирования, временного ограничения и др.) до их предупреждения (упреждающими мерами смягчения рисков на основе негосударственных защитных действий субъектов гражданского общества с использованием разнообразных мер давления на источники потенциальной опасности – протестов, демонстраций способности к сопротивлению, методов нравственного воздействия, мер самоуправления и т.д.) и компенсирования[2]. Практический эффект применения теории заключается в том, что рассчитываются масштабы и продолжительность, вероятность возникновения того или иного социального риска, затраты на его профилактику и компенсацию последствий. Применение рассматриваемой теории ограничено самой

---

[1] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. М., 2000; **Россия: трансформирующееся общество / под редакцией В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001;** Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: Издательство «Экзамен», 2002.

[2] Ракитский Б. В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся. Ч. 2: Социальная политика // Трудовая демократия. Вып. 10. М., 1998. С. 24.

областью распространения социальных рисков, поскольку лишь ограниченную часть социальных явлений и процессов, характеризующих процессы бедности, в т.ч. сельской, можно отнести к таким рискам.

Интересным для решения поставленных нами задач является понятие бедности, разработанное в рамках рискового подхода: Г.Б. Челнокова представляет бедность как особый социальный риск, обусловленный различными причинами объективного и субъективного характера, которые предопределяют уровень обеспечения человека ниже размера величины прожиточного минимума, закрепленного в стране, который предопределяет необходимость целого комплекса правовых средств и специальных государственных программ для социальной защиты населения от абсолютной и относительной бедности[1].

Методологические особенности исследования сельской бедности. Комплексный анализ бедности сельского населения предполагает исследование данной проблемы во взаимосвязи с сопряженными категориями: уязвимостью (ограничение в доступе к жизненно важным ресурсам), эксклюзией (от средств к существованию, информации, возможности получать образование, медицинское обслуживание и др.), депривацией (недостаток экономических и эмоциональных опор).

Сельское население более уязвимо, чем городское: доступность качественного образования, медицинского обслуживания в селе значительно ниже, чем в городе, особенно если речь о периферийных населенных пунктах. Основной сферой занятости сельских жителей региона аграрной специализации является сельское хозяйство – отрасль с низким уровнем заработной платы, что порождает бедность работающих сельских жителей. В сельской местности, в отличие от города, повсеместно распространено проживание в неблагоустроенном, ветхом жилье, и многие селяне не в силах решить проблему улучшения жилищных условий. Бедность сельского населения отличается устойчивостью и воспроизводимостью.

Бедность сельского населения сама по себе является эксклюзией (от средств к существованию)[2]. Кроме того, она связана с другими проявлениями социальной эксклюзии, такими как: безработица (эксклюзия от гарантий государства в сфере занятости), эксклюзия от информации (низкий уровень информированности сельских жителей о мерах, проводимых субъектами социальной политики для преодоления бедности), эксклюзия от возможности получить качественное образование, медицинское обслуживание. Перед человеком, включенным в социальные контакты, открыты возможности, благодаря которым можно не впасть в бедность. Бедным, включенным в социальные контакты, проще выйти из этого состояния, чем находящимся в изоляции.

---

[1] Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: науч.-практ. пособие М.: Проспект, 2009. С. 24.

[2] Сергиенко А.М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв.: монография. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 164.

Для селян, живущих в отдаленных от районных центров населенных пунктах с малой численностью населения, проблема эксклюзии более актуальна.

Как отмечает З.И. Калугина, характерной особенностью депривации сельского населения современной России является резкое ухудшение условий и качества жизни не отдельных социальных групп, а целых сообществ[1]. В качестве основных механизмов депривации сельских сообществ ученые отмечают высокие масштабы безработицы, слабую защищенность сельских безработных, ограниченность возможности для трудовой мотивации селян, низкую оплату сельскохозяйственного труда, изменение каналов социальной мобильности, резкое ухудшение социального обслуживания жителей деревень, коренную ломку традиционного уклада жизни сельского населения.

Анализ различных подходов к измерению бедности позволяет сделать вывод о возможности их эффективного применения в исследовании бедности сельского населения. Использование абсолютной концепции позволяет провести границу бедности на основе сравнения среднедушевых доходов сельской семьи (домохозяйства) с бюджетом прожиточного минимума, для расчета крайней бедности или обездоленности (обнищания) мы используем методику сопоставления душевых доходов со стоимостью потребительской корзины[2]. Применение относительной концепции делает возможным анализ бедности сельского населения на основе выявленного среднего уровня материальной обеспеченности в стране (регионе), субъективная концепция дает информацию о мнении сельского населения о его материальном положении, с учетом натуральной составляющей в структуре их доходов. Помимо социологических методов для анализа динамики бедности будут использованы данные официальной статистики (нормативный подход).

Наряду с традиционным подходами (абсолютная, относительная, субъективная концепции) к исследованию бедности сельского населения возможно применение концепций аккумулированной депривации Е. Хансена, измерения бедности на основе неравенства социального выбора А. Сена, исходя из которых основу измерения бедности сельского населения образуют не только доходы и материальное положение селян, но и в значительной степени низкая доступность других социальных благ[3]. Неравенство социального

---

[1] Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова; Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т экономики и промышленного производства. Новосибирск: Из-во СО РАН, 2008. С. 603.

[2] Потребительская корзина – это минимальный набор (в натуральном выражении) продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а прожиточный минимум включает помимо стоимостной оценки потребительской корзины также обязательные сборы и платежи (согласно статье 1 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24 октября 1997 г., № 134-ФЗ).

[3] Мы придерживаемся позиции Вебера М. в понимании блага, как того, что способно удовлетворить повседневные жизненные потребности людей, приносить им пользу. Социальные блага – это дефицитные ресурсы, которые доступны наибольшему количеству людей в наименьшем числе. См.: Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New

выбора и депривационный потенциал села проявляется в ограниченности ресурсов сельских жителей и низкой (по сравнению с городом) доступностью желаемого образования, которое впоследствии дало бы возможность получения достойной работы. Бедность сельских жителей формируется также в силу низкой доступности качественных медицинских услуг. Ограниченность ресурсов препятствует миграции селян в города, где возможности вклада в человеческий потенциал выше, чем в селе.

Для исследования сельской бедности необходимо учитывать системообразующие характеристики села, описанные в работах П.П. Великого, Т.И. Заславской, Ф.Г. Зиятдиновой, З.И. Калугиной, В.И. Староверова, А.А. Хагурова и др.[1] К ним относятся: процесс сельскохозяйственного производства, сельский образ жизни, сельская культура, сельские виды занятости, специфика социально-демографической структуры с большей долей многодетных семей и семей с престарелыми людьми, сельское районное и поселенческое самоуправление. Взаимодействие этих элементов проявляется в специфике сельского поселения как единого комплекса бытовых, территориальных и производственных аспектов бытия людей, связанных с землей и природно-климатическими условиями. Образ жизни селян более однообразен и обусловлен природными циклами, отличается сравнительно тяжелыми условиями труда вследствие его низкой энерговооруженности. Село характеризуется меньшей развитостью социальной инфраструктуры, худшими условиями для образования и культурного развития, проведения досуга, что приводит к росту алкоголизма и других деградационных явлений.

По мнению социологов села, сегодня специфика бедности сельского населения заключается в том, что доступ к земле обеспечивает устойчивость выживания при относительном избытке свободного времени, занять которое приносящим доход трудом не позволяет затрудненность сбыта производимой продукции[2]. Если оценить рабочее время, необходимое сельской семье для получения дохода, сопоставимого с продовольственной корзиной, то получится, что его надо совсем немного, – достаточно засадить несколько соток

York: Free Press, 1957.

[1] Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 55-64; Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях: монография. М., 2008; Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002; Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. Новосибирск, 2008; Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 2003; Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 1999; Хагуров А.А. Социология российского села: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012; Чураков В.Я. Кризис российской деревни: реалии и прогноз. М., 2000.

[2] Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 26-30.

картофелем, собрать и сохранить урожай. Многие сельские предприниматели и владельцы ЛПХ могли бы увеличить объемы производимой продукции только за счет увеличения трудовых затрат, если бы имели возможность с прибылью эту продукцию реализовать. Но при отсутствии такой возможности дополнительный труд теряет смысл, а свободное время превращается из условия развития в угрозу деградации. Экономически приращение дохода превышает разницу в потреблении работающего и неработающего человека[1].

Анализ методологических подходов к изучению бедности и особенностей их применения по отношению сельскому населению с учетом системообразующих характеристик позволяет нам определить понятие бедности сельского населения (сельской бедности). Под ***сельской бедностью*** нами понимается социально-экономическое положение сельского населения, характеризующееся низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными, натуральными ресурсами (их нехватки), что ограничивает или не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи.

В нашем исследовании в качестве ***социальных субъектов (носителей) бедности*** мы рассматриваем в первую очередь социальные группы сельского населения, различающиеся доходами (обездоленные, средняя группа бедных, относительно бедные), статусом занятости (наемные работники, самозанятые, безработные), демографическими (по полу и возрасту), профессионально-квалификационными (уровень образования, квалификации), территориальными (людность поселения, урбанизированность территории как места проживания) и другими характеристиками.

* * *

Комплексный анализ сельской бедности предполагает применение различных подходов к его изучению, с учетом их возможностей и специфики проявления феномена бедности в сельской местности. Социоструктурный подход позволяет не только определить бедность сельского населения как его особое социально-экономическое положение с низкими характеристиками обеспеченности и доступности социальных благ, но и дифференцированно рассмотреть положение различных групп бедных. Процессы обеднения и преодоления бедности сельского населения предполагается исследовать на основе деятельностно-активистского подхода. Для анализа «правил игры», используемых институтами, принимающими участие в преодолении бедности сельского населения, используется институциональный подход. Особую значимость в исследовании бедности сельского населения в рамках институционального подхода имеет концепция моральной экономики выживания Скотта Дж., на основе которой исследуется взаимная поддержка субъектов социальных сетей, что важно учитывать при изучении вопроса поддержки

[1] Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 26-30.

бедных в традиционном сельском сообществе. Кроме того, специфику процессов формирования бедности в условиях низкой доступности различных социальных благ и услуг позволяют учесть концепции аккумулированной депривации Е. Хансена и неравенства социального выбора А. Сена.

1.3. Общая характеристика факторов и механизмов формирования и преодоления сельской бедности

При изучении сельской бедности необходимо рассматривать широкий круг социально-экономических, социально-политических, социально-демографических, социокультурных, социально-психологических и других факторов и механизмов, ее определяющих. При этом важно выделять макро- и микроуровень анализа процессов, факторов и последствий рассматриваемой бедности.

Среди макрофакторов выделяются как общие (глобальные) факторы, действующие везде, во всех странах независимо от их общественного устройства, так и специфические факторы, действующие в России и отдельных регионах. Так, к ***социально-экономическим макрофакторам*** бедности населения относятся социально-экономический потенциал, положение территории (страны, региона) и ее возможности в реализации социально-экономической активности населения, а также социально-экономическая политика. Первые (потенциал и положение) включают уровень и динамику социально-экономического развития жизненного пространства территории, в т.ч. инфраструктурной составляющей (степень и динамика развитости производственной и социальной инфраструктур).

В последние два десятилетия важнейшим *фактором формирования и преодоления бедности* является также глобализация мирового сообщества, что убедительно показал в последние годы глобальный экономический кризис. Результаты социального расслоения и активности населения все в большей мере являются итогом не внутренних (внутригосударственных, внутрирегиональных) социально-экономических и социально-политических процессов, а разделения богатства и прибыли в рамках капитала всей планеты.

Факторами микроуровня являются характеристики социального *состава (структуры), положения* субъектов бедности, их *жизненного пространства микроуровня* (микросреды обитания), а также их *цели, интересы и мотивация*. Первые два включают *социально-трудовой статус и статус занятости* (условия и содержание труда, позиции на рынке труда); *профессионально-квалификационный статус* (уровень образования, квалификации, должностные позиции); *организационно-управленческий и властный статус* (положение во властных структурах, влияние, авторитет) и другие статусные характеристики.

Большую роль в формировании сельской бедности играет *жизненное пространство микроуровня человека*, социальной группы, проживающих в определенной социально-территориальной общности (сообществе), характеризуемое *статусом* такого *сообщества, характером социальной среды*

(микросреды) обитания (условиями жизнедеятельности человека, особенностями его взаимоотношений, взаимодействий с отдельными индивидами, социальными группами, организациями, развитостью социальных сетей).

При этом сообщество очень важно рассматривать, по словам М. Пейна, как «промежуточное звено между макросистемами общества в целом и микросистемами семейной и личной поддержки»[1]. Для сельского жителя именно эта промежуточная система является истоком обогащения его жизни за счет дополнительных социальных контактов. Сообщество по Пейну – некая идеальная конструкция, но «она понятна людям и легко вызывает позитивную идентификацию, принятие коллективных идеалов и ценностей, а потому способна быть мощным мотиватором их действий»[2]. Следовательно, идентификация с сообществом, микросоциальный климат, микросреда обитания (в сообществе, семье) относятся к группе социальных факторов, формирующих материальное положение сельского населения, определенные типы активности, характерные для данного сообщества и места, занимаемого человеком в этом сообществе. В частности, при изучении экономической активности сельского населения важнейшей характеристикой жизненного пространства является социальная и экономическая ситуация на селе, ситуация на сельском рынке труда.

В качестве основных факторов, механизмов бедности людей особо выделяются факторы саморегуляции, самоорганизации, такие как потребности, интересы, мотивация, активность. ***Мотивация*** является важнейшей движущей силой активности людей. Посредством такой активности они в конечном счете воздействуют на социально-экономическое положение и жизненное пространство индивида, социальной группы, а последние в свою очередь создают стимулы либо ограничивают мотивацию социально-экономической активности. В период реформ в России *кризис трудовой мотивации* был вызван не только несправедливо низким уровнем заработной платы (не отражающим затраты труда, его интенсивность и производительность, не обеспечивающим нормальное социальное воспроизводство), но и утратой ими чувства общественной значимости их труда.

Распространенной целью социально-экономической и социально-политической активности является *защита* своего социального положения, доходов. Защита реализуется через *экономические* (страхование, сберегательное поведение) *и политические действия* (требования повышения заработной платы и ее своевременной выплаты, социальный контроль).

Используя выводы Б.В. Ракитского (о способах социальной защиты населения)[3], можно выделить четыре основных способа самозащиты от риска

---

[1] Пейн М. Сообщество как основа социальной политики и социального действия // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / под ред. Ш. Рамон; пер. с англ. под ред. Б.Ю. Шапиро. М., 1997. С. 60.

[2] См. там же.

[3] Ракитский Б. В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся. Ч. 2: Социальная политика // Трудовая демократия. Вып. 10. М., 1998. С. 24.

бедности: 1) *недопущение рисков* снижения доходов и уровня жизни (путем обучения, повышения квалификации, дополнительного трудоустройства, резервирования значительной части доходов); 2) *сдерживание рисков* (экономия расходов, резервирование части доходов); 3) *предупреждение* (страхование доходов, инвестиционное поведение; политические меры давления – митинги, забастовки, демонстрации; методы нравственного воздействия – через СМИ, политические партии и другие общественные организации); 4) *компенсирование рисков* (индексация доходов).

По вероятности возникновения риски бедности можно разделить на случайные и неизбежные (например, недостаточность средств в период воспитания детей, понижение доходов в старости). Как отмечает Б.В. Ракитский, «неизбежные риски легко предвидеть, к их наступлению можно загодя подготовиться. Подготовка состоит *в резервировании части доходов*. За счет этого резерва и происходит (или продолжается) в определенные периоды необходимое потребление»[1]. Другой вид защиты осуществляется, когда риски случайны для отдельного человека, но закономерны для массы (сообщества). В ожидании опасности могут возникать различные объединения усилий индивидов, социальных групп, государства, в том числе таких как солидарная самозащита (трудящихся, наемных работников), страхование. Резервирование и страхование являются основными типами формирования ресурсов для защиты доходов, социального положения в сфере доходов и занятости.

В зависимости от мотивации можно выделить по крайней мере *две модели активности бедных людей*. Первая модель основывается на материальной мотивации, на стремлении увеличивать доходы *«во что бы то ни стало»,* другая модель базируется на иной системе ценностей, в основе которой лежит духовно-моральное начало. Часто именно потому, что извлечение дохода не является для многих людей единственным мерилом ценностей, главной потребностью в трудовой сфере, экономической сфере в целом, социально-экономическая и социально-политическая активность бедных групп также значительно разнится. Среди бедных групп населения можно выделить как группы, ориентированные на получение максимально возможных доходов при данных условиях (путем интенсификации труда на основном месте работы, в ЛПХ, дополнительной занятости, получения пособий), так и группы, ориентированные в большей степени на другие ценности, чем доход.

К ***социально-политическим факторам*** формирования и преодоления бедности относятся *социальная и экономическая политика государства и местного самоуправления, а также социально-политическая активность и мотивация* бедного населения, особенности их социально-политического взаимодействия в отстаивании своих социально-экономических и социально-политических интересов на рынке труда, формирования социальных институтов и организаций по лоббированию, контролю и защите таких интересов (сельских организаций ветеранов, инвалидов, молодежных, женских и др.).

---

[1] Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся. Ч. 2: Социальная политика // Трудовая демократия. Вып. 10. М., 1998. С. 24.

К ***социально-демографическим факторам*** бедности относятся пол, возраст, состояние здоровья, состав семьи, брачное положение. В частности, с возрастом наблюдается физиологическое ослабление системы мотивационных установок активного потребления, что влияет на снижение социально-экономической и социально-политической активности. В частности, молодежь в целом оптимистичнее и активнее, поскольку имеет более высокие потребности и обладает высокой мобильностью.

Состояние здоровья в свою очередь зависит от возраста, инвалидности и др. Как только индивид попадает на рынок труда с целью получить работу, приносящую ему необходимый уровень доходов, он погружается в систему отношений по найму рабочей силы, где фактор наличия здоровья играет первостепенную роль для включения в определенный кластер рабочих мест с определенным уровнем оплаты.

Известным фактором, влияющим на бедность и активность бедных, являются структура и размер семьи, домохозяйства. В частности, наличие и число иждивенцев (детей, пенсионеров, инвалидов трудоспособного возраста) в семье является как стимулирующим, так и ограничивающим фактором активности.

Важнейшую роль играют ***социокультурные факторы,*** образовательный уровень населения. Активность, ее стратегии формируются под воздействием фактора экономической и политической культуры, носителем которой является индивид, социальная группа, общество. Под *экономической и политической культурой* при этом понимается совокупность профессиональных знаний и навыков, хозяйственных и политических норм, ценностей и символов, традиций, являющихся регуляторами поведения и необходимых для самоидентификации и выполнения социальных ролей в экономике и политике (см. в работах Р.В. Рывкиной, В. Радаева и др.)[1].

Социально-психологические, личностные ***факторы*** определяют в значительной степени социально-экономические и социально-политические ценности и интересы, адаптационные ориентации, социальные настроения и склонность к труду, мобильность в реализации стратегий социальной активности. Социально-психологические особенности активности бедных во многом зависят от их личностных качеств, таких как трудолюбие, деловитость, готовность к риску и т.д., но также в существенной мере определяются физиологическими возможностями, потребностями и социальной средой.

По словам Т.И. Заславской, «распространение и углубление бедности вынуждает значительную часть населения ограничивать свое потребление: отказываться от покупки дорогих продуктов питания, модной одежды и обуви, от пользования бытовыми услугами, от далеких поездок, лечения в санаториях, от подписки на «толстые» журналы, междугородних телефонных разговоров, иными словами, от множества элементов своего прежнего образа жизни. Происходит постепенное привыкание, адаптация людей к ухудшаю-

[1] Радаев В. Экономическая социология: курс лекций. М., 2004; Рывкина Р.В. Драма перемен. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

щимся условиям, в результате чего их притязания к «достаточному» доходу снижаются»[1]. Пассивность либо относительно низкий уровень социально-экономической и социально-политической активности большинства бедных объясняется наличием среди них значительной доли физически и психически ущербных людей, что не позволяет предпринимать активные действия по улучшению условий жизни. Наиболее же «сильная» категория бедных пытается изменить сложившуюся ситуацию, интенсифицируя свой труд, меняя сферу занятости и даже место жительства, требуя своевременности выплаты заработной платы путем переговоров с работодателями, забастовок и других политических действий. В частности, миграционная стратегия исторически характерна была в первую очередь для сельских жителей: убегая от деревенской бедности, они переезжали в города в стремлении заработать себе на жизнь.

Анализ совокупности факторов и механизмов формирования и преодоления бедности позволил выделить три группы основных, анализу которых будет уделено особое внимание. К ним относятся: 1) социально-экономическая и социально-политическая активность, мотивация населения; 2) характеристики социальной среды сельского сообщества, благополучия жизненного пространства, возможности села в реализации рассматриваемой активности, включая социальные сети; 3) государственная и муниципальная социальная политика по преодолению сельской бедности.

Социальная активность как механизм формирования и преодоления бедности. По содержанию действий, осуществляемых людьми для улучшения своего материального положения, положения в *сфере доходов*[2], выделяются ***две формы социальной активности*** – социально-экономическая и социально-политическая[3].

Социально-экономическая (или короче, экономическая) активность населения понимается нами как совокупность его целенаправленных действий, связанных с поиском, созданием, сохранением, расширением и использованием источников получения и распределения доходов, а также противоположных действий и поступков, направленных на сокращение доходов (и занятости) в ее различных видах и формах. Основными *компонентами социально-экономической активности* являются: 1) непосредственно трудовая и предпринимательская активность (интенсификация труда, первичная и вторичная занятость, открытие и развитие бизнеса и др.); 2) поисковая актив-

---

[1] Заславская Т.И. Социальная стратификация и дифференциация доходов в России // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / под ред. Ш. Рамон; пер. с англ. под ред. Б.Ю. Шапиро. М., 1997. С. 88.

[2] *Сфера доходов* населения характеризует отношения в обществе по поводу формирования (первичного формирования и распределения) и использования доходов (создаваемого продукта), возникающие между социальными группами (стратами, домохозяйствами, семьями) и отдельными людьми.

[3] Кроме того, можно говорить также о социально-психологической, физиологической и других формах ее проявления. Исходя из задач нашего исследования, анализу этих форм не будет уделено большого внимания.

ность и трудоустройство (поиск основного места работы или дополнительной занятости в виде обращений в государственную службу занятости или негосударственные центры, биржи занятости, на предприятия, к родственникам и знакомым, поиск работы через СМИ и т.д., смена места работы и др.); 3) активность, напротив, связанная с сокращением занятости (увольнение с основной и дополнительной работы, сокращение занятости в личном подсобном хозяйстве и др.); 4) образовательная и квалификационная активность (повышение образования и квалификации (как по месту работы, так и вне его), должностного статуса и др.).

Другой распространенной формой активности бедного населения (но играющей вторичную роль в формировании бедности в сравнении с социально-экономической активностью), является ***социально-политическая*** (или проще, политическая) ***активность***, связанная с деятельностью и взаимодействием индивидов и социальных групп по формированию, реализации и защите их интересов и прав в сфере доходов. Среди ее основных *компонентов* можно выделить активность:

– социозащитную (требования своевременности выплаты и повышения уровня заработной платы и социальных льгот, предъявляемые работодателю работниками предприятия и др.);

– контролирующую (социально-трудовой контроль над установлением, своевременностью выплат и изменением уровня (повышении/снижении) зарплаты и социальных льгот, выплачиваемых работникам на предприятии);

– социально-договорную (переговоры объединений наемных работников с работодателем, социальное партнерство и др.);

– протестную (активные либо пассивные варианты коллективного и индивидуального сопротивления наемных работников действиям работодателя, администрации предприятия, оказания на них давления).

При анализе политической активности бедного населения важную роль играют различные социально-политические организационные объединения индивидов и социальных групп, в т.ч. профсоюзы как объединения лиц наемного труда, организации ветеранов и инвалидов, молодежные, женские и другие организации.

Выделенные таким образом структурные компоненты экономической и политической активности населения могут являться основой выделения соответствующих (экономических и политических) стратегий активности. Социально-экономическая и социально-политическая формы активности тесно взаимосвязаны и пересекаются между собой. Так, наряду с воздействием других факторов, социально-экономическая активность является социальным механизмом формирования, но одновременно и результатом реализации социально-политической активности, и наоборот. Кроме того, не всегда можно сразу определить характер активности, отделить одну форму от другой. Часто имея социально-экономический характер, активность на рынке труда внешне проявляется в социально-политической форме. В качестве примера можно привести требования своевременности или повышения уровня выплаты заработной

платы, предъявляемые работниками предприятия своему работодателю, которые могут выражаться в договорной или протестной форме (забастовка, саботаж, голодовка, а также десятки вариантов невидимого давления наемных работников на работодателя – абсентеизм, рестрикционизм и др.).

В качестве субъектов экономической активности в нашем исследовании рассматриваются все основные экономически активные группы сельских бедных: занятые и безработные, ищущие работу; представители населения трудоспособного возраста и пенсионеры, участвующие в той или иной форме в трудовой деятельности (подработки, ведение ЛПХ).

Виды, формы и стратегии активности бедного населения. Комплексный анализ бедности сельского населения и механизмов его формирования и преодоления предполагает исследование *типичных видов, форм и стратегий* активности бедного населения*, изменения их структуры*. Основаниями (критериями) классификации видов и форм рассматриваемой активности могут выступать характеристики социального положения людей, их цели и мотивы, методы и средства, результаты реализации такой активности. Рассмотрим виды и формы, стратегии социально-экономической активности, характерные для сельских бедных.

Во-первых, социальная активность различается ***уровнем (степенью) ее проявления.*** Вся совокупность субъектов классифицируется при этом по степени их активности, т.е. производится, например, разделение эмпирической социальной группы бедных на *активных, малоактивных* (или умеренно активных) и *пассивных.* А социальное поведение бедных людей условно делится на *активное, умеренно активное и пассивное.* К первому, например, относят такие действия, как интенсификация труда, поиск основной и дополнительной работы, вторичная занятость, трудовая миграция, повышение образования и квалификации, открытие и развитие собственного бизнеса; к пассивному – безработицу, отсутствие действий по улучшению своего материального положения.

Во-вторых, социально-экономическая активность различается ***по степени конструктивности*** (созидательности) и ***инновационности***. Например, выделяются *инновационные* (новые формы использования квалифицированного труда) и *традиционные* формы активности (использование традиционных форм низкоквалифицированного труда).

Исследователи рассматривают *конструктивные* (созидательные, позитивные) *и деструктивные* (разрушительные, конфронтационные) *стратегии* как для устойчивого развития сельского сообщества, так и для самого субъекта, в т.ч. модели и стратегии социальной адаптации. К конструктивным формам активности, направленным на преодоление бедности, относятся образование, повышение квалификации, позитивные формы интенсификации труда и совмещения видов деятельности, открытие собственного дела, экономически и социально значимого для сообщества, и др. К смешанным стратегиям можно отнести миграцию молодежи из села, поскольку она наносит

ущерб устойчивому развитию сельских сообществ, но часто является позитивной для мигранта по возможностям реализации его потенциала.

Инновационные и конструктивные стратегии образуют совокупность эффективных стратегий активности для сообщества и самого субъекта. *Эффективными стратегиями для субъекта (бедного)* являются те стратегии, что приводят к повышению его социально-экономического и социально-политического статуса без социальных последствий для здоровья и ухудшения других показателей качества жизни. К *эффективным стратегиям для развития сельского сообщества* относятся стратегии субъектов бедности, улучшающие социально-структурные и институциональные характеристики сообщества. Примерами подобных стратегий являются те, что приводят к качественному улучшению соотношения спроса и предложения на рынке труда, как одной из важнейших структурных характеристик сообщества, связанному в первую очередь с повышением уровня эффективной занятости и сокращением безработицы, в т.ч. в хронической форме. Очевидно, что эффективные стратегии для субъектов бедности и сообщества достаточно часто совпадают. Однако учитывая, что сообщество «отвечает» за процессы ее формирования и воспроизводства в целом, а не отдельных индивидов и социальных групп, рассматриваемые стратегии могут существенно различаться.

В-третьих, на основе анализа социальной активности россиян исследователями разработаны различные варианты типологии населения ***по степени социальной адаптации*** к современным условиям, ситуации в социально-экономической и политической среде. В наиболее общем виде социальная адаптация является реакцией на изменения социальной среды, жизненного пространства. Под *социальной адаптацией к социальной среде* мы понимаем социальный процесс и результат активного приспособления социального субъекта (индивида, группы, социума) к новой экономической и политической ситуации как социальной среды, приводящего к изменению его социального положения. Суть такого приспособления бедных к новым российским условиям заключается в принятии целевых установок новой социально-экономической, социально-политической и социокультурной среды, рыночных норм и ценностей, в изменении общественного, группового или индивидуального сознания, деятельности и поведения, а также в освоении новых социально-экономических и социально-политических стратегий, видов и форм, инструментов и технологий активности субъектов бедности и их взаимодействия со средой. Социальная адаптация бедных, например, к ситуации в условиях мирового экономического кризиса может выражаться в поисковой активности (поиск основной и дополнительной занятости и др., новых возможностей карьерного роста), попытке субъекта сменить привычные формы и стратегии трудовой активности на новые и др.

По степени социальной адаптированности и характеру реакций на жизненные ситуации бедное население можно разделить на:

1) *адаптированные и адаптирующиеся слои.* Они активно пытаются улучшить свое материальное положение (ищут более высокооплачиваемую

работу, дополнительный источник доходов), для них характерно *активное, конструктивное поведение*;

2) *неадаптированные к современным условиям слои,* характеризующиеся *пассивным поведением:* они «пали духом, утратили надежды на улучшение жизни»;

3) *неадаптированные слои с активным деструктивным поведением:* такие «готовы идти на баррикады в прямом смысле слова».

В-четвертых, ***по степени свободы проявления*** (свободы действия) все виды активности делятся на *добровольные и вынужденные* (см. в работах М.А. Шабановой)[1]. На селе свобода экономической активности проявляется как возможность выбора работодателя и рабочих мест по специальности и с учетом других критериев (здоровье, возраст и др.), беспрепятственного открытия и развития бизнеса, повышения квалификации, территориальная доступность центров государственной службы занятости, информационная доступность к имеющимся вакансиям на рынке труда и т.д. В политической форме свобода активности характеризуется как свобода создания общественных организаций для защиты своих социально-экономических и социально-политических интересов, а также как свобода каждого вступать или не вступать в такие организации, возможность лоббирования своих интересов через различные организации, осуществления социального контроля и др.

В-пятых, можно различать виды социальной активности *в зависимости от целей и способов формирования доходов, удовлетворения материальных потребностей*. Активность бедного населения в сфере формирования доходов связана в первую очередь с такими действиями, как поиск и расширение источников доходов, сфер их приобретения и получения. На рынке труда и в сфере занятости это выражается в поиске основной и дополнительной работы, интенсификации и экстенсификации труда (увеличение производительности труда, вторичная и третичная занятость, включение в новые сферы занятости, различающиеся содержанием труда), «выбивании» неполученной, задержанной заработной платы, открытии и расширении собственного дела, получении социального пособия по безработице и т.д.

Кроме *легальных форм* социально-экономической и социально-политической активности, различающихся способами формирования и использования доходов, можно выделять *латентные, теневые формы активности* (неформальная активность), в т.ч. различные *незаконные, криминальные формы*. К законным формам, например, относятся получение льгот в налогообложении, кредитовании; вторые (незаконные) возникают в результате скрытой занятости, сокрытия доходов от налогообложения и других государственных видов сбора средств, нецелевого использования кредитов, краж и хищений и проч.

---

[1] Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 2003. С. 126-141; Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 1999. С. 168-204; др.

В зависимости от целей и способов формирования доходов исследователи выделяют различные виды и стратегии социально-экономической деятельности и поведения на рынке труда. Так, в своей работе «Экономическое поведение» Н.В. Полякова выделяет шесть стратегий трудового поведения, которые могут быть характерны и для сельских бедных: 1) *стратегия иждивенчества,* или ориентация на отказ от труда и на получение помощи; 2) *стратегия минимизации труда* – ориентация на короткий рабочий день, нетяжелый труд и небольшие доходы; 3) *стратегия максимизации труда* – на продолжительный рабочий день, интенсивный труд и на высокие доходы; 4) *стратегия максимизации расходования рабочей силы* – на выполнение тяжелых, вредных и/или опасных видов труда и на высокие доходы; 5) *перспективный тип стратегии* – ориентация на содержательный, развивающий труд, ведущий к высокому профессионализму, на невысокую заработную плату в настоящее время и на высокий доход в будущем; 6) *криминальный тип стратегии* – отказ от труда и ориентация на девиантное поведение[1].

Бедные могут удовлетворить свои материальные потребности различными способами социально-экономической активности: заниматься производством и реализацией какого-либо товара либо «посредничать», «делать карьеру» путем повышения образования и квалификации либо с использованием личных связей, требовать выплаты задержанной заработной платы путем переговоров с работодателем либо протестных акций и т.д. Характерным примером для бедных является также *иждивенческая активность*, например, просьба или требование помощи от работодателя и государства, от членов семьи, коллег, друзей, соседей и др. Иждивенческая активность присуща в первую очередь неадаптированным к современным условиям бедным слоям российского общества. Именно поэтому многие представители бедных групп сельского населения продолжали поддерживать в годы реформ реализацию патерналистской модели социальной политики и рассматривали государство и предприятие (место работы) в качестве важнейших источников средств существования.

Кроме рассмотренных можно включить в анализ виды и формы, стратегии социально-экономической и политической активности бедного сельского населения по таким основаниям классификации, как риск бедности, состав акторов и характер их социального взаимодействия, рациональность, устойчивость и ряд других.

Анализ совокупности факторов и механизмов формирования и преодоления бедности позволил выделить три группы основных, анализу которых будет уделено особое внимание при изучении бедности сельского населения. К ним относятся: 1) социально-экономическая мотивация и активность сельского населения; 2) сельское сообщество как социальная среда жизнедеятельности, его возможности в поддержке сельских бедных, преодолении бедности; 3) социальная политика по преодолению бедности сельского населения.

---

[1] Полякова Н.В. Экономическое поведение. Иркутск, 1998. С. 57.

Глава 2. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

2.1. Логика, этапы и методические предпосылки исследования

Комплексный анализ процессов формирования и преодоления сельской бедности предполагает всестороннее исследование основных элементов процесса и их связей, в нашем случае такими элементами являются, с одной стороны, субъекты сельской бедности, их различные социальные группы, их социально-экономическое положение, мотивация и активность, с другой – сельское сообщество в целом как среда жизнедеятельности бедных, включая представителей сельского бизнеса, местной власти, общественных организаций, семейно-родственные, дружеские и другие социальные сети, оказывающие социальную поддержку бедным, состояние и динамика рынка труда и социальной инфраструктуры, доступность рабочих мест и их качество, а с третьей стороны, различные макрофакторы, включая прежде всего социальную политику преодоления бедности.

Логика изучения сельской бедности и механизмов ее формирования и преодоления включает *пять основных этапов*: 1) изучение масштабов, глубины и форм сельской бедности в России, в т.ч. в ее агропромышленных регионах, определение тенденций ее изменения; 2) общий анализ макро- и микрофакторов бедности; 3) оценка характеристик социальной активности бедных как основного механизма формирования и преодоления бедности, социально-экономического положения и поведения населения на рынке труда, особенностей их воздействия на бедность; 4) оценка социально-экономической политики государства, роли сельского бизнеса и общественных организаций, социальных сетей как механизмов формирования и преодоления сельской бедности; 5) анализ современных и перспективных направлений и технологий преодоления бедности, в т.ч. государственной и муниципальной социальной политики в данной области (рис. 2.1). В результате первых трех этапов предполагается выделить социальные группы с разной глубиной бедности и механизмами их формирования, требующие реализации дифференцированного подхода к решению проблемы бедности. По результатам всех пяти этапов будет сделана попытка выявить особенности и направления преодоления бедности сельского населения.

В качестве практического приложения результатов исследования предполагается разработать рекомендации в области социальной политики по преодолению бедности сельского населения.

Методическая основа исследования сельской бедности и современных механизмов их формирования и преодоления в России. Для комплексной оценки сельской бедности мы будем опираться на все три применяемых в социальных науках подхода к ее измерению (абсолютный, относительный и субъективный), рассмотренных в первой главе.

В отношении применения ***абсолютного подхода*** подчеркнем, что точных статистических данных по сельской бедности на основе официальной методики (по прожиточному минимуму), как известно, нет, поскольку данные российской статистики репрезентативны только на уровне региона в целом, а не по отношению к городам или сельской местности. В связи с этим мы обратимся к данным статистики бедности населения на уровне исследуемого региона в целом. Вместе с тем мы воспользуемся абсолютным подходом по методике ООН для международных сравнений, согласно которой крайняя бедность для стран с холодным климатом устанавливается по границе денежных доходов, соответствующих 2,15 доллара в день.

В нашем исследовании мы предполагаем использовать ***концепцию относительной бедности*** для определения доли сельских бедных, испытывающих лишения в связи с недоступностью различных социальных благ и услуг (прежде всего качественного образования и медицинских услуг), а также лишения, связанные с нарушениями законодательно установленных трудовых и других социальных прав (необоснованно заниженным уровнем зарплаты, задержками ее выплаты, неоплачиваемыми больничными листами, отпусками и др.). Кроме того, мы используем методику расчета относительной бедности на основе сопоставления душевых доходов с 40-60% от средней величины распределения доходов населения. Относительная концепция применима в нашем исследовании также для получения данных по масштабам и глубине бедности сельского населения относительно среднего уровня материального благосостояния в регионе, стране.

Основным же подходом к измерению сельской бедности в нашем исследовании будет являться ***субъективная концепция,*** предполагающей установление черты бедности на основе мнения населения о том, какой объем ресурсов необходим для удовлетворения минимальных потребностей.

Индикаторы бедности. Для анализа сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления выделим *количественные и качественные характеристики (индикаторы и показатели)*, с помощью которых можно описать процессы бедности в целом и их структурные компоненты, выявить тенденции и механизмы изменения процессов. Под *индикаторами (показателями) бедности населения* понимаются количественные и качественные характеристики состояния, тенденций и направлений ее формирования и преодоления. К основным ***количественным характеристикам*** относятся: 1) ***масштаб*** (объем) и ***глубина*** (уровень, степень) бедности; 2) *пространственная характеристика* ее *распространенности* (дисперсность, очаговость); 3) *продолжительность* (время) *пребывания в состоянии бедности*, период ее наибольшей масштабности и глубины (отсюда хроническое состояние бедности, ее воспроизводимость).

Качественными характеристиками бедности населения являются:

– во-первых, качественные характеристики пребывания в состоянии бедности, ее *формы*, отражающие социальное положение (статус) субъекта (бедного): качество питания, предметов повседневного (одежды, обуви и др.)

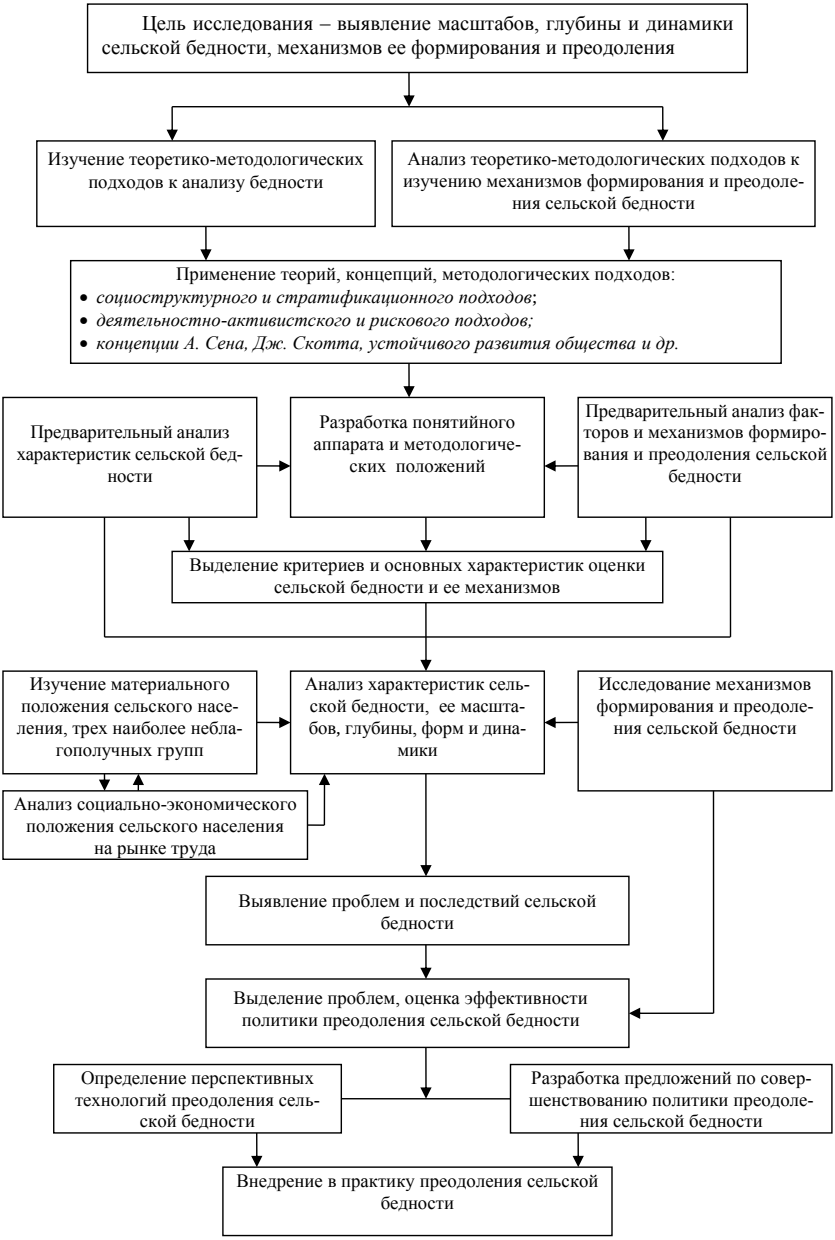


Рис. 2.1. Логическая схема исследования бедности сельского населения, процессов ее формирования и механизмов преодоления

и длительного пользования (мебель, бытовая техника), жилья, уровня доступности и качества необходимых социальных услуг (медицинского обслуживания, образования и др.), социально-психологическая оценка степени удовлетворенности жизненно необходимых потребностей людей и др.;

– во-вторых, качественные характеристики ее проявления, определяющие социальную активность субъекта, такие как: адаптация субъекта к современным условиям, конструктивность (созидательность) его действий, инновационность, рациональность, свобода проявления, рискованность, легальность, латентность, устойчивость и др.;

– в-третьих, качественные характеристики каналов формирования бедности (сферы образования и воспитания, сферы потребления и др.): качество образования, подготовки специалистов, квалификация рабочей силы и т.д.;

– в-четвертых, статус и другие качественные характеристики территориальной общности как места формирования и преодоления бедности: типы поселенческих и региональных общностей (в нашем случае, село и его более дробная классификация по размеру и функциям, типы регионов по проблемности развития и экономической специализации), социальное благополучие жизненного пространства такой общности.

Для измерения масштабов, глубины и динамики сельской бедности ключевыми характеристиками являются доходы и материальное положение сельского жителя и его семьи. Доходы населения представляют собой поступления в его распоряжение ресурсов в денежной и натуральной формах как за счет социально-экономической активности (трудовой, предпринимательской, в сфере использования собственности и др.), так и без нее (наследование материальных ценностей, отдельные виды социальных трансфертов, помощи). Для оценки сельской бедности используются количественные и качественные показатели уровня, структуры и динамики доходов и потребления, дифференциации по доходам и материальному имуществу, возможности населения в получении социальных благ и услуг, доступности этих благ и услуг и др.

Статус сельского жителя по доходам и материальному положению определяется по размеру и источникам поступления совокупных, натуральных и денежных, доходов (оплата труда, социальные выплаты, доходы от ЛПХ и др.), масштабам капитала и накопленной собственности, т.е. движимого (наличие и качество автомобиля, денежных сбережений, натуральных запасов и т.п.) и недвижимого имущества (наличие и качество жилища, хозяйственных построек, личного подсобного хозяйства).

Важнейшей интегральной характеристикой бедности, отражающей количественные и качественные процессы ее формирования и преодоления, направленность их изменений, является ***потенциал бедности***. Потенциал бедности населения создается в процессе формирования ее носителей и развития социальной среды (микросреды обитания, большого общества) как сферы ее формирования. Потенциал формирования бедности, впрочем, как и ее преодоления, характеризует (отражает) реальные возможности бедных

(индивидов, групп) для удовлетворения их социальных потребностей, а также ресурсы для достижения более высокого уровня жизнедеятельности, обеспечения социального благополучия населения. Это понятие включает не только существующие в данный момент средства и резервы преодоления бедности, но и ее предпосылки, те возможности и источники, которые могут проявиться в будущем при создании определенных условий. Таким образом, потенциал бедности населения отражает социальные перспективы бедности процессов ее воспроизводства. Но в случае формирования бедности зависимость потенциала от возможностей и ресурсов обратная, а в случае преодоления – прямая.

Пространственно-временной аспект анализа процессов бедности сельского населения и ее механизмов позволяет охарактеризовать их изменения в социальном времени и пространстве в отношении их *масштабов, равномерности и социальной дифференцированности*. Так, пространственно-временной аспект анализа динамики процессов бедности дает возможность получить представление:

– *о масштабах такой динамики*;

– *о равномерности*, *усилении* (ослаблении) *динамики*, нарастании (уменьшении) плотности и сгущенности процессов динамики (их дисперсности либо концентрации, очаговости). Результатами такого анализа может быть определение этапов и очагов формирования и преодоления бедности;

– *о масштабах и динамике социальной дифференцированности процессов бедности*, их разнообразия, усложнения и обогащения (насыщения), т.е. о различной динамике масштабов и характера проявления отдельных форм бедности, стратегий и сфер приложения активности разных групп бедных, о социоструктурных результатах изменений. Такой анализ позволяет оценить численность и соотношение активных и пассивных субъектов бедности, масштабы и характер социальных перемещений (социальной мобильности), связанных с изменением статуса, положения бедных в социальной структуре (сколько акторов и каким образом изменило характер активности, какие виды и формы, стратегии активности появились, какие – исчезли, кто стал активным, кто – пассивным и др.), социальную дифференциацию процессов бедности в различных социальных средах, условиях благополучия жизненного пространства.

Методическую основу исследования сельской бедности и современных механизмов их формирования и преодоления в России составляет также ряд разработанных авторами частных методик. К ним относятся методики дифференцированного анализа локальных рынков труда, выявления локальных очагов низкой социально-экономической активности, безработицы[1];

[1] Родионова Л.В., Родионова О.Е. Методика интегральной оценки напряженности на рынке труда в регионе // Человек и труд. 2007. № 10; Сергиенко А.М. Оценка ситуации на локальных рынках труда // Экономические реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда) / под ред. А.Я. Троцковского. Барнаул, 1996; Сергиенко А.М., Ситникова Е.В.

анализа факторов и механизмов формирования активности населения на рынке труда[1]; изучения социального положения, интересов и стратегий поведения населения проблемного региона в сфере доходов и занятости в трансформирующемся обществе[2]; изучения поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда, выявления особенностей и механизмов формирования социальных эксклюзий, оценки взаимосвязи социально-экономической активности населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда; экономической активности как механизма формирования сельской бедности[3]. Не останавливаясь на описании этих методик, рассмотрим лишь наиболее важные методические императивы исследования, позволяющие комплексно оценить сельскую бедность и механизмы ее формирования и преодоления.

Теоретическую схему исследования можно представить в виде четырех блоков и возникающих между ними связей (рис. 2.2). Центральным блоком является «Социально-экономическое положение сельских бедных». Развернутая структура изучения состава и положения бедных представлена на рис. 2.3. Она образована четырьмя взаимосвязанными между собой блоками: *1 – «Субъекты бедности»* (в данном случае выделены носители бедности, различающиеся демографическими и другими характеристиками состава, материальным положением, глубиной бедности); *2 – «Формы бедности»* (имеются в виду прежде всего различия в питании, удовлетворении других насущных потребностей, в т.ч. в потребностей в одежде, жилище, образовании, сохранении здоровья и др.); *3 – «Масштаб бедности»*; *4 – «Глубина бедности»*. Данный подход обобщает проведенный нами теоретический анализ изучения сельской бедности и ее потенциала.

Дифференцированный анализ локальных рынков труда Алтайского края: методические положения и результаты // Образование и соц. развитие региона. 1996. № 1; др.;

[1] Сергиенко А.М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. Монография. Барнаул, 2003; Сергиенко А.М. Социально-экономические и социально-политические факторы и механизмы формирования активности сельского населения на российском рынке труда // Изв. Алт. гос. ун-та. 2003. № 2; др.;

[2] Сергиенко А.М. Виды и формы экономического поведения россиян в период реформ: теоретические подходы и опыт регионального исследования // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: Социология. Юриспруденция. Экономика. 2002. № 2 (24); Сергиенко А.М. Стратегии экономической активности населения агропромышленного региона // Образование и соц. развитие региона. 2002. № 1-2; Сергиенко А.М. Экономическое поведение бедных слоев населения проблемного региона и социальная политика // Образование и соц. развитие региона. 2002. № 3-4; Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ: стратегии и механизмы формирования / под ред. А.М. Сергиенко, Л.В. Родионовой. Барнаул, 2001; др.;

[3] Сергиенко А.М., Родионова Л.В. и др. Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века. М., 2004; др.

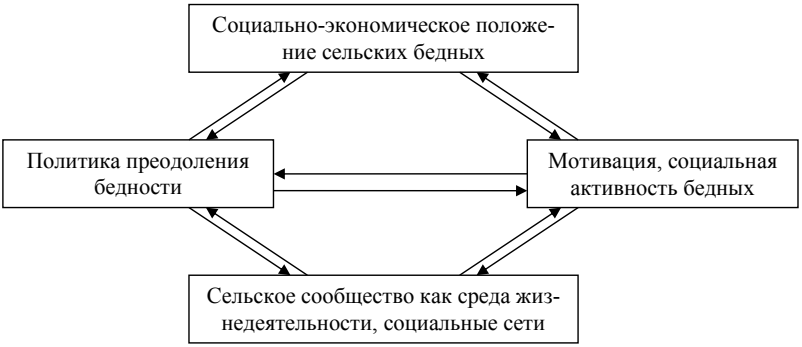


Рис. 2.2. Общая схема исследования сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления

Остальные три блока теоретической схемы (рис. 2.2): *«Мотивация, социальная активность бедных»; «Сельское сообщество как социальная среда жизнедеятельности, социальные сети»* и *«Политика преодоления бедности»* – рассматриваются прежде всего как основные факторы и механизмы формирования и преодоления сельской бедности, но и, с некоторыми ограничениями, как результаты. Бедность сельского населения оказывает значительное влияние на активность людей и сельское сообщество и его социальные сети (обратные связи) и несколько меньшее влияние на социальную политику, в сравнении с их воздействием на бедность (прямые связи). В работе будут рассмотрены преимущественно прямые связи.

При рассмотрении социальной активности сельского населения выделены основные стратегии двух форм активности – социально-экономической и социально-политической, но акцент в исследовании сделан, во-первых, на степени социально-экономической активности и, во-вторых, на ее конструктивности как для самого субъекта, так и для сельского сообщества и российского общества в целом.

Методические особенности исследования сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления определяются выбранными нами методологическими подходами (социоструктурным и стратификационным, деятельностно-активистским и рисковым) и концепциями устойчивого развития общества (сельских территорий), моральной экономики выживания Дж. Скотта.

Во-первых, в рамках *социоструктурного и стратификационного подходов* будет проведен дифференцированный анализ социально-экономического состава и материального положения групп сельского населения, различающихся глубиной бедности.

Для *комплексной оценки масштабов и глубины сельской бедности* в работе использовано несколько различных подходов на основе:

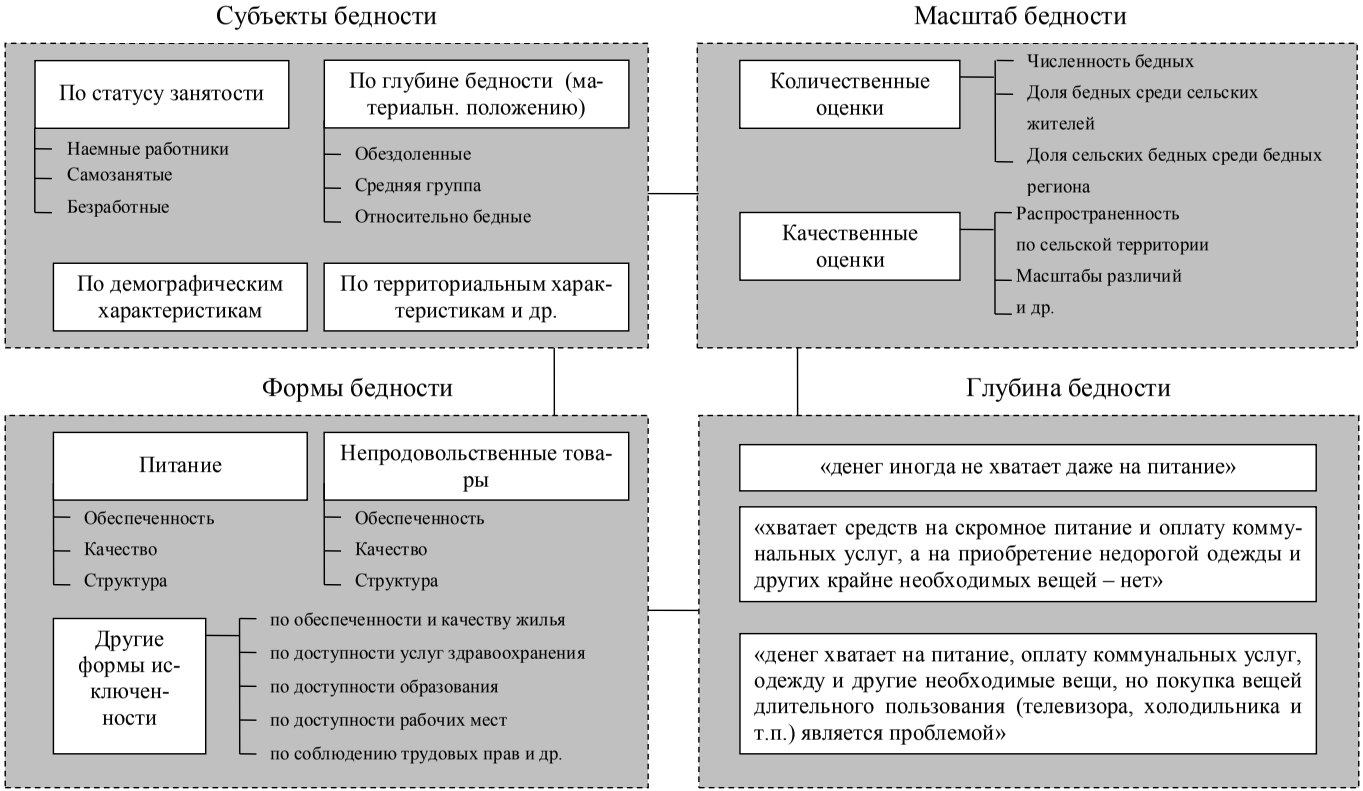


Рис. 2.3. Схема исследования состава и социально-экономического положения сельских бедных

1) оценки сельским населением материального положения своей семьи: к трем категориям бедных относятся сельские жители, которые считают, что им «денег иногда не хватает даже на питание» (***обездоленные***), «хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет» (***бедные***) и «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой» (***относительно бедные***);

2) оценки сельскими жителями среднего уровня совокупных (денежных и натуральных) доходов на члена семьи: будут выделены категории бедных, чьи среднедушевые доходы меньше стоимости потребления на уровне и ниже 2,15 долларов США в день (***бедные по методике ООН***), стоимости потребительской корзины (***обездоленные***), бюджета прожиточного минимума жителей региона (***бедные по методике Росстата***) и до 1,5–2 бюджетов прожиточного минимума (***относительно бедные***);

3) сравнительной оценки сельскими жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны: выделяются категории селян, чье материальное положение ниже среднего уровня по обеспеченности (***относительно бедные***) и те, кто живет за чертой бедности (***бедные и обездоленные)***.

4) оценки сельским населением уровня лишений, возможностей для удовлетворения насущных потребностей (***по методике А. Сена***), в нашем случае полученных в результате анализа доступности потребления качественного питания, одежды и других предметов первой необходимости, жилья, образования, медицинских и других социальных услуг и масштабов нарушений трудовых (низкий уровень и задержки заработной платы, невыплаты социальных пособий и т.д.) и других социальных прав сельских жителей;

5) экспертных оценок ***обездоленности, абсолютной и относительной бедности*** по характеристикам доходов, материального потребления семьи и лишений.

Такие подходы позволят выделить группы сельского населения, различающиеся глубиной бедности. При проведении дифференцированного анализа материального положения, мотивации и активности бедных за основу будет взят первый подход, остальные предполагается использовать в качестве дополнительных и контрольных.

Особенностью данного исследования является анализ ***лишений*** или шире, ***социальной исключенности*** (эксклюзии), как одного из проявлений бедности, результата социально-экономической и социально-политической активности населения, социальной среды (жизненного пространства) сельского сообщества и социальной политики. Анализ лишений, социальной исключенности позволяет выделить особую социальную группу ее жертв, оказавшихся одновременно в ситуации и состоянии исключенности. К послед-

ним, на наш взгляд, относятся лица, находящиеся либо в состоянии напряжения («напряженные» бедные), либо апатии, равнодушия ко всему («равнодушные» бедные).

Для характеристики бедных, чьи трудовые и другие социальные права нарушаются, в их составе выделено три группы: постоянные жертвы лишений или исключенности (постоянно находящиеся в рассматриваемый период в ситуации социальной исключенности), новые и бывшие жертвы. Это позволит выявить факторы и механизмы формирования и преодоления социальной исключенности среди бедного населения, выигрышные и проигрышные стратегии активности.

Во-вторых, в рамках *деятельностно-активистского (деятельностно-субъектного) подхода* для исследования механизмов формирования и преодоления сельской бедности использованы ***количественные и качественные характеристики структурных компонентов*** рассматриваемой ***социальной активности***, т.е. характеристики ее видов и форм, сфер приложения, моделей и стратегий. Среди количественных характеристик использованы масштаб и уровень активности, степень и период распространенности и популярности ее видов и форм, стратегий; среди качественных – ее конструктивность, инновационность, легальность, свобода проявления; субъективная оценка удовлетворенности потребностей людей в активности и ее результатах.

Методической особенностью данной работы является исследование бедности *в условиях сельского сообщества как социальной среды или жизненного пространства формирования массовой бедности и ее глубинных форм. Критериями неблагополучия такого сообщества* являются негативные оценки набора характеристик качества (благополучия) социальной среды, отражающих по сути неспособность населения, проживающих в сельских условиях, самостоятельно решать сложившиеся социальные проблемы (в нашем случае, например, реализовывать модель инновационных, конструктивных стратегий социальной активности) без внешней поддержки, соответствующей социальной политики.

В работе рассматривается село (сельская местность) как особое сообщество или территориальная общность (как региональная, так и поселенческая) с исторически сложившимися и особенно усиленными в период реформ российского общества характеристиками неблагополучия жизненного пространства. В связи с этим не является случайным выбор для эмпирического исследования двух регионов Сибири и России – Алтайского края и Республики Алтай. Выбор указанных регионов определялся, во-первых, высокой долей сельского населения и в силу этого их аграрной специализацией, а также, во-вторых, высокой концентрацией в них бедности.

В 1990-х гг. данные регионы были отнесены исследователями к проблемным, обладающим значительным набором характеристик неблагополу-

чия (см. в работах А. Гранберга,[1] В.Н. Лексина, А.Н. Швецова[2] и др.). Проблемные, неблагополучные в социально-экономическом отношении регионы представляли особый интерес для исследователей. Они в значительной степени лидировали в негативных проявлениях развития социальной сферы страны в целом, появлении и расширении очагов бедности. Кроме того, в проблемных регионах наиболее контрастно проявлялись противоречия, яснее были видны источники и причины бедности и способы ее преодоления. По отношению к регионам такого типа проводилась особая государственная политика с выделением социальных трансфертов на поддержку социально-экономического развития.

В 2011 г. (году проведения опроса) в сельской местности Алтайского края проживало 47% населения, а в Республике Алтай – 73% при среднероссийском показателе 27%. По таким показателям, как уровень бедности, заработная плата, доходы населения данные регионы имели одни из самых последних позиций в рейтинге субъектов Российской Федерации[3]. Так, в кризисный 2009 г. уровень бедности в Алтайском крае составлял 24,4%, в Республике Алтай – 31,1%, это были самые высокие значения показателя по Сибири (вместе с республикой Тыва) и одни из самых высоких по стране (13,2% в среднем по регионам России). Несмотря на дальнейшее заметное сокращение масштабов бедности в данных регионах, в 2012 г. уровень бедности составил 22,6% в Алтайском крае (выше только данные по Республике Тыва – 30.6%, где бедность, напротив, выросла) и 18,6% в Республике Алтай (значительно выше среднего уровня по СФО). Самые низкие позиции в рассматриваемых регионах – и по среднедушевым доходам: в 2009 г. 9,6 тыс. руб. в Алтайском крае и 10,8 – в Республике Алтай против 13,5 и 16,9 тыс. руб. в Сибири и России. Эти позиции сохранились и в настоящее время: в 2012 г. 12,5 и 13,8 тыс. руб. в рассматриваемых регионах (соответственно) против 16,6 и 20,8 тыс. руб. в СФО и РФ.

В-третьих, спецификой реализации социоструктурного и деятельностно-активистского подходов в данной работе является также ***многоуровневый и дифференцированный социологический анализ*** бедности и социальной активности бедных как основного механизма ее формирования и преодоления. В рамках *социоструктурного подхода* будут оценены масштабы и характер различий в социальном (материальном) положении, мотивации и активности разных групп бедного населения, выделены лидеры и аутсайдеры (наиболее депривированные группы) в процессах преодоления бедности.

---

[1] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М., 2003. 495 с.

[2] Региональное измерение государственной экономической политики России. Авторский коллектив: Сулакшин С.С., Лексин В.Н., Швецов А.Н., Реймер Л.А., Малчинов А.С., Орлов И.Б. М.: Научный эксперт, 2007; Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2011.

[3] В период формирования выборки и проведения опросов в 2011 г. среди самых последних лет доступными были только данные 2009 г.

Для дифференцированного анализа особенностей активности бедного населения в работе использовано *три подхода:*

1) *все стратегии активности разделяются по степени ее проявления* на наиболее активные, умеренной активности и пассивные;

2) *в зависимости от характера воздействия на развитие сельского сообщества, его устойчивое развитие, выделяются три модели (типа) активности бедного населения*:

– модель конструктивных, инновационных стратегий поведения, приводящих к прогрессивным изменениям в сельском сообществе;

– модель деструктивных, разрушительных стратегий, формирующих негативные изменения;

– модель смешанных стратегий, оказывающих неоднозначное влияние на сельское сообщество[1];

3) *дифференцированный анализ активности групп бедных осуществляется по характеристикам их социально-экономического положения на рынке труда*. С этой целью в работе выделяются группы бедного населения, различающиеся статусом занятости (наемные работники, самозанятые и безработные), профессионально-квалификационными, демографическими и территориальными характеристиками.

В-четвертых, *деятельностно-активистский подход* обращает наше внимание на изучение масштабов социальных связей и динамики процессов взаимодействия бедного населения с социальной средой сельского сообщества и государством, его институтами, социальной политикой. В нашем случае социальная политика является такой средой, взаимодействие с которой меняет социальное положение бедных и характер их активности, а результатом такого изменения является изменение социальной политики[2].

Характеристики механизмов формирования и преодоления бедности сельского населения. Для оценки таких механизмов будет использован широкий набор характеристик (индикаторов и показателей) состава и положения субъектов бедности (помимо их материального положения), их социально-экономической и социально-политической активности, социальной среды сельского сообщества, социальной политики и других факторов. К основным характеристикам механизмов формирования и преодоления бедности сельского населения относятся следующие:

– характеристики социального положения бедного населения и его отдельных групп на рынке труда;

---

[1] Характер, результативность реализации отдельных стратегий экономической активности в отношении их влияния на развитие сельского сообщества и на положение бедных, могут кардинально различаться. Так, вполне конструктивными с позиции бедных могут являться трудоустройство на рабочие места более низкой квалификации, переход на различные формы неполной занятости.

[2] Сергиенко А.М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. Барнаул, 2003.

– характеристики социально-экономической и социально-политической активности групп бедного населения и процессов ее динамики, изменения стратегий бедных в рассматриваемый период;

– характеристики результатов и последствий реализации социально-экономической и социально-политической активности бедного сельского населения и его отдельных групп, включая уровень и динамику бедности, социального расслоения, алкоголизации и других деструктивных форм поведения;

– характеристики социальной структуры субъектов бедности по содержанию их социально-экономической и социально-политической активности;

– характеристики трудовой мотивации бедных групп населения на рынке труда;

– характеристики социально-экономической и социально-политической ситуации на рынке труда и другие характеристики жизненного пространства сельского сообщества;

– характеристики социальной политики и других социально-экономических и социально-политических факторов макроуровня.

Для анализа социальной политики в рассматриваемом контексте в работе использованы результаты апробации ряда ***методических подходов.*** К ним относятся авторские методики участников проекта: исследования трансформационных процессов социальной политики России, особенностей ее формирования и реализации в депрессивном агропромышленном регионе (на примере Алтайского края)[1]; оценки состояния и перспектив развития сферы доходов населения региона и политики ее регулирования[2]; разработки дифференци-

---

[1] Сергиенко А.М. Особенности трансформации региональной социальной политики // Региональная социальная политика: особенности трансформации и направления развития / под ред. С.И. Григорьева, А.М. Сергиенко. Барнаул, 2002; Сергиенко А.М. Региональные особенности формирования и реализации социальной политики в 90-х годах (на примере Алтайского края) // Социальная работа: Спецвыпуск журнала «Образование и соц. развитие региона». Барнаул, 2000; Сергиенко А.М. Сфера доходов населения и социальная политика: российские тенденции периода реформ // Образование и соц. развитие региона. 2001. № 3-4; др.;

[2] Сергиенко А.М. Оценка уровня бедности и социального расслоения населения Алтайского края в период реформ // Образование и соц. развитие региона. 1998. № 2-4; Сергиенко А.М. Политика и результаты регулирования доходов населения // Социально-экономические аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы / под ред. А.Я. Троцковского. Новосибирск, 2001; Сергиенко А.М. Современные процессы формирования и использования доходов населения российского региона в свете проблем устойчивого развития // Изв. Алт. гос. ун-та. 1999. № 2 (12); Сергиенко А.М. Социальная политика России в 90-х гг.: региональные особенности регулирования доходов населения // Изв. Алт. гос. ун-та. 2000. № 2 (16); Сергиенко А.М. Социальные технологии регулирования доходов населения России 90-х гг.: федеральный уровень и уровень региона как субъекта Федерации // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. Барнаул, 1999. Вып. 7. С. 196-212; Сергиенко А.М. Сфера доходов населения и социальная политика: российские тенденции периода реформ // Образование и соц. развитие региона. 2001. № 3-4; др.

рованных политик по отношению к локальным рынкам труда и локальным очагам низкой социально-экономической активности и безработицы[1]; политики регулирования активности населения на сельском рынке труда[2].

Методические особенности изучения социальной политики как механизма формирования и преодоления сельской бедности определяются ее теоретико-методологическими основами, а именно деятельностным и институциональным подходами. *Во-первых,* в основу анализа социальной политики положен *деятельностный подход* к изучению ее структурных компонентов и форм. На этой основе социальная политика рассматривается с двух позиций: как внешняя воздействующая сила на процессы бедности и как производная таких процессов. *Во-вторых,* использование *институционального подхода* дает возможность анализа институциональных проблем социальной политики, выделение ее институциональных основ. *В-третьих*, особенностью работы является использование *социоструктурного подхода* к анализу политики преодоления бедности. Данные подходы позволяют провести анализ направлений и технологий социальной политики, дифференцированных по отношению к отдельным социальным группам бедных в зависимости от условий жизнедеятельности сельских жителей. Такой анализ создает основу для разработки дифференцированных политик, что предполагает, во-первых, расстановку приоритетов в распределении средств в зависимости от остроты проблем материального положения и активности населения и, во-вторых, выделение перспективных направлений и технологий преодоления бедности.

Приоритетность социальных групп бедных в распределении средств, использовании направлений и технологий социальной политики может быть определена на основе результатов их ***типологизации по социально-экономическому положению и активности***. Самый высокий приоритет следует отдать группам с наиболее неблагополучным современным положением и отсутствием видимых перспектив (потенциала) их самостоятельного решения. Внутри каждого типа приоритетность выделяемых средств определяется исходя из основных характеристик современного положения и активности и их динамики за рассматриваемый период.

---

[1] Сергиенко А.М. Оценка ситуации на локальных рынках труда // Экономические реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда) / под ред. А.Я. Троцковского. Барнаул, 1996; Сергиенко А.М., Ситникова Е.В. Дифференцированный анализ локальных рынков труда Алтайского края: методические положения и результаты // Образование и соц. развитие региона. 1996. № 1.

[2] Сергиенко А.М. Социально-экономическое положение сельского населения на рынке труда // Экономика и энергетика Алтайского края / под ред. А.Н. Логинова и др. Барнаул, 2004; Сергиенко А.М., Муронова И.Ю. Сельский рынок труда в Алтайском крае: ситуация, перспективы, политика на региональном и муниципальном уровнях // Муниципальный мир. 2003. № 5; Сергиенко А.М. и др. Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века. М., 2004; др.

Методика построения типологии по положению и активности сельских бедных. Для построения типологии выделено четыре основания:

1) по положению бедных:

– ***глубина бедности***: по оценкам материального положения, потребления продуктов питания и предметов первой необходимости, обеспеченности товарами длительного пользования и жильем, их качества, а также уровня лишений (исключенности), связанных с доступностью образования, медицинских услуг и нарушениями трудовых и других социальных прав;

– ***продолжительность пребывания в состоянии бедности:*** будут выделены *постоянно бедные* за рассматриваемые периоды (последние три года или десять лет) и *новые бедные* (попавшие в группу бедных за эти периоды).

2) по социальной активности бедных:

– ***уровень социально-экономической активности и трудовой мотивации***: низкий, средний и сравнительно высокий, будут выделены *пассивные, малоактивные (умеренно активные) и активные*;

– ***конструктивность социально-экономических и политических действий*** как для субъекта бедности, так и для сельского сообщества, его устойчивого развития: будут выделены бедные с *конструктивными, деструктивными и смешанными стратегиями активности*.

По результатам исследования предполагается выделить типы бедности со значительными различиями по положению и активности бедных, по отношению к которым можно проводить дифференцированные социальные политики. Так, бедных, относящихся к типам с различной глубиной и продолжительностью бедности, но конструктивными стратегиями активности необходимо поддерживать мерами активных политик занятости и экономического стимулирования политики (кредитование, создание рабочих мест и др.). Для бедных с различной глубиной и продолжительностью бедности и преобладанием деструктивных форм активности (как для себя, так и для сельского сообщества) необходим комплекс мер социальной политики, включающий экономическую и социальную поддержку, повышение доступности к образованию и развитие культуры. Для бедных с драматически низким уровнем материального положения и активности помимо указанного потребуется также психологическая поддержка. Типология сельского населения по положению и социальной активности позволит не только дифференцированно подойти к решению проблемы бедности среди сельских жителей, уже оказавшихся в неблагополучной ситуации, но и выделить факторы риска попадания в наиболее неблагополучные группы бедных (***рисковый подход***).

В-пятых, результаты и перспективы социальной политики рассматриваются в рамках *теории социальной справедливости.* ***Оценку результативности социальной политики по преодолению сельской бедности*** предполагается провести на основе трех подходов (социальной справедливости, социально-экономической и социально-политической эффективности) и использования ряда количественных и качественных показателей. Показателя-

ми, используемыми при оценке эффективности социальной политики являются как объективные статистические показатели, так и субъективные оценки экспертов и населения. Среди статистических показателей можно выделить такие как показатели динамики реальной заработной платы и реальных доходов сельского населения, территориальных и отраслевых различий в заработной плате и доходах работников сельских предприятий, уровня и динамики экономической активности и занятости сельского населения и др. В работе будут представлены субъективные оценки уровня и динамики бедности и безработицы, использования технологий социальной политики и социальной поддержки, эффективности федеральной, региональной и муниципальной социальной политики, реализации законных трудовых и других социальных прав бедного сельского населения.

Основным критерием эффективности социальной политики по преодолению сельской бедности является *ее направленность на создание условий для формирования конструктивных и инновационных стратегий активности бедных,* соответствующих перспективным потребностям модернизации российского общества и приводящих к формированию устойчивого развития сельского сообщества (сельских территорий) и эффективной социальной структуры с преобладанием среднего класса.

Гипотезы исследования. При проведении исследования бедности сельского населения, механизмов ее формирования и преодоления мы исходили из следующих основных гипотез.

1. В условиях недостаточной изученности теоретических и прикладных аспектов политики борьбы с бедностью базовыми методологическими подходами к определению бедности сельского населения и механизмов ее преодоления должны стать социоструктурный и стратификационный, деятельностный и институциональный подходы, а также концепции аккумулированной депривации Е. Хансена, измерения бедности на основе неравенства социального выбора А. Сена, моральной экономики выживания Дж. Скотта и устойчивого развития общества. В качестве основного критерия бедности сельского населения следует рассматривать необеспеченность денежными, имущественными и иными ресурсами, не позволяющая удовлетворять насущные жизненные потребности.

2. Сельская бедность отличается значительными масштабами, глубиной, динамизмом, многообразием форм проявления и специфическими моделями поведения бедных. Накануне модернизационного перехода она претерпела существенные изменения.

3. Сельская бедность дифференцирована в зависимости от социально-экономических, социально-демографических и социально-психологических характеристик населения и тесно связана с уровнем социально-экономической и политической активности сельских жителей. Социальные группы, реализующие более активные и конструктивные стратегии поведения, в меньшей степени подвержены риску бедности и быстрее выходят из этого

состояния. Хронические и глубинные формы бедности не способствуют формированию стратегий активного поведения.

4. Сельская бедность обусловлена влиянием многочисленных факторов, связанных с внешней средой, микросредой обитания и личностными характеристиками бедных. Главными являются активность сельского населения, социальная среда (социально-экономическая ситуация в стране, регионе, сельском сообществе), государственная и муниципальная социальная политика.

5. Уровень, инновационность, конструктивность и другие количественные и качественные характеристики активности бедного сельского населения напрямую зависят от степени благополучия социальной среды сельских сообществ. Активность населения в условиях неблагополучной среды отличается более низким уровнем, традиционностью и деструктивностью (в сравнении с активностью бедных жителей благополучных сообществ).

6. Ухудшение материального положения бедного населения проявляется в расширении масштабов, обострении ранее существовавших и возникновении новых форм лишений, социальной исключенности. Масштабы и острота ситуаций и состояния социальной исключенности бедных усугубляются их деструктивной социальной активностью, неблагополучием социальной среды обитания и неэффективной социально-экономической политикой.

7. На фоне низкого доверия к традиционным формальным институтам борьбы с бедностью сельского населения возникают новые институты, усиливается роль бизнеса и общественных организаций в смягчении проблем бедности, развиваются социальные сети.

8. На данном этапе развития в России не сформированы эффективные механизмы преодоления сельской бедности. Решение этой проблемы требует разработки новых методологических подходов, новых моделей и инструментов социальной политики, объединяющей усилия государственных и местных органов управления, бизнеса, институтов гражданского общества и самих бедных.

Алгоритмы проверки гипотез исследования основаны на особенностях информационной базы и технологий сбора и анализа данных.

2.2. Особенности информационной базы и технологий исследования

Информационной базой исследования являются прежде всего полученные в результате проведения ряда исследований участниками коллектива социологические данные (опросов различных категорий населения и экспертов), а также официальная статистическая и нормативно-правовая информация. Информационная база исследования включает:

1) результаты региональных социологических опросов населения, в т.ч. целевого выборочного опроса 500 бедных сельских жителей Алтайского края

и Республики Алтай в 2011 г. и ранее проведенных опросов сельского населения в 2008 г. (N=1103) и 2002-2003 гг. (N=1100) в регионах Сибири[1];

2) данные Всероссийских опросов населения (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, опросов Левада-Центра, ВЦИОМ и др.);

3) результаты экспертных опросов: целевых экспертных опросов 76 руководителей федеральных, региональных и муниципальных органов управления, общественных организаций и предприятий агропромышленного профиля в 2011 г. по проблемам сельской бедности и ранее проведенных опросов экспертов в 2001–2008 гг. в регионах Сибири (N=250 в 2008 г.; N=25 в 2004–2005 гг.; N=56 в 2002–2003 гг.);

4) данные государственной, муниципальной и ведомственной статистики о состоянии и динамике сельской бедности и факторах, ее определяющих за 2000–2011 гг., в т.ч. данные бюджетных обследований домохозяйств;

5) нормативно-правовые документы Российской Федерации, законы и программы Алтайского края и Республики Алтай по вопросам преодоления сельской бедности[2];

6) для изучения процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда применялся широкий набор методов эмпирического исследования, в т.ч. в 2011 г. опрос бедного сельского населения и опросы экспертов *методами полустандартизированного и глубинного интервью*.

Выборка опроса сельского населения: процедура, объем, методика реализации. Исследуемой совокупностью является бедное сельское население России. В исследовании используется целевая многоступенчатая квотная выборка. Такая выборка направлена на изучение определенных целевых групп и предполагает многоступенчатый отбор респондентов на квотной основе.

Единицами отбора *первой ступени* являются субъекты Российской Федерации. В результате отбора выбрано два субъекта РФ – Алтайский край и Республика Алтай. Как отмечено выше, выбор указанных регионов определялся высокой долей сельского населения и в силу этого аграрной специализацией региона, а также высокой концентрацией в них бедности. Размер вы-

[1] В 2002-2003 гг. опрошено 1100 сельских жителей трудоспособного возраста (наемных работников, самозанятых и безработных) 46 сельских районов трех регионов Сибири – Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай по проблемам поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда. Проект осуществлен при поддержке АНО «Независимый институт социальной политики» за счет средств Фонда Форда по программе «Социальная политика: реалии XXI века» в 2002–2003 гг. (№SP-02-1-05, руководитель А.М. Сергиенко).

[2] Среди них: законы РФ «О государственной социальной помощи», Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. и др.; приоритетные национальные проекты; законы Алтайского края «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Алтайском крае» и др.; региональные программы: «Долгосрочная программа социально-экономического развития Алтайского края на период до 2017 года», «Социальное развитие села до 2013 года» и др.

борки составляет 500 человек, из них 88% проживало в Алтайском крае и 12% – в Республике Алтай, что было пропорционально численности сельского населения старше 18 лет, проживавших в этих регионах в опросный период – Приложение 1, табл. 1.1)[1].

В качестве единиц отбора *второй ступени* выбраны сельские муниципальные районы (образования), различающиеся географическим положением и степенью урбанизированности. В выборку включено 15 районов Алтайского края, расположенных в разных географических зонах региона и два – в Республике Алтай. В выборке представлены муниципальные образования с высоким, средним и низким уровнем урбанизированности. Основой включения района в ту или иную группу является типология сельских районов, построенная А.Я. Троцковским[2].

Единицами отбора *третьей ступени* являются сельские населенные пункты. Требованием к их отбору являлось соответствие структуры опрошенных респондентов, проживающих в поселениях с разной людностью, аналогичной структуре сельского населения Алтайского края и Республики Алтай по данным государственной статистики (Приложение 1, табл. 1.2). Особенностью поселенческой структуры исследуемых регионов является крупноселенный дисперсный характер расселения: 66% сельских жителей Алтайского края и 68% – Республики Алтай проживали в опросный период в населенных пунктах с численностью более 1 тыс. человек (в среднем по России в таких поселениях проживало в то время 52% селян).

К единицам отбора *четвертой ступени* относятся бедные домохозяйства. Для выделения целевой группы бедных использовались данные администраций сельских муниципальных образований (муниципальных районов и сельских поселений) и скрининговогo опроса сельских жителей. Процедура отбора состояла в том, что интервьюер сначала обращался в районную или поселковую администрацию, органы соцзащиты, школу и к односельчанам[3] с просьбой предоставить информацию о бедных домохозяйствах. Затем он последовательно обходил рекомендованные домохозяйства и на основе скрининговогo опроса отбирал те из них, которые соответствовали заданным критериям бедности. Для подтверждения соответствия респондентов выделенным критериям в скрининг-анкету включены специальные вопросы-фильтры по оценке доходов и материального положения. Дополнительный контроль

---

[1] В силу отсутствия адекватной информации при определении структурных показателей выборки в исследовании принято допущение о том, что территориальная, половозрастная и поселенческая структуры бедного сельского населения несущественно отличаются от соответствующих структур всего сельского населения изучаемых регионов.

[2] Троцковский А.Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации / Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, 1997. С. 227.

[3] В качестве интервьюеров были привлечены студенты и аспиранты факультета социологии Алтайского госуниверситета, имеющие сельские корни и близких родственников в селе.

отбора респондентов обеспечивался непосредственным наблюдением для фиксации неучитываемых статистикой явлений и процессов формирования и преодоления сельской бедности (например, интервьюер фиксировал в маршрутном листе внешне наблюдаемое качество жилища: ветхое (в аварийном состоянии), требует капитального ремонта, в хорошем состоянии или новое/недавно после ремонта).

Отбор респондентов в домохозяйстве для опроса по основной анкете проводился в соответствии с заданными квотами. Распределение сельского населения в возрасте 18 лет и старше по полу в Алтайском крае практически совпадало в опросный период со среднероссийским, в Республике Алтай соотношение полов было более сбалансированным (Приложение 1, табл. 1.3). Распределение населения Алтайского края по возрасту было идентично общероссийскому; в Республике Алтай такое распределение носило более прогрессивный характер: здесь доля молодежи была выше удельного веса пожилых людей на 7,4 процентных пункта (Приложение 1, табл. 1.4). Соответственно, полевое исследование было проведено по квотным требованиям, указанным в Приложении 1, табл. 1.5.

Для качественного и дифференцированного анализа сельской бедности в каждом поселении в выборку были включены разные группы бедных (в соответствии с нашей методологией – обездоленные, средняя группа бедных, относительно бедные), выявленных на основе скрининговой анкеты.

Характеристика инструментария выборочных опросов населения и экспертных опросов. *Анкета населения* включает общие для всех респондентов и специальные блоки вопросов для групп, занимающих позиции наемного работника, самозанятого, безработного. Анкета содержит следующие характеристики: доходов и материального положения респондентов в 2001 г. и на момент опроса, ситуации их исключенности по доступности образования и медицинских услуг, социально-психологического состояния; социально-экономической и политической активности занятого населения (наемных работников, самозанятых) и безработных, активности в сфере дополнительной занятости и ЛПХ; факторов и механизмов формирования бедности, в т.ч. социальной поддержки государства, социальных сетей, оценки отдельных направлений государственной и муниципальной политики; перспектив преодоления сельской бедности. Кроме того, в инструментарии содержатся вопросы социально-демографические характеристики и характеристики потенциального репродуктивного и миграционного поведения.

Инструментарий *экспертных опросов руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, а также общественных организаций* включает вопросы: оценки состояния и динамики социальной и экономической ситуации в сельском сообществе; масштабов, глубины, форм и динамики бедности, социального портрета бедных; об основных стратегиях социально-экономической и социально-политической активности различных групп бедного населения, по оценке ее уровня; оценки масштабов и глубины

нарушений трудовых и других социальных прав различных групп бедных; роли отдельных субъектов политики в преодолении бедности; о факторах и механизмах формирования и преодоления бедности; по оценке государственной и муниципальной политики и направлениях ее совершенствования. Бланки интервью с руководителями сельских общественных (молодежных, женских, ветеранов, инвалидов) организаций включает также специальные блоки вопросов, касающиеся их сферы деятельности и положения социальных групп, интересы которых они защищают в первую очередь.

Для оценки сельской бедности и механизмов ее формирования и преодоления в *бланки интервью экспертов – руководителей сельских предприятий* включены вопросы по характеристике: социально-экономической ситуации в сельском сообществе, положения данного предприятия, в т.ч. оценки его финансово-экономических проблем, численности работников и качества рабочей силы; мотивов трудовой деятельности работников предприятия; общей оценки сельской бедности и уровня активности различных групп бедных; ситуации на локальном рынке труда, в т.ч. по характеристике видов, форм и масштабов нарушений трудовых прав, распространенности неформальных трудовых отношений и др. Данный инструментарий содержит целый ряд вопросов по социальной политике, в т.ч.: о кадровой политике и социальной поддержке работников предприятия использовании различных видов и форм материальной поддержки бедных предприятием; о роли сельского бизнеса и других организаций в решении проблем бедности на селе; по оценке государственной и муниципальной политики. В заключительной части интервью руководителю предприятия предлагается выделить направления социальной политики по преодолению сельской бедности на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

Использование данных опросов населения и экспертов позволяет получить качественную и разностороннюю субъективную оценку масштабов, глубины, форм и динамики сельской бедности, факторов и механизмов ее формирования и преодоления, в т.ч. социально-экономической и политической активности бедного сельского населения, социальной среды сельского сообщества (социальных сетей) и социальной политики и разработать на этой основе направления совершенствования политики преодоления сельской бедности.

Технологии обработки и анализа результатов опроса населения и экспертов. Обработка данных осуществлена с помощью пакета SPSS. Достоверность и надежность полученных данных обеспечена путем сопоставления результатов опроса населения: 1) с данными государственной и муниципальной статистики по бедности и факторам, ее определяющим (доходам и занятости населения, обеспеченности жильем и др.); 2) с результатами ранее проведенных нами опросов населения (2008, 2002–2003 гг.); 3) с результатами экспертных опросов. Кроме того, верификация результатов осуществлена благодаря использованию множества современных методов математико-

статистической обработки данных, в т.ч. построения группировок, классификаций и эмпирических типологий, анализа таблиц сопряженности признаков (с помощью коэффициентов хи-квадрат, сопряженности Пирсона, Кендалла и др.), корреляционного, факторного, кластерного и дисперсионного анализа и др.

Анализ экспертных оценок проводился на основе методик «плотного» описания, описания социального контекста (с использованием анализа статистических данных и нормативно-правовых документов), аналитической индукции. Для обработки качественных (открытых) вопросов, например, касающихся успешных примеров преодоления сельской бедности или предложений по совершенствованию государственной и муниципальной политики в данной области, применены традиционные методы систематизации и классификации.

Основные характеристики состава населения и экспертов. В соответствии с разработанной технологией опроса населения он осуществлен методом неслучайной целевой выборки на квотной основе с выделением групп бедного населения, различающихся: демографическими характеристиками (пол, возраст) и местом жительства (численность жителей в сельских поселениях, уровень урбанизированности сельских районов, географическое положение). В каждом поселении в выборку включены разные группы бедных (обездоленные, средняя группа бедных, относительно бедные).

Состав опрошенного населения по численности и месту проживания. Опрос проведен в двух регионах аграрной специализации, в интервьюировании приняли участие 500 бедных сельских жителей – 88% жителей Алтайского края и 12% жителей Республики Алтай, что полностью соответствует структуре генеральной совокупности по данному показателю (табл. 2.1). Респонденты проживают в 24 селах 19 муниципальных районов (17 из них расположены в Алтайском крае и соответственно 2 – в Республике Алтай), различающихся (согласно требованиям выборки) уровнем урбанизированности (удаленности от городов края). Причем большинство опрошенных (74,4%) являются жителями неурбанизированных районов (их 13: 12 краевых и 1 республиканский) и только 13,8% – урбанизированных (3 района: 2 и 1) и 11,8% – слабоурбанизированных (все расположены в Алтайском крае) – табл. 2.1 и Приложение 2.

Кроме того, респонденты проживают в 24 разных по численности сельских поселениях, от малых (до 500 человек) до крупных (более 2000) – табл. 2.1 и Приложение 2. Подавляющее большинство опрошенных (76,2%) представляют жителей больших поселений (более 1 тыс. чел.), что соответствует в основном крупноселенной структуре расселения сельских жителей региона.

Практически полностью соответствует расчетным характеристикам выборки количество респондентов из средних по численности сел (20,2% против рекомендуемых 19,4%). Недостатком выборки является существенно меньшая представленность бедных из малых сел (5,6 против 15,4%), что

Таблица 2.1

Основные характеристики бедного сельского населения, %

Характеристики	Все бедное население	Обездоленные	Средняя группа по бедности	Относительно бедные
Пол				
Мужской	46,2	45,5	46,0	46,6
Женский	53,8	54,5	54,0	53,4
Возраст				
Молодежь до 29 лет	21,4	9,1	15,7	29,7
Лица среднего и старшего трудоспособного возраста	50,2	65,2	53,0	43,6
Пенсионеры	28,4	25,8	31,3	26,7
Образование				
Нет образования	0,2	0,0	0,5	0,0
начальное общее	4,2	6,1	4,0	3,8
Основное общее	17,8	31,8	20,2	11,9
Среднее (полное общее)	19,2	18,2	23,2	16,1
Начальное профессиональное	18,2	19,7	19,2	16,9
Среднее профессиональное и неполное высшее	29,0	18,2	25,2	35,2
Высшее профессиональное	11,4	6,1	7,6	16,1
Основное занятие				
Работаю по найму	45,4	21,2	43,9	53,4
Самозанятый	1,4	1,5	0,5	2,1
Безработный, не занятый	15,4	39,4	15,2	8,9
Занят только в личном подсобном хозяйстве	5,2	9,1	4,5	4,7
Студент, учащийся	3,4	0,0	2,5	5,1
Пенсионер	27,0	24,2	30,8	24,6
Домохозяйки, военнослужащ.	2,2	4,5	2,5	1,3
Семейное положение				
Женат/ замужем	62,4	56,1	58,1	67,8
Холост/ не замужем	17,2	18,2	17,7	16,5
Вдовец/ вдова, разведен(а)	20,4	25,8	24,2	15,7
Наличие детей				
В среднем на 100 семей, человек	72	83	70	70
Регион проживания				
Алтайский край	88,0	81,8	82,8	94,1
Республика Алтай	12,0	18,2	17,2	5,9
Урбанизированность районов				
Урбанизированные	13,8	22,7	18,2	7,6
Среднеурбанизированные	11,8	10,6	11,6	12,3
Неурбанизированные	74,4	66,7	70,2	80,1
Людность поселения				
До 500 человек	5,6	7,6	4,0	6,4
501–1000 человек	18,2	18,2	20,2	16,5
1001–2000 человек	7,6	3,0	4,5	11,4
Более 2000 человек	68,6	71,2	71,2	65,7

произошло из-за относительно низкой доступности для интервьюеров таких поселений и высокого уровня затрат времени и материальных затрат. Поскольку требование выполнения квот по структуре расселения сельского населения не является обязательным, такая особенность выборки будет учтена на этапе анализа данных.

Половозрастная структура респондентов в целом репрезентативна генеральной совокупности, в целом идентична аналогичной структуре сельских жителей Алтайского края и Республики Алтай. В обследовании приняли участие: 1) *по полу:* 46,2% мужчин (соответственно, 53,8% женщин), ошибка выборки составляет 1,3%; 2) *по возрасту:* 21,4% молодежи от 18 до 29 лет, 50,2% представителей среднего и старшего трудоспособного возраста (женщины 40–54 лет и мужчины 40–59 лет) и 28,4% пенсионеров (соответствующего возраста получения трудовой пенсии) до 89 лет, что в основном соответствует гендерной структуре генеральной совокупности (ошибка выборки по возрасту составляет менее 3%) – табл. 2.1.

Семейное положение и дети. Подавляющее большинство (62%) сельских бедных состоят в браке, средний размер их семьи составляет 2,95. Среди них преобладают однодетные семьи (примерно 54%), 34% – имеют двух детей и 12% – трех и более.

По уровню образования самую значительную группу составили бедные селяне со средним профессиональным либо неполным высшим образованием (29%) – табл. 2.1. Довольно высока доля респондентов с высшим образованием – 11,4%. Более 18% имеют начальное профессиональное образование. И более 40% составляют жители, получившие преимущественно среднее общее (19,2%) и более низкое образование. В составе респондентов представлен один сельский бедный без образования (0,2%).

В структуре респондентов *по статусу занятости* подавляющее большинство (45,4% общего состава респондентов и 59,8% среди представителей трудоспособного возраста) составили наемные работники (табл. 2.1). Самозанятых (в т.ч. занятых только в семейном хозяйстве) – 6,6% всех опрошенных и 9,2% респондентов в трудоспособном возрасте, безработных (с соответствующим статусом в центрах занятости и без него) – 15,4 и 21,5%, соответственно, неработающих пенсионеров – 27% селян. Незначительную долю образовали студенты и учащиеся: 3,4% всех опрошенных. Кроме того, в выборку попали домохозяйки и военнослужащие.

И *по уровню и глубине бедности* в состав респондентов вошли 13,2% обездоленных, 39,6% бедных и 47,2% относительно бедных. Такая структура респондентов по уровню и глубине бедности достаточно близко соответствует экспертным оценкам научного сообщества и позволяет провести сравнительный анализ по данным трем целевым группам.

Анализ контроля качества полевых работ показал, что полученный массив данных *в целом соответствует квотным требованиям*, определенным на этапе расчета выборки, по полу, возрасту, региону проживания, по

требованиям представленности трех целевых групп бедных (обездоленных, средней группы бедных и относительно бедных) из различных сельских муниципальных образований, различающихся уровнем урбанизированности, и проживающих в селах с различной численностью населения. Во-вторых, уровень достоверности данных *превышает 95%.*

Характеристики состава экспертов – респондентов полуформализованного интервью. В полуформализованном интервью приняли участие 76 экспертов: 45 руководителей и специалистов органов государственного и сельского муниципального управления, 19 директоров сельских предприятий и 12 руководителей сельских общественных организаций. Отбор экспертов осуществлен по базам данных экспертов и методом «снежного кома».

Руководители и специалисты региональных и муниципальных органов управления. В полуформализованном интервью в качестве экспертов приняли участие 45 представителей местной власти и один – регионального управления (заместитель министра Министерства труда и социального развития Республики Алтай). Среди них: почти каждый девятый – глава или заместитель главы района, около трети – главы или заместители глав сельсовета, почти каждый пятый – руководитель и специалист органов социальной защиты района, меньше 10% – руководители и специалисты органов социальной защиты поселения, а также другие руководители и специалисты администрации района, сельсовета, руководители и специалисты Управления Пенсионного Фонда России, специалист управления Росреестра. Большинство экспертов имеют значительный стаж управленческой деятельности, связанный с социальным развитием села и решения проблем бедности. Около трети экспертов работает в данной сфере более 10 лет, меньше трети – до 5 лет и столько же – от 5 до 10 лет и только чуть более 10% – до 1 года.

В полуформализованном интервью приняли участие эксперты из двух субъектов РФ: из Алтайского края – 84,4% опрошенных, из Республики Алтай – 15,6%. В Алтайском крае эксперты представляют 21 район, 27 населенных пунктов; в Республике Алтай – 2 района, 3 населенных пункта. Значительная часть экспертов (84,4%) – из больших поселений, более 1 тыс. чел., остальные – из малых и средних поселений.

Представители сельского бизнеса. В опросе приняли участие руководители 19 предприятий из 12 сельских районов и 14 населенных пунктов Алтайского края. Более половины предприятий расположены в населенных пунктах с численностью более 2 тыс. человек, пятая часть – от 501 до 1000 человек (остальные функционируют в селах до 500 человек или от 1001 до 2000 человек). Большая часть экспертов – представители крестьянских (фермерских) хозяйств, остальные представляют ООО, ОАО и СПК. В опросе приняли участие руководители как давно существующих предприятий (с 1930-1960 гг.), так и недавно созданных (со второй половины 2000-х гг.). Подавляющее большинство предприятий – сельскохозяйственные; встречаются

также предприятия, осуществляющие такие виды деятельности, как обрабатывающие производства, оптовая и розничная торговля.

Руководители оценивают состояние своих предприятий преимущественно как удовлетворительное: выплаты по кредитам осуществляются регулярно, хозяйство оплачивает все счета, осуществляет отчисления в соответствующие фонды, наращиваются производственные мощности, растет заработная плата работников, хозяйство имеет хорошие перспективы развития. Четверть руководителей указала, что хозяйство находится в хорошем состоянии: выплаты по кредитам осуществляются регулярно, хозяйство оплачивает все счета, осуществляет отчисления в соответствующие фонды, наращивает производственные мощности, активно осваивает новые технологии, растет заработная плата работников, хозяйство активно участвует в модернизации социальной сферы и инфраструктуры села, имеет очень хорошие перспективы развития. И лишь один руководитель указал, что хозяйство находится в тяжелом состоянии: много долгов по полученным кредитам (хотя они и не превышают стоимость основных фондов), предприятие не наращивает свой потенциал, в состоянии только выплачивать небольшую заработную плату работникам, но по долгам осуществляются регулярные выплаты, и хозяйственную деятельность характеризует положительное сальдо (превышение доходов над расходами); в последнее время наметились некоторые перспективы.

Численность работников предприятий разная, в основном встречаются предприятия с малой численностью (до 50 человек), колеблется этот показатель от 1 до 400. Только на трех предприятиях достаточно большая для села численность работников – более 200 человек. Треть предприятий потеряла работников в течение последних 10 лет: их численность уменьшилась, причем на большинстве предприятий – значительно: в 2 раза и более.

Основной состав опрошенных представителей сельского бизнеса – достаточно квалифицированные эксперты. В основном они работают в данной сфере более 10 лет, лишь менее пятой части – до 5 лет. Большинство имеют высшее, неоконченное высшее или среднее профессиональное образование, но есть и эксперты с начальным профессиональным и средним полным общим образованием.

Руководители общественных организаций. Из двенадцати экспертов-руководителей общественных организаций, принявших участие в социологическом опросе «Сельская бедность в новой России: механизмы формирования и преодоления» десять представляют Алтайский край (шесть районов, восемь населенных пунктов) и двое – Республику Алтай (один район, два населенных пункта). Основную долю экспертов составили эксперты, проживающие в больших и крупных населенных пунктах от 501 до 1000 человек и более 2 тыс. человек (по 5 представителей каждой группы). Это связано прежде всего с тем, что общественные организации в основном представлены в больших и крупных сельских поселениях.

В опросе приняли участие руководители женсоветов (три эксперта), союзов пенсионеров, советов ветеранов, молодежных организаций (по два эксперта), Фонд милосердия и здоровья Республики Алтай, общественный благотворительный фонд инвалидов войны в Афганистане, Всероссийское общество инвалидов (по одному эксперту). Немногим менее половины из этих организаций официально зарегистрировано, треть – работают без регистрации и оформления документов, но планируют зарегистрировать организацию в ближайшее время, четверть работают без регистрации и не видят в этом необходимости. Представлены как недавно созданные организации (в т.ч. и в 2011 г.), так и давно функционирующие (например, 1970, 1980 гг.).

Основные цели деятельности общественных организаций, руководители которых приняли участие в опросе, следующие: организация детского и молодежного досуга, решение проблем пенсионеров: материальная, психологическая и иная помощь (отметили три эксперта), работа с неблагополучными семьями (две организации), улучшение жилищных условий отдельных категорий селян, помощь солдатским вдовам, инвалидам войны и членам их семей, натуральная помощь бедным, поддержка молодежи, защита прав инвалидов, интеграция инвалидов в общество (отметили по одному эксперту). Более половины экспертов-руководителей общественных организаций указали, что положение организации благополучное, треть сообщили, что в последнее время наблюдается улучшение, появились надежды на развитие, и только один эксперт отметил, что положение неблагополучное, организация в стадии закрытия. В опросе приняли участие представители небольших организаций по численности работников: от наиболее маленьких (до 10 работников) до более крупных (более 50 работников).

Характеристики состава экспертов – респондентов глубинного интервью. Глубинное интервью проведено с 8 представителями государственной власти: 1) *четыре эксперта из региональных исполнительных органов:* три руководящих работника ГлавАлтайсоцзащиты, 1 бывший консультант-советник губернатора Алтайского края по сельскому хозяйству (2006–2009 гг.); 2) *три эксперта из региональных законодательных органов:* два представителя регионального законодательного органа управления (Алтайского краевого Законодательного собрания); бывший председатель АКЗС (1996–2008 гг., он же бывший Министр сельского хозяйства РФ в 1994-1996 гг.); 3) *уполномоченный по правам человека* в Алтайском крае как особый институт политической власти. Все эксперты имеют высшее образование, имеют или имели в недавнем прошлом отношение к решению проблем социального развития села и сельской бедности на государственном региональном уровне.

* * *

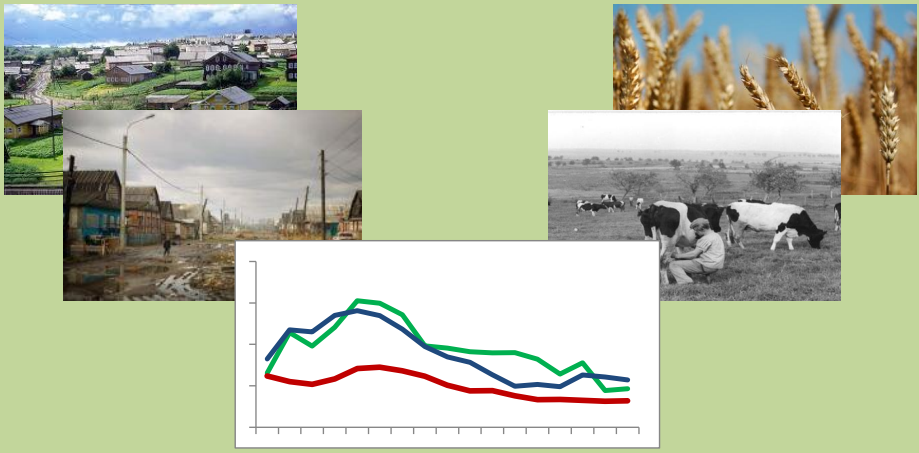
Совместное использование социологической, статистической и нормативно-правовой информации, а также различных, адекватных задачам исследования методов ее сбора и анализа дает возможность получить наиболее полные и достоверные знания о масштабах, глубине и динамике сельской бедности, факторах и механизмах ее формирования и преодоления.

Комплексное исследование бедности сельского населения основано на дифференцированном анализе социально-экономического положения бедного сельского населения, включая характеристики доступности социальных услуг, социально-экономической мотивации и активности бедных, влияния социальных сетей.

Для анализа масштабов и глубины бедности сельского населения выделяются три категории бедных: крайне бедные, бедные средней группы, относительно бедные. В основе выделения данных групп лежит материальное положение их семей.

РАЗДЕЛ 2

ПРОЦЕССЫ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АГРАРНЫХ РЕГИОНАХ



Глава 3. МАСШТАБЫ, ГЛУБИНА, ДИНАМИКА И ФОРМЫ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ

3.1. Динамика бедности и социального расслоения жителей России и регионов аграрной специализации

Неравномерность процесса сокращения бедности и особенности расслоения населения по доходам в отдельных регионах страны фокусирует внимание ученых и политиков на так называемые регионы-аутсайдеры, концентрация бедности в которых заметно выше среднего по стране показателя. К таким регионам могут быть отнесены регионы аграрной специализации, поскольку территориально бедность сконцентрирована в сельской местности, что не является российской особенностью, а скорее соответствует общемировым тенденциям социально-экономического развития. По данным статистики, распространенность бедности в российских селах в два раза выше, чем в городах. Так, еще в докризисный 2008 г. 41% малоимущих домохозяйств располагалось в сельской местности, тогда как удельный вес всех сельских домохозяйств составлял только 26,5% (для сравнения: бедность «поселилась» в 58,9% городских домохозяйствах, составляющих 73,5% всех российских домохозяйств). Такой же вывод получен нами по результатам опросов жителей сел Алтайского края и Республики Алтай[1].

В связи с этим мы поставили в своем исследовании следующие вопросы. Во-первых, каковы сложившиеся различия в масштабах бедности и дифференциации населения по доходам между аграрными регионами и страной в целом? Каковы особенности динамики рассматриваемых процессов данной группы регионов? Во-вторых, какие позиции по бедности и расслоению в группе аграрных регионов занимают представители сибирских регионов? Являются ли они в этом отношении типичными аграрными регионами страны? И можно ли считать сегодня бедность и социальное расслоение в аграрных регионах страны и Сибири социальным вызовом, даже реальной угрозой социальной безопасности российского общества?

Методические основы выделения аграрных регионов. Прежде чем приступить к анализу интересующих нас вопросов, определимся, какие именно российские регионы и по каким критериям можно отнести сегодня к регионам аграрной специализации, или короче, аграрным.

Возможны различные подходы к выделению группы регионов аграрной специализации. Так, Н.А. Чертов при определении критериев выделения агропромышленных регионов, занимающих промежуточное положение между аграрными и промышленными, использовал два ключевых показателя: удельный вес занятых в сельском хозяйстве и доля основных фондов сельского хо-

[1] Алтайское село: современные процессы и механизмы социального развития: монография / под ред. А.Я. Троцковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

зяйства в общей стоимости основных фондов[1]. В выделенных автором 10 агропромышленных регионах, куда из сибирских регионов вошел только Алтайский край, в 2001 г. удельный вес занятых в сельском хозяйстве был почти в два раза выше среднероссийского уровня, удельный вес сельского хозяйства в валовом региональном продукте – в три раза, а доля основных фондов этой отрасли в общей стоимости основных фондов – в два с лишним раза.

На наш взгляд, логично, что регионы аграрной специализации должны отличаться высокими долями сельского хозяйства в валовом региональном продукте (ВРП) и сельского населения в общей численности населения. Причем внимание ко второму показателю не случайно именно в связи с изучением проблем бедности и социального расслоения, касающихся не только занятого населения в сельском хозяйстве, но и всех сельских жителей. На основе анализа данных статистики во второй половине 2000-х гг. в качестве критериев выделения аграрных регионов нами определены:

– во-первых, доля сельского хозяйства в ВРП на уровне 20% и выше, что минимум в 2,5 раза выше среднего значения показателя по стране в рассматриваемый период (7–8%);

– во-вторых, доля сельского населения около трети и более в структуре всего населения при среднем показателе по России – 26,3% в 2010 г. (здесь и далее использованы данные Росстат и Территориального управления).

В этом случае в группу аграрных регионов попадают 19 субъектов Российской Федерации, отвечающих одновременно двум критериям. Среди них: по пять регионов Центрального (Белгородская, Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская области) и Северо-Кавказского федеральных округов (Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская Республики, Северная Осетия – Алания, Ставропольский край), по три региона Южного (Республики Адыгея и Калмыкия, Краснодарский край) и Приволжского округов (Республики Марий Эл и Мордовия, Пензенская область) два представителя Сибирского округа (Алтайский край и Республика Алтай) и один уральский регион (Курганская область) – табл. 3.1.

Кроме того, к регионам аграрной специализации мы отнесли еще Саратовскую область с долей сельского населения на уровне среднего значения по стране, но заметно превышающую 20%-ный удельный вес сельского хозяйства в ВРП. И несмотря на высокую представленность сельских жителей в структуре населения в целом (даже более 40%), значительная часть регионов не отнесена нами к аграрным из-за несоответствия первому критерию. Таковыми являются в первую очередь национальные республики, в том числе регионы Северного Кавказа (Республика Ингушетия и Чеченская Республика, более 60% сельчан), Чувашская Республика, Республики Бурятия и Тыва. Причем многие из этих сельских регионов еще в недавнем прошлом имели сравнительно высокую долю сельского хозяйства в отраслевой структуре экономики, но в последние годы потеряли свои позиции в данном отношении.

[1] Чертов Н.А. Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона: монография. – Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2003. С. 73-74.

Таблица 3.1

Основные характеристики аграрных регионов России

Регионы	Удельный вес сельского населения в общей численности населения (по данным переписи населения в 2010 г.), %	*Доля сельского хозяйства в ВРП, %*	
		2005 г.	2009 г.
Российская Федерация	26,3	7,7	7,8
Центральный федеральный округ	18,7	4,7	4,9
Белгородская область	33,9	22,6	29,4
Воронежская область	36,3	23,7	24,9
Курская область	34,8	25,3	25,7
Орловская область	34,5	27,7	27,5
Тамбовская область	41,3	29,0	28,0
Южный федеральный округ	37,6	22,2	19,3
Республика Адыгея	49,0	24,8	25,8
Республика Калмыкия	55,9	45,9	43,1
Краснодарский край	47,1	26,0	20,4
Северо-Кавказский федеральный округ	50,9	29,6	22,2
Республика Дагестан	54,7	27,9	17,2
Кабардино-Балкарская Республика	45,5	36,9	30,9
Карачаево-Черкесская Республика	57,7	39,7	38,2
Республика Северная Осетия – Алания	36,2	24,5	23,3
Ставропольский край	42,8	30,4	24,4
Приволжский федеральный округ	29,2	12,7	12,9
Республика Марий Эл	36,9	30,4	26,8
Республика Мордовия	39,6	36,3	34,0
Пензенская область	32,9	21,1	21,1
Саратовская область	25,5	20,4	19,6
Уральский федеральный округ	20,1	3,2	4,1
Курганская область	39,7	21,9	23,2
Сибирский федеральный округ	28,0	10,3	10,9
Республика Алтай	72,4	34,7	27,4
Алтайский край	45,3	29,4	28,6

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Среди сибирских регионов явными лидерами аграрной направленности в экономике являются только Алтайский край и Республика Алтай. В 2005–2010 гг. доля сельского хозяйства в ВРП колебалась в Алтайском крае в пределах от 25,5 до 30% (27,8% в 2010 г.), в Республике Алтай – от 26,1 до 34,7% (29,5% в 2010 г.). По данным переписи населения в 2010 г. в этих регионах соответственно проживало 45,3 и 72,4% сельских жителей.

Бедность и социальные различия по доходам: особенности аграрных регионов. В 1990-х гг. рост бедности населения (с доходами ниже про-

житочного минимума) наблюдался в России и всех ее регионах, однако динамика бедности в аграрных регионах была более неблагоприятной. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в последних превышал средний по России в 1,7 раза (48,1% против 29% по РФ) – рис. 3.1–3.2. 2000-е гг. ознаменовались в России устойчивым сокращением бедности до 12,6% в 2010 г. (в 2,3 раза), и даже глобальный экономический кризис не повлиял на этот позитивный тренд. Лишь первый год нового десятилетия слегка поколебал устойчивость этой тенденции: 12,7% в 2011 г.

За прошедшее десятилетие масштабы бедности сокращались в аграрных регионах бо́льшими темпами в сравнении с остальными субъектами Федерации и страной в целом. Уже в 2005 г. разница по рассматриваемому показателю между Россией и ее аграрными регионами сократилась до 1,4 раз в «пользу» последних (25,2% против 17,7) – см. рис. 3.1. А в 2010 г. уровень бедности в аграрных регионах страны составил 16,1% против 12,6% по России, что соответствует различиям менее чем в 1,3 раза. Лишь в двух (Белгородской и Курской областях) из 20 регионов уровень бедности был ниже среднероссийского, в 2011 г. к ним добавились Тамбовская область и Республика Дагестан.

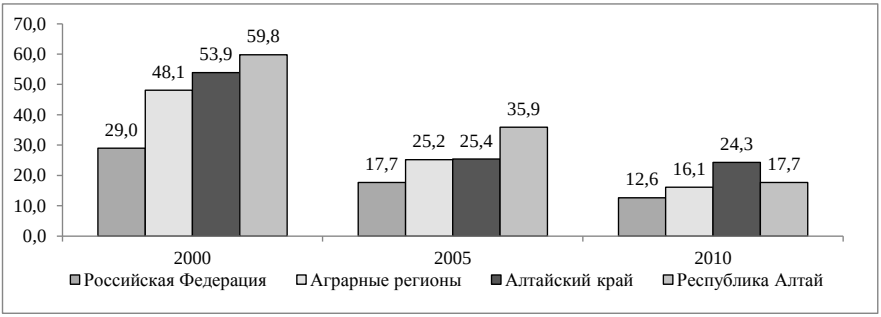


Рис. 3.1. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России, аграрных регионах страны, Алтайском крае и Республике Алтай в 2000, 2005 и 2010 гг., %

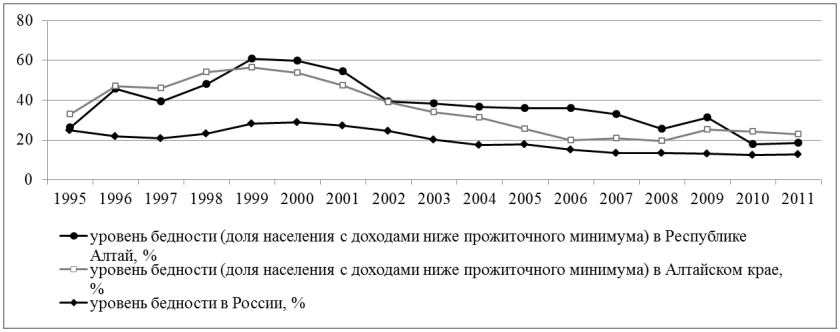
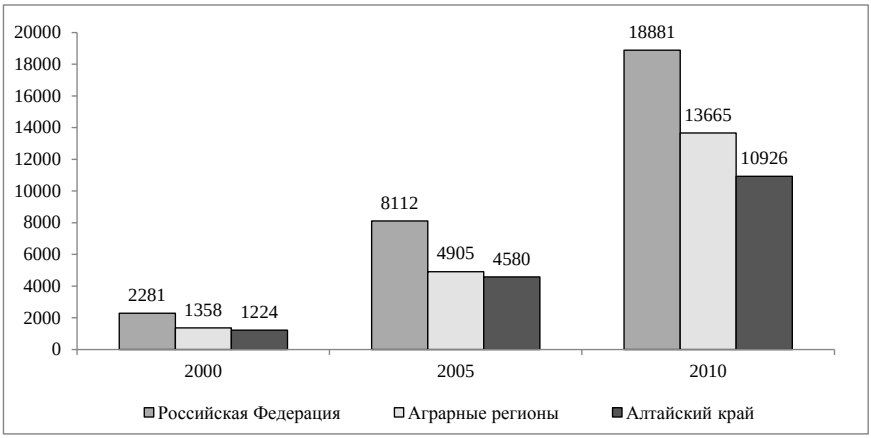


Рис. 3.2. Динамика бедности в России, Алтайском крае и Республике Алтай в 1995–2011 гг.

Такое сокращение связано со многими факторами, в том числе со значительным улучшением общей ситуации в стране в годы экономического роста, а также приоритетностью социально-экономического развития сельских территорий в российской государственной политике (нацпроект «Развитие АПК», государственные программы поддержки развития села и сельского хозяйства и др.), что неизбежно отразилось на доходах и уровне жизни населения сельских территорий, а, следовательно, и аграрных регионов (рис. 3.3.)[1].



Источник: данные Росстата.

Рис. 3.3. Среднедушевые доходы населения в России, аграрных регионах и Алтайском крае в 2000, 2005 и 2010 гг., руб. в месяц

В 1990-х гг. доходы жителей аграрных регионов находились на уровне значительно ниже доходов всех россиян и этот разрыв постепенно увеличивался. В прошедшем десятилетии этот тренд сменился на противоположный: если в 2000 г. уровень среднедушевых доходов населения аграрных регионов составлял менее 60% от российского, то в 2010 г. это разрыв сократился до 72,4% (13,7 тыс. руб. против 18,9 тыс. в стране), причем основной вклад в сокращение различий внесен второй половиной десятилетия. Разница в доходах жителей аграрных регионов и Москвы как региона страны с самыми высокими доходами населения в 2010 г. составляла 3,2 раза, а самой низкодоходной Республики Калмыкия с той же Москвой – более 5 раз. (Для сравнения: в развитых странах территориальные различия по доходам населения не превышают и двух раз.)

[1] Алтайское село: современные процессы и механизмы социального развития: монография / под ред. А.Я. Троцковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

Проведенный нами корреляционный анализ уровня бедности и доли сельского хозяйства в ВРП по выделенной группе аграрных регионов России на данных второй половины 2000-х гг. показал наличие существенной взаимозависимости этих двух показателей (0,6–0,7 до 2008 г. и 0,5 в 2009 г.). Это свидетельствует о том, что аграрная специализация регионов не является выигрышной для социального положения его населения, и подтверждает результаты ранее проведенных исследований как российских, так и зарубежных ученых. Однако влияние социально-экономической политики, направленной на поддержку села, способно изменить данную ситуацию для села в лучшую сторону, что и происходило в нашей стране в последнее время.

Вместе с ростом бедности в 1990-х гг. в России и ее регионах наблюдались процессы социальной поляризации общества по доходам, вызванной формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения коэффициента фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли максимального значения – 15 раз и 0,409 соответственно (для сравнения: в 1991 г. – 4,5 раза и 0,260) – рис. 3.4–3.5. После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 гг., рост бедности россиян происходил уже на фоне некоторого сокращения социального расслоения и последующей стабилизации различий денежных доходов россиян: коэффициента фондов – на отметке 14 раз, коэффициента Джини – на уровне 0,40 (см. рис. 3.4–3.5).

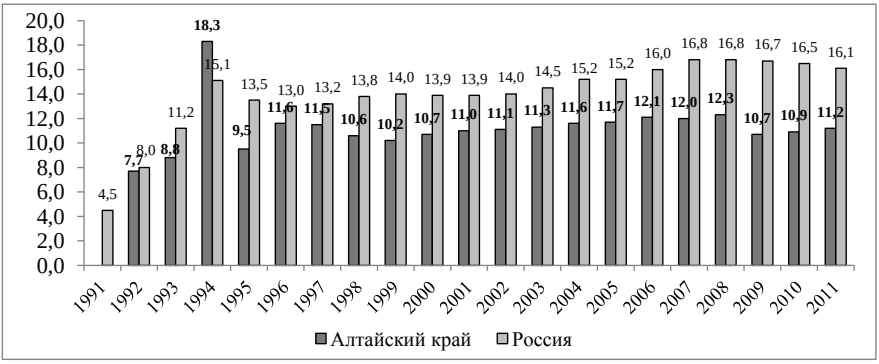


Рис. 3.4. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) в России и Алтайском крае в 1991–2011 гг., в разах

В 2000-х гг. сокращение бедности в стране не сопровождалось уменьшением социальных различий по доходам. Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс такого расслоения, а только придали ему характер устойчивой тенденции, в результате чего в 2007 г. показатели диф-

ференциации по доходам населения достигли своего максимума (коэффициент фондов – 16,8 раза и коэффициент Джини – 0,423). И лишь в годы глобального экономического кризиса удалось немного переломить растущую дифференциацию (16,1 и 0,416 в 2011 г.).

Рис. 3.5. Динамика концентрации доходов населения (коэффициент Джини) в России и Алтайском крае в 1992–2011 гг.

Вместе с тем процессы расслоения в аграрных регионах отставали от аналогичных в стране. И в 2010 г. коэффициент фондов в таких регионах составил 12,9 против 16,5 раза по России и 28 раз в Москве (самом поляризованном субъекте Федерации), коэффициент Джини – 39 против 42% по стране и 50,5% в Москве. (Для сравнения: показатели социального расслоения в большинстве развитых стран заметно ниже: 25–35%.)

Сибирские регионы аграрной специализации на фоне страны и других аграрных регионов. В Алтайском крае и Республике Алтай максимальная величина уровня бедности зафиксирована статистикой на пороге нового тысячелетия, когда более половины всего населения получали доходы ниже прожиточного минимума, т.е. находились за чертой бедности: 54–57% в Алтайском крае и 60-61% в Республике Алтай в 1999-2000 гг. – см. рис. 3.2. За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности в Алтайском крае составил 2,4 раза, в Республике Алтай – более 4 раз. Причем если в первой половине 1990-х гг. масштабы бедности в рассматриваемых регионах несущественно отличались от среднероссийского уровня, то во второй половине прошедшего десятилетия опережение двух сибирских регионов по этому показателю составляло 2–2,2 раза.

За годы экономического роста (2000–2008 гг.) уровень бедности в Алтайском крае сократился в 2,9 раза, в Республике Алтай – в 2,4 раза. В 2008 г. 19,6% жителей Алтайского края находились за чертой бедности, что было благоприятнее ситуации первых лет реформирования; причем разрыв с российским уровнем составлял 1,5 раза (меньше было только в 2006 г. – 1,3 раза). В Республике Алтай уже только каждый четвертый ее житель относился к бедным (точнее 25,7%), что превышало масштабы общероссийской бедно-

сти менее чем в два раза. Экономический кризис лишь на один год «сломал» «позитивную» тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в Алтайском крае вырос на 29%, достигнув 25,4%, что соответствовало уровню 2005 г. В Республике Алтай масштабы бедности выросли не столь значительно, даже не превысив уровень 2007 г. (31,1%). Но уже за 2010-2011 гг. бедность уменьшилась до 22,9% в крае и особенно значительно в Республике Алтай, достигнув масштабов первой половины 1990-х (17,7 и 18,6%, соответственно).

Таким образом, ***масштабы бедности в двух сибирских регионах в конце 2000-х были выше, чем в среднем в аграрных регионах России, а в Алтайском крае – в полтора раза выше*** (см. рис. 3.1-3.2). Край значительно «уступал» по данному показателю лишь Республике Калмыкии, где 37,3% населения имели доходы ниже прожиточного минимума в 2010 г. В начале нового десятилетия хуже краевой ситуация была еще и в трех аграрных республиках Северного Кавказа и в Республике Марий Эл. Подавляющее большинство аграрных регионов имеет в настоящее время более низкий уровень бедности, разница с наиболее благополучными аграрными регионами (Белгородской и Курской областями, Республикой Дагестан) достигает почти 2,5-3 раза, здесь бедность ниже или чуть выше 10%. В этом отношении ситуация в другом рассматриваемом сибирском регионе – Республике Алтай оказалась намного благоприятней: превышение средних показателей бедности в аграрных регионах в наиболее благоприятный для Республики 2010 г. составляло чуть менее 10%, тогда как 5 лет назад достигало почти полутора раз (см. рис. 3.1-3.2).

За изменением позиций в рейтинге «бедных» регионов стоят прежде всего экономические причины, приведшие к сдвигам в динамике доходов населения. Аутсайдерские позиции Алтайского края в этом отношении ярко проявляются как на фоне страны, так и аграрных регионов. В 2010 г. уровень среднедушевых доходов жителей края достигал только 57,9% от значения аналогичного показателя по России и 80% – от средней по аграрным регионам. За прошедшие десять лет при незначительном сокращении разрыва со страной (53,7% в 2000 г.), заметно ухудшились позиции среди аграрных регионов (на 10 п.п.). Только кризисный период «опустил» край на три позиции: до 14 места среди 20 рассматриваемых нами регионов аграрной специализации в 2008 г. В 2010 г. среднедушевые денежные доходы жителей Алтайского края составили 10,9 тыс. руб. в месяц, и по данному показателю край занимал уже 17 место, хуже положение было только у жителей Республик Калмыкия, Марий Эл и Карачаево-Черкесской. Начало нового десятилетия не принесло изменений в позициях края среди аграрных регионов: в 2011 г. доходы населения составили 12,5 тыс. руб., что в 1,7 раза ниже среднероссийского уровня. На фоне сибирских регионов у Алтайского края – наиболее низкое значение этого показателя наряду с Республикой Тыва. Республика Алтай, напротив, отличалась более значительным приростом среднедушевых денежных доходов ее жителей, даже в сравнении с аграрными регионами, особенно во второй половине 2000-х гг., что почти привело к

нивелированию их различий по рассматриваемому показателю (тогда как в первой половине прошедшего десятилетия разница превышала 10%).

Процесс дифференциации по доходам в сибирских аграрных регионах, как и в стране в целом, особенно активно протекал в первой половине 1990-х. Так, в Алтайском крае динамика коэффициента фондов показывает, что его наибольшее значение в этот период наблюдалось в 1994 г. – 18,3 раза, это заметно выше российского уровня – 15,1 раза (для сравнения: в 1991 г. – 4,5) – см. рис. 3.4. С 1995 г. значение рассматриваемого показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз. Период экономического роста 2000-х гг. свидетельствует о постепенном возрастании различий денежных доходов крайних децильных групп (в Алтайском крае: с 10,7 в 2000 г. до 12,3 раза в 2008 г.), но под влиянием кризиса коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. И в 2010 г. разница в социальном расслоении по доходам между Алтайским краем и Россией составила уже более полутора раз («в пользу» страны), а между краем и аграрными регионами – 18 п.п. (с «преимуществом» последних) – см. рис. 3.5. и табл. 3.2.

Таблица 3.2

Показатели социального расслоения в России, аграрных регионах и Алтайском крае в 2010 г.

	Россия	Аграрные регионы	Алтайский край
Коэффициент фондов, раз	16,5	12,9	10,9
Коэффициент Джини	0,42	0,39	0,36

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов. Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. (43,3%) – см. рис. 3.5. С 1995 г. в отличие от России в регионе оно не превышало 40%. Рост значения данного показателя в 2000-х завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 11 п.п. ниже российского уровня. Кризисный 2009 г. также развернул кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (35,9%), а 2010 г. вернул тенденцию к социальному расслоению вспять (36,2%).

Республика Алтай отличалась более «мягкими» контрастами в распределении доходов населения. По коэффициенту фондов различия достигали только 8 раз к началу 2000-х, лишь в 2008 г. превысили десятикратную разницу (11 раз). И в конце десятилетия величина этого показателя составила уже 11,7 раза, коэффициент Джини составил 37,2%. Начало нового десятилетия отличается сближением значений показателей расслоения по доходам населения в Алтайском крае и Республике Алтай: 11,3 и 11,5 раза – по коэффициенту фондов и 36,8 и 36,9% – по коэффициенту Джини.

* * *

Итак, анализ особенностей процессов бедности и социального расслоения по доходам в России и аграрных регионах показал следующее. Во-первых, в 2000-х гг. сокращение масштабов бедности в аграрных регионах страны происходило более высокими темпами в сравнении с остальными субъектами федерации и страной в целом. И к концу десятилетия различия в масштабах бедности между аграрными регионами и страной уже не превышали 1,3 раз. Тем не менее, в стране по-прежнему действует социально-экономический механизм воспроизводства бедности в аграрных регионах, сохранилась зависимость масштабов бедности и аграрной специализации, хотя ее сила заметно ослабла в условиях экономического роста и повышенного внимания государственной политики к социально-экономическому развитию сельских территорий со второй половины прошедшего десятилетия. На фоне устойчивого роста социальных различий по доходам населения в стране процессы расслоения в аграрных регионах были заметно слабее, и это отставание по коэффициенту фондов достигло 1,3 раза.

Во-вторых, по процессам бедности и социальной дифференциации сибирские регионы аграрной специализации не соответствуют средним трендам аграрных регионов России, имеют разнонаправленные тенденции. Так, Алтайский край отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной, но отставанием от аграрных регионов в решении этой проблемы. Бедность в Алтайском крае в полтора раза масштабнее среднего уровня аграрных регионов России (бедным является почти каждый четвертый житель), а социальные различия по доходам здесь существенно меньше. Республика Алтай специфична более интенсивным сближением с показателями аграрных регионов при более значительных масштабах бедности в начале прошедшего десятилетия.

Несмотря на позитивные социально-экономические изменения в 2000-х гг., бедность и социальное расслоение в аграрных регионах по-прежнему являются социальными вызовами, внимание к которым со стороны государственной социально-экономической политики не должно ослабевать, что объясняется, в частности, потенциальной возможностью формирования угрозы продовольственной безопасности страны в условиях ВТО. Анализ изменения социальных позиций Алтайского края и Республики Алтай на фоне аграрных регионов страны за последние десять лет показал, что аграрная специализация не является в настоящее время серьезным оправданием низкого социального положения его жителей со стороны политиков, ведущим фактором его формирования. «Лидерство» Алтайского края в бедности и его «падение» на нижние позиции в рейтинге доходов населения не только страны, но и аграрных регионов, особенно в последние годы, позволяют сделать вывод о сохранении реальной угрозы устойчивому социальному развитию, связанной с качественными негативными изменениями социальной структуры, ухудшением социально-воспроизводственных процессов в сельской местности и регионе в целом.

3.2. Масштабы и глубина бедности сельского населения

Бедность сконцентрирована в большей мере в сельской местности. Так, по данным статистики, в 2008 г. 41% бедных россиян (точнее, малоимущих домохозяйств) проживало в сельской местности, тогда как удельный вес всех сельских домохозяйств составлял только 26,5% (для сравнения: бедность «поселилась» в 58,9% городских домохозяйствах, составляющих 73,5% всех российских домохозяйств). Таким образом, ***распространенность бедности в российских селах в два раза выше, чем в городах***.

Согласно методике исследования для комплексной оценки масштабов и глубины сельской бедности в работе использовано пять подходов на основе: 1) оценки сельским населением материального положения своей семьи; 2) оценки сельскими жителями среднего уровня совокупных (денежных и натуральных) доходов на члена семьи; 3) сравнительной оценки сельскими жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны; 4) оценки сельским населением уровня лишений, возможностей для удовлетворения насущных потребностей; 5) экспертных оценок обездоленности, абсолютной и относительной бедности по характеристикам доходов, материального потребления семьи и лишений. Рассмотрим результаты исследования в соответствии с применением всех пяти подходов.

Материальное положение семьи. Среди респондентов выделены три категории бедных, различающихся глубиной бедности: 1) сельские жители, которые считают, что им «*денег иногда не хватает даже на питание*» (обездоленные) – 13,2%; 2) средняя группа бедных, которым «*хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет*» (бедные) – 39,6%; 3) те, кому «*денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой*» (относительно бедные) – 47,2%. Как видим, распространенность второй и третьей групп бедных заметно выше, чем первой: в 3 и 3,6 раза соответственно.

Эксперты имеют кардинально различающее представление о масштабах уровня сельской бедности по материальному положению семьи (табл. 3.3). ***Оценка доли крайне бедных (обездоленных) на селе по материальному положению семьи*** (*тех, кому средств хватает только на питание, или чьи семьи практически голодают*) колеблется от 1 до 50%, среднее значение ***почти равно 15%***. Причем муниципальные руководители дали существенно меньшую оценку в сравнении с представителями общественных организаций: 13,7 против 18,8%.

По мнению экспертов, ***30% селян*** *средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет*. Эти жители ***образуют среднюю группу по бедности***. Самую многочисленную группу ***относительно бедных (41,9%)*** образуют те, кому *денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного*

пользования (телевизора, холодильника и т.п.) *является проблемой*. Здесь оценки руководителей общественных организаций по-прежнему выше (46,3% против 40,6). ***В совокупности же все три группы сельских бедных,*** различающихся уровнем неблагополучия в материальном положении семьи, ***составляют по оценкам экспертов почти 87%.***

Таблица 3.3

Оценка уровня бедности экспертами – руководителями органов местного самоуправления (ОМСУ) и общественных организаций (ОО), % (опрос 2011 г.)

	Всего	**Руководители ОМСУ**	**Руководители ОО**
Тех, кому средств хватает только на питание или тех, чьи семьи практически голодают	14,9	13,7	18,8
Тех, кому средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет	30,0	30,0	…
Тех, кому денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является для нас проблемой	41,9	40,6	46,3
Тех, чьи совокупные (денежные и натуральные) доходы ниже прожиточного минимума	39,8	39,2	41,9
Тех, чье материальное положение ниже среднего уровня на селе	35,8	33,5	43,3

Наблюдаются значимые различия в глубине бедности по возрасту респондента (коэффициент сопряженности выше 0,2, коэффициент Крамера равен 0,15), региону проживания (коэффициент сопряженности равен 0,17, коэффициент Крамера – 0,18) и урбанизированности района (коэффициент сопряженности равен 0,12, коэффициент Крамера – 0,17). И не обнаружено таких различий по полу и людности поселения.

Наблюдаются значимые различия по глубине бедности по возрасту респондента (коэффициент сопряженности выше 0,2, коэффициент Крамера равен 0,15), региону проживания (коэффициент сопряженности равен 0,17, коэффициент Крамера – 0,18), урбанизированности района (коэффициент сопряженности равен 0,12, коэффициент Крамера – 0,17) и людности поселения (коэффициент сопряженности равен 0,1, коэффициент Крамера – 0,15) (табл. 3.1). Значительной зависимости глубины бедности от пола респондента не выявлено (рис. 3.6).

Тем не менее ***глубина бедности среди мужчин несколько ниже, чем среди женщин***: чуть меньше удельные веса обездоленных (13% против 13,4) и представителей средней группы (39,4% против 39,8) и соответственно выше доля относительно бедных (22% против 25,2).

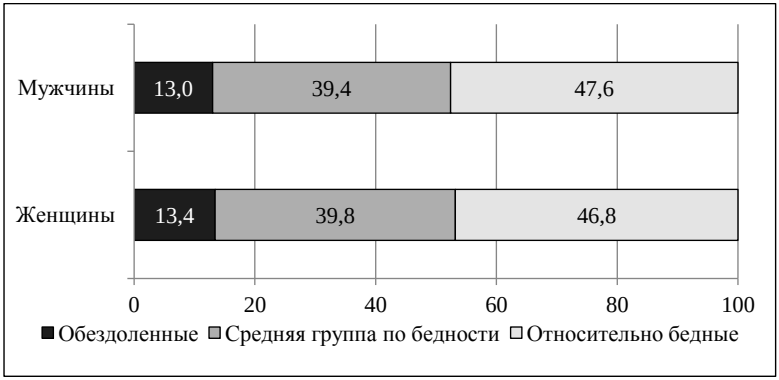


Рис. 3.6. Структура материального положения семей сельских бедных по гендерным группам, %

Наиболее высок уровень обездоленности среди представителей среднего и старшего трудоспособного возраста (17,1%), которые традиционно являются наиболее экономически активной группой и наиболее низок – среди молодежи (5,6%), пенсионеры занимают среднюю позицию (12%) – рис. 3.7. Среди молодежи в полтора раза меньше, чем среди представителей двух более старших возрастных групп, тех, которым «*хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет*» (средняя группа бедных): 29% против 41,8 и 43,7%. Соответственно, ***наиболее благополучная группа бедных в большей степени представлена среди молодежи***, их также в полтора раза больше, чем представителей двух более старших возрастных групп: 65,4 против 41 и 44,4%.

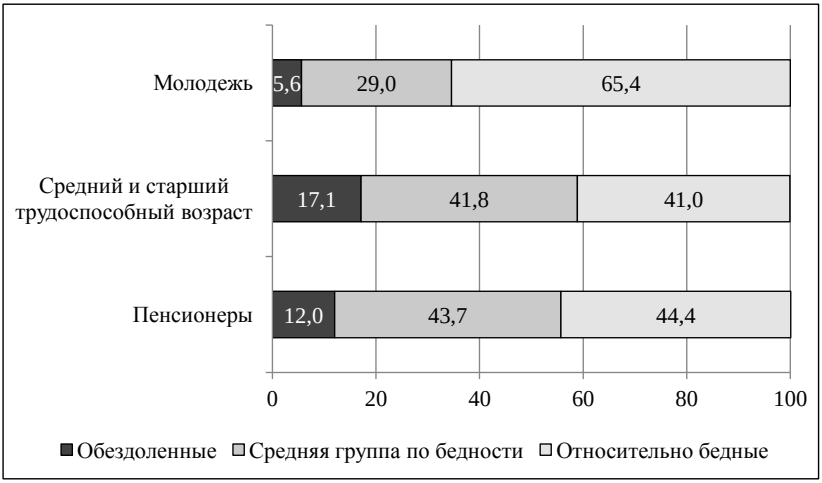


Рис. 3.7. Структура материального положения семей сельских бедных по возрастным группам, %

Как уже отмечалось, значимую роль в формировании бедности играют и территориальные характеристики. Так, ***глубже укоренилась бедность в Республике Алтай*** (рис. 3.8). Среди респондентов – жителей Республики Алтай чаще, чем среди жителей Алтайского края, встречаются обездоленные (20% против 12,3%) и средняя группа бедных (56,7% против 37,3), а в Алтайском крае – относительно бедные (50,5% против 23,3%).

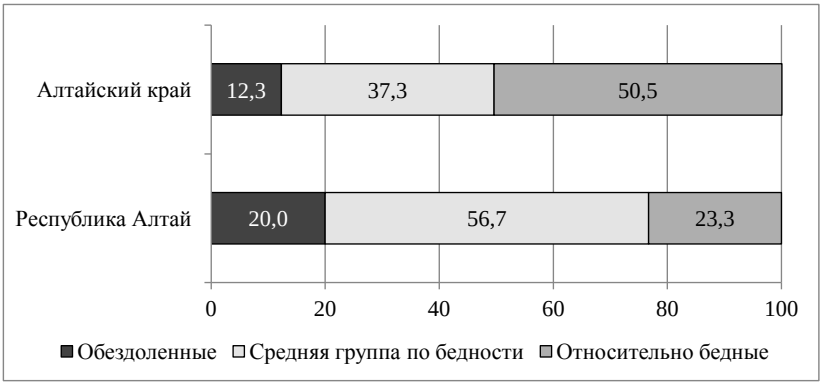


Рис. 3.8. Материальное положение семей сельских бедных по регионам, %

В урбанизированных районах в два раза больше обездоленных, в 1,3-1,4 раза чаще встречаются представители средней группы бедных и, напротив, почти в два раза меньше относительно бедных (рис. 3.9). Между слабоурбанизированными и урбанизированными существенных различий не обнаружено, однако более благополучные бедные чуть больше представлены в неурбанизированных, удаленных от городов районах. Таким образом, близость к городам не обеспечивает выигрыша для бедных: ***чем выше уровень урбанизированности, тем больше обездоленность, глубина бедности***.

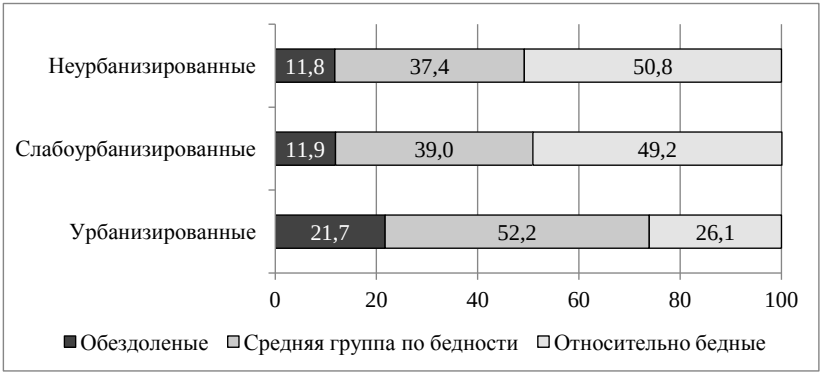


Рис. 3.9. Материальное положение семей сельских бедных в районах с разным уровнем урбанизированности, %

По результатам опроса, ***чем меньше размер поселения, тем выше масштабы обездоленности***, т.е. чаще бедные сельские жители склонны относить себя к первой группе по уровню материального неблагополучия, т.е. к обездоленным: 17,9% обездоленных респондентов в поселениях до 500 жителей, 13,2% – в селах от 501 до 1000 жителей и 12,9% – в населенных пунктах с более 1 тыс. жителей (рис. 3.10).

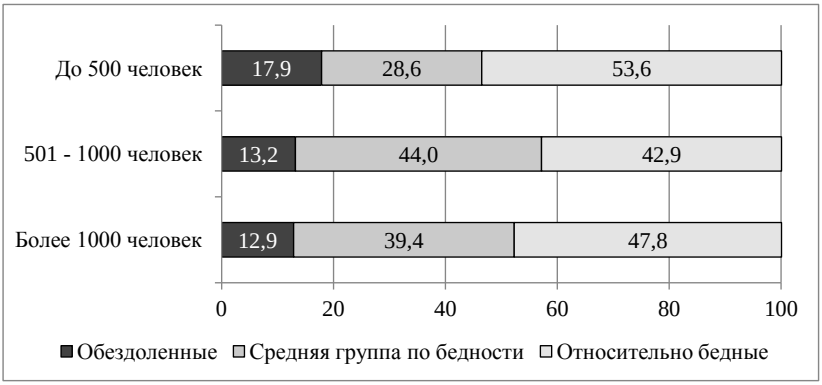


Рис. 3.10. Структура материального положения семей сельских бедных, проживающих в селах с разной численностью населения, %

Такие результаты согласуются с выводами, полученными нами ранее и другими исследователями. Но при этом в малых поселениях до 500 жителей чаще, чем в других поселениях, можно встретить более благополучных, относительно бедных жителей: 53,6% против 42,9 и 47,8%, т.е. средняя группа бедных более представлена среди жителей средних и крупных по размеру поселений. Таким образом, ***не обнаружено четкой зависимости глубины бедности от людности поселения***, что может быть связано с тем, что поселенческая структура выборки не соответствует аналогичной структуре генеральной совокупности (среди респондентов меньше представлены жители средних и особенно малых по людности поселений).

В этой связи более точным инструментом является разбиение поселенческой структуры респондентов на две группы: 1 – большие поселения и 2 – малые и средние. При таком разбиении ***наблюдается прямая зависимость от людности поселения***: ***в малых и средних поселениях несколько выше обездоленность*** (14,3 против 12,9%) ***и средний уровень бедности*** (40,3 против 39,4%) ***и меньше масштабы относительной бедности*** (45,4 против 47,8%) – рис. 3.11. В целом анализ не подтвердил наличия существенных различий глубины бедности по людности поселения даже при таком разбиении.

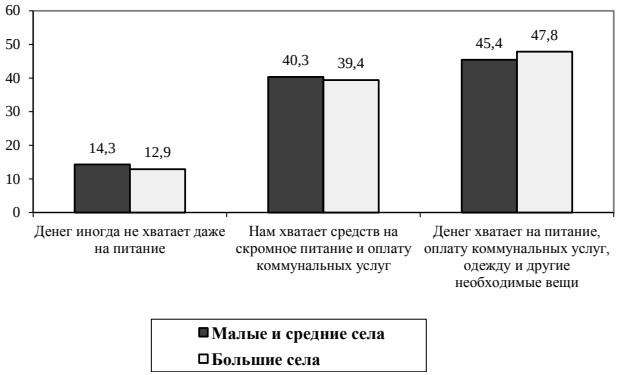


Рис. 3.11. Материальное положение семей сельских бедных, проживающих в селах с разной людностью, %

Доходы семьи. Распределение семей сельских бедных по уровню среднемесячных совокупных (денежных и натуральных) доходов на человека в основном подтверждает их статус бедности, но несколько отличается от распределения по материальному положению семьи для трех групп бедных. Каждая пятая семья (21,2%) имела в 2011 г. среднедушевые доходы до 2 тыс. руб., такая же доля – доходы от 2 до 3, более трети семей – от 3 до 6 и 17,6% – от 6 до 9 тыс. руб. (рис. 3.12). На две остальные группы (9-12 и свыше 12 тыс. руб.) приходилось только 3%, причем основная часть (2,2%) – на первую, более низкую по доходам, группу (9-12 тыс. руб.).

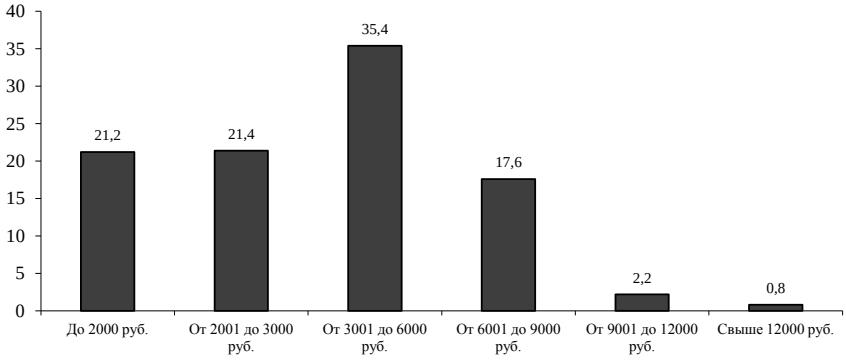


Рис. 3.12. Распределение сельских бедных по среднедушевым доходам семьи, %

Оценка глубины бедности на основе доходов показала, что ***уровень бедности по методике ООН*** (доля бедных, чьи среднедушевые *доходы* меньше стоимости потребления *на уровне и ниже 2,15 доллара США в день*) ***среди***

сельских бедных респондентов составил только 20%, таким образом, ***остальные 80% к бедным по международным стандартам ООН не относились.***

По методике Росстата бедными являются те, чьи среднедушевые *доходы меньше бюджета прожиточного минимума*, и таковых среди респондентов было ***подавляющее большинство – 78%***, что вполне очевидно и даже меньше ожидаемого. По этой же методике удельный вес, со среднедушевыми *доходами на уровне и ниже стоимости потребительской корзины*, – был почти ***в два раза меньше (более 42,6%)***, чем в целом бедных, но в два раза больше, чем по методике ООН.

Оценка экспертами масштабов сельской бедности на основе традиционной методики для российской статистики показала, что ***доля селян, чьи совокупные доходы (денежные и натуральные) ниже величины прожиточного минимума, в среднем была равна 39,8%*** (табл. 3.3)[1]. Это значительно больше, чем средний уровень бедности в России и в двух исследуемых регионах в целом по данным официальной статистики для всего населения: сельского и городского (см. рис. 3.2). Региональный разрез мнений экспертов показал, что сельских жителей, чьи совокупные доходы ниже величины прожиточного минимума, в Республике Алтай более чем наполовину больше, чем в Алтайском крае.

Отдельную наиболее благополучную группу бедных образовали ***относительно бедные***, выделенные в данном случае на основе среднедушевых *доходов выше прожиточного минимума до двух его бюджетов*. Это почти каждая пятая семья опрошенных нами сельских бедных (19,8%). И ***только менее 1% из всех респондентов***, кто определился с ответами, ***выходят за границы относительной бедности*** и даже за границы средних доходов по региону (в Алтайском крае), что в целом подтверждает высокий уровень достоверности полученных данных и качества отбора опрошенных.

Уровень среднемесячного дохода на одного сельского жителя, при котором семью можно считать бедной, по оценкам экспертов, несколько меньше статистической величины прожиточного минимума в изучаемых регионах: 4,8 тыс. руб. и колеблется от 1 до 10 тыс. руб.

Сельские бедные не отличаются высоким уровнем притязаний относительно доходов. В среднем, чтобы семья могла жить нормально, среднедушевые доходы должны составлять чуть более 12 тыс. руб. (12,2 тыс. руб.), что соответствует среднему уровню доходов по региону (Алтайскому краю); при значительных различиях в ответах (от 3 до 50 тыс. руб.) наиболее популярным ответом является 10 тыс. руб.

Анализ соотношения распределения групп респондентов по материальному положению и среднедушевым доходам семьи показал, что ***только около половины*** **(48,5%)** ***обездоленных, оцененных по материальному положению***

[1] Оценки по этому показателю колеблются от 0 до 90% при модальном значении 50 и 25% по выделенным группам экспертов, причем в среднем существенных различий в оценках этих групп не обнаружено.

семьи, соответствуют критерию бедности по методике ООН, около 3/4 (74,3%) – критерию обездоленности по методике Росстата, а **94%** – критерию бедности по этой же методике и только 6% – критериям относительной бедности. *Средняя группа бедных* по материальному положению семьи состоит из 24,2% бедных по стандартам ООН, 43,4% – обездоленных по методике Росстата и **80,3%** – бедных по этой же методике и здесь 17,7% относительно бедных со среднедушевыми доходами в семье до двух прожиточных минимумов (2% затруднились с ответом). Среди *относительно бедных* по оценке материального положения семьи еще меньше бедных по стандартам ООН (11%), 33% обездоленных по методике Росстата и **71,6%** – бедных по той же методике и только 25,4% относительно бедных со среднедушевыми доходами в семье до двух прожиточных минимумов. Сюда же относятся 1,7% респондентов, не вошедших в границы бедности (1,3% затруднились с ответом).

На наш взгляд, ***особое внимание должно быть уделено тем группам бедных, которые удовлетворяют нескольким критериям бедности***. Например, это только 94% обездоленных, оцененных по материальному положению и при этом удовлетворяющих критериям бедности по методике Росстата, 80,3% из средней группы бедных, а также 71,6% относительно бедных.

Кроме того, о благополучии по доходам можно судить по тому, какую часть совокупного дохода в натуральной и денежной форме сельская семья тратит на питание. Преобладание затрат на питание, как правило, свидетельствует о низком уровне доходов и материального благополучия семьи. Анализ сопряженности двух признаков показывает наличие существенной связи: коэффициент сопряженности равен 0,37, коэффициент Крамера – 0,28.

Менее половины затрат на питание характерно лишь для 15,8% опрошенных сельских бедных. Более половины этой группы представляют относительно бедные по материальному положению семьи (53,2%), около 40% – средняя группа по бедности и 7,6% – обездоленные (рис. 3.13). ***На другом конце оси находятся те, кто почти все доходы тратит на питание,*** среди всех респондентов их немало – ***18%.*** Эту группу заполняют почти в равной степени представители обездоленных (37,8%, причем среди обездоленных таковых большинство) и средней группы бедных (44,4%) по оценке материального положения семьи.

Основная же часть респондентов (46,2%) тратила в 2011 г. на питание примерно половину доходов, и здесь в большинстве своем (57,6%) представлены относительно бедные и более трети (37,7%) респондентов из средней группы. ***В совокупности на питание тратили более двух третей своих доходов семьи 36,8% опрошенных.***

Сравнительная оценка сельскими жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны является еще одним важным подходом к оценке масштабов и глубины бедности. В этом случае выделены категории селян, чье материальное положение ниже среднего уровня по обеспеченности (относительно бедные) и те, кто живет за чертой бедности (бедные

и обездоленные). ***Только 11,4% относили себя к тем жителям страны, кто живет за чертой бедности***. Подавляющее большинство из них являлись обездоленными по оценке своего материального положения (*«денег не хватает даже на питание»)*, 36,8% относились к средней группе по бедности и 5,3% относились к относительно бедным по этому критерию.

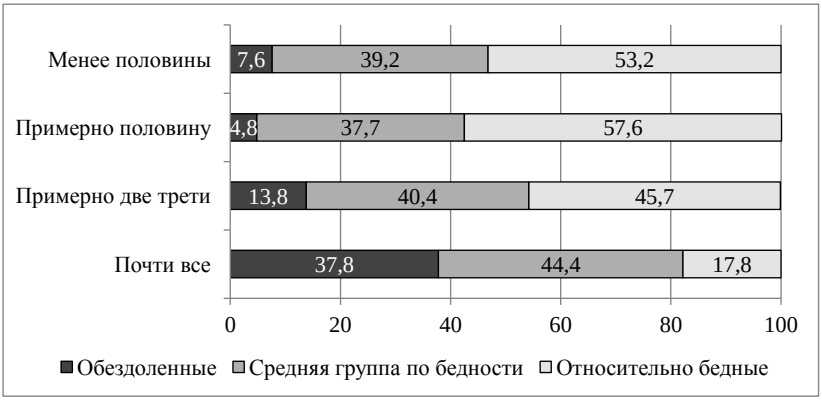


Рис. 2.13. Структура сельских бедных по затратам на питание в совокупном доходе семьи, %

Наиболее наполненной, образовавшей подавляющее большинство (60,2%) являлась группа селян, чье материальное положение на фоне населения страны ниже среднего уровня по обеспеченности и которых мы идентифицируем как ***относительно бедных***. По оценке материального положения семьи сюда отнесли себя почти каждый десятый (9,6%) обездоленный (*«денег не хватает даже на питание»)* и чуть менее половины представителей двух других групп (46,5% из средней группы и 43,9% из наиболее благополучной группы респондентов). И неожиданным для нас результатом является то, что чуть менее трети (27,2%) опрошенных отнесли себя к среднеобеспеченным. Конечно, в подавляющем большинстве случаев (71,3%) эту группу образовали ***относительно бедные*** (кому *«денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой»*). Но сюда попали не только каждый четвертый представитель (25,7%) средней группы по материальному положению семьи (*«хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет»*), но и обездоленные – «почти голодающие» (менее 3%).

В целом связь между двумя признаками (материальным положением семьи и сравнительной оценкой сельскими жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны) довольно значительна: коэффициент сопряженности равен 0,48, коэффициент Крамера – 0,39.

По мнению экспертов, в 2011 г. на селе было чуть более трети (35,8%) жителей, чье материальное положение ниже среднего уровня. Следовательно, ***средний уровень материального положения находился на селе ниже границ прожиточного минимума*** *(табл. 3.3)*. Разница в оценках руководителей органов местного самоуправления и общественных организаций на селе составила почти 10% (33,5 и 43,3%), при этом колебания в оценках также чрезвычайно высоки (от 10 до 90%), модальные значения составляют 20 и 30% соответственно.

* * *

Таким образом, анализ масштабов и глубины сельской бедности показал следующее.

1. По оценкам экспертов, **сельская бедность имеет огромные масштабы и достигала в 2011 г. 87%**. **Масштабы же обездоленности** на селе, оцениваемой **по материальному положению семьи** (среди тех, *кому средств хватает только на питание, или чьи семьи практически голодают*), были **сравнительно невелики и равны 13% сельских бедных жителей** по оценкам населения. Около 40% составляла ***средняя группа бедных*** (которым «*хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет*»). И чуть больше 47% образовала наиболее благополучная группа ***относительно бедных*** (им «*денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой*»). По этим трем группам бедность распределялась, по мнеию экспертов, следующим образом: 15, 30 и 42%.

2. **Значительны различия в глубине бедности по возрасту, региону, урбанизированности сельского района** и не обнаружено таких различий по полу и людности поселения. Наиболее высок уровень обездоленности среди представителей среднего и старшего трудоспособного возраста (17% сельских бедных), жителей урбанизированных районов (22%), Республики Алтай (20%). Наиболее благополучная группа относительно бедных в большей степени представлена среди молодежи (65%), жителей неурбанизированных районов (51%), Алтайского края (51%).

3. **Уровень бедности по методике ООН** (*доля бедных, чьи среднедушевые доходы меньше стоимости потребления на уровне и ниже 2,15 доллара США в день*) составлял в 2011 г. 20% всех опрошенных сельских бедных и 49% обездоленных, оцененных по материальному положению семьи.

По методике Росстата уровень бедности (*доля тех, чьи среднедушевые доходы меньше бюджета прожиточного минимума*) среди респондентов в 2011 г. был равен 78%, а удельный вес обездоленных (*со среднедушевыми доходами на уровне и ниже стоимости потребительской корзины*) – 43%. Относительно бедные с доходами *выше прожиточного минимума двух его бюджетов* составили 20%. Лишь менее 1% респондентов вышли за границы относительной бедности.

По оценкам экспертов, уровень сельской бедности по доходам ниже прожиточного минимума был равен 40% сельских бедных, при среднедушевом доходе, менее 5 тыс. руб. в месяц. Выход же за границы бедности на уровень нормальной жизни, по оценкам сельских бедных, соответствовал в 2011 г. среднему уровню региональных доходов населения – более 12 тыс. руб.

Бедность, оцененная **по преобладанию затрат на питание в структуре доходов**, была характерна для 84% всех опрошенных сельских бедных и 92% обездоленных.

4. Масштаб сельской бедности получен на основе **сравнительной оценки** сельскими бедными жителями своей **материальной обеспеченности на фоне населения страны:** 60% тех, чье материальное положение ниже среднего уровня и 11% – кто живет за чертой бедности. Среди всех сельских жителей, по оценкам экспертов, доля первых составляла 36%.

5. Использование нескольких методик оценки масштабов и глубины бедности позволило выделить группы бедных, удовлетворяющие нескольким критериям бедности одновременно. Среди обездоленных, оцененных по материальному положению семьи, 49% соответствовало в 2011 г. критерию бедности по методике ООН, 94% – по методике Росстата (74% – обездоленности по той же методике). Среди относительно бедных по оценке материального положения семьи было 11% бедных по стандартам ООН, 71% – по методике Росстата и 25% относительно бедных со среднедушевыми доходами в семье до двух прожиточных минимумов.

6. Системное использование различных методических подходов к оценке масштабов и глубины сельской бедности позволяет получить достаточно точную, целостную и дифференцированную по социальным группам картину распространения бедности на селе на основе оценок населения и экспертов. Это дает возможность выйти на разработку дифференцированных социальных политик в отношении различных групп сельских бедных с учетом масштабов и глубины их бедности.

7. Необходимость мониторинга оценки масштабов и глубины сельской бедности связана с формированием информационной и научной основы для систематического контроля ключевых параметров социальной безопасности и устойчивого развития сельского социума в условиях модернизационного развития страны.

3.3. Оценка социальной исключенности как формы проявления сельской бедности

Оценка масштабов социальной исключенности сельского бедного населения, уровня его лишений, возможностей для удовлетворения насущных потребностей получена нами по результатам опросов сельского населения и экспертов, а также статистических данных. Здесь мы сконцентрируем внимание на характеристике качества питания, доступности потребления одежды и других предметов первой необходимости, обеспеченности и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицин-

ских услуг. О проявлении таких форм социальной исключенности, как нарушения социально-трудовых прав (низкий уровень и задержки заработной платы, невыплаты социальных пособий и т.д.) сельских бедных, будет рассмотрено в главе 4.

Питание. Очевидно, что оценка питания семьи сопряжена с ее материальным положением (коэффициент сопряженности равен 0,53, коэффициент Крамера – 0,44). ***Оценили питание своей семьи как очень плохое («часто голодаем») только 1,8%***, все они относятся к обездоленным (рис. 3.14).

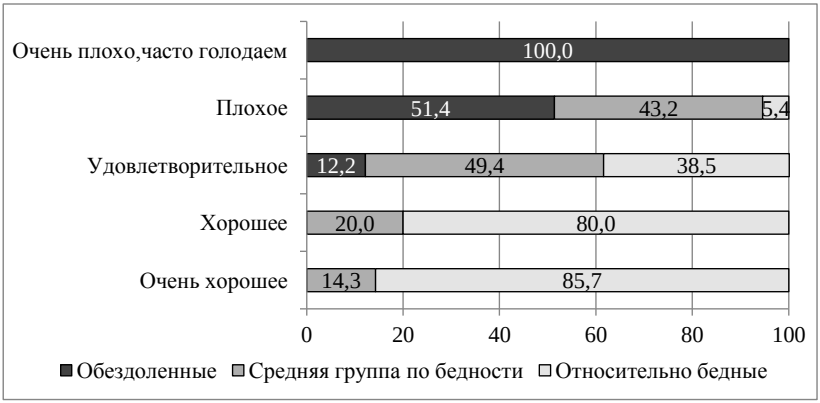


Рис. 3.14. Структура сельских бедных по уровню качества питания семьи, %

Немногочисленна была также следующая группа, с плохим питанием (7,4%), ее образовали более чем наполовину (51,4%) обездоленные, но также здесь была значительно представлена и средняя группа (43,2%). Таким образом, в совокупности ***доля сельских эксклюзантов по питанию составляла 9,2%, 42% среди обездоленных и 8% представителей средней группы***.

Удовлетворительная оценка питания была дана большинством опрошенных (62,4%): половиной средней группы по материальному положению семьи и 38,5% относительно бедных. И среди тех, кто оценил питание как хорошее и очень хорошее (27 и 1,4%), подавляющее большинство составляли наиболее благополучные относительно бедные (80 и 85,7%); здесь не встречались, что вполне логично, обездоленные.

Данные оценки свидетельствуют в первую очередь об уровне качества питания, но не отражают его структурных особенностей; о последних можно судить по преобладающим продуктам в рационе (рис. 3.15).

В рационе питания всех опрошенных сельских бедных преобладал прежде всего картофель (95,8%) и хлебопродукты (89%). Несмотря на проживание в сельской местности только ***чуть более половины респондентов регулярно употребляли овощи и бахчевые (57,6%), яйца (55,4%), мясо и мясопродукты (54,4%), молоко и молокопродукты (52,4%).*** Еще меньше, чуть более трети, было постоянно употребляющих растительное масло, маргарин (37,6%). Каждый третий отметил в качестве преобладающих продуктов

сахар и кондитерские изделия. И ***чуть более 10% регулярно питались рыбопродуктами (13%) и фруктами, ягодами (11%)***. Таким образом, анализ потребления продуктов показал, что ***рацион питания значительной части сельских бедных не соответствовал рациональному*** по нормативам, установленным Институтом питания РАН.

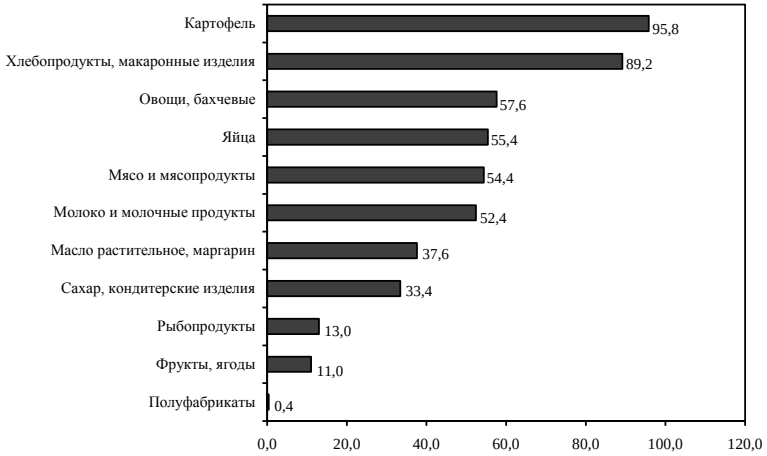


Рис. 3.15. Продукты, преобладающие в рационе питания бедных сельских жителей, % респондентов (опрос 2011 г.)

Анализ связи структуры основных продуктов питания сельских бедных и уровня качества питания показал, что те, кто питается плохо или даже голодает, редко употребляют или вовсе не употребляют такие продукты питания, как молоко и молочные продукты, мясо и мясопродукты, яйца, масло растительное (маргарин), рыбопродукты, фрукты и ягоды, сахар и кондитерские изделия (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Основные продукты питания сельских бедных по группам, различающимся качеством питания семьи, % респондентов

Основные продукты питания	**Качество питания**				
	Очень плохое, часто голодаем	**Плохое**	**Удовлетворительное**	**Хорошее**	**Очень хорошее**
Хлебопродукты, макаронные изделия	77,8	86,5	89,4	89,6	100,0
Картофель	88,9	97,3	96,2	94,8	100,0
Мясо и мясопродукты	11,1	5,4	49,0	80,7	100,0
Рыбопродукты	0,0	0,0	12,8	17,8	14,3
Молоко и молочные продукты	0,0	27,0	52,6	62,2	57,1

Окончание таблицы 3.4

Основные продукты питания	Качество питания				
	Очень плохое, часто голодаем	Плохое	Удовлетворительное	Хорошее	Очень хорошее
Яйца	22,2	35,1	54,5	63,7	85,7
Масло растительное, маргарин	0,0	16,2	37,8	43,7	71,4
Овощи, бахчевые	33,3	40,5	55,8	68,1	57,1
Фрукты, ягоды	0,0	0,0	6,1	24,4	42,9
Сахар, кондитерские изделия	0,0	16,2	31,4	43,7	57,1
Полуфабрикаты	0,0	0,0	0,6	0,0	0,0

Но даже в группах с удовлетворительным качеством питания и выше мы видим относительно низкую распространенность потребления молока и молочных продуктов, овощей и бахчевых, фруктов и ягод, рыбопродуктов, т.е. продуктов, необходимых для нормального рациона питания.

Социальная исключенность, связанная с питанием, проявляется и в ответах респондентов о возникающих ***из-за нехватки средств*** конкретных проблемах питания в семье (рис. 3.16). Так, наиболее показательным является то, что по этой причине ***каждая пятая семья сельских бедных не могла потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания***. Почти с той же частотой (18%) опрошенные говорили о том, что все члены семьи не едят качественные мясные продукты даже изредка.

Рис. 3.16. Проблемы, связанные с нехваткой средств на питание, %

Детей это касается в значительно меньшей степени: 7,4% не потребляли эти необходимые продукты регулярно, а 3,2% – даже изредка. В каждой третьей семье сельских бедных (33,6%) дети не едят регулярно фрукты и ягоды. Немало респондентов (8,6%) также дополнительно заметили, что потребление фруктов и ягод являлось для их семей нерегулярным явлением. И ***только в семьях 18,8% опрошенных сельских бедных не испытывали каких-либо проблем питания, связанных с нехваткой средств***.

Анализ проблем, связанных с нехваткой средств на питание, по группам сельских бедных, различающихся уровнем качества питания, показал, что среди тех, кто плохо питается или даже часто голодает из-за нехватки средств, семья не может потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания, а качественные мясные продукты даже изредка. Для более благополучных групп по качеству питания характерна проблема нерегулярности потребления фруктов и ягод.

Потребление непродовольственных товаров. Социальная исключенность в отношении потребления таких товаров проявляется в частоте их покупок. Такие предметы верхней одежды, как платья, костюмы, брюки, обычно приобретались большинством респондентов (56%) раз в один-три года, 15% – раз в 5-10 лет и около 8% – реже, чем раз в 10 лет (рис. 3.17). Наиболее частые покупки данных товаров совершались респондентами раз в полгода (21%) или раз в квартал (4,2%). Частота приобретения теплой верхней одежды (курток, пальто, шуб), естественно, ниже: подавляющее большинство (71,6%) опрошенных покупали эти товары раз в 3-10 лет, в т.ч. 37,8% – раз в три года. Довольно значимой является доля тех бедных, кто покупали такие товары реже чем раз в 10 лет – 12,8%.

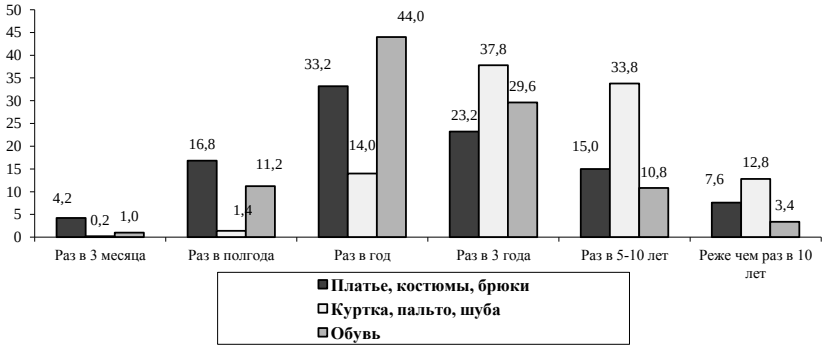


Рис. 3.17. Распределение сельских бедных
по частоте покупок верхней одежды и обуви, %

Потребление обуви происходит наиболее часто (44% респондентов) раз в год или раз в три года (около 30%). Здесь также встречается существенная доля сельских бедным, для которых был характерен крайне низкий уровень потребления: 10,8% – раз в 5-10 лет и 3,4% – реже чем раз в 10 лет.

Приобретение таких непродовольственных товаров как нижнее белье приходится главным образом (89%) на период раз в три месяца (35,6%), реже раз в полгода (30,4%) и еще реже раз в год (23%) – рис. 3.18. Еще более высокая частота потребления характерна для чулок, носков, колготок: 50, 24,8 и 18,2% – раз в 3 месяца, полгода и год соответственно. Высока дифференциация в приобретении сельскими бедными постельных принадлежностей: как правило (80% респондентов) от раза в год (21,6%) до раза в 5-10 лет (26,4%), наибольшая частота приходится на период раз в три года (32%). Реже чем раз в 10 лет приобретали постельные принадлежности 7,8% опрошенных.

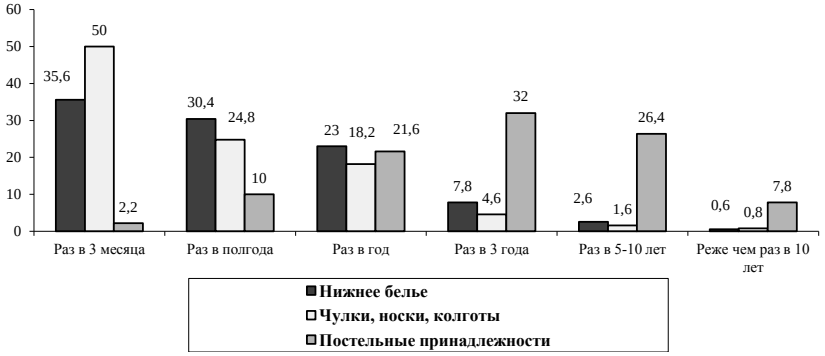


Рис. 3.18. Распределение сельских бедных по частоте покупок нижнего белья, чулочно-носочных изделий и постельных принадлежности, %

Таким образом, анализ приобретения непродовольственных товаров сельскими бедными жителями показал, что ***уровень потребления таких товаров*** с учетом количества членов семьи в основном был ниже установленных в России государственных минимальных социальных нормативов потребления, а ***для отдельных групп населения, по разным категориям товаров от 8 до 15% респондентов*** (ими являются главным образом обездоленные по характеристикам материального потребления и доходов), ***находился в значительном отрыве***.

В связи с нехваткой средств на приобретение одежды и обуви сельских ***бедных беспокоили в первую очередь такие проблемы, как изношенность обуви (52,8% респондентов) и верхней одежды на холодное время года (50%)***, отсутствие необходимой верхней одежды и обуви отмечается только 5-6% опрошенных. Но каждая десятая семья не могла покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста. ***Только 17,6% сельских бедных*** (это в основном категория относительно бедных) ***не имело особых проблем, связанных с приобретением одежды и обуви***.

Анализ обеспеченности респондентов товарами длительного пользования показал, что в 2011 г. телевизор и холодильник был почти в каждой семье сельских бедных (97,8 и 96,4% соответственно). Кроме холодильника в некоторых семьях имелись морозильные камеры (всего 16%).

С небольшим отрывом от лидеров на третьем и четвертом местах по популярности находились стиральная машина и электропылесос (79 и 72,2%) – рис. 3.19. Далее, значительно реже, в каждой четвертой семье (25,6%) имелись чаще давно приобретенные автомобиль и (или) мотоцикл, что в условиях территориальной удаленности от городов и других центров социального обслуживания, рабочих мест является для сельских жителей изучаемых регионов необходимым предметом потребления, а не предметом роскоши.

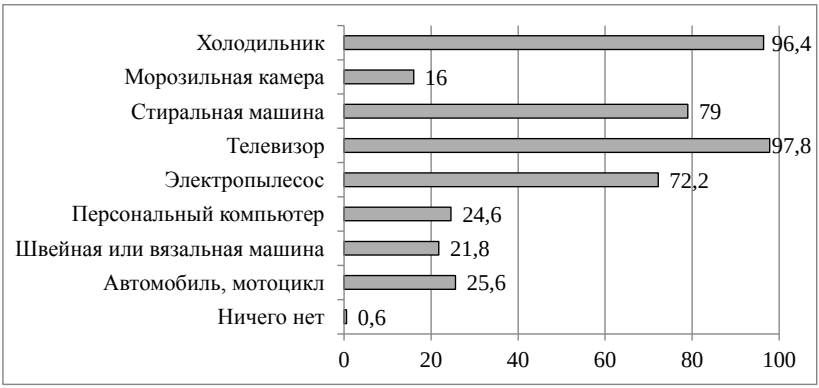


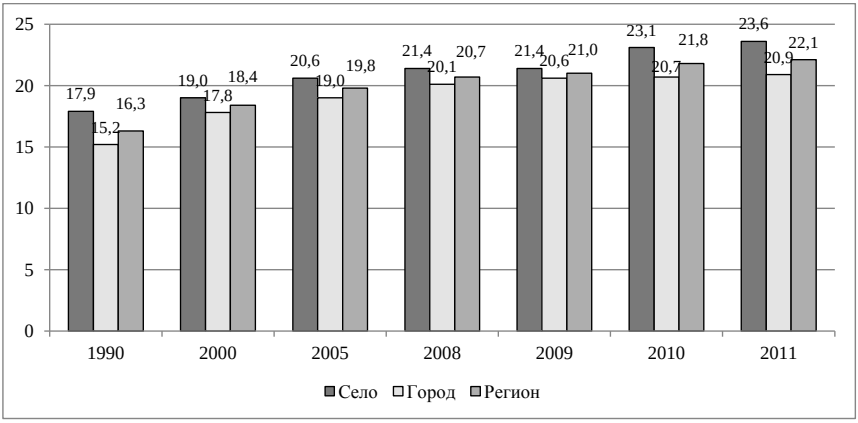
Рис. 3.19. Наличие у сельских бедных товаров длительного пользования, %

То же самое можно отнести и к потребности в персональном компьютере в условиях информационной ограниченности сельского населения, которыми владела только каждая четвертая семья опрошенных нами сельских бедных (24,6%). Швейные или вязальные машины в рабочем состоянии имелись чаще, чем в каждой пятой семье (21,8%).

Таким образом, почти в каждой семье сельских бедных (за исключением 0,6%, т.е. в 3 случаях из 500) имелся по крайней мере какой-либо один товар длительного пользования из традиционного набора для современного человека. Однако ***среди семей сельских бедных выделалась довольно значительная доля тех, кто не был обеспечен необходимым набором товаров, имеющих высокую потребность в сельской местности***, среди них каждая пятая семья не имела стиральной машины, 27,8% – не имели электропылесоса, две трети – персональный компьютер, а также автомобиль или мотоцикл.

Жилищные условия. Низкие обеспеченность и качество жилья также являются важнейшей характеристикой социальных лишений. Для сельских жителей, которые всегда имели существенные преимущества перед горожанами в обеспеченности жильем, серьезные проблемы с жильем часто становятся одними из ключевых в принятии решения о миграции или выборе деструктивных форм поведения, что подрывает основы устойчивого развития сельских территорий.

По данным статистики, обеспеченность жилплощадью (площадь квартир) в среднем на одного сельского жителя Алтайского края выросла с 17,9 кв. м в 1990 г. до 23,6 кв. м в 2011 г. (на 31,8%) – рис. 3.20.



Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 3.20. Обеспеченность жильем сельского и городского населения Алтайского края в 1990–2011 гг. (кв. м на человека)

За тот же период значение данного показателя для городского населения увеличилось на 37,5% – с 15,2 до 20,9 кв. м. Таким образом, село потеряло одно из своих преимуществ – более значительную обеспеченность жильем: различия сократились в 1,4 раза (с 17,8 до 12,9%).

Подавляющее большинство (84%) опрошенных в 2011 г. сельских бедных проживали на момент опроса в собственной доме или квартире, остальные жили с родителями или родственниками (7%), снимали жилье, проживали в служебной квартире и др. (рис. 3.21).

Качество жилья отражают показатели его благоустройства, обеспеченности коммунальными услугами – водопроводом, канализацией, горячим водоснабжением и др. (рис. 3.22). В 2008 г. только чуть более половины (56,6%) жилой площади на селе была оборудована водопроводом, еще меньше (41,8%) – канализацией. Причем с 1996 г. значение показателей обеспеченности водопроводом и канализацией выросло менее чем на 12 п.п. (с 44,9 и 30,3% соответственно), в начале десятилетия (2000 г.) оно составляло 50,2 и 37%. Крайне низкой величиной остается доля сельской жилой площади, оборудованной горячим водоснабжением (5,3%), причем за 2008 г. значение этого показателя даже сократилось.

Жилье сельских бедных жителей отличается значительно более низкими характеристиками благоустройства, обеспеченности коммунальными услугами. Согласно результатам опроса 2011 г., только домах (квартирах) 75,4% респондентов был водопровод, 18,8% – центральная канализация (рис. 3.23). Крайне редким случаем являлась оборудованность жилья горячим водоснабжением (5%) и централизованным газоснабжением (2,8%), что кардинально отличалось от ситуации в целом по селам рассматриваемых регионов. И даже в двух случаях из 500 (0,4% респондентов) проблемой являлось отсутствие электричества.

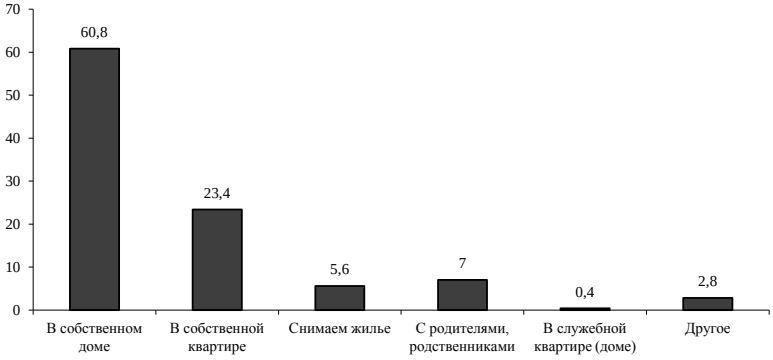
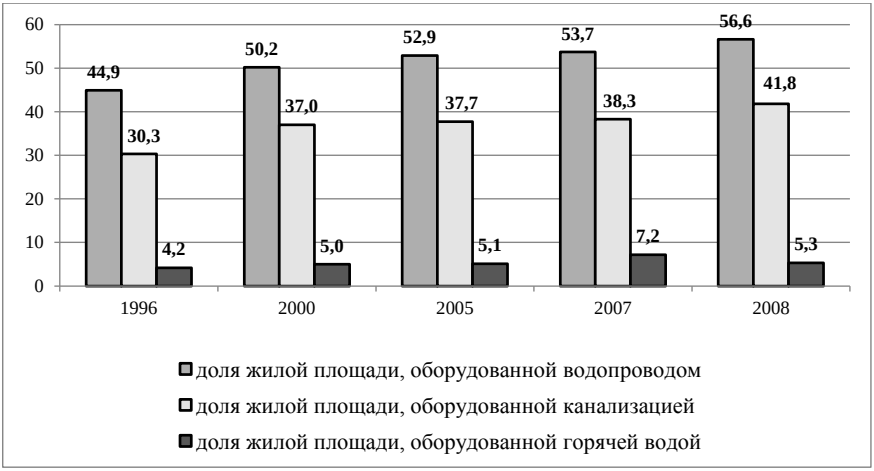


Рис. 3.21. Обеспеченность сельских бедных жильем, %



Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 3.22. Обеспеченность населения сельских районов Алтайского края коммунальными услугами в 1996–2008 гг.
(% оборудованного жилья к общей площади жилфонда)

Среди жилищных проблем, связанных с нехваткой средств, сельские бедные отмечали в первую очередь отсутствие или нехватку коммунальных удобств (45,4%) ***и необходимость неотложного капремонта*** (37,4%) ***либо в каждом четвертом случае экстренного ремонта жилья*** (починить крышу, вставить стекла, заменить вышедшую из строя сантехнику). В 10-13% случаев выделялись проблемы крайней тесноты проживания, частых перебоев с подачей холодной, горячей воды и тепла, холодного и сырого жилья. Беспокоило также проживание совместно с родственниками или

соседями в одном доме (одной квартире), в отдельных случаях отмечалась острая потребность в проведении хотя бы косметического ремонта. ***Только менее 6% сельских бедных не беспокоили проблемы с жильем.***

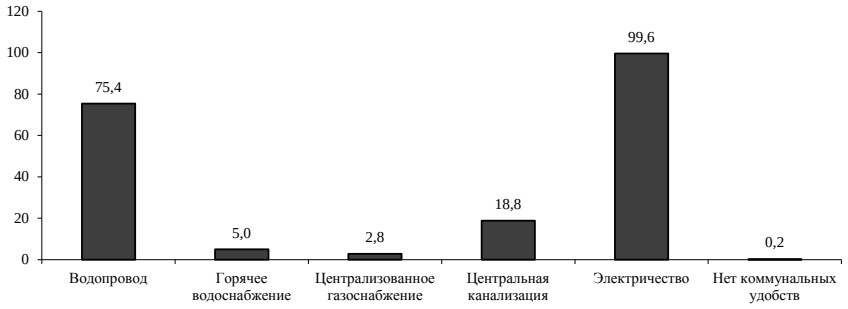


Рис. 3.23. Обеспеченность жилья сельских бедных коммунальными удобствами, %

Сравнительно низкие обеспеченность и качество жилья сельских бедных формируют высокий уровень нуждаемости ***в улучшении жилищных условий***. ***Более трети респондентов (35,8%) крайне нуждались*** в этом, самую большую группу (40%) образовали те, кто видит перспективные потребности в улучшении жилья. И только 24,2% сельских бедняков не нуждались в этом.

Выявлена прямая зависимость между материальным положением семьи и нуждаемостью в улучшении жилищных условий (коэффициент сопряженности равен 0,21): чем выше уровень материального благополучия, тем меньше нуждаемость. Самый высокий уровень нуждаемости обнаружен среди обездоленных (59,1%), самый низкий – среди относительно бедных (28,4%) и, напротив, нет потребности в улучшении жилищных условий среди почти трети относительно бедных (28,8%) против 12,1% среди обездоленных (рис. 3.24). Представители средней группы бедности имели соответственно срединные значения рассматриваемых показателей: 36,9% крайне нуждающихся и у 22,7% не было такой нужды.

Здоровье и медицинское обслуживание. Здоровье, как известно, является значительным ограничителем в решении проблемы бедности и одним из важных факторов ее формирования. По данным статистики, до 2007 г. на селе наблюдалась негативная динамика заболеваемости: с 1996 до 2007 гг. число случаев заболеваний (с впервые установленным диагнозом) в Алтайском крае увеличилось на 44% – с 688 до 991 на одну тысячу сельских жителей, что отчасти было вызвано ростом обеспеченности медицинскими кадрами (рис. 3.25). В 2008 г. уровень заболеваемости немного сократился и составил 980 на тысячу человек, что также соответствует сокращению обеспеченности селян медицин-

скими кадрами и, как следствие, возможности диагностики заболевания, а не реальному улучшению показателей здоровья.

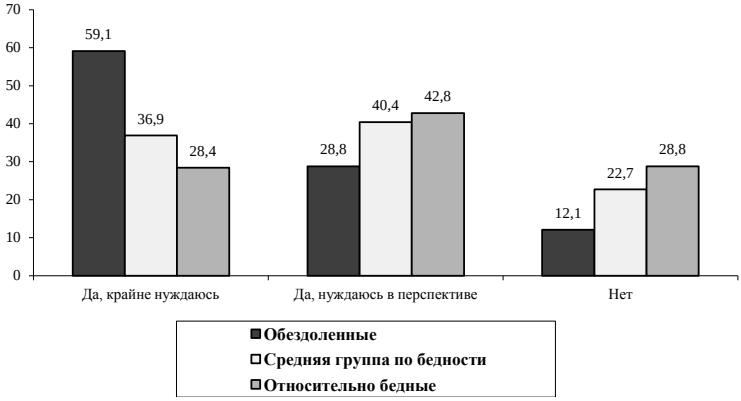
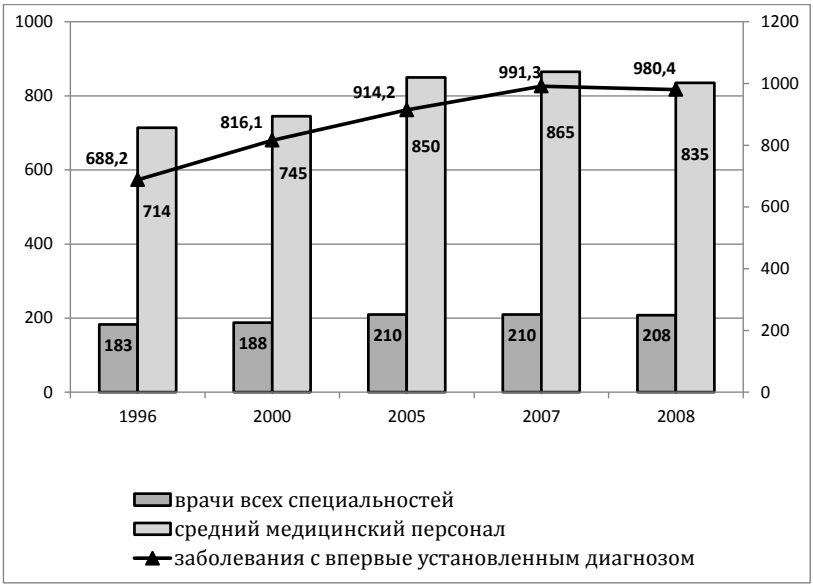


Рис. 3.24. Потребность сельских бедных в улучшении жилищных условий, %



Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 3.25. Динамика обеспеченности медицинскими кадрами и заболеваемости населения в сельских районах Алтайского края в 1996–2008 гг. (в расчете на 1 тыс. сельских жителей)

Среди респондентов 2011 г. только 45,6% не имели серьезных проблем со здоровьем, в т.ч. каждый третий имел серьезное хроническое заболевание, 11,6% – инвалидность.

Результаты опроса населения позволили установить ***прямую зависимость состояния здоровья и материального положения семьи сельских бедных*** (коэффициент сопряженности равен 0,20). ***Самую большую долю хронических больных и инвалидов можно было встретить среди обездоленных: 18,2 и 42,2%*** соответственно против 28,4 и 7,2% среди относительно бедных. Большинство представителей последней группы не имели проблем со здоровьем (63,1%), среди обездоленных таковых чуть более трети (36,4%).

В сфере сельского здравоохранения происходили разнонаправленные процессы. С одной стороны, годы реформ привели к ***сокращению сети медицинских учреждений***, продолжавшемуся вплоть до середины 2000-х. За десять лет (с 1996 до 2005 гг.) количество больничных учреждений в сельских районах края постепенно сократилось со 152 до 139, поликлиник – с 279 до 268. С середины 2000-х три года роста (2005–2007 гг.) сменились кардинальным сокращением сети медицинских учреждений, связанными с реструктуризацией в системе оказания медицинских услуг в сельской местности: в 2008 г. осталось только 72 больницы и 9 поликлиник. С другой стороны, как отмечалось, в годы реформ ***обеспеченность селян медицинскими кадрами***, напротив, ***заметно увеличилась***. С 1996 по 2007 гг. обеспеченность врачами выросла на 15% (со 183 до 210 в расчете на 1000 человек), средним медперсоналом – на 21% (с 714 до 865 в расчете на 1000 человек).

Среди проблем, связанных с получением медицинской помощи сельскими бедняками, «лидерами» являлись временная и материальная недоступность услуг врачей и медпрепаратов: *«невозможно в разумные сроки попасть на прием к врачу (очереди на запись, на прием)»* (41,4% респондентов); *«не хватает средств на оплату приема у платного врача, лечения или операции в городской (районной) больнице в случае отсутствия бесплатных услуг»* (37,6% всего массива респонден*тов*, в т.ч. 42,4% обездоленных); *«не хватает регулярно льготных лекарств и денег на оплату назначенных врачом лекарств (анализов, процедур)»* (36,4%).

Особую роль в формировании социальной исключенности сельских бедных, как в данном случае, впрочем, и всех остальных представителей сельского населения, ***играет территориальная недоступность медицинских услуг***: *«нет врачей нужных специальностей» (29,8%); «невозможность быстро получить экстренную медицинскую помощь (скорая помощь, дежурные врачи)» (22,2%); «отсутствуют минимально необходимые диагностические службы (лаборатория, рентген, УЗИ, ЭКГ и т.п.)» (17,4%).*

Такая проблема, как *дороговизна проезда до ближайшего медицинского учреждения* (8,8%), связана как с территориальной удаленностью, так и с материальными ограничениями. Соответственно, среди обездоленных эта проблема отмечалась в два раза чаще, чем среди остальных групп сельских бедных (16,7% против 7,1 и 8,1%)

Проблемы медицинской помощи имеют ярко выраженный региональный характер. Так, жители Алтайского края значительно чаще (от 2 до 5 с лишним раз) выделяли такие проблемы, как: *нехватка средств на оплату приема у платного врача, лечения или операции в городской (районной) больнице* (40,9 против 13,3%); *невозможность быстро получить экстренную медицинскую помощь* (23,9 против 10%); *отсутствие минимально необходимых диагностических служб* (18,6 против 8,3%); *дороговизна проезда до ближайшего медицинского учреждения* (9,8 против 1,7%).

Более трети жителей Республики Алтай (36,7%) говорили об отсутствии каких-либо проблем получения медицинской помощи, что в 2,2 раза чаще, чем в Алтайском крае. Но при этом в два раза чаще отмечали проблему отсутствия в их селе медицинского учреждения (3,3 против 1,6%). Это связано в первую очередь с поселенческой структурой респондентов в этом регионе: подавляющая их часть проживает в крупных селах.

Школьное и дошкольное образование. Важнейшим показателем социальной исключенности являются недоступность школьного образования или серьезные трудности, возникающие из-за отсутствия школы на селе.

Динамика численности сельских школьников наглядно демонстрирует демографический кризис современного села, с начала реформ до настоящего времени сохраняются процессы непрерывного сокращения численности учащихся в общеобразовательных учреждениях сельской местности. В Алтайском крае в расчете на 1 тысячу сельских жителей значение этого показателя в 2008 г. составило 110 учащихся. С 1996 г. оно сократилось на 37,5% (176 учащихся) и с 2000 г. – на 31% (159). За три года накануне кризиса (2005–2008 гг.) значительных изменений не произошло, но все же доля учащихся в численности сельского населения продолжала падать (116). Таким образом, наиболее значительное сокращение приходилось на первую половину 2000-х, когда ежегодно село «теряло» почти по 9 учащихся на каждые 10 тысяч жителей.

По данным опроса 2011 г., ***основными проблемами, связанными с получением школьного образования,*** которые волновали сельских бедных, ***являлись «постоянные поборы с родителей»*** (26,1% респондентов, имеющих детей школьного возраста) ***и нехватка денег, чтобы обеспечить школьников школьно-письменными принадлежностями и учебниками*** (24,2%, в т.ч. каждый третий обездоленный). Из-за отсутствия средств *дети* почти каждой пятой семьи сельских бедных (29,2% обездоленных) *не могли продолжать учиться дальше после окончания средней школы*. В 10-12% случаев препятствовала *недостаточная техническая оснащенность школы* (компьютеры, доступ в Интернет, учебники и пр.), *низкое качество преподавания*, они не давали возможности успешно сдать ЕГЭ и участвовать в конкурсе в вуз. Настолько же были озабочены сельские бедные и *недостатком денег для того, чтобы обеспечить питание детей в школе* (при отсутствии бесплатного питания), это касается прежде всего обездоленных (значение показателя в 1,3 и 1,6 раза выше, чем в двух других группах бедных: 16,7% против 13,2 в средней группе и 10,1% среди относительно благополучной). Иногда (в 5%

случаев) выделялись проблемы плохих бытовых и санитарных условий в школе (отопление, состояние здания, организация питания). ***Только около 30% сельских бедных, имеющих детей-школьников, отмечали отсутствие проблем школьного образования.***

В большинстве случаев (57,8%) семьям сельских бедных, имеющих детей школьного возраста, не хватит средств, чтобы дать детям высшее образование, к ним относятся три четверти обездоленных семей (рис. 3.26). Только 12,4% таких респондентов были уверены в том, что средств на эти цели хватает, их было больше среди относительно бедных (17,4%). Довольно значительной здесь являлась и доля затруднившихся с ответом (28%), у менее 2% отсутствовало такое желание.

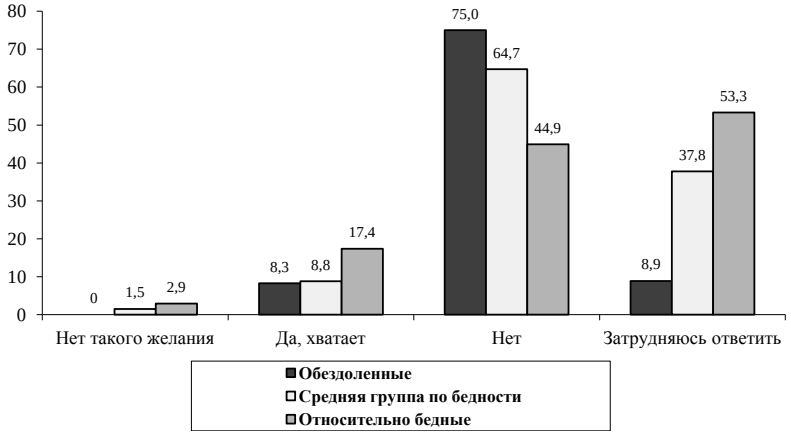


Рис. 3.26. Распределение ответов сельских бедных на вопрос «Хватит ли средств Вашей семье, чтобы дать детям высшее образование?», %

Социальную исключенность отражает также обеспеченность детей дошкольными учреждениями, различные проявления их недоступности. ***Развитие дошкольного образования характеризуется низким охватом детей дошкольными образовательными учреждениями***. В 2008 г. в сельской местности Алтайского края только 47% детей дошкольного возраста (1–6 лет) посещали детские сады и другие дошкольные учреждения. ***Еще меньше посещающих детские сады среди детей сельских бедных***: только 36,6% среди респондентов, имеющих таких детей. Здесь наблюдается значительный отрыв от социальных нормативов, установленных по Программе ООН «Национальные цели развития тысячелетия в России» на 2015 г., когда уровень охвата детей сельской местности дошкольными учреждениями должен составить 90%.

Основными причинами, определяющими низкую посещаемость детей сельских бедных дошкольными учреждениями при наличии потребности в них, являлось, по мнению сельских бедных в 2011 г., прежде всего отсутствие мест (17,8% респондентов с такими детьми) или самих учреждений на

селе (15,8%). Не было средств на одежду и обувь, чтобы собрать детей и оплачивать их пребывание в детских садах, в семьях почти 12% опрошенных, имеющих таких детей.

Выявлена значительная прямая зависимость обеспеченности детей дошкольными учреждениями и материального положения семей сельских бедных (коэффициент сопряженности равен 0,36, коэффициент Крамера – 0,27). Чем хуже материальное положение, тем ниже уровень такой обеспеченности. Обеспечены дошкольными учреждениями были дети только 15,4% обездоленных, каждого третьего представителя средней группы по бедности и почти 45% относительно бедных. Среди причин непосещаемости детьми из обездоленных семей детских садов лидировало отсутствие мест и средств на то, чтобы собрать детей и оплачивать их пребывание в детских садах (по 31% против 17,9 и 12,8% в средней группе и 14,3 и 6,1% в группе относительно бедных).

Экономия как проявление социальной исключенности. Отсутствие средств приводит к необходимости достаточно жесткой экономии, что также является формой социальных лишений. По результатам опроса, сельские бедные экономили в первую очередь на покупке мебели, бытовой техники (79%) – рис. 3.27. Лидерами экономии являлись также такие статьи расходов, как покупка одежды, обуви и других необходимых вещей и предметов повседневного пользования (69,2%), организация отдыха (61,6%) и ремонт жилья (58%). Кроме того, сельские бедные вынуждены реже посещать родственников и друзей, живущих в другом населенном пункте (41,8%). ***Почти каждая четвертая семья респондентов экономила*** на транспортных услугах, проведении семейных праздников, ритуальных обрядов (свадьбы, похороны), а ***также на продуктах питания***, что приводит, как показал проведенный нами анализ, к нарушениям рациональных норм потребления. А ***каждая пятая семья респондентов вынуждена экономить на лечении***. Очевидно, что такая вынужденная экономия приводит к ухудшению здоровья, а в отдельных случаях – к губительным последствиям.

Причем чем хуже материальное положение, тем чаще семьи сельских бедных экономят практически по всем статьям расходов. Наиболее значительная разница в распространенности такого поведения проявлялась в отношении лечения (2,8 раза), транспортных услуг (2,1 раза), питания (1,8 раза), ремонте жилья (1,7 раза), покупки одежды, обуви и других необходимых вещах и предметах повседневного пользования (1,5 раза). Например, экономия на продуктах питания была распространена среди семей 34,8% обездоленных, 27,8% представителей средней группы и 19,5% относительно бедных, а экономия на лечении – среди семей 40,9% обездоленных, 19,2% представителей средней группы и только 14,8% относительно бедных.

По результатам полуформализованного интервью с экспертами – руководителями органов местного самоуправления и общественных организаций, ***на селе в 2011 г. было более 25% эксклюзантов*** (ограниченных в доступе к социальным благам, возможностям удовлетворять самые насущные потребности

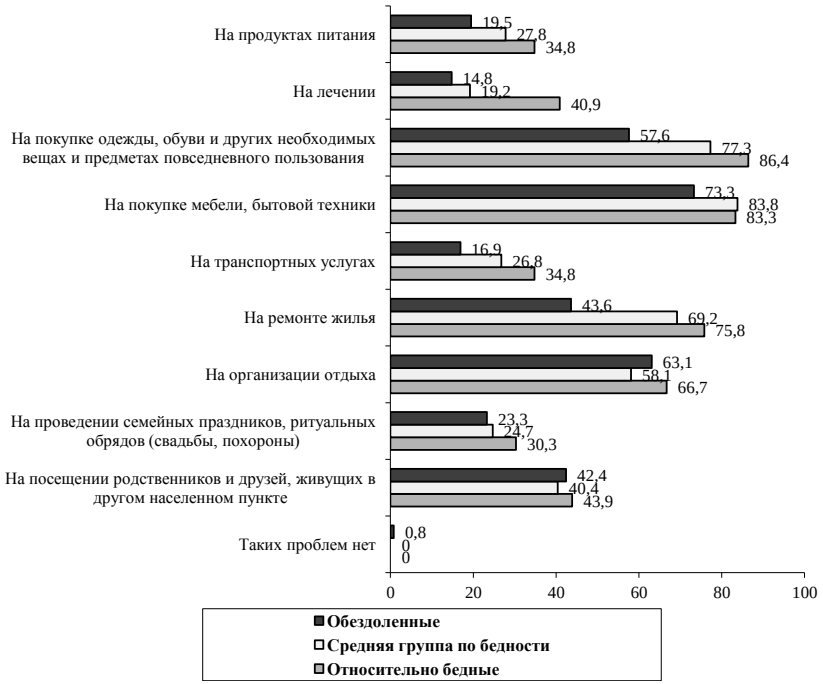


Рис. 3.27. Распределение ответов сельских бедных на вопрос «На чем Вы обычно экономите?», %

в жилье, в получении достойного образования, в медицинском обслуживании и других социальных благ, и чьи трудовые и другие социальные права нарушаются), что ***заметно ниже, чем другие оценки бедности***, данные этими экспертами (табл. 3.1). Причем представители местной власти считали, что среди сельских жителей только каждого пятого можно считать эксклюзантом, а руководители общественных организаций относили к таковым 38%. Один из экспертов заметил, что все сельские жители являлись таковыми (100%).

* * *

Таким образом, проведенный анализ характеристик качества питания, доступности потребления одежды и других непродовольственных товаров, товаров длительного пользования, обеспеченности и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицинских услуг позволил выявить **высокий уровень и различные формы проявления социальной исключенности, лишений сельских бедных.** Причем ***чем глубже уровень бедности, тем больших масштабов достигает исключенность*** от потребления социальных благ и услуг, имеющих наибольшую важность в удовлетворении потребностей людей, и к значительно большим негативным по-

следствиям (потере здоровья сельских жителей, деградации и проблемам социального воспроизводства сельского социума) это приводит.

1. **По оценкам экспертов, в 2011 г.** на селе было более 25% эксклюзантов (ограниченных в доступе к социальным благам, возможностям удовлетворять самые насущные потребности в жилье, в получении достойного образования, в медицинском обслуживании и других социальных благ, и чьи трудовые и другие социальные права нарушаются).

2. Высока **социальная исключенность сельских бедных в отношении уровня качества и структуры питания**. Низкий уровень качества питания в 2011 г. был характерен для 9,2% всех сельских бедных и 42% обездоленных. Рацион питания сельских бедных не соответствовал установленным нормативам: преобладал картофель и хлебопродукты, только более половины регулярно употребляли овощи и бахчевые, яйца, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, 38% – растительное масло (маргарин), чуть более 10% – рыбопродукты, фрукты и ягоды. Из-за нехватки средств каждая пятая семья сельских бедных не могла потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания и только в семьях 19% опрошенных не испытывали проблем питания.

3. Значительны и масштабы **социальной исключенности по потреблению непродовольственных товаров**. Уровень потребления таких товаров в семьях сельских бедных в основном ниже установленных в России государственных минимальных социальных нормативов потребления, а для отдельных групп населения, по разным категориям товаров от 8 до 15% респондентов (ими являются главным образом обездоленные по характеристикам материального потребления и доходов), находится в значительном отрыве от этих нормативов. Например, по данным 2011 г., 8% сельских бедных реже чем раз в 10 лет приобретали такие предметы верхней одежды, как платья, костюмы и брюки, а 13% – куртки, пальто и шубы. Крайне низкий уровень потребления обуви были характерен для семей 14% опрошенных (покупки раз в 5-10 лет и реже). Большинство сельских бедных беспокоили проблемы изношенности обуви и верхней одежды на холодное время года, 5-6% – отсутствие таковых. Каждая десятая семья не могла покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста.

Среди семей сельских бедных была значительная доля тех, кто не был обеспечен необходимым набором товаров длительного пользования. Так, 21% семей не имела стиральной машины, 28% – электропылесоса. Не были обеспечены телевизорами и холодильниками 2-3% респондентов. Выявлены единичные случаи отсутствия в семьях каких-либо товаров длительного пользования.

4. **Низкие обеспеченность и качество жилья** являются важнейшей характеристикой социальных лишений бедных сельских жителей. Беспокоят проблемы с жильем 94% респондентов, крайне нуждаются в улучшении жилищных условий 36% (около 60% обездоленных). Не имеют собственного

жилья 16% сельских бедных, 13% выделяют проблемы крайней тесноты проживания.

Имеющееся жилье отличалось высоким износом и низким уровнем благоустройства. 37% жилья требовало капремонта, каждое четвертое – экстренного ремонта. Отсутствие или нехватка коммунальных удобств была характерна для жилья 45% опрошенных. В домах (квартирах) каждой четвертой бедной сельской семьи отсутствовали водопровод, 81% семей – центральная канализация. Крайне редкой являлась оборудованность жилья горячим водоснабжением (5%) и централизованным газоснабжением (3%). Зафиксированы единичные случаи (0,4%) отсутствия электричества.

5. Сокращение сети сельских медицинских учреждений, особенно в кардинальных масштабах со второй половины 2000-х, привело к формированию **масштабной социальной исключенности сельских бедных от медицинского обслуживания** в виде временной (сроки обслуживания) и материальной недоступности услуг врачей и медпрепаратов (36-41% респондентов), а также разных форм проявления территориальной недоступности медицинских услуг (17-30%).

Как следствие, здоровье становится мощным ограничителем в решении проблемы бедности и важным фактором ее формирования. Большинство (54%) сельских бедных имели на момент опроса серьезные проблемы со здоровьем, 12% – инвалидность, каждый третий – хроническое заболевание. Среди обездоленных доля двух последних составила 18 и 42%.

6. **Социальная исключенность сельских бедных в разных формах проявления недоступности образования их детей**, прежде всего школьного и дошкольного, достигла больших размеров. Более 70% сельских бедных, имеющих детей-школьников, имели в 2011 г. материальные проблемы доступности образования. Формами проявления недоступности являлись невозможность из-за бедности обеспечить детей школьно-письменными принадлежностями и учебниками (24% имеющих детей-школьников, каждый третий обездоленный), оплатить их питание в школе (17% обездоленных). Не хватит средств для получения детьми высшего образования 58% семей сельских бедных, имеющих школьников, и три четверти обездоленных семей.

Из-за отсутствия дошкольных учреждений на селе или мест в них, а также возможности одеть и обуть детей и оплачивать их пребывание в детских садах не посещали в 2011 г. детские сады дети 46% бедных семей (имеющих дошкольников). Социальная исключенность дошкольного образования для детей из обездоленных семей достигала 77%, среди причин лидируют отсутствие мест и средств для их пребывания в детских садах (по 31%).

7. **Жесткая экономия является распространенной формой социальных лишений сельских бедных**. По результатам опроса, сельские бедные экономили в первую очередь на покупке мебели, бытовой техники (79%), одежды, обуви и других необходимых вещах и предметах повседневного пользования (69%), организации отдыха (62%) и ремонте жилья (58%). Почти каждая четвертая семья респондентов вынуждена была эко-

номить на продуктах питания (и 35% обездоленных), а каждая пятая (и 41% обездоленных) – на лечении, что приводит к ухудшению здоровья, к губительным последствиям.

3.4. Динамика материального положения и социального настроения сельских бедных

По оценке сельскими бедными материального положения своих семей в 2011 г. и десять лет назад, ***наблюдались рост масштабов обездоленности и сокращение относительного материального благополучия***. Если в 2001 г. среди опрошенных бедных к обездоленным (которым *денег иногда не хватает даже на питание*) себя отнесли 9,8%, то в 2011 г. таковыми являлись **13,2%**, что соответствует ***35% роста масштабов обездоленности***. Практически не изменилась доля средней группы бедных (кому *«хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей денег – нет»*): она (доля) увеличилась лишь с 38,2 до 39,6%. Вместе с тем за этот период произошло ***сокращение доли относительно бедных*** (наиболее благополучной среди трех выделенных групп, кому *«денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой»*) на 9,2%: с 52 до 47,2%.

В связи с коррекцией методики определения бедных (добавлена группа относительно бедных, уточнен критерий выделения средней группы) сравнительный анализ изменения материального положения сельских бедных на основе ранее проведенных нами исследований в полной мере невозможен. Воспользуемся лишь кратким описанием динамики бедности по данным опросов сельского населения в целом в 2008 и 2002 гг.[1]

В годы экономического роста, как показали данные опроса всех категорий сельских жителей в 2008 г., ***наблюдалось массовое сокращение бедности*** и рост материального благополучия. В 2008 г. к бедным (им *средств хватает только на скромное питание и оплату коммунальных услуг*) и обездоленным себя отнесли только 16,9% (в т.ч. к последним, которым *денег иногда не хватает даже на питание*, только 1,9%) – рис. 3.28. По оценкам этих же респондентов, 8 лет назад доля бедных составляла 23%.

[1] Более подробно результаты исследования 2008 и 2002 гг. см.: Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития – Барнаул, 2011; Сергиенко А.М. Положение и поведение сельских бедных на рынке труда / А.М. Сергиенко // Регион: Экономика и социология. 2005. № 4; Сергиенко А.М., Родионова Л.В. Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регионе // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009; Сергиенко А.М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. – Барнаул, 2003.

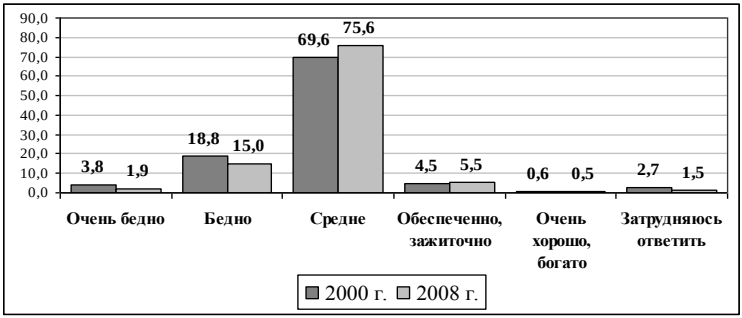


Рис. 3.28. Оценка сельским населением материального положения своей семьи, % (по данным опроса населения в 2008 г.)

По оценкам сельскими жителями трудоспособного возраста материального положения своих семей по результатам исследований 2008 и 2002 гг., значительно (в 2,7 раза) сократилась доля бедных и очень бедных (рис. 3.29)[1]. Для сравнения: ***в 1990-х гг. наблюдалось массовое обнищание сельских жителей***. За 1992–2002 гг. уровень сельской бедности вырос более чем два раза. По оценкам экспертов – руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, бедность тогда охватила половину сельских жителей. По данным опроса населения в 2002 г., *с 18 до 41% увеличилась доля бедных семей*, материальное положение которых таково, что им *«средств хватает только на питание»* или они *«еле сводят концы с концами, семья практически голодает»*. Причем доля последней, наиболее неблагополучной группы выросла в три раза (с 2 до 6%).

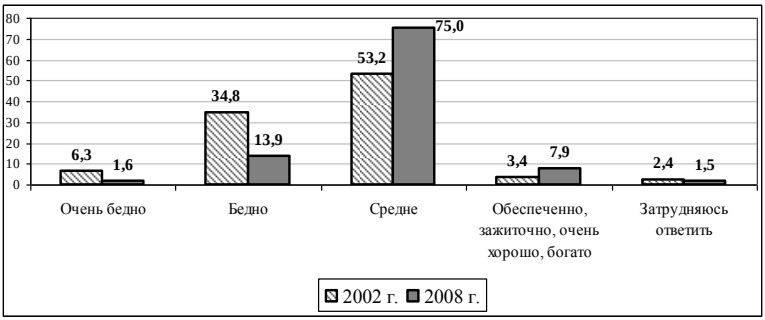


Рис. 3.29. Оценка сельским населением трудоспособного возраста материального положения своей семьи, % (по опросам 2002 и 2008 гг.)

[1] При сравнительном анализе результатов опросов 2008 и 2002 гг. не учитывались ответы респондентов старше трудоспособного возраста, что связано со спецификой выборки 2002 г.

Данные опроса свидетельствуют об ***ухудшении материального положения сельских бедных семей за более короткий период, совпадающий с глобальным экономическим кризисом***. Около половины считали, что положение их семей не изменилось ***за предыдущие три года; каждый пятый (20,8%) отмечал улучшение материального положения своей семьи***, а ухудшилось оно по мнению 29,2% (причем о значительном ухудшении говорили более половины из них) – рис. 3.30.

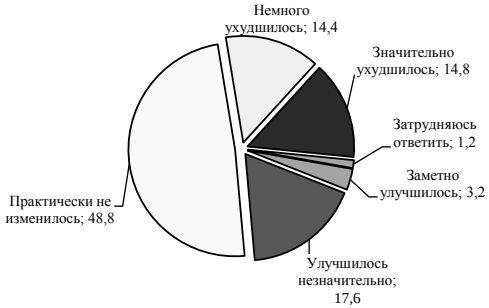


Рис. 3.30. Оценка сельским бедным населением изменений материального положения своей семьи за 2008-2011 гг., % (по данным опроса населения в 2011 г.)

Почти аналогичные оценки мы получили в начале десятилетия для всего сельского населения: в 2002 г. доля семей, чье положение, по их мнению, ухудшилось, составила 28%, улучшивших положение было 20,5%.

Основными причинами улучшения материального положения за 2008–2011 гг. сельские бедные считали прежде всего то, что кто-либо из членов семьи стал больше зарабатывать, появилась дополнительная работа (40,4% ответивших) или вышел на работу (закончившие обучение, безработные и т.п.) – 20,2% (рис. 3.31).

В каждом третьем случае (31,7%) «сработал» и фактор адаптации к меняющимся условиям (*«научились жить по средствам, приспособились к новым условиям»*). Несмотря на кризисные годы, почти для каждого пятого сказалось улучшение конкретной социально-экономической ситуации, в т.ч. на предприятии («*выплатили задолженность, более регулярно выплачивают зарплату, пенсию и т.п.»*). Более частными случаями, которые коснулись 11,5% ответивших респондентов, являлись получение (увеличение размера) помощи от государства, предприятия и т.п. Редкими являлись такие причины, как получение (увеличение) помощи от родственников, знакомых, а также доходов с семейного подворья и персональных услуг *(«шили сами одежду, ремонтировали и т.п.»)*.

Рис. 3.31. Причины улучшения материального положения семей сельских бедных за 2008-2011 гг., %

К главным причинам ухудшения материального положения две трети ответивших сельских бедных (65,1%) отнесли инфляцию (*«цены росли быстрее, чем семейные доходы»*) – рис. 3.32.

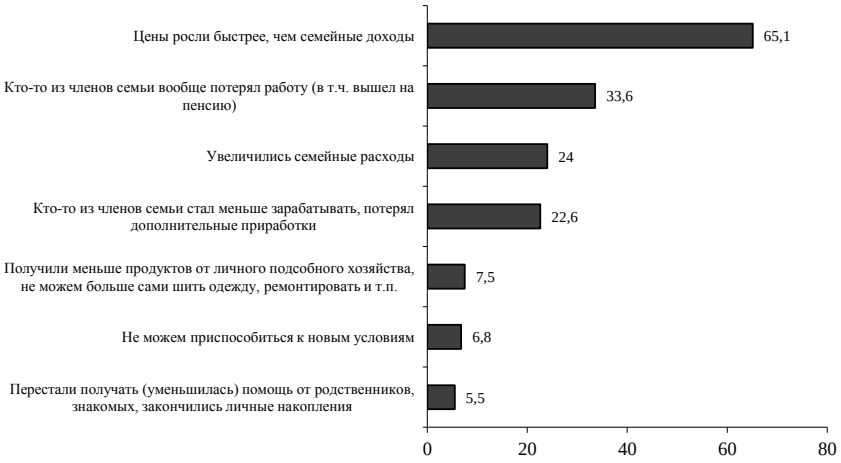


Рис. 3.32. Причины ухудшения материального положения семей сельских бедных за 2008-2011 гг., %

Кризисные годы в экономике коснулись большинства опрошенных: каждый третий ответивший респондент отметил потерю работы или выход на пенсию кого-либо из членов семьи, а также 22,6% – сокращение заработков по основному месту работы, потеря дополнительных приработков. Каждый четвертый респондент связал ухудшение материального положения с ростом семейных расходов в связи с ремонтом, лечением, получением образования, выплатой долгов. Более редкими причинами (5-8% случаев) являлись сокращение продукции личного подсобного хозяйства, доходов от персональных услуг, а также помощи от родственников и знакомых, исчерпание такого источника, как личные накопления. Только 6,8% не смогли, по их словам, приспособиться к новым условиям.

Важнейшими показателями уровня и динамики социально-экономического положения населения являлись оценки **социального настроения и перспектив материального положения семьи**. ***Оценки бедными сельскими жителями ближайших перспектив***, данные ими весной 2011 г. в ***целом скорее оптимистичны*** **(**рис. 3.33).

Рис. 3.33. Оценка сельским бедным населением перспектив материального положения своей семьи в ближайший год, % (опрос 2011 г.)

В ближайший год после опроса респонденты предполагали, что их семьи будут жить в основном также (49,4%) или лучше, чем сегодня (15,4%). Ухудшения ожидал лишь каждый десятый, а остальные, их более 25%, не представляли, что их ожидает в будущем.

В сравнении с данными опроса всех сельских жителей в 2008 г. результаты социологического опроса бедных в 2011 г. свидетельствуют о довольно значительном росте пессимизма относительно перспектив улучшения материального положения своей семьи **(**рис. 3.34).

Оценки трех групп респондентов, различающихся материальным положением семьи, существенно разнятся. ***Среди обездоленных***, как следовало ожидать, ***пессимистичные оценки значительно (в 1,6 раза) перевешивали позитивные*** (16,7 против 10,6%), чуть меньше разница между крайними оценками у представителей средней группы бедных (15,2 против 11,1%) и, напротив, ***оценки относительно бедных отличались «завидным» оптимизмом***: каждый пятый будет жить лучше и только 3,4% ожидали ухудшения.

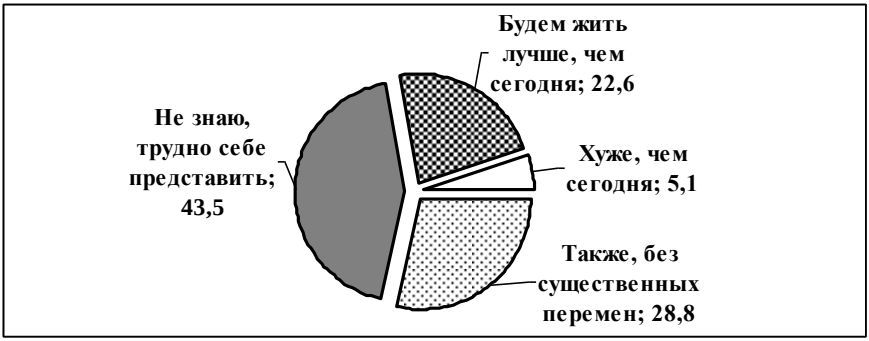


Рис. 3.34. Оценка сельским населением перспектив материального положения своей семьи в ближайшие год-два, % (опрос 2008 г.)

Молодые сельские жители были намного более оптимистичны в своих оценках относительно ближайшего будущего: более трети респондентов в 2011 г. были уверены в том, что в следующий год будут жить лучше, чем сегодня (против 13,9% в средней и старшей группе трудоспособного возраста и 4,2% среди пенсионеров), и только 4,7% молодежи считали, что будут жить хуже (против 9,2 и 14,8% представителей двух других возрастных групп, взятых соответственно).

Глубина и динамика бедности отражается на социально-психологическом состоянии бедных селян, что позволяют оценить характеристики их социального настроения, удовлетворенности своим положением. ***Оценка бедным сельским населением своего настроения и, как следствие, социально-психологического состояния довольно пессимистична*** в сравнении с полученными нами результатами в 2008 г. для всего сельского населения. В 2011 г. ***среди бедных на селе было только 15,4% «уверенных оптимистов»*** *(«уверен в настоящем, с оптимизмом смотрю в будущее»)* (рис. 3.35). Самую большую группу опрошенных (52%) составили те, кто испытывает некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей. ***Ощущали на момент опроса сильное напряжение, отсутствие какой-либо перспективы, находились «на грани нервного срыва» 14,4% респондентов***, и чуть больше (17,8%) среди бедных селян было равнодушных, испытывающих апатию ко всему.

По опросу 2008 г., «уверенных оптимистов» среди сельских жителей было около четверти (в начале десятилетия менее 20%), заметно меньше было «обеспокоенных» (около 40%, в начале десятилетия – 57%) и «напряженных» (почти каждый десятый, 12,5% в начале 2000-х). Доля «равнодушных» была существенно меньше (каждый десятый) и практически не изменилась с начала десятилетия.

Рис. 3.35. Оценка сельским населением своего социального настроения, % (по данным опроса 2011 г.)

Выявлена существенная прямая зависимость социального настроения бедных селян от материального положения их семей. Среди сельских жителей, различающихся материальным положением семьи, наиболее благополучные оценки социального настроения наблюдались в 2011 г. среди относительно бедных: здесь «уверенных оптимистов» в 2,3 раза больше (17,8% против 7,6), а «напряженных» – почти в 4 раза меньше (9,3% против 36,4). «Обеспокоенность» более характерна для двух относительно благополучных групп, а равнодушие – для средней группы бедных.

* * *

Таким образом, анализ динамики материального положения и социального настроения сельских бедных позволяет сделать вывод о своеобразии проявления российских трендов бедности в сельских сообществах.

1. ***Наблюдалось значительное сокращение масштабов сельской бедности в годы экономического роста и ухудшение ситуации лишь в период глобального финансового кризиса. В 2000-х выявлены процессы углубления бедности среди сельских жителей с неблагополучным материальным положением, выраженные в значительном росте масштабов обездоленности***. По оценке респондентов 2011 г., за последние десять лет обездоленность выросла на 35%, а относительное материальное благополучие сократилось на 9%. За последующие три года после начала экономического кризиса также происходило некоторое ухудшение материального положения бедных сельских семей: доля негативных оценок (29%) выше позитивных (21%).

2. К ухудшению материального положения сельских бедных привели инфляция (65% ответивших), рост безработицы и низкий уровень пенсионного обеспечения (каждый третий), сокращение заработной работы и дополнительных приработков (23%). Среди причин улучшения материального поло-

жения основными являлись рост доходов семьи вследствие повышения зарплаты, дополнительной работы (40%), выхода на работу кого-либо из членов семьи. В 32% случаев «сработал» фактор адаптации к меняющимся условиям (*«научились жить по средствам, приспособились к новым условиям»*).

3. Несмотря на то, что ***оценки своих ближайших перспектив, данные бедными сельскими жителями, в целом скорее оптимистичны, их социально-психологическое самочувствие довольно-таки неблагополучно***: напряженность и равнодушие превалируют над «уверенным оптимизмом», причем естественно, что глубина бедности напрямую коррелирует с настроением. В 2011 г. не ожидало изменений около половины респондентов доля надеющихся на улучшение была выше, чем ждущих ухудшения (15 против 10%). Среди обездоленных пессимистичные оценки значительно перевешивали позитивные (17 против 11%). Социальное настроение бедного сельского населения было довольно пессимистично: только 15% «уверенных оптимистов», ощущали сильное напряжение 14% респондентов. Среди обездоленных – 8% «уверенных оптимистов» и 36% «напряженных».

Пугающий пессимизм и бесперспективный взгляд в будущее обездоленных, среди которых немало молодежи, свидетельствуют о необходимости коренных изменений в системе социальной поддержки сельских жителей и социального развития села в целом, создании эффективных «социальных лифтов».

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКИХ БЕДНЫХ В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Мы полностью разделяем позицию Генерального директора Международного бюро труда в 1999–2012 гг. Хуана Сомавии по поводу того, что «создание для мужчин и женщин возможностей трудиться в условиях свободы, уважения достоинства, социальных гарантий и равенства – наиболее эффективный и устойчивый путь преодоления нищеты»[1]. Подобной точки зрения придерживается и большинство опрошенных нами экспертов. Проблемы занятости и безработицы они отнесли к наиболее острым на селе, отсутствие в аграрной экономике рабочих мест с высоким потребительским потенциалом, низкий уровень квалификации и экономической активности сельских жителей являются, по их мнению, главными причинами бедности в российской деревне, а содействие продуктивной занятости – важнейшим механизмом ее преодоления. Приведем наиболее яркие их высказывания на эту тему.

«*Основной причиной бедности на селе является, прежде всего, отсутствие рабочих мест. Ликвидировали банки, ликвидировали сберкассы, ликвидировали службы, в которых работала интеллигенция, ликвидировали социальные объекты, в которых работали женщины. Раньше в райцентре была сельхозтехника, была сельхозхимия, был элеватор… Это все были рабочие места. Их ликвидация привела к тому, что село обнищало. Обнищало оно сегодня не только в плане материальном, но и в моральном…. Только труд может победить бедность»* – из интервью с экс-министром сельского хозяйства РФ, бывшим главой законодательного органа власти в регионе.

«На первое место я бы поставила проблему безработицы. Коллективные хозяйства распались, а фермерские – не обеспечивают достаточное количество рабочих мест. Тем более, фермеры чаще всего обходятся в работе своей семьей» – из беседы с представителем законодательной власти региона.

«Бедность возникает чаще всего, там, где нет желания каждодневно трудиться, не сформирована потребность трудиться, не сформирована потребность обслуживать себя, и не сформирована ответственность за окружающих, за своих детей, за свою жену, за престарелых родителей. Поэтому человек бедный. И если человек не хочет работать, то на рынке труда он не может найти себе достойного места» – из интервью с представителем исполнительной власти в регионе.

«Единственный способ преодоления бедности – всемерное содействие организации рабочих мест. Другого способа нет и не будет» – из беседы с Уполномоченным по правам человека в регионе.

В настоящей главе мы остановимся на анализе социально-экономического положения и поведения сельских бедных в социально-трудовой сфере.

---

[1] Somavia J. From poverty to decent work: Bridging the gap [Electronic resource]. – URL: http://www.reitingi.lv/en/news/darbs/2423.htm.

По данным социологического исследования 2011 г. среди всех опрошенных бедных сельских жителей доля занятых составила 47% при среднероссийском показателе для сельского населения в этот период 57%. Удельный вес безработных среди бедных селян был более чем в два раза выше по сравнению с аналогичным показателем по России в целом, а экономически неактивного населения – больше на два процентных пункта (п.п). В 2001 г. структура бедных сельских жителей по положению в сфере труда и занятости отличалась от общероссийских индикаторов в значительно меньшей степени – на 2–5 п.п. (табл. 4.1).

За прошедшее десятилетие статус занятости многих опрошенных бедных изменился, на 17% сократилось число занятых, в два раза возросло количество безработных и примерно на 6% увеличилась численность экономически неактивных бедных. Эти изменения были обусловлены, с одной стороны, естественным движением населения, в частности, выходом на пенсию относительно многочисленного поколения 1950-х годов рождения и вступлением в трудоспособный возраст малочисленного контингента родившихся в 1990-е гг., а с другой – сокращением спроса на ресурсы труда и резким увеличением сельской безработицы в кризисный 2009 г. И хотя в последнее время наметилась тенденция снижения сельской безработицы, на категорию бедных она пока не распространилась. По мнению экспертов, бедных первыми увольняют с работы и последними принимают.

Таблица 4.1

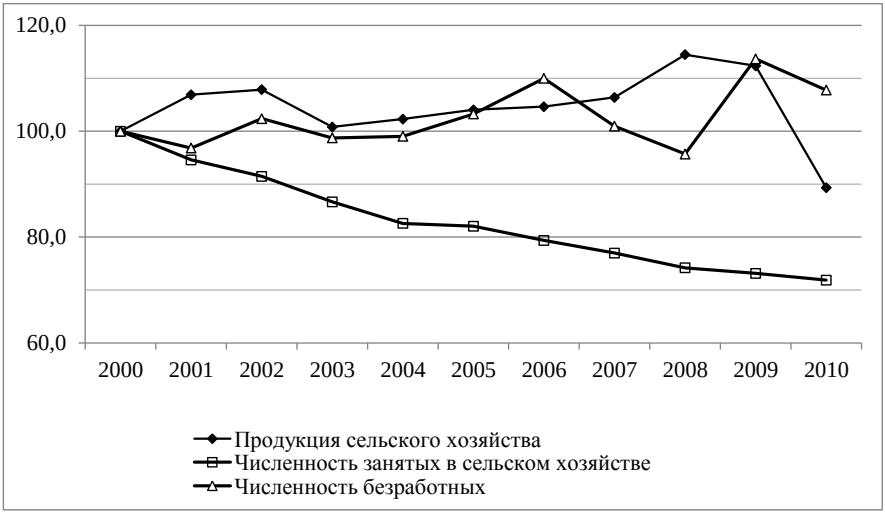
Распределение сельского населения по положению в сфере труда и занятости, %

Статус занятости	**Бедные**		**Сельское население РФ в целом**	
	2001	**2011**	**2001**	**2011**
Занятые	56,2	46,8	54,0	57,2
Безработные	7,6	15,4	6,5	7,0
Экономически неактивное население	36,2	37,8	39,5	35,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011[2], оценки и расчеты авторов.

Тренды в динамике абсолютных и относительных показателей занятости, безработицы и экономической неактивности сельских бедных и сельского населения России в целом в основном не совпадали.

Ретроспективный анализ развития аграрной экономики, численности занятых и безработных на селе в 2000–2010 гг. показал, что между ними лишь в отдельные годы наблюдалась логически правильная связь. В основном рост производства происходил при сокращении занятости и (или) увеличении безработицы, а его падение – при снижении безработицы (рис. 4.1).



Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 4.1. Динамика продукции сельского хозяйства, численности занятых и безработных на сельском рынке труда (в % к 2000 г.)

Выявленные парадоксы в определенной мере можно объяснить ростом производительности труда в аграрном секторе экономики страны, накопленными здесь резервами труда в предшествующие годы и желанием предпринимателей в условиях жесткой конкуренции освободиться от излишков рабочей силы, ликвидацией ряда предприятий, а также сохраняющимся острым дефицитом рабочих мест в сельской местности и структурным несоответствием спроса и предложения на сельском рынке труда, а также диверсификацией занятости, переливом рабочей силы из сельского хозяйства в другие отрасли экономики и миграцией трудоспособного населения в города. Необходимо учитывать и тот факт, что примерно 10% сельских безработных, по оценкам экспертов, не хотят работать ни при каких условиях, среди сельских бедных таковых примерно 20%. *«У нас появилась целая когорта людей, которые не работали, не работают и не собираются работать»* – из интервью с Уполномоченным по правам человека в регионе.

Далее мы рассмотрим положение и поведение отдельных групп сельских бедных, различающихся по статусу занятости, в социально-трудовой сфере.

4.1. Характеристика и стратегии поведения занятых бедных

К *занятым* в нашем исследовании отнесены работающие по найму и самозанятые. В структуре работающих бедных селян по статусу занятости, как и для большинства других категорий рабочей силы, наиболее многочисленной группой являются наемные работники, т.е. лица, заключившие договор (контракт, соглашение) об условиях и оплате труда с руководителем

предприятия или организации любой формы собственности или с отдельным физическим лицом. Последние объединяют занятых по найму у предпринимателей без образования юридического лица и занятых оказанием услуг по ведению домашнего и личного подсобного хозяйства, таких как вспашка земли, посадка картофеля и овощей, сбор урожая, заготовка кормов и т.п. Среди опрошенных занятых наемные работники составляли 97%. При этом подавляющее их большинство (80% и более) были оформлены официально по трудовому договору (контракту) на постоянной основе и работали в режиме полного рабочего времени.

В категорию самозанятых включаются работодатели, использующие наемный труд; индивидуальные предприниматели, работающие индивидуально или с привлечением неоплаченного труда членов своих семей; члены производственных кооперативов; неоплачиваемые работники семейных предприятий (помогающие индивидуальным предпринимателям члены их семей). Среди обследуемого нами контингента представители первой группы отсутствуют.

Доля самозанятых невелика. По данным обследования населения по проблемам занятости в разные годы она составляла от 2 до 5%, среди опрошенных бедных она равнялась 3%. Основными причинами их малочисленности являются труднопреодолимые препятствия для занятия индивидуальным бизнесом, в частности непосильное налоговое бремя, обилие административных барьеров, коррупция, макроэкономическая нестабильность в стране. Значительная часть опрошенных самозанятых (более 70%) была зарегистрирована в качестве предпринимателей без образования юридического лица, каждый седьмой имел в собственности предприятие и примерно 14% работали без регистрации и оформления документов. Более половины мелких предпринимателей были заняты в аграрном секторе экономики и строительстве, и их работа носила преимущественно сезонный характер.

Половина респондентов на момент опроса работала в муниципальных и государственных учреждениях, несколько меньше – на предприятиях частного сектора экономики и незначительная их часть (менее 3%) – в общественных, религиозных и других организациях. Структура занятости опрошенных сельских бедных по формам собственности имеет свою специфику. Если среди сельского населения в целом по стране и обследуемым регионам преобладает занятость на частных предприятиях, то среди бедных селян – в организациях государственной и муниципальной собственности. Кроме того, для них характерна повышенная доля занятых в муниципальных учреждениях, более низкая – в акционерных обществах и отсутствие занятости – на предприятиях смешанной с иностранным участием и иностранной собственности.

В распределении респондентов по видам экономической деятельности преобладали занятые охраной, уборкой и отоплением помещений; сельскохозяйственными работами; оптовой и розничной торговлей, ремонтом бытовых изделий и предметов личного пользования (от 11 до 20%). Вторую по рас-

пространенности группу представляли работники, оказывающие образовательные, медицинские и социальные услуги, а также занятые в органах государственного и муниципального управления и финансовой деятельностью (от 6 до 10%). Третья группа объединяла селян, предоставляющих услуги общественного питания, коммунальные и другие услуги (от 1 до 5%) – табл. 4.2. Если анализируемые структурные индикаторы сельских бедных сравнить с аналогичными среднероссийскими и среднерегиональными показателями, то обращает на себя внимание повышенная занятость исследуемой группы населения на предприятиях транспорта, связи и в строительстве; более низкая их доля – в сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах и занятых оказанием образовательных и медицинских услуг.

Таблица 4.2

Распределение занятых сельских бедных
по видам экономической деятельности, %

Виды экономической деятельности	**Занятые**
Сельскохозяйственные работы	10,7
Строительные и столярные работы	4,7
Транспорт и услуги связи (связь, ремонт дорог, диспетчер)	11,5
Торговля, ремонт бытовой техники, пошив и ремонт одежды	11,5
Охрана, уборка и отопление помещений	19,7
Услуги общественного питания	4,7
Государственное и муниципальное управление	7,7
Образовательные услуги	9,4
Медицинские и социальные услуги	6,8
Финансовая деятельность	5,6
Сбор, переработка «даров природы» (грибов, ягод, лекарств)	0,0
Не имею опыта работы	0,0
Другое	7,7
Итого	**100,0**

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Распределение сельского населения, занятого в экономике, по видам экономической деятельности тесно связано с его профессиональным составом. *Профессиональная структура* отражает технико-технологическое строение общества и его социальную структуру. Сдвиги в профессиональной структуре показывают направления и темпы экономических, технико-технологических и социальных перемен.

Основными инструментами, которые позволяют анализировать, измерять и сопоставлять профессиональную структуру, являются Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ) и разработанный на ее основе Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ)[1]. Последний мы используем в нашем исследовании. Он представляет собой систематизированный пере-

[1] Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93 (ОКЗ) (утв. постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kadrovik.ru/docs/08/okz010-93.30.12.93n298.htm.

чень видов трудовой деятельности и предназначен для решения задач, касающихся регулирования социально-трудовых отношений, оценки состояния и динамики структуры рабочей силы, анализа и прогноза показателей в сфере занятости и профессионального образования.

Классификационной единицей ОКЗ является вид трудовой деятельности (занятие), основу которого составляет квалификация (профессиональное мастерство) и профессиональная специализация. Критерием квалификации является уровень образования (профессиональная подготовка) и опыт (стаж) практической работы, которые в совокупности образуют необходимые предпосылки для выполнения работы определенной сложности. Критерий профессиональной специализации характеризуется сферой приложения труда. На основании этого критерия определяют тип необходимых знаний, умений и навыков, требуемых для выполнения обязанностей и трудовых функций по определенным видам занятий. Его используют в качестве основы при определении видов деятельности, производственных процессов, обрабатываемых сырья и материалов, результатов труда и т.п.

Объектами классификации являются однородные, с точки зрения содержания работ, укрупненные группировки профессий рабочих и должностей служащих.

В соответствии с МСКЗ и ОКЗ выделяют 9 укрупненных профессиональных групп для гражданских занятий и 1 группу для военнослужащих.

1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий – руководители и представители государственных органов всех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), а также органов местного самоуправления и общественных организаций; руководители предприятий (учреждений, организаций) всех форм собственности и направлений деятельности; руководители структурных подразделений (функциональных и линейных), а также руководители малых предприятий (учреждений, организаций), в том числе по отраслям хозяйства. В нашем исследовании бедности эту группу в основном представляли руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, россельхознадзора, директора школ, домов культуры, предприятий, а также заведующие детским садом, столовой, предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и другие (табл. 4.3).

2. Специалисты высшего уровня квалификации. Данная группа включает в себя специалистов с высшим образованием научного и инженерного профиля, врачей, учителей, преподавателей вузов и колледжей, бухгалтеров, юристов, экономистов, журналистов, деятелей литературы и искусства, религиозных деятелей, государственных и муниципальных служащих, а также множество других специалистов, профессиональная деятельность которых требует высшего уровня квалификации, т.е. высшего профессионального образования. Из опрошенных бедных селян в нее попали учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и другие.

Таблица 4.3

Профессиональная структура занятых сельских бедных, %

Группы профессий	Профессии	%
1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	Руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, Россельхознадзора, директора школ, домов культуры, предприятий, заведующие детским садом, столовой, предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и др.	11,3
2. Специалисты высшего уровня квалификации	Учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и другие	15,0
3. Специалисты среднего уровня квалификации	Воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.	7,4
4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	Секретари, операторы ПК, кассиры и др.	2,5
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	Продавцы, повара и другие работниками общественного питания, парикмахеры, швея и массажистка	14,2
6. Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства	Фермер, доярки, сыроделы, зоотехники, лаборанты и др.	6,3
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	Монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и др.	7,9
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	Водители, трактористы, машинист тепловоза	10,0
9. Неквалифицированные рабочие	Технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.	23,8
10. Занятые на военной службе	Техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок	0,8
11. Лица, не точно указавшие или не указавшие занятия		0,8
Итого		**100,0**

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

3. Специалисты среднего уровня квалификации. Эту группу представляют специалисты – техники различных конкретных направлений трудовой деятельности, механики, диспетчеры (в том числе авиационные), капитаны и пилоты самолетов, средний медицинский и преподавательский персонал, дилеры, брокеры, агенты, средний персонал административно-управленческой

и торгово-коммерческой деятельности, сферы искусства, работники правоохранительных органов, государственных служб и другие, профессиональные занятия которых требуют, как правило, среднего профессионального образования. Из опрошенных респондентов сюда попали воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.

4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием. В эту группу входят секретари, машинистки, стенографистки, операторы ПЭВМ, служащие библиотек, кодировщики, кассиры, крупье, служащие турфирм и турагентств, и другие служащие, выполняющие расчетные и информационные функции. В нашем исследовании сюда включены секретари, операторы ПК, кассиры и др.

5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности – повара, официанты, парикмахеры, гиды, проводники, продавцы (в том числе палаток и рынков), пожарные, работники милиции, рабочие жилищно-коммунального и зеленого хозяйства и другие. Специфика этой группы занятий состоит в том, что она включает в себя как занятия служащих, так и профессии рабочих, относящиеся к определенным видам трудовой деятельности. В обследовании бедных она представлена продавцами, поварами и другими работниками общественного питания, также в нее вошли парикмахеры, швея и массажистка.

6. Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства – товарные производители сельскохозяйственной продукции, работники лесного, рыбного хозяйства. Сюда попали фермер, доярки, сыроделы, зоотехники, лаборанты и др.

7. *Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр.* В рассматриваемую группу входят все профессии квалифицированных рабочих, предполагающие наличие специальной профессиональной подготовки и опыта практической работы. Для ряда профессий данной группы необходимая квалификация приобретается на базе среднего профессионального образования. Из опрошенных селян в эту группу попали монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и другие.

8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин. Рабочие этой группы осуществляют управление и контроль за работой промышленных установок, машин и оборудования, управляют автоматическими и полуавтоматическими сборочными линиями и промышленными роботами, осуществляют сборку готовой продукции, вождение и обслуживание различных транспортных средств и др. Выполнение подобных работ требует, как правило, профессионального обучения на базе основного общего или среднего (полного) общего образования. Для ряда профессий данной классификационной группы необходимая квалификация достигается в процессе получения

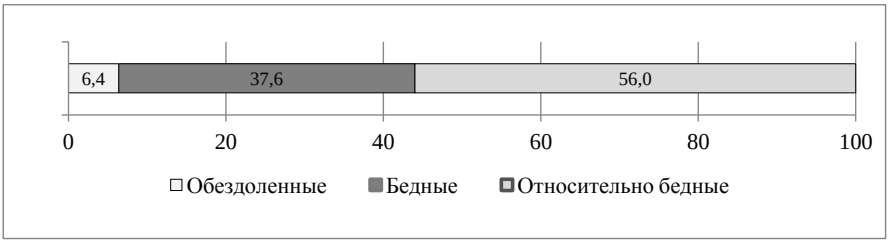
среднего профессионального образования. В нашем исследовании в нее вошли водители, трактористы, машинист тепловоза.

9. Неквалифицированные рабочие – занятые выполнением простых механических работ, в основном связанных с использованием ручных инструментов и требующих определенных физических усилий и затрат. Данная группа профессий (занятий) характеризуется низким уровнем квалификации, что соответствует наличию основного общего или среднего (полного) общего образования и индивидуального обучения профессиональным навыкам на рабочем месте. Эту группу представляют технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.

10. Занятые на военной службе, к ним отнесены все должности, профессии и занятия, относящиеся к вооруженным силам страны. Из опрошенных респондентов в рассматриваемую группу попали техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок.

Для профессиональной структуры сельских бедных было характерно преобладание носителей профессий неквалифицированного труда (примерно 24%), высокая доля специалистов высшего уровня квалификации, работников сферы облуживания, торговли и ЖКХ, руководителей всех уровней управления (11–15%), значимая доля приходится на операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, квалифицированных рабочих сельского и лесного хозяйства, специалистов среднего уровня квалификации (6–10%), низкая доля работников, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом и военнослужащих (0,7–2,5%).

В распределении занятых по уровню бедности преобладали относительно бедные, на них приходилось около 56%, доля бедных составляла 38%, а обездоленных – 6% (рис. 4.2).



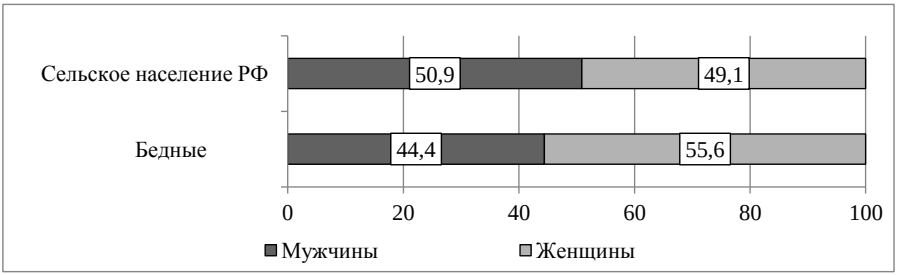
Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

Рис. 4.2. Распределение занятых сельских бедных по уровню бедности, %

Абсолютные и относительные индикаторы занятости отдельных групп бедных существенным образом были дифференцированы в зависимости от их демографических характеристик, уровня образования, места жительства.

Самые крупные социально-демографические группы, представленные на рынке труда, – это мужчины и женщины. Среди опрошенных занятых

бедных доля мужчин составляла 44%, а женщин – 56%, при среднероссийских показателях – 51 и 49% соответственно (рис. 4.3).



Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

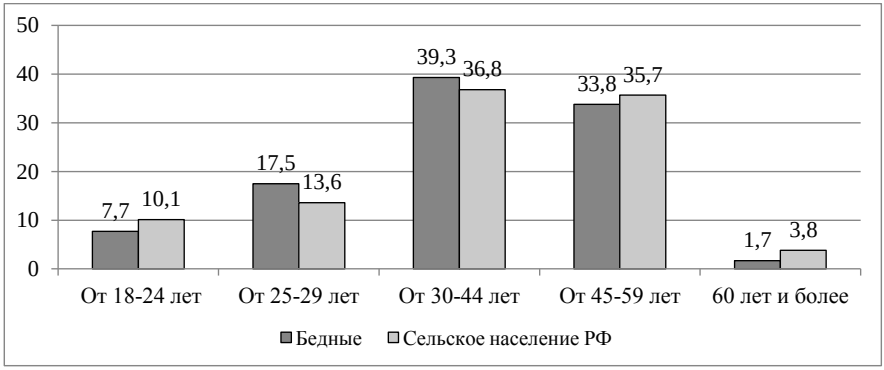
Рис. 4.3. Распределение занятого сельского населения по полу в 2011 г., %

Повышенная экономическая активность бедных женщин вызвана традиционно сложившимся высоким уровнем их занятости и образования, сформировавшейся системой ценностей, экономической необходимостью занятости женщин в связи с отсутствием работы у мужчин или низким уровнем оплаты их труда, а также спецификой структуры рабочих мест на локальных рынках труда.

Среди возрастных групп бедных наименьшей занятостью отличались лица крайних возрастных групп 18–24 лет и 60–72 лет. Первая группа объединяла преимущественно учащихся и студентов системы общего и профессионального образования. Вторую группу представляли в основном пенсионеры. Экономическая активность этой группы в значительной степени определяется ее возрастными особенностями: снижением физических возможностей и ухудшением здоровья, высоким уровнем профессиональных знаний и наличием большого практического опыта, повышенной терпимостью к сложившемуся уровню оплаты труда при недостаточном размере пенсий.

Наивысшая экономическая активность характерна для населения в возрасте 30–44 лет. К тридцати годам молодые люди, как правило, определяются профессионально, достигают желаемого уровня образования и квалификации, занимают относительно устойчивое место в сфере занятости. Данная возрастная группа несет основную трудовую нагрузку в обществе, обладает наивысшей квалификацией и производительностью.

Возрастная структура опрошенных бедных отличалась от аналогичной структуры занятого населения России. Среди работающих бедных несколько ниже была доля молодежи в возрасте до 24 лет и доля лиц старшего трудоспособного и пенсионного возрастов, но выше был удельный вес занятых в возрасте 25–29 и 30–44 лет (рис. 4.4). В целом средний возраст занятых бедных составлял 39 лет. Это на 1 год ниже, чем в целом работающего сельского населения Российской Федерации.



Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

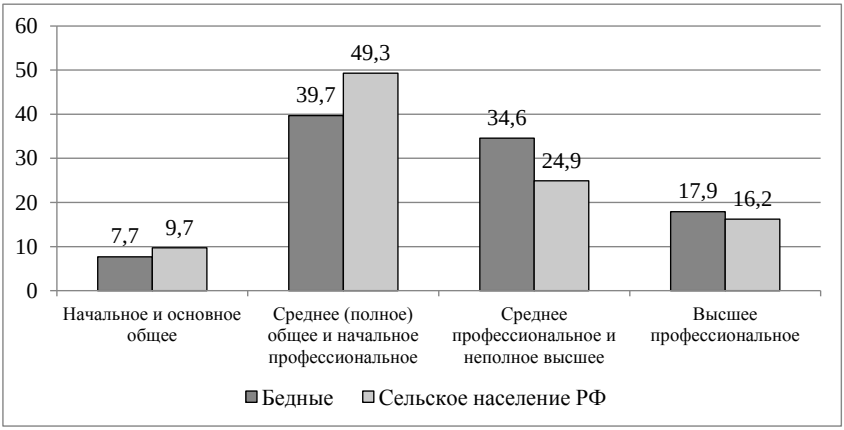
Рис. 4.4. Распределение сельских занятых по возрасту, %

Уровень образования оказывает неоднозначное воздействие на положение человека в сфере труда и занятости. С одной стороны, с повышением уровня образования снижается риск потери работы, с другой (в случае ее потери), наличие профессионального образования может как помочь индивиду найти подходящую работу, так и препятствовать его быстрому трудоустройству, поскольку с повышением уровня образования возрастают требования человека к условиям и оплате труда, и кроме того, увеличиваются издержки, связанные с переподготовкой рабочей силы. Вместе с тем высокообразованные люди, потеряв работу, не прекращают ее поиска и крайне редко переходят в состав экономически неактивного населения.

Анализ коэффициентов занятости бедных респондентов в зависимости от образования позволяет сделать вывод о том, что чем выше уровень их образования, тем выше уровень занятости и экономической активности. Исключение составляют лица с неполным высшим профессиональным образованием, основным занятием которых является учеба в вузах. В годы реформ низкоквалифицированные работники, которых среди бедных селян примерно четверть, в первую очередь вытеснялись с рынка труда как в результате ликвидации соответствующих рабочих мест, так и замещения последних более квалифицированными работниками. Массовым стало явление, когда лица с высшим образованием стали продавцами, экспедиторами, кладовщиками, операторами и т.п.

В распределении работающих бедных по уровню образования доминировали лица со средним (полным) общим, начальным профессиональным и средним профессиональным образованием. Подобная картина наблюдалась и в образовательной структуре сельского населения России в целом, доля второй образовательной группы среди бедных была на 10 п.п. ниже, а третьей – 10 п.п. выше. Относительные показатели крайних групп отличались несущественно (рис. 4.5).

Поселенческая структура занятых сельских бедных существенно отличалась от подобной структуры сельского населения России. Более 75% респондентов проживало на момент опроса в населенных пунктах численностью более 1000 человек, в то время как в России в целом в таких поселениях было сконцентрировано немногим более половины сельских жителей.



Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

Рис. 4.5. Распределение сельских занятых по уровню образования, %

В новейшей истории России произошло снижение социальной защищенности работников наемного труда. Это проявилось в неисполнении и нарушении действующего трудового законодательства со стороны работодателей, отсутствии эффективных институтов и механизмов государственного и общественного контроля за действиями работодателей в частном секторе, формировании и закреплении «теневых» трудовых отношений. Результатом подобных нарушений явились бесправное положение наемных работников и отсутствие для них гарантий в таких сферах как оплата и условия труда, режим работы, процедуры приема и увольнения и т.п. Широкое распространение получили произвольное установление уровня оплаты труда, зачастую не соответствующего реальному трудовому вкладу, штрафные санкции как мера дисциплинарного воздействия, ненормированный рабочий день без компенсации за сверхурочные работы и работу в праздничные и выходные дни, отсутствие предварительного уведомления об увольнении, отказ в предоставлении очередного отпуска и выплате денежной компенсации в период временной нетрудоспособности, нарушении правил по технике безопасности и гигиене труда. По мнению экспертов, «на селе у бедняков вообще никаких прав нет. Раз у него нет средств к существованию – ему можно диктовать абсолютно любые условия». Последствия нарушения трудовых прав для сельских бедных особенно тяжелые.

Одной из главных причин бедности работающих селян является низкая цена рабочей силы на рынке труда. Только две пятых респондентов считали,

что получаемые ими трудовые доходы справедливы и соответствуют их квалификации. Остальные опрошенные были недовольны тем, как вознаграждается их труд, и считали размер своего трудового дохода низким и не соответствующим их трудовому вкладу, профессиональному образованию и практическому опыту (табл. 4.4). Примерно 20% из них считали справедливым для себя уровень вознаграждения за труд от 4 до 10 тыс. рублей, 56% – от 10 до 20 тыс. рублей, 24% – от 20 до 50 тыс. рублей. Средний желаемый уровень трудового дохода для бедных селян составлял 14 тыс. рублей. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве России в 2011 г. была равна 12,5 тыс. рублей.

Наряду с низкой оплатой труда каждый восьмой работник сталкивался с задержкой по ее выплате, каждый двенадцатый – привлекался к неоплачиваемым или частично оплачиваемым сверхурочным работам, а каждому пятидесятому заработная плата выплачивалась в натуральной форме. В среднем задолженность по заработной плате составляла 3 месяца. При ее возникновении примерно треть работников вели себя пассивно, остальные предпринимали определенные действия: обращались к директору своего предприятия или сельскую администрацию, искали другую основную или дополнительную работу, развивали личное подсобное хозяйство и собирали «дары природы», брали деньги в долг у друзей и родственников и расходовали свои сбережения. Доля натуроплаты в трудовых доходах опрошенных варьировала от 0 до 100% и составляла в среднем 5%.

Низкий уровень оплаты труда, ее многомесячные задержки, выплата в натуральной форме не позволяли большинству сельских бедных обеспечить качественное питание, полноценный отдых, хорошее медицинское обслуживание, покупать необходимую одежду, товары длительного пользования, решать жилищные проблемы, оплачивать обучение детей, что в конечном счете приводило к сокращению человеческого потенциала. Низкая заработная плата – фактор, способствующий уменьшению налогооблагаемой базы, устранению стимулов к повышению эффективности производства, а также деградации системы общего и профессионального образования, поскольку нет смысла тратить время, силы и средства на приобретение высокой квалификации, не находя ей впоследствии применения или получая мизерную заработную плату. В конечном счете заниженная цена живого труда ведет к разрушению человеческого капитала.

В конструктивном плане в основе цены рабочей силы должна лежать ее стоимость. В качестве наиболее точной оценки последней мог бы служить рациональный потребительский бюджет, определяемый как набор благ и услуг, необходимый для обеспечения жизнедеятельности работника и членов его семьи в соответствии с научно обоснованными нормами. Однако из-за отсутствия официальных данных о его величине, а также в силу достаточно разноречивых оценок неофициальных источников стоимость рабочей силы можно определить лишь приблизительно.

Таблица 4.4

Распределение сельских бедных по ответам на вопросы о социальных проблемах, с которыми они сталкиваются на работе

Проблемы в области оплаты труда	**%**	**Проблемы в области условий труда**	**%**	**Проблемы в области обеспечения социальных гарантий**	**%**
Задержки по выплате заработной платы	13,2	Физически тяжелая работа	22,7	Невыплаты по больничным листам	6,7
Установление необоснованно низкой заработной платы	54,7	Вредные условия труда	13,8	Отсутствие медицинского полиса	3,8
Выплата заработной платы преимущественно в натуральной форме	1,8	Высокая интенсивность труда	18,8	Отсутствие пенсионного страхования	5,3
Неоплачиваемая или частично оплачиваемая сверхурочная работа	8,4	Работа без выходных, отпусков, сокращенный отпуск	7,2	Невыплата компенсаций при производственных травмах	2,9
Несвоевременная выплата отпускных	11,1	Отсутствие работы, частые простои, сокращенный рабочий день (неделя)	3,5	Отсутствие трудового договора	5,7
		Несоблюдение правил по технике безопасности	3,3		

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г. и расчеты авторов.

Итак, по данным социологического опроса бедных селян, более 50% респондентов указало на несправедливо низкий уровень вознаграждения за труд, отметив, что он не соответствует их трудовому вкладу и квалификации. Примерно 13% опрошенных наемных работников испытали на себе практики задержек по выплате заработной платы, 8% выполняли неоплачиваемую или частично оплачиваемую сверхурочную работу, 3% принудительно работали в режиме сокращенного рабочего дня (недели) или отправлялись в неоплачиваемый отпуск, в то же время каждому двадцатому было отказано в предоставлении очередного отпуска. Около 3% респондентов сталкивались с несоблюдением норм безопасности труда и лишь 5% наемных работников при поступлении на работу обсуждали с работодателем или его представителем условия и размер оплаты труда. В целом с несоблюдением конституционных гарантий в сфере труда и занятости столкнулось около 70% опрошенных сельских бедных.

Вместе с тем о нарушении своих трудовых прав заявили лишь 10% респондентов, что свидетельствует о низкой правовой культуре бедных селян. Соответственно, низка их активность по защите этих прав. При несоблюдении социальных гарантий в сфере труда ни один респондент не обращался в суд или прокуратуру, единицы опрошенных пытались прибегнуть к помощи сельской администрации и 14% – к руководству предприятия.

Распространению неправовых социальных практик во многом способствовало развитие латентных форм занятости. В научных публикациях разброс масштабов нерегистрируемой занятости варьирует от 8 до 40%. В рамках нашего исследования сельских бедных косвенно о распространении теневых социально-трудовых отношений можно судить на основе таких явлений как устройство на работу по устной договоренности (6% опрошенных), отсутствие медицинского полиса и пенсионного страхования (7%), деятельность самозанятых без регистрации и оформления документов (14%) и т.п. По мнению экспертов, скрытыми формами занятости охвачено на селе около 30% экономически активного населения, а по данным Обследования населения по проблемам занятости – примерно четверть.

В системе ценностей наиболее важным в трудовой деятельности для бедных селян являлись трудовые доходы (их размер и регулярность выплаты), эту альтернативу выделили почти 70% респондентов. Второе и третье места по значимости разделили условия и режим труда и возможности квалификационного и карьерного роста (11–12%). Далее в порядке убывания значимости идут социально-психологический климат в коллективе, социальные льготы, предоставляемые работниками на предприятии, содержание труда и возможность реализации своего творческого потенциала.

Подавляющее число респондентов трудилось много лет. При среднем стаже работы 17 лет почти 73% опрошенных работали более 10 лет и лишь 6% – менее 2 лет. Оценивая перспективы своей занятости, только треть респондентов были уверены в стабильности своей работы и не испытывали тревогу потерять ее, более 50% имели некоторые опасения относительно сво-

ей занятости в будущем и 7% постоянно боялись потерять работу. Ответы респондентов на вопрос о желании или нежелании в ближайшей перспективе сменить работу по собственной инициативе распределились примерно поровну.

Оценивая свое психологическое состояние, лишь 17% работающих бедных заявили, что они уверены в настоящем и с оптимизмом смотрят в будущее, более 60% испытывали некоторое беспокойство и неуверенность в будущем, каждый двенадцатый находился в состоянии апатии, равнодушия, а каждый десятый – на грани нервного срыва.

4.2. Комплексная оценка положения и активности бедных безработных и экономически неактивных

К *безработным* в нашем исследовании отнесены лица, которые на момент опроса не имели постоянной работы, искали работу и готовы были к ней приступить. Уровень безработицы среди опрошенных сельских бедных составлял 24,8% (это в 2,5 раза выше по сравнению со среднероссийским показателем на сельском рынке труда в 2011 г.), а темп его роста за 10 лет превысил 200%. При этом рост безработицы только на четыре пятых компенсировал абсолютное сокращение занятости, значительная часть бывших занятых выбыла с рынка труда, пополнив «армию» экономически неактивного населения.

Между динамикой сельской безработицы и объемами производимой сельскохозяйственной продукции только в 2001–2002 гг. и 2006–2009 гг. наблюдалась теоретически правильная отрицательная связь, в другие годы исследуемого периода логика знака была нарушена, связь была положительная, рост безработицы происходил при росте аграрной экономики, а ее падение – при сокращении производства (см. рис. 4.1).

Исключение экономически активного населения из сферы занятости является острейшей социальной проблемой. Безработица приводит к снижению доходов, потере квалификации и трудовых навыков, ухудшению здоровья, ограничению круга общения, ощущению своей бесполезности, нравственной и психологической деградации личности. По оценкам западных ученых рост безработицы на 1% вызывает увеличение числа убийств на 5,7%, самоубийств – на 4,1%, заключенных – на 4%, пациентов психиатрических клиник – на 3,5%.

Примерно 90% бедных безработных ранее имели оплачиваемую работу. Треть из них были заняты сельскохозяйственными работами, примерно 15% – в строительстве и торговле, и около 10% – охраной, уборкой и отоплением помещений (табл. 4.5).

Почти половина безработных были уволены с последнего места работы по экономическим причинам, т.е. в связи с сокращением штата, ликвидацией предприятия, закрытием собственного дела и завершением работы по срочному договору (контракту). При этом подавляющее большинство респондентов (52%) лишились работы по причине закрытия предприятия. По мнению

респондентов, в первую очередь увольняли молодежь и женщин с маленькими детьми.

Около 28% опрошенных уволились с работы по собственному желанию, их не устраивали низкий уровень зарплаты и задержки по ее выплате, вредные условия и интенсивность труда, частые простои и ненормированный рабочий день, часть опрошенных покинули работу по семейным обстоятельствам.

Таблица 4.5

Распределение безработных сельских бедных
по видам экономической деятельности, %

Виды экономической деятельности	**Безработные**
Сельскохозяйственные работы	33,3
Строительные и столярные работы	14,5
Транспорт и услуги связи (связь, ремонт дорог, диспетчер)	2,9
Торговля, ремонт бытовой техники, пошив и ремонт одежды	13,0
Охрана, уборка и отопление помещений	8,7
Услуги общественного питания	4,3
Государственное и муниципальное управление	1,4
Образовательные услуги	2,9
Медицинские и социальные услуги	0,0
Финансовая деятельность	0,0
Сбор, переработка «даров природы» (грибов, ягод, лекарств)	4,3
Не имею опыта работы	4,3
Другое	10,4
Итого	**100,0**

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Стратегии поведения бедных безработных на рынке труда весьма разнообразны: одни из них искали любую подходящую работу, другие – работу по специальности, третьи – в поисках работы уезжали в другие села и города, и незначительная их часть пытались открыть собственное дело. Наиболее массовой была первая стратегия, ее осуществляли порядка 40% опрошенных, а наименее – последняя (1%). Две другие стратегии поведения были распространены в равной мере и характерны для 24% безработных.

Эффективному поиску работы по мнению респондентов мешало прежде всего отсутствие на селе рабочих мест по специальности, с нормальным уровнем оплаты труда и регулярной ее выплатой, недостаточный уровень профессионального опыта, образования и квалификации самих безработных, неблагоприятная экономическая обстановка в стране, а также трудности в организации собственного дела, состояние здоровья и возраст опрошенных. Во время поиска работы безработные чаще всего обращались в государственную службу занятости, непосредственно на предприятия, к родным и близким. Ответы на вопрос о каналах поиска нового рабочего места между перечисленными выше распределились примерно поровну. Вместе с тем зна-

чимая часть безработных респондентов (примерно треть) вели себя пассивно и работу не искали.

Для большинства опрошенных была характерна долговременная безработица. Более 70% из них не имели работы более 1 года, около 25% – от 3 до 8 месяцев, и примерно 5% – менее 3 месяцев. Заметим, что в 2011 г. в ситуации хронической безработицы находилось около 35% «мотовских» сельских безработных и 14% официально зарегистрированных безработных в сельской местности.

Долговременная безработица является острейшей социальной проблемой современного рынка труда. Она ведет к деквалификации рабочей силы и ускоренному обесцениванию человеческого капитала, росту бедности и усилению экономического неравенства, ослаблению мотивации к поиску работы. Кроме того, хроническая безработица не выполняет функций антиинфляционного сдерживания и согласования спроса и предложения на рынке труда. Многочисленные исследования показывают, что вероятность выхода из безработицы снижается по мере роста ее продолжительности. Масштабы экономических лишений, испытываемых хроническими безработными, во многом зависят от размера пособия по безработице и условий его назначения. При регламентации последних важно найти компромисс между необходимостью сохранения у неработающих лиц стимулов к поиску работы и стремлением помочь им в решении насущных материальных проблем.

В центрах занятости были зарегистрированы порядка 40% бедных безработных. В качестве господдержки они получали пособие по безработице, часть из них прошли профессиональное обучение и получили разовую материальную помощь. Около 60% безработных респондентов не состояли на учете в государственной службе занятости. Более половины опрошенных из последней категории не желали получать статус безработного, 17% не регистрировались из-за мизерного размера пособия по безработице, по 11% – из-за удаленности центров занятости (их транспортной недоступности) и отсутствия основания для получения статуса безработного, от 2 до 6% – по причине плохого здоровья, трудностей с оформлением документов, отсутствия российского гражданства.

В распределении безработных по полу преобладали мужчины, их доля составляла 55% от всех безработных респондентов (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Распределение безработных и экономически неактивного сельского населения по полу, %

	Бедные		**Сельское население РФ**	
	Мужчины	**Женщины**	**Мужчины**	**Женщины**
Безработные	54,5	45,5	55,7	44,3
Экономически неактивное население	45,0	55,0	38,0	62,0

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

В возрастной структуре этой категории бедных наиболее многочисленными являлись группы населения от 30 до 45 лет и от 46 до 59 лет включительно, т.е. в среднем и старшем трудоспособном возрастах, а наименее – от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет, т.е. молодежь. Доля безработной сельской молодежи на российском рынке труда была в 1,6 раза выше, а безработных средних возрастов – в 1,4 раза ниже (табл. 4.7).

Как и в целом по сельской России, самую массовую образовательную группу среди безработных представляли лица со средним (полным) общим и начальным профессиональным образованием, а самую малочисленную – лица с высшим профессиональным образованием. Отличие образовательной структуры бедных сельских безработных состоит в повышенной доли среди них лиц с начальным и основным общим образованием и более низкой долей лиц со средним полным и начальным профессиональным образованием (табл. 4.8).

Таблица 4.7

Распределение сельских безработных и экономически неактивного сельского населения по возрасту, %

	От 18-24 лет	**От 25-29 лет**	**От 30-44 лет**	**От 45-59 лет**	**60 лет и более**
Безработные					
Бедные	13,0	11,7	41,6	33,8	0,0
Сельское население РФ	25,2	15,0	30,6	27,2	2,0
Экономически неактивное население					
Бедные	10,6	4,8	6,9	18,5	59,3
Сельское население РФ	33,7	4,4	10,8	20,9	30,2

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

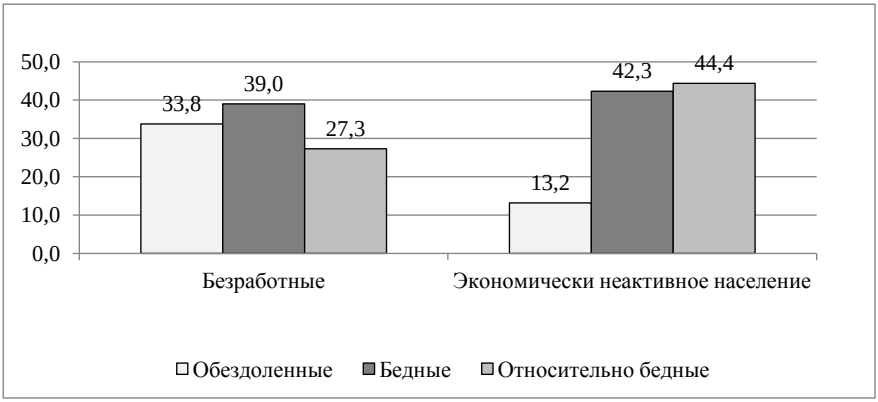
Таблица 4.8

Распределение сельских безработных и экономически неактивного сельского населения по уровню образования, %

	Начальное и основное общее	**Среднее (полное) общее и начальное профессиональное**	**Среднее профессиональное и неполное высшее**	**Высшее профессиональное**
Безработные				
Бедные	26,0	45,5	20,7	7,8
Сельское население РФ	16,6	59,2	16,3	7,8
Экономически неактивное население				
Бедные	38,6	31,2	25,4	4,8
Сельское население РФ	26,8	46,9	15,7	10,6

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

В составе безработных по семейному положению 57% приходилось на лиц, состоящих в браке, и, соответственно, 43% – на одиноких. Подавляющее число безработных респондентов приживали в Алтайском крае в крупных поселениях. В распределении безработных по степени бедности преобладали обездоленные и бедные (рис. 4.6).



Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

Рис. 4.6. Распределение сельских безработных и экономически неактивного сельского населения по уровню бедности, %

Для сельской безработицы характерны значительные сезонные колебания, обусловленные, с одной стороны, сезонной спецификой большинства сельскохозяйственных работ, а с другой – особенностями экономического поведения безработных в разные периоды года. Так, в 2010 г. размах вариации помесячных показателей официально зарегистрированной безработицы в сельских районах Алтайского края составил 14 тыс. человек, при этом наибольшее количество безработных наблюдалось в апреле месяце, а наименьшее – в октябре. Заметим, что в городах края значение аналогичного показателя было менее 4 тыс. человек.

В анализируемый период широкое распространение получила скрытая безработица. Вынужденной неполной занятостью было охвачено около 35% занятых бедных.

Безработица негативно сказывается на психическом и физическом здоровье населения. По данным социологических опросов, от 40 до 75% различных категорий безработных испытывают чувства разочарования, одиночества, обиды, ненужности, беспокойства, неуверенности, отчаяния. У них появляется бессонница, депрессия, раздражительность, снижение жизненного тонуса, нервное перенапряжение. В этих условиях наряду с поддержкой доходов безработных необходимо более активно осуществлять меры, направленные на улучшение их физического и психического самочувствия, устранение социальной изоляции.

Экономически неактивное население в нашем исследовании представляли пенсионеры, учащиеся и студенты системы общего и профессионального образования, а также инвалиды и сельские бедные, занятые только в личном подсобном и домашнем хозяйствах. Доля экономически неактивного населения в общей численности опрошенных бедных составляла 38%, что на 3 п.п. выше среднероссийского показателя. Если по сравнению с 2001 г. для сельского населения России в целом она заметно сократилась, то для опрошенных бедных – возросла. Подобным образом изменялась и численность рассматриваемой группы населения.

Самой многочисленной категорией среди экономически неактивного бедного населения являлись пенсионеры, их удельный вес превышал 70%. Сельские жители, занятые только в ЛПХ, составляли 14%, а студенты и учащиеся – 10%. Соответственно, в возрастной структуре этой группы бедных преобладали лица старших возрастов групп (см. табл. 4.7), а в их распределении по полу – женщины (на 100 мужчин приходилось 122 женщины). Соотношение мужчин и женщин среди бедных экономически неактивных селян было несколько лучше, чем в среднем по селу России (см. табл. 4.6). В силу этого здесь было несколько больше и лиц, состоявших в браке, по сравнению с другими категориями сельского населения.

Экономически неактивные бедные характеризовались более низким уровнем образования. Самой представительной группой среди них являлись лица с начальным и основным общим образованием (см. табл. 4.8). Их поселенческая структура несущественно отличалась от других бедных.

В распределении экономически неактивного населения по степени бедности преобладали относительно бедные (см. рис. 4.6), поскольку основная их часть имела постоянный доход – пенсию. По мнению одного из экспертов, *«в селе бедные пенсионеры являются самым главным финансовым содержателем семьи, и вокруг пенсии бабушки живут целые семьи, поскольку другого дохода практически больше нет»*.

4.3. Адаптационные стратегии сельских бедных

Одной из стратегий выживания бедных сельских жителей в 2000-е гг. стала *дополнительная занятость*. По данным Росстата, дополнительную работу в отдельные годы имели от 3 до 7% сельских жителей. Оценки этого явления населением и экспертами колеблются от 12 до 30%. Среди опрошенных нами бедных селян дополнительную работу, исключая занятость в ЛПХ, имели 20% респондентов. Их средний возраст составлял 40 лет. Около 80% лиц, имеющих подработки, проживали в Алтайском крае и 70% – в крупных (более 1000 человек) поселениях. На 100 женщин, имеющих дополнительную работу, приходилось 127 мужчин, 56% лиц, имеющих подработки, состояли в браке. В распределении бедных сельских жителей по статусу занятости на дополнительной работе преобладали самозанятые и работающие по найму у физических лиц (80%), по уровню образования – лица со средним (полным) общим и начальным профессиональным образованием (43%), по

степени бедности – относительно бедные (около 50%). Наблюдалось примерно равное распределение дополнительных рабочих мест между квалифицированными и неквалифицированными работами.

Основными сферами приложения дополнительного труда являлись сельскохозяйственные и строительные работы, охрана, уборка и отопление помещений, оказание транспортных, коммунально-бытовых и социальных услуг населению, торговля, сбор и переработка «даров природы». В свободное от основной работы время бедные сельские жители занимались обработкой земли и сбором урожая (26% респондентов, имевших подработки), ремонтом и строительством домов и надворных построек (24%), охраной, уборкой и отоплением помещений (19%), сбором и переработкой грибов и ягод (7%), частным извозом, торговлей, ремонтом бытовой техники, пошивом и ремонтом одежды и обуви (по 6%), оказанием образовательных и медицинских услуг, а также услуг общественного питания (по 5%) – табл. 4.9.

Таблица 4.9

Основные виды дополнительной занятости сельских жителей

Виды дополнительных работ	**% к числу опрошенных, имевших подработки**
Сельскохозяйственные работы	26,0
Строительные и столярные работы	24,0
Транспортные услуги	6,0
Торговля	6,0
Охрана, уборка и отопление помещений	19,0
Рукоделие, пошив и ремонт одежды и обуви, ремонт бытовой техники	6,0
Сбор и переработка даров природы	7,0
Образовательные и медицинские услуги	5,0
Услуги общественного питания	5,0
Коммунальные услуги	4,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

По результатам предыдущих социологических опросов (2002 и 2008 гг.) в основном дополнительная занятость носит кратковременный и нерегулярный характер. Более половины сельских жителей, имеющих дополнительную работу, были заняты ею эпизодически, 36% – регулярно, преимущественно в период сельскохозяйственных работ, и только 13% – постоянно. Оплата дополнительного труда осуществлялась в разных формах. За оказанные услуги сельские жители наряду с деньгами, а иногда и вместо них, получали: продукты питания, спиртные напитки, корма, молодняк скота и др.

Приведем некоторые высказывания селян относительно своей дополнительной работы:

– «*Летом я занимаюсь огородом, свиньями, курами, а зимой обшиваю соседей, знакомых, естественно, за плату*».

– «*Я летом колымлю – хожу сам, как частник, делаю ремонты, строю все, что просят*».

–«*Занимаюсь продажей косметики, являюсь консультантом по распространению*».

–«*Платили бы в хозяйстве хорошие деньги, нигде бы больше не работал*».

По оценкам сельских бедных доля доходов от дополнительной занятости в их семейном бюджете составляла 36%, и более половины сельских жителей, имеющих подработки, намерены заниматься ими в перспективе.

Менее распространенной адаптационной стратегией сельских бедных являлось отходничество. По данным социологического опроса, в работе на выезде участвовало 2,5% бедных. Подавляющая их часть выезжали на работу в райцентры и города своих регионов. Большинство из них были заняты в сфере торговли и строительстве.

Самой массовой стратегией поведения бедного сельского населения в анализируемый период стало активное развитие *личного подсобного хозяйства.* Согласно данным социологического опроса 2011 г., подсобное хозяйство имели более 70% респондентов, из них у 7% другой занятости не было. В социально-демографической и поселенческой структурах бедных селян, имеющих ЛПХ, преобладали женщины, лица в среднем и старшем трудоспособном возрасте, проживающие в Алтайском крае, крупных поселениях, находящиеся в браке и имеющие среднее (полное) общее, начальное и среднее профессиональное образование. Примерно половина опрошенных владельцев ЛПХ входили в группу относительно бедных, 40% представляли группу бедных и 10% – обездоленных.

Доля доходов от ЛПХ в семейном бюджете бедных колебалась от 0 до 80% и в среднем составляла 11%. Примерно 12% опрошенных являлись владельцами высокотоварных хозяйств, т.е. более половины произведенной продукции они продавали, около 25% продавали излишки сельхозпродукции в объеме менее 50% от произведенной, а 63% всю продукцию ЛПХ потребляли сами.

В составе семейных подворий, как правило, имелись: земельный участок (о его наличии заявили 70% респондентов), коровы, свиньи, птица. В ряде хозяйств также держали овец, коз, лошадей, пчелосемьи – табл. 4.10. На своих участках селяне в основном выращивали картофель, овощи, фрукты и ягоды.

На фоне разорения многих коллективных хозяйств личные подсобные хозяйства стали главным амортизатором стремительного падения аграрной экономики и уровня жизни сельского населения. Особо значима их роль была в отдаленных селах, оставшихся без крупных хозяйств. Многие жители этих сел, благодаря ЛПХ, научились жить самостоятельно без помощи государства и какого-либо взаимодействия с работодателями. Сегодня хозяйства населения по-прежнему вносят весомый вклад в продовольственную безопасность страны и регионов, поддерживают доходы сельских жителей, помогают им сохранить приемлемый уровень жизни, вырастить детей и дать им образование, а бедным и обездоленным – просто выжить. По данным Росста-

та, на долю этих хозяйств в 2010 г. приходилось 84% произведенного картофеля, 72% – овощей, 54% – шерсти, 55% – молока. Только в производстве зерна, сахарной свеклы, подсолнечника, скота и птицы приоритет сохраняется за сельскохозяйственными организациями и фермерскими хозяйствами. Велика роль ЛПХ в снабжении бедных семей продуктами питания. По оценке 70% опрошенных доля ЛПХ в их продовольственном обеспечении превышала 50%.

Таблица 4.10

Состав семейных подворий бедных сельских жителей

Имеется в ЛПХ	% от числа опрошенных
Земельный участок	70,0
Крупный рогатый скот	22,6
Свиньи	25,8
Овцы, козы	6,4
Птица	41,4
Лошади	5,4
Пчелосемьи	2,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Для работающего населения подсобное хозяйство являлось в основном дополнительным источником доходов. «*Доходы от подсобного хозяйства бывают не всегда, только тогда, когда соберем урожай или вырастим скот, а так в основном живем с мужем на мою заработную плату, пособие мужа по безработице и на его льготы, которые он получает как афганец*» – из интервью с сельской жительницей. Для безработных ЛПХ играло значительно большую роль и зачастую являлось единственным источником средств к существованию. «*Конечно, хозяйство свое держим, а как без него, если не работаешь, по-другому на селе прожить невозможно*» – из интервью с безработным.

По сравнению с 2001 г. примерно у половины опрошенных размер ЛПХ не изменился, у 9% – увеличился, а у 36% – сократился. По мнению сельских жителей, в настоящее время прожить в деревне только за счет личного подсобного хозяйства сложно. Этот связано с ростом цен на молодняк скота, корма, топливо и с низкими закупочными ценами на произведенную продукцию. «*Цены на мясо упали до беспредела, а на корма подняли до беспредела ...*» – из интервью с сельским жителем.

С целью увеличения своих доходов, снижения трудозатрат и выхода из состояния бедности владельцы ЛПХ заинтересованы в развитии кооперации для сбора молока, мяса, яиц, овощей, картофеля, их доставки на перерабатывающие предприятия и рынки, совместного использования техники при проведении посевных работ и сборе урожая. Задача государственных и местных органов управления заключается в создании условий для организации производственных, заготовительных и сбытовых кооперативов в сельской местности; обеспечении правового сопровождения их деятельности; поддержке

инициатив населения в этом направлении. По мнению экспертов, стимулирование и целевая поддержка развития ЛПХ обездоленных селян – один из реальных путей выхода из нищеты.

* * *

Подводя итоги, отметим, что социально-экономическое положение и поведение сельских бедных в сфере труда и занятости имеет определенную специфику. По сравнению с сельским населением России в целом они характеризуются более низким уровнем занятости и уровнем оплаты труда, более высокой занятостью женщин и лиц в возрасте от 25 до 44 лет, преимущественной концентрацией занятости в организациях государственной и муниципальной собственности, преобладанием в профессиональной структуре занятых, с одной стороны, носителей профессий неквалифицированного труда, а с другой – повышенной долей специалистов высшей квалификации.

Уровень безработицы среди сельских бедных в 2,5 раза выше по сравнению со среднероссийским показателем на сельском рынке труда. Бедные безработные отличаются преобладанием средних и старших возрастных групп, более низким уровнем образования и квалификации, более высокой долей представителей сельскохозяйственных, строительных и торговых профессий. Почти половина из них были уволены с последнего места работы по экономическим причинам и зарегистрированы в центрах занятости. Для большинства опрошенных типична долговременная безработица.

Экономически неактивное население представляют в основном пенсионеры. Соответственно, эта группа характеризуется повышенной долей женщин, лиц старших возрастов и более низким уровнем образования.

В новейшей истории России произошло снижение социальной защищенности работников наемного труда. Это проявляется в неисполнении и нарушении действующего трудового законодательства со стороны работодателей, отсутствии эффективных институтов и механизмов государственного и общественного контроля за действиями работодателей в частном секторе, формировании и закреплении «теневых» трудовых отношений.

По сравнению с 2001 г. положение бедных селян в социально-трудовой сфере заметно изменилось: сократилось число занятых, в 2 раза возросло число безработных и несколько увеличилась численность экономически неактивного населения. Такая динамика была обусловлена как естественным движением сельского населения, так и воздействием глобального экономического кризиса.

Сельские жители, пытаясь приспособиться к сложной ситуации на рынке труда, расширяли свою занятость в традиционных сферах и осваивали новые виды и формы занятости, приносящие доход. Это активное развитие ЛПХ и фермерских хозяйств, трудовые миграции, дополнительная работа и другое.

Для преодоления негативных явлений в социально-трудовой сфере и сокращения сельской бедности необходимо осуществить комплекс мер,

направленных на повышение эффективности федеральной и региональной политики занятости, развитие аграрной экономики и расширение спроса на рабочую силу, повышение квалификации сельских жителей и формирование эффективного предложения труда, совершенствование пространственной организации сельскохозяйственного производства и повышение территориальной мобильности работников, совершенствование ценообразования и активизацию экономического поведения сельского населения на рынке труда.

Глава 5. ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ И ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С НАЧАЛА 2000-х гг.

В контексте анализа масштабов бедности сельского населения Алтайского края особую актуальность приобретает комплексное исследование социального положения сельской молодежи как основного «ресурса» воспроизводства сельского сообщества и стабильного социально-экономического развития сельских территорий региона. Для сельской молодежи как территориально-демографической группы населения проблемы бедности традиционно являются гораздо более острыми по сравнению с молодыми горожанами и проявляются, в частности, в невозможности обеспечить себя и членов своих семей качественным и разнообразным питанием, достойным образованием, медицинским обслуживанием и пр.

Мы рассматриваем сельскую молодежь Алтайского края как территориально-демографическую группу населения региона, представляющей собой совокупность людей в возрасте 16-29 лет, объединенных сходными социально-экономическими условиями микросоциальной среды жизнедеятельности, которые, во-первых, характеризуют ее положение в социальной структуре общества, во-вторых, определяют возможность удовлетворения членами группы своих территориальных интересов в пределах соответствующей сельской территориальной общности.

Социальное положение сельской молодежи мы рассматриваем как комплексную характеристику, отражающую совокупность социальных позиций представителей данной территориально-демографической группы населения группы в иерархии групп в социальной структуре общества, представляющую собой совокупность ресурсов, которыми располагают члены группы для выполнения своих функций, во-первых, локально в границах соответствующей территориальной общности, во-вторых, во всей социальной структуре общества в целом. Нами выделено четыре типа характеристик социального положения сельской молодежи: территориальные, демографические, профессионально-трудовые, доходно-потребительские.

5.1. Территориальные характеристики социального положения сельской молодежи: опыт типологического анализа

Исследование состояния и динамики территориальных характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края представлено в виде типологического анализа сельских муниципальных районов как эмпирических референтов сельских территориальных общностей региона по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения. Согласно разработанной нами методике, типологический анализ заключался в последовательном проведении следующих процедур: во-первых, факторного анализа 25 характеристик уровня развития микросоци-

альной среды жизнедеятельности территориальных групп населения в 2000 и 2010 гг. в сферах демографического развития, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, общего и дошкольного образования, социально-культурной сферы, потребительского рынка товаров и услуг, доходов и занятости (Приложение 3, табл. 3.1), во-вторых, кластерного анализа методом K-means на полученных факторах отдельно для 2000 и 2010 гг. Построены две типологии сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2000 и 2010 гг.

В совокупности сельских муниципальных районов Алтайского края выделены три типа районов по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2000 г.: относительно благополучные районы, районы со средним уровнем развития и относительно неблагополучные районы (Приложение 3, рис. 3.1)[1]. Относительно благополучные районы[2] в 2000 г. по сравнению с другими типами районов отличались наиболее высокими показателями обеспеченности населения медицинскими кадрами, развития потребительского рынка товаров и услуг, заработной платы (в т.ч. в сельском хозяйстве), производства промышленной продукции, а также наиболее низким уровнем первичной заболеваемости населения. Однако в рассматриваемых районах в 2000 г. сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспеченности населения жильем (при самой низкой доле ветхого жилья в общей площади жилфонда и среднем уровне его ввода в действие отмечалась самая низкая обеспеченность населения общей площадью жилфонда), а также самая низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы.

Показатели уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения районов со средним уровнем развития[3]в 2000 г. характеризовались наибольшей приближенностью к соответствующим среднекраевым

---

[1] Подробный содержательный анализ выделенных типов районов в 2000 и 2010 г. представлен в: Иванова О.А. Территориальные характеристики социального положения сельской молодежи Алтайского края / Социализация молодежи и профилактика экстремизма в молодежной среде: монография / под общ. ред. Е.В. Романовой. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013; Иванова О.А., Сергиенко А.М. Типология сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2000-х гг. / Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты [Текст]: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

[2]Алтайский, Благовещенский, Залесовский, Кулундинский, Локтевский, Михайловский, Рубцовский.

[3]Алейский, Бийский, Быстроистокский, Волчихинский, Ельцовский, Завьяловский, Заринский, Змеиногорский, Калманский, Каменский, Ключевский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Зональный, Павловский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Тальменский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Угловский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный.

значениям (развитие потребительского рынка товаров и услуг, средний размер заработной платы, обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы и др.). В районах данного типа сложилась наиболее благоприятная ситуация в сфере обеспеченности жильем и его качества.

Относительно неблагополучные районы[1] в 2000 г. по сравнению с районами других типов отличались наиболее низкими показателями обеспеченности населения больничными и поликлиническими медучреждениями и медицинскими кадрами, ввода жилья и качества жилищного фонда, развития потребительского рынка товаров и услуг, размера заработной платы (в т.ч. в сельском хозяйстве), производства продукции промышленного производства, инвестиций в основной капитал и пр., а также наиболее высоким уровнем первичной заболеваемости населения.

Также по результатам проведенного типологического анализа в совокупности сельских муниципальных районов Алтайского края выделены три типа районов по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г.: относительно благополучные районы, районы со средним уровнем развития и относительно неблагополучные районы (Приложение 3, рис. 3.2). Относительно благополучные районы[2] в 2010 г. по сравнению с другими типами районов в целом отличались наиболее высокими значениями большинства показателей развития микросоциальной среды жизнедеятельности, однако в них сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспеченности жильем (несмотря на самую низкую долю ветхого жилья отмечена самая низкая обеспеченность населения общей площадью жилфонда), а также самая низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы, больничными и поликлиническими медучреждениями и средним медперсоналом.

В свою очередь, многие показатели уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г. в районах со средним уровнем развития[3] по сравнению с районами других типов были наиболее близки к соответствующим среднекраевым значениям (обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы, обеспеченность жильем и его качество, развитие потребительского рынка товаров и услуг, производство

---

[1] Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Панкрушихинский, Суетский, Солонешенский, Солтонский, Тогульский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский.

[2] Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тальменский, Угловский, Панкрушихинский, Тогульский, Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский.

[3] Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный, Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский, Залесовский, Михайловский.

сельскохозяйственной продукции, размер заработной платы по всем отраслям и др.). Однако сельские районы данного типа отличались наиболее высоким уровнем первичной заболеваемости населения, а также уровнем официально зарегистрированной безработицы.

Относительно неблагополучные районы[1] в 2010 г. по сравнению с районами других типов отличались наиболее низкими показателями ввода жилья и его качества, развития потребительского рынка товаров и услуг, среднего размера заработной платы в сельском хозяйстве, производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал, обеспеченности населения медицинскими кадрами и др. В то же время в районах данного типа в 2010 г. отмечена наиболее высокая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы.

Таким образом, в совокупности сельских муниципальных районов Алтайского края выделены типы, качественно отличающиеся между собой по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2000 и 2010 гг., которые в обоих случаях можно расположить в иерархическом порядке: относительно благополучные, со средним уровнем развития, относительно неблагополучные.

Сравнительный анализ показателей уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения сельских муниципальных районов в 2000 и 2010 гг. позволяет говорить о положительной динамике, и как следствие, улучшении состояния территориальных характеристик социального положения сельского населения региона в целом, и сельской молодежи в частности с начала 2000-х гг.

Осуществлено пересечение вышеописанных типологий сельских муниципальных районов региона посредством выделения в каждом из трех типов районов по уровню развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г.[2] семи подтипов по характеру динамики соответствующих показателей с 2000 г. (положительная, нулевая, отрицательная). Были получены следующие подтипы: 1) «относительно благополучные» в 2010 г. с нулевой динамикой («относительно благополучные» в 2000 г.) – 5 районов[3]; 2) «относительно благополучные» в 2010 г. с положительной динамикой («со средним уровнем развития» и «относительно неблагополучные» в 2000 г.) – 13 районов[4]; 3) «со средним уровнем развития» в 2010 г. с отрицательной динамикой («относительно благополучные» в 2000 г.) – 2 района[5]; 4) «со средним уровнем развития» в 2010 г. с нулевой динамикой («со средним уровнем

[1]Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский.

[2]«Относительно благополучные», «со средним уровнем развития», «относительно неблагополучные».

[3]Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский.

[4]Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тогульский, Тальменский, Угловский.

[5]Михайловский, Залесовский.

развития» в 2000 г.) – 27 районов[1]; 5) «со средним уровнем развития» в 2010 г. с положительной динамикой («относительно неблагополучные» в 2000 г.) – 9 районов[2]; 6) «относительно неблагополучные» в 2010 г. с отрицательной динамикой («со средним уровнем развития» в 2000 г.) – 1 район[3]; 7) «относительно неблагополучные» в 2010 г. с нулевой динамикой («относительно неблагополучные» в 2000 г.) – 3 района[4].

В связи с образованием значительного количества (семи) и малой наполненности отдельных подтипов (третьего, шестого, седьмого) подтипы с наименьшей наполненностью были присоединены к более наполненным соседним подтипам с минимальной разницей средних значений по максимально возможному числу показателей. Первый и второй подтипы районов объединены в группу «наиболее благополучные» («*флагманы*»); третий и четвертый – в группу «устойчивые со средним уровнем развития» («*персистенты*»[5]); шестой и седьмой – в группу «наиболее неблагополучные» («*аутсайдеры*»). Пятый подтип образовал самостоятельный вид «неблагополучные с положительной динамикой» («*эмерджeнты*»[6]). Таким образом, построена *двухуровневая типология сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения* (рис. 5.1, табл. 5.1).

Первый тип районов по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения – «*наиболее благополучные» («флагманы»)* представлен 18 районами[7]. Большинство показателей уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности в 2010 г. в рассматриваемых районах были заметно выше соответствующих среднекраевых значений, например: уровень ввода в действие жилья (5,6 кв. м на 1 чел.), доля жилья, оборудованного канализацией (46%) и горячей водой (9%), обороты розничной торговли (45,1 тыс. руб. на 1 чел.), общественного питания (1,6 тыс. руб. на 1 чел.) и платных услуг (7,2 тыс. руб. на 1 чел.), продукция промышленного (52 тыс. руб. на 1 чел.) и сельскохозяйственного производства (77 тыс. руб. на 1 чел.), инвестиции в основной капитал (17 тыс. руб. на 1 чел.) и др. (характеристики социального и экономического развития типов районов представлены в табл. 5.2). Несмотря на самый низкий уровень

[1]Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный.

[2]Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский.

[3]Ельцовский.

[4]Суетский, Солонешенский, Солтонский.

[5]От англ. to persist – удерживаться, сохраняться, устоять.

[6] От англ. to emerge – выныривать.

[7]Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский, Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тогульский, Тальменский, Угловский.

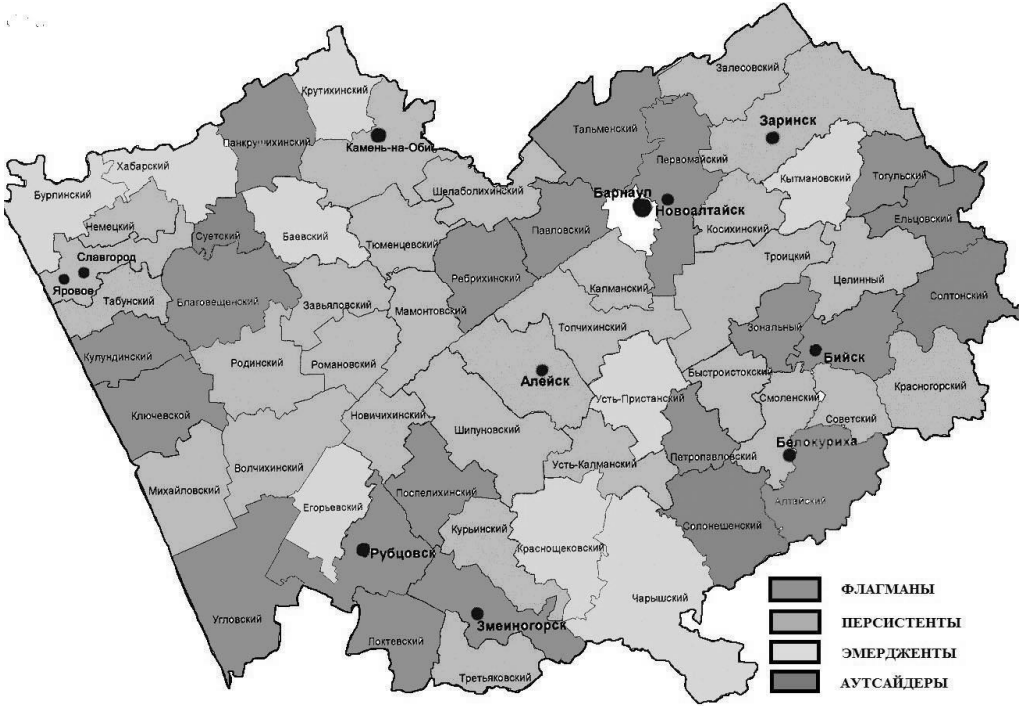


Рис. 5.1. Типы сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике социального развития в 2000-х гг.

Таблица 5.1

Распределение сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной сферы в 2000-х гг.

Характер динамики с 2000 г.	Уровень развития социальной среды жизнедеятельности в 2010 г.		
	«относительно благополучные»	«со средним уровнем развития»	«относительно неблагополучные»
Ухудшили позиции	–	Михайловский, Залесовский	Ельцовский
Сохранили позиции	Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский	Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный	Суетский, Солонешенский, Солтонский
Улучшили позиции	Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тогульский, Тальменский, Угловский	Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский	–

обеспеченности населения больничными и поликлиническими медучреждениями (1,1 ед. и 1,0 ед. на 10 тыс. чел. соответственно), а также медицинскими кадрами (врачами – 19 чел. на 10 тыс. чел., средним медперсоналом – 81 чел. на 10 тыс. чел.) по сравнению с остальными типами, уровень первичной заболеваемости населения в данных районах находился на уровне ниже среднекраевого (801 случай на1 тыс. чел.). Районы-«флагманы» отличались самым низким уровнем обеспеченности населения библиотеками (8 ед. на 10 тыс. чел.) и культурно-досуговыми учреждениями (10 ед. на 10 тыс. чел.), самым низким уровнем официально зарегистрированной безработицы (3,4%).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в рассматриваемых районах в 2010 г. оказался существенно выше, чем в среднем по краю, соответствующие территориальные группы населения (в том числе и сельская молодежь) отнесены к подгруппе населения Алтайского края с *наиболее благоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения*.

Второй тип районов по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения – *«устойчивые со средним уровнем развития» («персистенты»)* представлен 29 районами[1]. Многие показатели уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения рассматриваемых районов наиболее близки (по сравнению с другими типами) к соответствующим среднекраевым значениям: обеспеченность населения больничными и поликлиническими медучреждениями (2 ед. и 1 ед. на 10 тыс. чел. соответственно), медицинскими кадрами (врачами – 22 чел. на 10 тыс. чел., средним медперсоналом – 85 чел. на 10 тыс. чел.), библиотеками и культурно-досуговыми учреждениями (10 ед. и 12 ед. на 10 тыс. чел.), размеры заработной платы в сельском хозяйстве (7,1 тыс. руб.) и по всем отраслям (9,5 тыс. руб.), обеспеченность населения жильем и большинство показателей его качества и др.

В то же время показатели произведенной продукции промышленного производства и инвестиций в основной капитал в районах-«персистентах» ниже среднекраевых (31,2 тыс. руб. и 9,0 тыс. руб. на 1 чел. соответственно), однако находятся ближе всего к данным значениям по сравнению с остальными типами районов. Отмечен самый высокий уровень произведенной сельскохозяйственной продукции (77,3 тыс. руб. на 1 чел.). Уровень официально зарегистрированной безработицы превышал среднее значение по краю (4,5%).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в районах рассматриваемого типа в 2010 г. в целом отражал среднюю картину по краю, соответствующие территориальные группы насе-

[1]Михайловский, Залесовский, Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный.

ления (в том числе и сельская молодежь) отнесены к *подгруппе населения региона с относительно благоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения*.

Таблица 5.2

Характеристики социального развития типов сельских муниципальных районов Алтайского края в 2010 г.

Наименование показателя	I тип	II тип	III тип	IV тип
Естественный прирост на 1 тыс. населения	-2,8	-3,6	-4,6	-3,5
Миграционный прирост на 1 тыс. населения	-3,7	-8,6	-12,9	-12,4
Больничные медучреждения на 10 тыс. населения	1,1	1,5	1,5	2,5
Поликлинические медучреждения на 10 тыс. населения	1,0	1,3	1,5	2,7
Врачи всех специальностей на 10 тыс. населения	19,1	21,7	20,9	18,4
Средний медперсонал на 10 тыс. населения	80,8	84,5	88,8	98,3
Заболевания с впервые установленным диагнозом на 1 тыс. населения	800,7	927,1	996,1	760,6
Площадь квартир на 1 жителя, кв. м	22,7	23,8	23,8	26,1
Доля ветхого жилья, %	3,4	4,9	5,9	37,6
Ввод в действие жилья на 1 жителя, кв. м	5,6	2,5	1,0	0,6
Доля жилья с водопроводом в жилфонде, %	55,5	63,3	42,7	29,2
Доля жилья с канализацией, %	45,5	44,1	28,7	16,1
Доля жилья с отоплением, %	78,9	83,7	89,0	85,6
Доля жилья с газом, в т.ч. природным, %	85,1	88,9	89,3	89,8
Доля жилья с горячей водой, %	8,8	5,2	2,5	2,7
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	45134,8	36608,4	35432,5	35551,8
Оборот общественной питания на душу населения, руб.	1579,7	966,2	910,5	840,8
Оборот платных услуг на душу населения, руб.	7249,2	5636,5	5552,2	4529,0
Среднемесячная зарплата на одного работника, руб.	11225,5	9509,8	9391,4	9198,1
Среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве, руб.	8971,1	7140,7	7298,0	7040,5
Уровень официальной безработицы, %	3,4	4,5	4,9	4,1
Учащиеся школ на 10 тыс. населения	1135,4	1102,2	1132,2	1128,8
Количество детей на 1 детский сад	89,3	62,1	60,0	68,8
Библиотеки на 10 тыс. населения	8,3	10,3	12,3	15,3
Культурно-досуговые учреждения на 10 тыс. населения	9,6	11,9	14,8	17,8

Источник: расчеты авторов по данным паспортов районов края.

Третий тип районов по уровню и динамике развития социальной среды жизнедеятельности населения – *«неблагополучные с положительной динамикой» («эмерджeнты»)* – представлен 9 районами[1]. Несмотря на близкий к среднекраевому уровень обеспеченности населения районов-«эмерджентов» медучреждениями (2 ед. на 10 тыс. чел.) и медицинскими кадрами (врачами –

[1]Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский.

21 чел. на 10 тыс. чел., средним медперсоналом – 89 чел. на 10 тыс. чел.), рассматриваемые районы отличаются самым высоким уровнем первичной заболеваемости населения (996 случаев на 1 тыс. чел.).

Ситуацию в сфере обеспеченности населения жильем и его качества можно оценить как относительно неблагополучную. На фоне среднекраевых значений относительного показателя общей площади жилфонда (24 кв. м на 1 чел.) и доли ветхого жилья (6%), рассматриваемые районы также отличались наиболее низкими показателями его ввода в действие (1,0 кв. м на 1 чел.), а также оборудованности по отдельным характеристикам (водопроводом – 43%, канализацией – 29%, горячей водой – 3%). Рассматриваемые районы в 2010 г. также отличались более низкими по сравнению со среднекраевыми показателями развития потребительского рынка (оборота розничной торговли (35,4 тыс. руб. на 1 чел.), общественного питания (0,9 тыс. руб. на 1 чел.) и платных услуг (5,5 тыс. руб. на 1 чел.), средней заработной платы по всем отраслям (9,4 тыс. руб.) и в сфере сельского хозяйства (7,3 тыс. руб.), произведенной продукции промышленного (21,0 тыс. руб. на 1 чел.) и сельскохозяйственного производства (74,8 тыс. руб. на 1 чел.), инвестиций в основной капитал (7,1 тыс. руб. на 1 чел.). Зафиксирован самый высокий средний уровень официально зарегистрированной безработицы (4,9%).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в рассматриваемых районах в 2010 г. оказался в целом ниже среднего по краю и уступал первым двум типам, рассматриваемые районы отнесены к *типу «неблагополучных с положительной динамикой»* или *«эмерджентов»*, а соответствующие территориальные группы населения (в том числе и сельская молодежь) – к подгруппе населения региона с *относительно неблагоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения*.

Наконец, последний четвертый тип сельских муниципальных районов – «*наиболее неблагополучные» («аутсайдеры»)* – является наименее наполненным, представлен 4 районами[1]. Районы-«аутсайдеры» в 2010 г. отличались наиболее неблагоприятным качеством жилищного фонда (наибольшей долей ветхого жилья – 38%, наименьшими уровнем его ввода в действие – 0,6%), наиболее низкими показателями оборотов общественного питания (0,8 тыс. руб. на 1 чел.) и платных услуг (4,5 тыс. руб. на 1 чел.), заработной платы по всем отраслям (9,1 тыс. руб.) и в сельском хозяйстве (7,0 тыс. руб.), произведенной продукции промышленного (13,9 тыс. руб. на 1 чел.) и сельскохозяйственного (74,7 тыс. руб.) производства, инвестиций в основной капитал (4,3 тыс. руб. на 1 чел.). Районы рассматриваемого типа отличались самым высоким уровнем обеспечения населения больничными и поликлиническими медучреждениями (3 ед. на 10 тыс. чел.), средним медперсоналом (98 чел. на 10 тыс. чел.) при самом низком среднем уровне первичной заболеваемости населения (761 случай на 1 тыс. чел.) на фоне самого низкого уровня обеспечения квалифицированными медицинскими кадрами (18 чел.

[1]Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский.

на 10 тыс. чел.). Показатели обеспеченности населения учреждениями культурно-досуговой сферы зафиксированы на уровне существенно выше среднекраевого (библиотеками – 15 ед. на 10 тыс. чел., культурно-досуговыми учреждениями – 18 ед. на 10 тыс. чел.).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в рассматриваемых районах в 2010 г. оказался в целом ниже среднего по краю и уступал всем остальным типам, рассматриваемые районы отнесены к *типу «наиболее неблагополучных», или «аутсайдеров»*, а соответствующие территориальные группы населения (в том числе и сельская молодежь) – к подгруппе населения региона с *наиболее неблагоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения*.

5.2. Демографическое состояние сельской молодежи и его динамика

К характеристикам социального положения сельской молодежи нами отнесены также демографические, отражающие положение данной территориально-демографической группы в этнодемографической структуре по особенностям демографического состояния.

Важной особенностью Алтайского края, оказывающей воздействие на все стороны жизни его населения, является существенно большая доля сельских жителей в структуре населения (44,5% на начало 2013 г.) в сравнении со среднероссийским показателем (74,0%). Доля сельского населения Алтайского края в аналогичных показателях по Российской Федерации (далее – РФ) и Сибирскому федеральному округу (далее – СФО) составляет 3,1 и 20,5% соответственно. По мнению *А. Еремина* и *Н. Быкова*, причиной повышенного удельного веса сельских жителей в крае стали исторические, природно-климатические и социально-экономические факторы. В частности, на протяжении всей своей истории Алтайский край отличался аграрной специализацией хозяйства, за что и укрепился в общественном сознании в качестве «житницы Сибири»[1].

По данным региональных исследований, доминирующей тенденцией демографического развития Алтайского края является сокращение численности населения[2]. Так, с начала 2000-х гг. численность сельского населения в Алтайском крае сократилась на 194,1 тыс. чел., что на 144,3 тыс. чел. больше, чем городского населения.

Относительно неблагополучные и наиболее неблагополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности («эмерджeнты» и «аутсайдеры») отличаются наиболее высокими показателями естественной убыли сельского населения – коэффициенты естественного прироста сельского населения данных районах в 2012 г. составили –3,8‰ и

[1]Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 79-80.

[2]Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл.монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 10.

–3,6‰ соответственно, что почти в 2 раза выше, чем в более благополучных типах районов. Наиболее благополучные районы («флагманы») отличаются самым низким коэффициентом смертности сельского населения – 16,3‰, что в 1,2 раза ниже, чем в наиболее неблагополучных районах («аутсайдерах»). В то же время последние характеризуются самым высоким средним коэффициентом рождаемости сельского населения (15,3‰), что в 1,1 раза выше наиболее низкого показателя в относительно неблагополучных районах («эмерджентах»).

Как утверждают *А. Еремин* и *Н. Быков,* демографические структуры населения (половая, возрастная, брачная и семейная) представляют собой важнейший эндогенный фактор демографической ситуации региона, во многом определяющий динамику численности его населения и в значительной степени обусловливающий демографическое воспроизводство[1]. По мнению авторов, проблемы половых диспропорций тесно переплетаются с вопросами изучения характеристик возрастной структуры населения, в этом смысле Алтайский край характеризуется типичными общероссийскими тенденциями – демографическим старением населения, проявляющимся в росте доли пожилых и снижении доли молодых людей, а также в увеличении среднего возраста живущих[2].

Что касается динамики абсолютных и относительных показателей численности сельской молодежи в структуре сельского населения Алтайского края, отметим, что только за межпереписной период (с 2002 г. по 2010 г.) ее численность сократилась на 48,5 тыс. чел., или на 20,7% примерно с одинаковой интенсивностью для обоих полов и составила почти 185 тыс. чел. Доля сельской молодежи в сельском населении региона составляет 16,9%, в трудоспособном сельском населении региона – 29,1%, что меньше соответствующих показателей по РФ (20,2 и 34,1%) и СФО (19,5 и 32,9%). Несмотря на то, что абсолютный показатель сокращения численности городской молодежи региона в рассматриваемый период сопоставим с сельской – 47,8 тыс. чел., однако в относительном выражении он составил лишь 13,0%. И если с начала 2000-х гг. доля сельской молодежи во всей возрастной группе населения региона в возрасте 16-29 лет снизилась на 2,3 п.п. и составила 36,7%, а городской, соответственно, увеличилась до 63,3%, то по отношению к населению региона в целом доля как сельской, так и городской молодежи снизилась приблизительно на 1% (сельской – до 7,6%, городской – до 13,2%). Отметим, что численность сельской молодежи в межпереписной период сокращалась почти в 3,5 раза быстрее по сравнению с более старшим сельским населением трудоспособного возраста.

В наиболее благополучных районах по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманах») про-

---

[1]Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 86-87.

[2]Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 92.

живает около 71 тыс. представителей сельской молодежи, или 40,8% всей сельской молодежи региона, в районах с устойчивым средним уровнем развития («персистентах») – 77 тыс. чел., или 43,8%, в относительно неблагополучных районах («эмерджентах») – 19 тыс. чел., или 10,7%, в наиболее неблагополучных районах («аутсайдерах») – 5 тыс. чел., или 2,8%.

Наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы») также отличаются наибольшей долей сельской молодежи в структуре соответствующих территориальных групп населения – в среднем 17,3%, что на 2,2 п.п. больше наименьшей доли, характерной для относительно неблагополучных районов («эмерджентов»). Районы-«флагманы» также отличаются наибольшими долями молодых сельских мужчин (18,8%) и женщин (16,4%) в населении соответствующего пола, что на 2,4 и 2,5 п.п. больше самых низких показателей, характерных для относительно неблагополучных районов («эмерджентов»).

Как отмечают *А. Еремин* и *Н. Быков*, весомыми факторами рождаемости, а также формирования и распада семей, опосредованно влияющими на динамику численности населения и его воспроизводство, являются такие важнейшие демографические процессы, как брачность и разводимость[1]. По мнению авторов, рост числа регистрируемых брачных союзов, фиксируемый в последние годы, обеспечивается в значительной степени социально более зрелыми людьми, т.е. брачность в Алтайском крае заметно «стареет»[2]. Отметим, что сельское население региона отличается более благоприятным брачным состоянием – в 2012 г. в относительном выражении количество созданных брачных союзов здесь превышало число расторгнутых в 1,9 раза (в 2000 г. – в 2,1 раза), в то время как в городской местности – в 1,6 раза.

Анализ показал, что с начала 2000-х гг. (в межпереписной период) брачное состояние сельской молодежи Алтайского края существенно не изменилось, особенно в сравнении с городской молодежью. Так, доля состоящей в браке сельской молодежи региона увеличилась всего на 0,1 п.п. и составила 45,8% (что значительно выше, чем в среднем по СФО и РФ – 33,9 и 28,8%), тогда как аналогичный показатель для городской молодежи вырос на 4,3 п.п. – до 39,0%. Следует отметить, что среди состоящей в браке сельской молодежи до четверти (26%) увеличилась доля (на 4,6 п.п.) состоящих в незарегистрированном браке (с большей интенсивностью среди мужчин), среди городской молодежи данный процесс шел немного интенсивнее.

Отметим, что сельская молодежь региона отличается большей долей официально незарегистрированных брачных союзов по сравнению с соответствующим общероссийским показателем (22,9%), однако уступает среднему значению по федеральному округу (33,3%). Доля никогда не состоявших в

[1]Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 133.

[2]Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 139.

браке представителей сельской молодежи с начала 2000-х гг. незначительно снизилась (на 0,7 п.п.) и составила 49,5%, что значительно ниже соответствующих общероссийских и общеокружных показателей (68,6 и 63,4%), а также по сравнению с городской молодежью (57,2%).

Сельская молодежь Алтайского края отличается более высокой репродуктивной активностью по сравнению с городской молодежью[1]. В 2010 г. возрастной коэффициент рождаемости сельской молодежи составил 90,8‰, что в 1,4 раза больше, чем городской молодежи. Наибольшая разница возрастных коэффициентов рождаемости характерна для возрастной подгруппы 25-29 лет – 40,6 п.п. (121,3 и 80,7‰ соответственно). Для сравнения: разница возрастных коэффициентов рождаемости сельских и городских женщин в возрасте 30-39 лет составляет лишь 4,0 п.п. (47,2 и 43,2‰ соответственно).

Молодые женщины наиболее неблагополучных районов региона по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («аутсайдеров»)[2] отличаются наиболее интенсивной репродуктивной активностью как в целом по группе[3], так и в подгруппе 15-19 лет (92,5 и 54,2‰ соответственно). Рассматриваемые показатели в относительно неблагополучных районах («эмерджентах») были ниже на 3,3 п.п. и 15,1 п.п. (89,2 и 39,1‰ соответственно). Отметим, что для всех четырех типов сельских муниципальных районов региона характерен рост интенсивности репродуктивной активности молодых сельских женщин с увеличением их возраста. В то же время наиболее неблагополучные районы-«аутсайдеры» отличаются наименьшей репродуктивной активностью женщин 25-29 лет – 113,8‰, что в 1,1 раза меньше самого высокого показателя, зафиксированного в «устойчивых районах со средним уровнем развития» («персистентах»).

По данным социологического опроса в 2008 г., репродуктивные планы сельской молодежи Алтайского края значительной степени различаются в зависимости от состояния демографических, доходно-потребительских и профессионально-трудовых характеристик ее социального положения, а также характеристик социального самочувствия (табл. 5.3).

Почти четверть представителей сельской молодежи Алтайского края, намеренных в среднесрочной перспективе заводить детей, заявили о планах по рождению только одного ребенка, 61% опрошенных хотели бы иметь двух детей, почти 15% – 3 детей и более.

По данным всероссийской переписи населения 2010 г., доля молодежи среди представителей сельского населения пяти наиболее многочисленных

---

[1] Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные статистические данные содержат информацию о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

[2] По данным 2010 г.

[3] Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные статистические данные содержат информацию о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

Таблица 5.3

Репродуктивные планы сельской молодежи Алтайского края, %
(опрос 2008 г.)

Характеристики		Планируют иметь детей (в т.ч. еще)	Не планируют иметь детей (в т.ч. еще)	Неопределившиеся
Доля группы ко всем опрошенным		**65**	**15**	**20**
Пол	мужчины	49	35	57
	женщины	51	65	43
Семейное положение	женат (замужем)	36	68	53
	не женат (не замужем)	64	32	47
Образование	начальное и основное общее	5	8	6
	среднее общее и начальное профессиональное	32	35	25
	среднее профессиональное и неполное высшее	45	30	43
	высшее	18	27	26
Занятость	наемные работники	55	68	69
	самозанятые (предприниматели и т.д.)	3	3	6
	безработные, домохозяйки и занятые только в ЛПХ	11	27	10
	студенты	28	3	16
Материальное положение	бедные и очень бедные	7	16	12
	среднеобеспеченные	80	76	77
	зажиточные и богатые	11	3	4
Жилищные условия	живут в собственном доме	39	49	44
	в собственной квартире	7	11	19
	снимают жилье	12	16	6
Социальное настроение	живут с родителями	40	22	25
	уверены в настоящем и будущем	45	22	31
	состояние равнодушия и апатии	9	11	10
	испытывают беспокойство, неуверенность	23	47	39
	испытывают сильное напряжение, раздражение	7	3	6

национальностей в Алтайском крае среди русских составляет 21%, или 173 тыс. чел. (молодежи в городском населении – 29% или 299 тыс. чел.); немцев – 14% или 4 тыс. чел. (молодежи в городском населении – 18%, или 3 тыс. чел.); украинцев – 4%, или 800 чел. (молодежи в городском населении

– 5%, или 700 чел.); казахов – 21%, или 1 тыс. чел. (молодежи в городском населении – 44%, или 900 чел.); армян – 28%, или 700 чел. (молодежи в городском населении – 34%, или 1,3 тыс. чел.). В целом сельская и городская молодежь Алтайского края являются приблизительно однородными по национальному составу: практически 94% их представителей являются русскими.

По мнению *Л. Родионовой*, с начала 90-х гг. XX в. миграция выступает одним из основных факторов, определяющих демографическую ситуацию в сельской местности Алтайского края, характерными чертами которой являются динамизм, асимметричность, инновационность, проявляющиеся в неустойчивой структуре миграционных связей региона, частой смене трендов в территориальных перемещениях населения, существенной асимметрии встречных миграционных потоков, появлении новых форм и направлений миграции, формировании специфических моделей миграционного поведения населения[1]. Отметим, что по сравнению с началом 2000-х гг. миграционный оборот сельского населения края вырос примерно в 1,1 раза и в 2012 г. составил около 95,2 тыс. чел. По итогам 2012 г. в структуре территориальных перемещений сельского населения региона (как и в предыдущие годы) первое место заняла внутрикраевая миграция, затем межрегиональная, и далее – миграции со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Анализ итогов внешней для региона миграции молодежи в 2012 г. показал, что по итогам года за пределы региона выбыли 6,7 тыс. молодых селян – в 1,2 раза меньше, чем городской молодежи. Молодые сельские мужчины характеризовались большей миграционной активностью по сравнению с женщинами – в 2012 г. Алтайский край покинули 3,5 тыс. чел. и 3,1 тыс. чел. соответственно. Покинувшая регион городская молодежь отличается меньшими половыми диспропорциями рассматриваемых показателей (4,2 и 3,9 тыс. чел. соответственно). Анализ показал, что сельская молодежь (равно как и городская) отличается большей миграционной активностью по сравнению с трудоспособным сельским населением более старших возрастов – показатели миграционной убыли за пределы края по итогам 2012 г. у рассматриваемых групп отличались приблизительно в 1,3 раза.

Для всех четырех типов районов по уровню по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2012 г. было характерно превалирование миграционного оттока в динамике общей убыли сельского населения Алтайского края. Наиболее значительный вклад в убыль сельского населения его миграционный отток вносит в «устойчивых районах со средним уровнем развития» («персистентах»), где его доля составила 87,4%, что на 13,8 п.п. выше, чем в наиболее благополучных районах («флагманах»).

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., уровень оседлости сельской молодежи Алтайского края на 5,6 п.п. выше, чем сельского населения в целом, и составляет 36,2% – именно столько представите-

[1]Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 142.

лей сельской молодежи проживают в своем населенном пункте с рождения. Практически четверть сельской молодежи Алтайского края живут в своем населенном пункте 8 лет и более, 40% молодых людей – не более 7 лет.

Наибольшей долей сельской молодежи, непрерывно проживающей в своем населенном пункте с самого рождения, характеризуются наименее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («аутсайдеры») – 42,1%, что на 7,0 п.п. больше, чем в «устойчивых районах со средним уровнем развития» («персистентах»). Наиболее благополучные районы («флагманы») отличаются наибольшей долей лиц, не менявших место постоянного жительства с 2002 г. и ранее, что на 5,4 п.п. больше по сравнению с соответствующим показателем в наименее благополучных районах («аутсайдерах»).

По данным социологического опроса в 2008 г., чуть более половины представителей сельской молодежи региона (57%) хотели бы сменить место жительства, и лишь третья часть (35%) молодых селян намерены и дальше жить в своем селе. Миграционные планы сельской молодежи Алтайского края значительной степени различаются в зависимости от состояния демографических, доходно-потребительских и профессионально-трудовых характеристик ее социального положения, а также характеристик социального самочувствия (табл. 5.4).

Анализ векторов потенциальной миграционной активности сельской молодежи региона показал, что наибольшая их часть (43%) хотели бы переехать в город или другое село Алтайского края, десятая часть – в соседние регионы Сибири и на Север, около 4% – в европейскую часть России, 3% – за границу и почти пятая часть (19%) с выбором нового места проживания не определились. Пятая часть потенциальных мигрантов в качестве основного фактора, сдерживающего перемену места жительства, называют неудовлетворительное состояние доходно-потребительских характеристик своего социального положения, а именно: отсутствие денежных средств на переезд. Отметим, что неудовлетворительное состояние доходно-потребительских характеристик своего социального положения также является одной из основных причин потенциальной миграционной активности сельской молодежи (47% опрошенных). Второй наиболее распространенной причиной потенциальной миграции молодых селян является желание улучшить состояние профессионально-трудовых характеристик социального положения – найти подходящую работу (46%) и повысить уровень своего образования (12%).

Еще одной характеристикой демографического состояния сельской молодежи является состояние здоровья. В частности, по данным социологического опроса в 2011 г., 7,7% опрошенных бедных молодых селян имеют инвалидность, что почти на 3,0 п.п. меньше по сравнению с остальным сельским населением. Такая же доля сельской молодежи имеет какое-либо серьезное хроническое заболевание – в 5,5 раза меньше по сравнению с остальным сельским населением. Наиболее значительная часть опрошенных молодых людей (82,4%) заявила об отсутствии серьезных проблем со здоровьем.

Таблица 5.4

Миграционные планы сельской молодежи Алтайского края, %
(опрос 2008 г.)

Характеристики		Планируют остаться	Планируют сменить место жительства	Неопределившиеся
Доля группы ко всем опрошенным		**35**	**57**	**8**
Пол	мужчины	50	46	59
	женщины	50	55	41
Семейное положение	женат (замужем)	63	30	59
	не женат (не замужем)	37	70	41
Образование	начальное и основное общее	11	24	5
	среднее общее и начальное профессиональное	31	33	18
	среднее профессиональное и неполное высшее	35	44	59
	высшее	23	20	18
Занятость	наемные работники	68	53	68
	самозанятые (предприниматели и т.д.)	13	1	5
	безработные, домохозяйки и занятые только в ЛПХ	10	15	9
	студенты	8	31	18
Материальное положение	бедные и очень бедные	7	9	18
	среднеобеспеченные	78	80	68
	зажиточные и богатые	14	5	9
Жилищные условия	живут в собственном доме	46	40	27
	в собственной квартире	14	70	9
	снимают жилье	13	9	23
	живут с родителями	23	40	41
Социальное настроение	уверены в настоящем и будущем	46	31	64
	состояние равнодушия и апатии	8	11	9
	испытывают беспокойство, неуверенность	31	31	18
	испытывают сильное напряжение, раздражение	2	9	5

Далее нами представлены результаты исследования состояния и динамики профессионально-трудовых и доходно-потребительских характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края.

5.3. Профессионально-трудовые и доходно-потребительские характеристики социального положения сельской молодежи

Мы согласны с мнением *Л. Родионовой* о том, что от эффективности функционирования сельского рынка труда, находящегося на пересечении экономической и социальной подсистем деревни, во многом зависят как темпы и направления развития аграрной экономики, так и уровень и качество жизни сельского населения, как следствие, ситуация на рынке труда, совокупное предложение на котором формирует объединение занятых и безработных (экономически активное население в возрасте 15-72 лет) является основным фактором социального развития сельских территорий[1]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность экономически активного сельского населения в Алтайском крае составила 497 тыс. чел., а его доля в экономически активном населении региона, Сибирского федерального округа и РФ – 42,6; 5,3 и 0,7% соответственно. Численность сельского населения Алтайского края, занятого в экономике, составила 428 тыс. чел., а его доля в занятом в экономике населении региона, Сибирского федерального округа и РФ – 41,0; 5,0 и 0,7% соответственно.

Исследование *экономической активности* сельской молодежи Алтайского края, осуществленное путем анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г., показало, что две трети ее представителей (66,7%, или 120,8 тыс. чел.) являются *экономически активным населением* (74,2% мужчин и 59,0% женщин), что соответствует общероссийскому показателю и немного превосходит общеокружной (на 2,1 п.п.). Несмотря на то, что доля *занятой в экономике* экономически активной сельской молодежи Алтайского края (82,7%) меньше городской молодежи и более старшего сельского населения трудоспособного возраста на 4,4 и 4,0 п.п. соответственно, она превышает соответствующие общеокружные и общероссийские показатели (79,4 и 79,6%). В свою очередь, доля *безработных* представителей сельской молодежи в Алтайском крае составляет 17,3%, или почти 21 тыс. чел. (мужчины – 15,9%, женщины – 19,0%), что меньше, чем в среднем по округу и по стране (20,3 и 20,6% соответственно), однако существенно выше, чем среди городской молодежи региона (12,9%). Отметим, что с начала 2000-х гг. соотношение занятой в экономике и безработной сельской молодежи практически не изменилось, однако примерно на 10% увеличилась доля экономически активной сельской молодежи[2].

Несмотря на большую долю безработных в составе экономически активной сельской молодежи по сравнению с городской, доля безработной сельской молодежи во всем безработном экономически активном сельском

---

[1]Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 157.

[2] Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. содержат данные о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

населении составляет 30,3%, что существенно ниже (на 14,8 п.п.) по сравнению с соответствующим показателем среди городского населения. Отметим, что доля безработной сельской молодежи Алтайского края во всем безработном экономически активном сельском населении также меньше соответствующих общеокружных и общероссийских показателей (36,8 и 39,9%).

Алтайский край также отличается наименьшим разрывом между показателями доли безработных среди сельской молодежи и сельского населения более старшего трудоспособного возраста – почти 1,3 раза (17,2 и 13,2% соответственно), в то время как аналогичные общеокружные и общероссийские значения составили 1,5 и 1,7 раза соответственно. Отметим, что разрыв между показателями доли безработных среди городской молодежи региона и городского населения более старшего трудоспособного возраста составляет почти 2 раза.

Наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы») отличаются наименьшей долей безработных – 17,7% (мужчины – 16,2%, женщины – 19,8%) в составе экономически активной сельской молодежи, доля которой, в свою очередь, составляет 66,0% (мужчины – 74,2%, женщины – 57,4%). Наихудшая ситуация характерна для наиболее неблагополучных районов («аутсайдеров»), которые отличаются не только наименьшей долей экономически активной сельской молодежи – 65,3% (мужчины – 71,9%, женщины – 58,0%), но и наибольшей долей безработных в ее структуре – 24,3% (мужчины – 23,1%, женщины – 26,1%).

Наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы») также отличаются наибольшей долей молодежи в структуре сельских безработных – 32%, наименьший показатель зафиксирован в относительно неблагополучных районах («эмерджентах») – 29%. Однако в начале 2000-х гг. наблюдалась иная ситуация: наименьшей долей молодежи в структуре сельских безработных (28,5%) отличались наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы»), наибольшей долей – наиболее неблагополучные районы («аутсайдеры») – 35,6%.

Исследование *статуса занятой в экономике* сельской молодежи Алтайского края, осуществленное путем анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г., показало, что доля *работающих по найму,* составляющих подавляющее большинство *занятой в экономике* сельской молодежи региона (95,8, или 96 тыс. чел.) – немногим меньше, чем в среднем по округу и по стране (96,6 и 96,3% соответственно) и больше по сравнению с городской молодежью (94,5%). Значительная часть *работающей не по найму* сельской молодежи региона (72,7%) *не привлекают наемных работников* и только четверть используют наемный труд. Отметим, что с начала 2000-х гг. соотноше-

ние работающей по найму и не по найму сельской молодежи региона практически не изменилось[1].

В свою очередь, *экономически неактивным населением* является треть (33,2%, или 60 тыс. чел.) сельской молодежи Алтайского края (25,7% мужчин и 41,0% женщин), что практически соответствует общероссийскому показателю и на 2 п.п. меньше значений по федеральному округу и для городской молодежи. Треть экономически неактивной сельской молодежи в качестве источников средств к существованию использует стипендии, десятая часть – пенсии, четверть получают различные социальные пособия (кроме пособия по безработице), работают в личном подсобном хозяйстве, имеют сбережения, получают доходы от сдачи внаем или в аренду имущества, находятся на иждивении и др.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., наиболее неблагополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («аутсайдеры») отличаются как наибольшей долей *экономически неактивной* сельской молодежи (34,7%), так и ее структурой, в частности, наименьшей долей работающих в личном подсобном хозяйстве – 25,9% (максимально для районов-«эмерджентов» – 36,8%), во-вторых, наибольшей долей пенсионеров (в т.ч. по инвалидности) – 14,8% (минимально для районов-«флагманов» – 11,1%).

Анализ данных Всероссийской переписи населения 2010 г. показал, что *послевузовское образование* имеет незначительная часть сельской молодежи региона (0,5%), что совпадает с общероссийским и на 0,2 п.п. ниже соответствующего показателя среди городской молодежи региона. Доля представителей сельской молодежи, имеющих *высшее профессиональное образование* (9,4%), меньше по сравнению с молодыми горожанами и с сельской молодежью в целом по стране в 2 и 1,2 раза соответственно, однако незначительно превышает соответствующий показатель по федеральному округу. Отметим, что доли представителей сельской молодежи с послевузовским и высшим профессиональным образованием выше соответствующих общеокружных значений (на 0,1 и 0,8 п.п.). *Неоконченное высшее профессиональное* образование имеют менее 5% сельской молодежи региона – почти в 3 раза меньше по сравнению с городской молодежью, что ниже соответствующих общероссийских и общеокружных показателей (6,3 и 4,6%). Около четверти (21,8%) сельской молодежи Алтайского края имеет *среднее профессиональное образование* – чуть ниже, чем в среднем по стране и среди городской молодежи (22,4 и 24,8% соответственно) и немного превышает соответствующий общеокружной показатель (на 0,8 п.п). Начиная с уровня начального профессионального образования отличия сельской молодежи от городской становятся более существенными. Так, *начальное профессиональное образование* имеет

[1] Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. содержат данные о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

практически десятая часть (10,8%) молодых селян, что в 2 раза выше по сравнению с городом, а также незначительно превышает соответствующие общероссийские и общеокружные показатели (8,5 и 9,1%). Таким образом, чуть более половины (53,4%) представителей сельской молодежи региона не имеет профессионального образования, что в 1,4 раза меньше по сравнению с городской молодежью. Однако несмотря на то, что в сравнении со страной в целом сельская молодежь региона имеет более низкий уровень профессионального образования, он все же немного выше в сравнении с общеокружным (на 3 п.п.). *Общее образование* имеет почти половина (52,0%) сельской молодежи Алтайского края, что в 1,5 раза выше, чем городской, и на 2 п.п. выше, чем в среднем по стране, и в то же время на 2,9 п.п ниже, чем в среднем по округу. *Не имеют* даже *начального общего образования* около 1,3%, или 2 тыс. представителей сельской молодежи региона, что существенно выше по сравнению с городской (0,3%, или 0,9 тыс. чел.) и практически совпадает с общеокружным показателем. Отметим, что значительная часть не имеющих начального общего образования представителей сельской молодежи региона (70,0%, или 1,7 тыс. чел.) являются *неграмотными.*

С начала 2000-х гг. сельская молодежь региона повысила уровень своего образования. В частности, значительно изменилась структура профессионального образования сельской молодежи: на 0,4% выросла доля лиц с послевузовским образованием, на 5% – с высшим образованием, на 2% – лиц с неполным высшим образованием, на 4% – со средним профессиональным образованием, в то же время на 8% снизилась доля лиц с начальным профессиональным образованием. Структура общего образования сельской молодежи также изменилась: на 4% снизилась доля лиц с основным образованием, на 1% – с начальным образованием, в то же время на 2% увеличилась доля лиц со средним образованием. На 0,3% снизилась доля лиц, не имеющих даже начального общего образования.

Наиболее высокий уровень образования имеет сельская молодежь, проживающая в наиболее благополучных районах по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманах»). Данная территориально-демографическая группа отличается наибольшей долей лиц с высшим профессиональным образованием – 9,3% (наиболее низкая характерна для районов-«эмерджентов» – 7,6%), неполным высшим образованием – 4,0% (наиболее низкая характерна для районов-«аутсайдеров» – 2,8%), а также средним профессиональным образованием – 22,0% (наиболее низкая характерна для районов-«эмерджентов» – 19,2%). Наиболее низкий уровень образования имеет сельская молодежь, проживающая в наиболее неблагополучных районах («аутсайдерах»), отличающаяся, в частности, наиболее высокой долей лиц, не имеющих даже начального общего образования (1,8%).

Как уже было сказано нами ранее, в исследование вторичных характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края, помимо профессионально-трудовых, нами включены также и доходно-потребитель-

ские характеристики. С начала 2000-х гг. в Алтайском крае наблюдался рост доходов сельского населения. Располагаемые ресурсы в среднем на одного члена сельского домохозяйства составляли в 2012 г. 11,3 тыс. руб. (в 2000 г. – 1,1 тыс. руб.). Расходы на конечное потребление в 2012 г. составляли 7,7 тыс. руб. (в 2000 г. – 0,9 тыс. руб.), что в 1,2 раза меньше соответствующего показателя в городской местности. Несмотря на рост располагаемых ресурсов домашних хозяйств сельской местности, наблюдается их отставание от города: в 2012 г. располагаемые ресурсы и расходы на конечное потребление сельских домохозяйств составили лишь 68,0 и 69,5% от городских (в 2000 г. – 81,3 и 81,0% соответственно). Рассматриваемые показатели для сельского населения росли меньшими темпами по сравнению с городским, и увеличились в 9,6 и 7,8 раза (городского – 11,5 и 9,0 раза соответственно).

В структуре располагаемых ресурсов сельских домохозяйств в 2012 г. почти девять десятых приходилось на валовой доход – 10,1 тыс. руб. (в 9,0 раз выше в 2000 г.), основу которого образовал денежный доход и лишь десятую часть (11,3%) – натуральный доход за счет главным образом натуральных поступлений продуктов питания, доля которого по сравнению с 2000 г. снизилась в 2,3 раза. В структуре потребительских расходов сельских домохозяйств в 2012 г. доля расходов на покупку продуктов для домашнего питания составила 30,2% (в 2000 г. – 33,3%), на покупку непродовольственных товаров – 48,6% (в 2000 г. – 51,2%), на оплату услуг – 18,5% (в 2000 г. – 11,4%). По сравнению с 2000 г. в структуре потребительских расходов сельских домохозяйств незначительно снизилась доля хлеба и хлебных продуктов, а также сахара и кондитерских изделий – до 6,4 и 3,3% в 2012 г. соответственно, также незначительно увеличилась доля мяса и мясных продуктов – до 7,7%. С начала 2000-х гг. на 3,5% увеличились расходы на оплату услуг – до 7,5% в 2012 г.

По мнению *Л.В. Родионовой*, заработная плата или цена рабочей силы является важнейшей компонентой сельского рынка труда, в свою очередь, ее низкий уровень является фактором, способствующим уменьшению налогооблагаемой базы, устранению стимулов к повышению эффективности производства, деградации системы общего и профессионального образования и, в конечном счете, к разрушению воспроизводственного цикла[1]. В 2000 г. средний размер среднемесячной заработной платы в сельских муниципальных районах Алтайского края составил 0,9 тыс. руб. (66% от соответствующего среднекраевого показателя). В 2012 г. средний размер среднемесячной заработной платы в сельских муниципальных районах Алтайского края составил 13,6 тыс. руб. (почти 76% от соответствующего среднекраевого показателя). Как отмечает *Л.В. Родионова*, в последние годы заработная плата в сельской

[1]Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 167.

местности Алтайского края растет более высокими темпами по сравнению с городами[1].

Согласно данным социологического опроса в 2011 г., по мнению *бедной сельской молодежи* как подгруппы молодых селян региона с наиболее неудовлетворительным состоянием доходно-потребительских характеристик социального положения, с начала 2000-х гг. доходно-потребительские характеристики ее социального положения незначительно улучшились. Оценивая их состояние в начале 2010-х гг., к бедным и очень бедным (денег иногда не хватает даже на питание) себя отнесли 4% бедной сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 14%); в начале 2000-х гг. – 6% сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 10%). Почти четверть (22%) представителей бедной сельской молодежи отметили, что в начале 2010-х гг. им хватало средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет (сельское население более старших возрастов – 41%); в начале 2000-х гг. – 24% сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 38%). Почти три четверти представителей бедной сельской молодежи заявили о том, что в начале 2010-х гг. им хватает денег на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой (сельское население более старших возрастов – 44%); в начале 2000-х гг. – 44% сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 52%).

Согласно данным опроса, представители бедной сельской молодежи в качестве основных причин положительной динамики доходно-потребительских характеристик их социального положения выделяют (в порядке убывания значимости): увеличение заработной платы кого-либо из членов семьи, появление дополнительной работы (14%); выход на работу кого-либо из членов семьи (людей, закончивших обучение, безработных и т.п.) – 11%; приспособление к новым условиям («научились жить по средствам») – 9%; увеличение доходов от личного подсобного хозяйства, шитья одежды, ремонта и т.п. (3%). В свою очередь, среди основных причин отрицательной динамики доходно-потребительских характеристик своего социального положения представители бедной сельской молодежи отметили (в порядке убывания значимости): рост цен, опережающий рост доходов (12%); уменьшение заработной платы кого-либо из членов семьи, потеря дополнительной работы (9%); увеличение семейных расходов (9%).

Первым по значимости источником доходов значительной части опрошенных представителей бедной сельской молодежи (76,9%) является заработная плата (в т.ч. других членов семьи), что в 1,5 больше по сравнению с остальным бедным сельским населением. В качестве второго источника доходов почти четверть бедной сельской молодежи (22,5%) рассматривает до-

[1]Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 167.

ходы от личного подсобного хозяйства, сада, огорода, а почти пятая часть опрошенных (19,7%) – различные социальные пособия (по инвалидности, детские, для матерей-одиночек, для малообеспеченных, жилищные субсидии и т.п.).

Исследование *структуры источников средств к существованию* сельской молодежи Алтайского края, осуществленное путем анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г., показало, что в ней можно выделить два источника (что соответствует общероссийским и общеокружным показателям), наиболее часто рассматриваемых молодыми селянами в качестве *основных*. Практически для половины (51,4%) сельской молодежи региона (почти как для городской – 53,6%) основным источником средств к существованию является трудовая деятельность (включая работу по совместительству), что соответствует общероссийскому показателю и на 2,4 п.п. больше общеокружного. Для трети (33,9%) сельской молодежи региона в качестве основного источника средств к существованию выступает помощь родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алименты, что соответствует общероссийским и общеокружным показателям. Отметим, что сельская молодежь использует данный источник реже, чем городская, особенно женщины (сельские – 41,0%, городские – 48,1%).

Наиболее распространенными источниками средств к существованию, используемыми практически половиной сельской молодежи Алтайского края, являются трудовая деятельность, включая работу по совместительству (53,1%), доходы от ведения личного подсобного хозяйства (48,7%). Чуть больше трети сельской молодежи региона используют помощь родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алименты. Основными *отличиями структуры источников средств к существованию* сельской молодежи региона по сравнению с городской является, во-первых, более частое использование таких источников, как доходов от ведения личного подсобного хозяйства (на 43,4 п.п.), пенсий по инвалидности[1] (на 2,3 п.п.), различных социальных пособий (на 5,4 п.п.), а также пособия по безработице (на 1,2 п.п.), во-вторых, более редкое использование доходов от трудовой деятельности (на 2,3 п.п.), стипендий (на 7,0 п.п.), а также помощи родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алиментов (на 4,2 п.п.).

Относительно неблагополучные и наиболее неблагополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («эмерджeнты» и «аутсайдеры») отличаются более неблагоприятной структурой источников средств к существованию, рассматриваемых в качестве основных, по сравнению с остальными типами районов. Так, сельская молодежь указанных типов районов реже использует в качестве основных доходы от трудовой деятельности (49,9 и 47,9% соответственно) и помощь родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алименты

[1] Данное обстоятельство косвенно свидетельствует о более неблагоприятном состоянии такой демографической характеристики социального положения сельской молодежи, как состояние здоровья (по сравнению с городской).

(30,8 и 32,9% соответственно), и, напротив, отличается большей долей молодых людей, существующих только на доходы от ведения личного подсобного хозяйства (8,9 и 9,1% соответственно). Кроме того, сельская молодежь районов-«эмерджентов» чаще других в качестве основного источника средств к существованию использует пособие по безработице (1,9%), а молодые люди наиболее неблагополучных районов «аутсайдеров» – пенсии по инвалидности (4,5%).

* * *

Итак, проведенное исследование позволило выделить следующие особенности состояния и динамики социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг.

Несмотря на общую положительную динамику развития микросоциальной среды жизнедеятельности сельского населения региона в целом и сельской молодежи в частности, уровень и динамика его (развития) показателей значительным образом дифференцированы, что позволило в совокупности сельских муниципальных районов региона выделить четыре качественно различных друг от друга типа и, как следствие, четыре группы сельской молодежи по состоянию и динамике территориальных характеристик ее социального положения.

Почти 40% сельской молодежи Алтайского края, проживающей в 18 наиболее благополучных районах Алтайского края с положительной динамикой развития микросоциальной среды жизнедеятельности, обладает наиболее благоприятными территориальными характеристиками социального положения, что дает молодым людям наибольшие возможности удовлетворения их территориальных интересов в месте постоянного проживания. Приблизительно такая же часть представителей сельской молодежи региона являются жителями практически половины сельских муниципальных районов Алтайского края с устойчивым средним уровнем развития микросоциальной среды жизнедеятельности и характеризуются относительно благоприятными территориальными характеристиками своего социального положения. Третья группа сельской молодежи – жителей девяти относительно неблагополучных районов по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения с его положительной динамикой с начала 2000-х гг. – обладает относительно неблагоприятными территориальными характеристиками своего социального положения, существенно ограничивающими возможность удовлетворения их территориальных интересов в месте постоянного проживания. Наконец, представители четвертой, самой малочисленной группы сельской молодежи региона, являются жителями четырех наиболее неблагополучных районов по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения и обладают, соответственно наиболее неблагоприятными территориальными характеристиками социального положения и как следствие, наименьшей возможностью удовлетворения территориальных интересов в месте своего проживания.

С начала 2000-х гг. для Алтайского края стало характерным снижение абсолютных и относительных показателей численности сельской молодежи, происходящее более быстрыми темпами по сравнению как с молодыми горожанами, так и с более старшим сельским населением трудоспособного возраста. В настоящее время сельская молодежь, составляя практически пятую часть всего сельского населения и треть сельского населения региона в трудоспособном возрасте, уступает по данным показателям соответствующим территориально-демографическим группам населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом.

Сельская молодежь Алтайского края по сравнению с городской молодежью, более старшим сельским населением трудоспособного возраста, а также с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом отличается более благоприятной гендерной структурой, практически не изменившейся с начала 2000-х гг. Особенностями брачного состояния сельской молодежи региона являются более ранее вступление в брак ее представителей по сравнению с молодыми горожанами, а также рост распространенности сожительства как формы брачных отношений по сравнению с началом 2000-х гг.

В настоящее время сельская молодежь отличается менее интенсивным миграционным оттоком за пределы региона по сравнению с молодыми горожанами и, напротив, более интенсивным по сравнению с более старшим сельским населением трудоспособного возраста. Основными причинами, побуждающими представителей сельской молодежи региона сменить место жительства (как внутри региона, так и за его пределы) является неудовлетворительное состояние доходно-потребительских и профессионально-трудовых характеристик их социального положения.

Демографическое состояние сельской молодежи региона существенным образом дифференцировано в зависимости от состояния и динамики территориальных характеристик ее социального положения. Наибольшие опасения вызывают состояние и динамика характеристик демографического состояния сельской молодежи, проживающей в относительно неблагополучных и наиболее неблагополучных сельских муниципальных районах Алтайского края по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения. Указанные районы, несмотря на ее бо́льшую репродуктивную активность, отличаются наихудшими характеристиками численности, состава и динамики данной территориально-демографической группы населения, что в дальнейшем создает реальные угрозы положительной динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения соответствующих сельских территорий.

Несмотря на положительную динамику основных профессионально-трудовых и доходно-потребительских характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг., по их состоянию в настоящее время данная территориально-демографическая группа населения

региона в целом уступает городской молодежи и более старшему сельскому населению трудоспособного возраста, имея большую степень сходства с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом.

Молодые селяне отличаются меньшей долей занятых в экономике в составе экономически активного населения, более низким уровнем образования, а также более неблагоприятной структурой доходов по сравнению с городской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста. Однако доля безработной сельской молодежи региона значительно ниже по сравнению с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом. В то же время между сельской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста выявлено значительно меньшее отставание профессионально-трудовых характеристик и доходно-потребительских характеристик социального положения их представителей по сравнению с соответствующими группами населения в городской местности, что позволяет сделать вывод о большей однородности сельского трудоспособного населения региона по сравнению с городским по рассматриваемым характеристикам социального положения.

Бедная сельская молодежь как подгруппа молодых селян с наиболее неудовлетворительным состоянием доходно-потребительских характеристик социального положения отмечает незначительное их улучшение с начала 2000-х гг. В качестве основных причин положительной динамики рассматриваемых характеристик социального положения представители бедной сельской молодежи выделяют увеличение заработной платы кого-либо из членов семьи, а также появление дополнительной работы. Напротив, основными угрозами состояния доходно-потребительских характеристик своего социального положения молодые сельские бедные считают рост цен, опережающий рост доходов и увеличение семейных расходов, а также уменьшение заработной платы кого-либо из членов семьи и потерю дополнительной работы.

Профессионально-трудовые и доходно-потребительские характеристики социального положения сельской молодежи региона существенным образом дифференцированы в зависимости от состояния и динамики территориальных характеристик ее социального положения. Наибольшие опасения вызывает состояние рассматриваемых характеристик социального положения сельской молодежи, проживающей в относительно неблагополучных и наиболее неблагополучных сельских муниципальных районах Алтайского края по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения. В целом указанные районы отличаются наибольшими долями безработной и экономически неактивной сельской молодежи, более низким уровнем ее образования, а также более неблагоприятной структурой доходов, что создает реальные угрозы положительной динамике развития

микросоциальной среды жизнедеятельности населения соответствующих сельских территорий.

Таким образом, в целом можно говорить о положительной динамике социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг. Выявлена существенная дифференциация характеристик социального положения молодых селян в зависимости от уровня и динамики развития микросоциальной среды их жизнедеятельности, на основе анализа которой выделены группы сельской молодежи региона с наиболее неблагополучными характеристиками социального положения, в перспективе создающими угрозы устойчивому развитию сельских территорий региона.

Полагаем, что в целях улучшения социального положения сельской молодежи в интересах устойчивого развития сельских территорий Алтайского края со стороны федеральных и региональных органов государственной власти необходимо формирование специфической управленческой стратегии, сочетающей инструменты, во-первых, комплексного подхода к сельской молодежи как территориально-демографической группе населения региона с особым социальным положением, во-вторых, дифференцированного подхода к самой сельской молодежи, акцентирующего внимание на положение наиболее неблагополучных молодых селян.

РАЗДЕЛ 3

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

Глава 6. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

6.1. Факторы и причины возникновения и распространения сельской бедности

Экспертная оценка социально-экономической ситуации в сельской местности. Социально-экономическая ситуация в стране, регионе, конкретном территориальном образовании относится к одному из важнейших факторов внешней среды, формирующих сельскую бедность. По мнению большинства экспертов – руководителей региональных и муниципальных органов управления и директоров сельских предприятий социально-экономическая ситуация в исследуемых регионах (районах, поселениях) неоднозначна, можно отметить как положительные, так и отрицательные результаты в развитии экономики и социальной сферы. Среди остальных экспертов больше тех, кто негативно оценивает ситуацию в экономике и социальной сфере: более трети – как кризисную и каждый десятый – как стадию развития. Таким образом, ***в настоящее время социально-экономическая ситуация способствует формированию и росту масштабов бедности на селе***.

По мнению представителей органов управления и директоров сельских предприятий, мировой финансовый кризис повлиял на положение предприятий, однако это влияние нельзя назвать значительным. И связано это в первую очередь с тем, что материальное положение сельских жителей было и остается стабильно тяжелым. Директора предприятий отмечают, что в эти годы доходы предприятия несколько снизились, что привело к незначительному сокращению зарплаты, и лишь в редких случаях – к задержкам выплат и ее существенному снижению. Большая часть представителей власти считают, что сократилось количество рабочих мест в сельской местности, сократилась заработная плата в бюджетной сфере.

Анализ ***рейтинга социально-экономических проблем села*** показал, что подавляющее большинство экспертов – представителей власти и общественных организаций к наиболее острым социально-экономическим проблемам села относят, во-первых, низкий уровень заработной платы, несоответствие ее трудовым затратам работников, во-вторых, безработицу, отсутствие подходящих рабочих мест и связанные с этими проблемами низкого уровня жизни и бедности сельского населения (Приложение 3, табл. 3.2-3.4). Более трети экспертов среди острых выделяют также демографические проблемы (сокращение численности селян из-за снижения рождаемости, роста смертности) и миграцию молодежи из села, соответственно, не воспроизводятся трудовые ресурсы, не хватает квалифицированных рабочих и специалистов. Столь же часто отмечаются проблемы инфляции, что, как следствие, приводит к сокращению реальных доходов и росту бедности. Далее, эксперты указывают на такие важные проблемы, как жилищные, низкий уровень социальных гарантий (маленький размер пенсий, пособий и др.), ухудшение здоровья сельского населения, духовно-нравственный кризис сельских жите-

лей (пессимизм и апатия и т.п.). В целом ***все эксперты***, включая директоров предприятий, ***практически единодушны в том, что проблема бедности сельских жителей является актуальной в их регионе*** (районе, селе).

Рейтинг личных (семейных) проблем бедных сельских жителей. В качестве одной из методологических предпосылок анализа факторов и причин возникновения сельской бедности нами был выбран рейтинг личных и семейных проблем бедных селян, полученный на основе оценок сельского населения и экспертов.

В рейтинге главных проблем, с которыми столкнулись лично сельские бедные или их семьи, лидирующие позиции занимают сегодня социально-экономические проблемы (рис. 6.1).

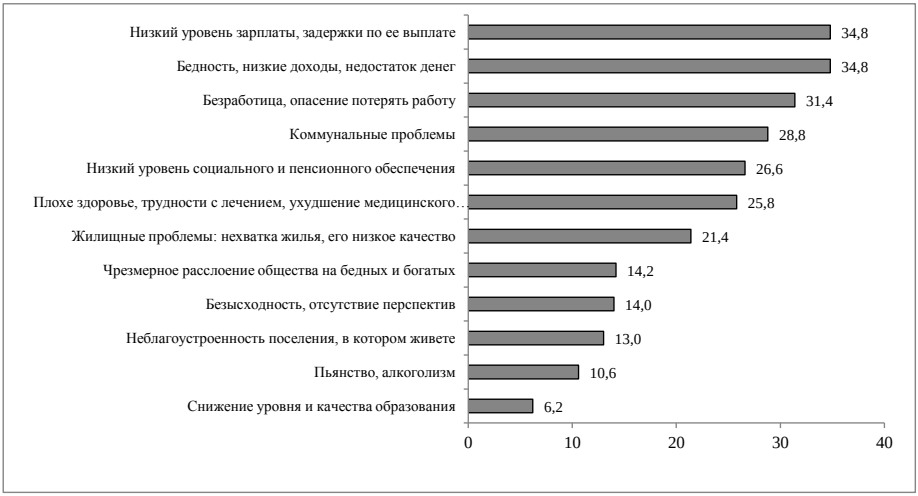


Рис. 6.1. Основные личные и семейные проблемы в оценках бедных сельских жителей, % (по данным опроса в 2011 г.)

Во-первых, это *бедность, низкие доходы, недостаток денег*, а также *низкий уровень заработной платы, задержки по ее выплате* (по 34,8% опрошенных). Во-вторых, *безработица, опасение потерять работу*, которые осознаются 31,4% бедных как проблема особой важности: безработица, отсутствие рабочих мест порождает клубок новых проблем, приводит к деградации населения. Высоко, на третью позицию, поднялись *коммунальные проблемы*, прежде всего проблемы отсутствия горячей воды, газоснабжения и центрального отопления, нестабильности предоставления коммунальных услуг, их дороговизны (выделили 28,8% опрошенных). С этим тесно связаны проблемы жилья, его нехватки и низкого качества (21,4%, шестой рейтинг). На четвертой позиции – *низкий уровень социального и пенсионного обеспечения: «*маленький размер пенсий, стипендий, пособий» (26,6%), другое отражение проблемы первого рейтинга. Пятерку личных и семейных вызовов бедных селян замыкает *проблема плохого здоровья и*

медицинского обслуживания («трудности с лечением, ухудшение медицинского обслуживания, недоступность медицинских услуг») как важнейший фактор бедности и характеристика социальной исключенности (25,8%).

Анализ региональной специфики рейтинга личных и семейных проблем сельских бедных показал, что жителей Алтайского края в значительно большей мере волнуют проблемы безработицы, социального и пенсионного обеспечения, чрезмерного социального расслоения, здоровья и медицинского обслуживания, жилищные и коммунальные проблемы, неблагоустройство поселений, падение нравственности и отсутствие перспектив.

Седьмой рейтинг получили проблемы *чрезмерного расслоения общества на бедных и богатых*, по-иному отражающего проблему бедности в целом, а также *безысходность, отсутствие перспектив*, что является во многом следствием всего вышеназванного (по 14%). Причем если о социальном расслоении говорят больше относительно бедные (17,4 против 9,1% обездоленных и 12,1% средних по бедности), то ***проблему бедности и низких доходов подчеркивают в значительно большей мере обездоленные*** (68,2 против 35,9% и 24,6 в двух других группах бедных), ***18% из них столкнулись в последнее время с голодом и нищетой***.

В первую десятку вошли также проблемы *неблагоустройства поселения* (13%), освещенности улиц, асфальтированности дорог и тротуаров (причем чем выше материальное положение семьи, тем в большей мере это волнует респондентов: 6, 11 и 17%) и *пьянство, алкоголизм* (10,6%) как важнейшая характеристика качества жизни, что отчасти является следствием низкой занятости бедных селян, их невысокой трудовой мотивации. Этому способствует и *снижение уровня и качества образования*, невозможность обеспечить себя или своих детей достойным образованием (более 6%).

Близкая к описанному рейтингу оценки масштабов личных и семейных проблем получена в ответах сельских жителей 2008 г. (рис. 6.2). Здесь также первую десятку вошли низкие зарплата, социальное и пенсионное обеспечение, безработица, неблагоустройство поселения, алкоголизм, проблемы медицины, коммунальных услуг, образования, жилья. Выделены и проблемы расслоения на богатых и бедных.

Факторы и причины сельской бедности в оценках населения и экспертов. ***Главными обстоятельствами, которые непосредственно воздействуют на ухудшение материального положения сельских бедных, в наибольшей степени являются***, по мнению почти половины респондентов, ***безработица, проживание в бедном регионе (районе, селе) и плохое здоровье*** (49,0; 48,4 и 41,2% соответственно). Далее, с большим отрывом от первой тройки следуют *низкий уровень образования и квалификации, наличие в семье иждивенцев* (детей, трудоспособных безработных) и отсутствие поддержки со стороны родственников (21-26%). Среди значимых также можно отметить *семейные несчастья, пьянство и алкоголизм, низкий уровень жизни родителей* (10-17%).

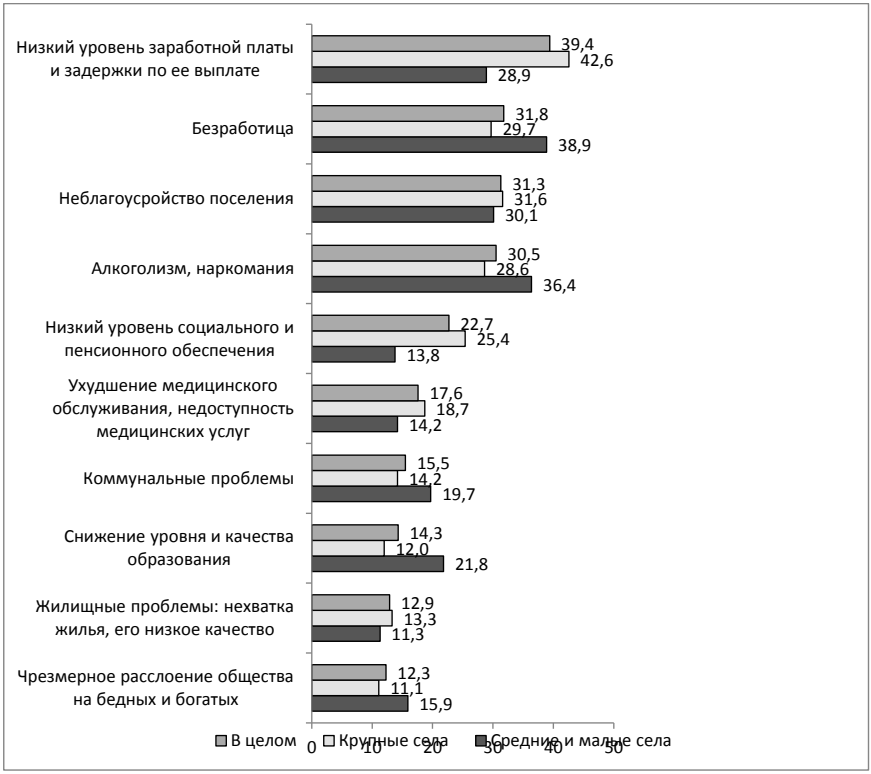


Рис. 6.2. Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими проблемами лично Вы (Ваша семья) столкнулись в последнее время?», % (по данным опроса 2008 г.)

Таким образом, мы видим, что ***большинство выделенных сельскими бедными обстоятельств относятся к факторам микроуровня***, лишь первые два можно отнести к факторам смешанного типа, имеющим отношение как к микросреде обитания (семья, домохозяйство, трудовая организация, сельское сообщество), так и к внешней среде – факторам мезо- и макроуровня (регион, страна). Причем фактор проживания на бедной территории особо выделили более благополучные группы бедных, а безработица и факторы микроуровня бо́льшую значимость имеют для обездоленных (особенно пьянство и наличие детей). В разрезе возрастных групп все категории трудоспособного возраста в равной степени отмечают безработицу, пенсионеры – здоровье, а молодежь выделяет низкий уровень образования и квалификации, а также низкий уровень жизни родителей.

В качестве главных причин сельской бедности сами сельские жители видят пьянство, низкую трудовую мотивацию (*«нежелание упорно трудиться»*), изначально бедные стартовые условия *(отсутствие хорошего образо-*

вания, профессии, помощи семьи), высокую демографическую нагрузку на работающих членов семьи («*наличие в семье одного «кормильца» (работника) и большого числа иждивенцев»*), преобладание на селе низкоквалифицированной и малооплачиваемой работы, а также особенности реализации рыночных реформ, приведших к массовой безработице на селе, и отсутствие в настоящее время поддержки государством тех, кто не может себя самостоятельно обеспечить. Причем такие причины бедности, как пьянство, низкие стартовые возможности, высокая демографическая нагрузка и отсутствие необходимой поддержки государства выделяет в первую очередь молодежь; представителей среднего и старшего трудоспособного возраста больше волнует проблема преобладания на рынке труда низкоквалифицированных и малооплачиваемых рабочих мест, а пенсионеров – низкая трудовая мотивация бедных (рис. 6.3).

Рис. 6.3. Причины бедности в оценках сельских жителей разных возрастных групп, в % (по данным опроса 2011 г.)

Большинство опрошенных в качестве причин бедности указывают как внутренние факторы (качества людей, их интересы, установки, привычки и пр.), так и внешние (неэффективная политика государства, банкротство предприятия и т.д.). В Республике Алтай по сравнению с Алтайским краем меньше процент тех людей, которые ответственность перекладывают на внешние обстоятельства (3,3 против 12,5%). Женщины чаще, чем мужчины, указывают внешние обстоятельства в качестве определяющих бедность сельских жителей (14,5 против 7,8%). Молодежь реже, чем другие возрастные группы, указывает внешние обстоятельства в качестве причин сельской бед-

ности, но чаще – роль самих людей в изменении собственного социально-экономического положения.

Значительно различаются оценки сельских жителей и в зависимости от глубины их бедности. Так, обездоленные в качестве причин сложившего материального положения чаще указывают на обстоятельства, имеющие объективную природу (изначально низкие стартовые возможности и высокую демографическую нагрузку и низкую поддержку со стороны государства), а относительно бедные полагают, что бедность сельских жителей обусловлена прежде всего причинами, зависящими от самого субъекта бедности (пьянством, низкой трудовой мотивацией).

Среди макропричин, обусловивших формирование сельской бедности, значительная часть респондентов видит прежде всего реформу на селе, которая привела к массовой безработице, развалу сельского хозяйства, отсутствию у людей средств существования, а также неэффективную политику государства. Причем эта позиция более характерна для относительно бедных (рис. 6.4).

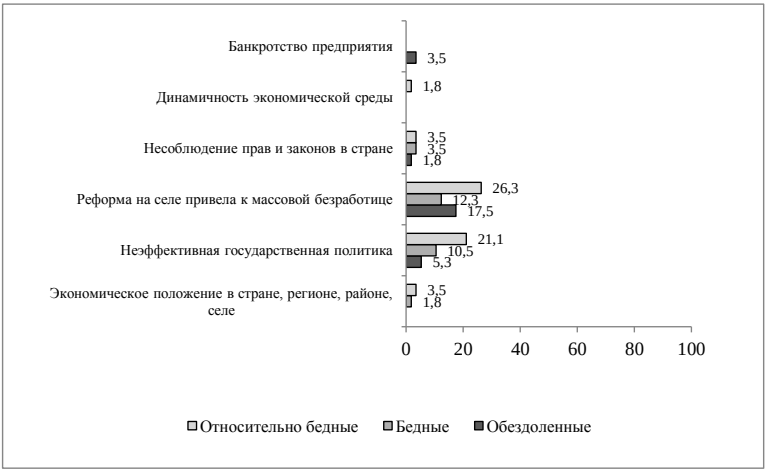


Рис. 6.4. Распределение ответов бедных сельских жителей, различающихся материальным положением семьи, на вопрос «От чего чаще всего зависит бедность?», % (по данным опроса 2011 г.)

Мы выявили значительные различия в представлениях различных групп экспертов о причинах сельской бедности. Так, большинство представителей местных органов управления считает, что причины сельской бедности связаны в первую очередь с низким уровнем оплаты труда работников и безработицей *(«бедность зависит от занятости, привлекательности труда, потому что сегодня человек видит действительно замкнутый круг, когда он получает 2 тысячи рублей», «во многих местах прекратили свою работу коллективные хозяйства, и люди остались без работы»,* «*объективным фактором бедности в сельской местности является слабый рынок труда:*

выбора рабочих мест нет…»). Подчеркивается также значимость низкой трудовой мотивации и экономической активности *(«нежелание трудиться, использовать имеющиеся возможности: сосед пишет бизнес-план, получает от государства грант или другую поддержку и развивает свое дело, а рядом бедный не делает этого»)*. Большинство же представителей сельского бизнеса полагают, что бедность – результат экономических реформ, а руководители общественных организаций в основном характеризуют сельскую бедность как проблему, возникшую вследствие плохих стартовых возможностей (человек вырос в нищете, не получил хорошего образования).

Вместе с тем все эксперты единодушны в том, что одной из важнейших причин сельской бедности является алкоголизм. Так, по мнению представителя законодательного органа управления Алтайского края, *«алкоголизм – это беда номер один для сельских жителей. Деревня действительно спивается. Пьет неделями, пьет месяцами… Сегодня из-за этого фермеры говорят: «Мы не можем найти доярку, мы не можем найти скотника».* Растет также влияние наркомании, *«поскольку мы «лежим» на пути трафика наркотиков и из Казахстана, и из Афганистана. Мы все это принимаем на себя. Границы не закрыты с Казахстаном. Особенно Локтевский район, Рубцовский, Бийский… В селе много детей, употребляющих наркотики, особенно в приграничных районах*» (представитель законодательного органа региона).

Социально-экономическая ситуация в стране, регионе, конкретном территориальном образовании относится к одному из важнейших факторов внешней среды, формирующих сельскую бедность. По мнению большинства экспертов – руководителей сельских муниципальных органов управления и директоров сельских предприятий, социально-экономическая ситуация в исследуемых регионах (районах, поселениях) неоднозначна, можно отметить как положительные, так и отрицательные результаты в развитии экономики и социальной сферы. Среди остальных экспертов больше тех, кто негативно оценивает ситуацию в экономике и социальной сфере: более трети – как кризисную и каждый десятый – как стадию развития. Таким образом, в настоящее время социально-экономическая ситуация способствует формированию и росту масштабов бедности на селе.

По мнению представителей органов управления и директоров сельских предприятий, мировой финансовый кризис повлиял на положение предприятий, однако это влияние нельзя назвать значительным. И связано это в первую очередь с тем, что материальное положение сельских жителей было и остается стабильно тяжелым. Директора предприятий отмечают, что в эти годы доходы предприятия несколько снизились, что привело к незначительному сокращению зарплаты, и лишь в редких случаях – к задержкам выплат и ее существенному снижению, Большая же часть представителей власти считает, что в сельской местности сократились количество рабочих мест и заработная плата.

Основными ресурсами, которые могут улучшить материальное положение сельских бедных, являются, по мнению сельских жителей, прежде всего, доходы, более высокая оплата труда (62%), также важны здоровье (33,8%), уверенность в завтрашнем дне (28,8%). Молодежь более высоко, чем другие возрастные группы, оценивает в этом отношении значимость образования, знаний и опыта (рис. 6.5). В то же время, по мнению некоторых экспертов, повышение образования не меняет ситуацию с бедностью на селе, поскольку *«получив образование, сельский житель пытается найти себе лучшую жизнь, переехать в город»* (руководитель комитета органа социальной защиты региона).

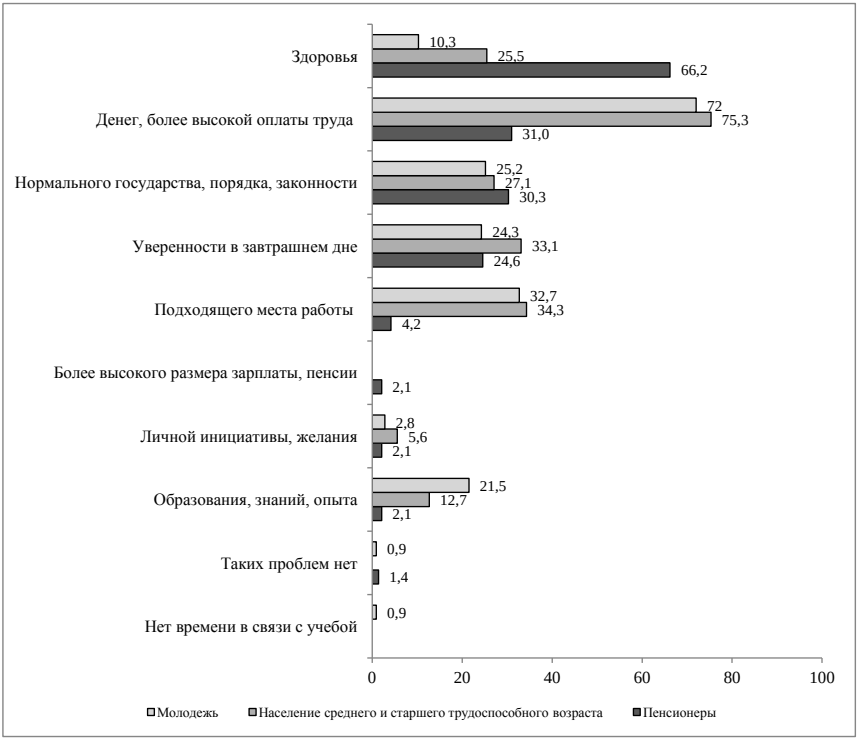


Рис. 6.5. Ресурсы по улучшению материального положения сельских жителей разных возрастных групп, % (по данным опроса 2011 г.)

Обездоленные значительно чаще указывают на необходимость подходящего места работы и более высокой оплаты труда как ресурсов преодоления бедности – рис. 6.6.

А относительно бедные чаше отмечают фактор нормального государства, порядка, законности как важнейший ресурс улучшения материального положения сельских жителей.

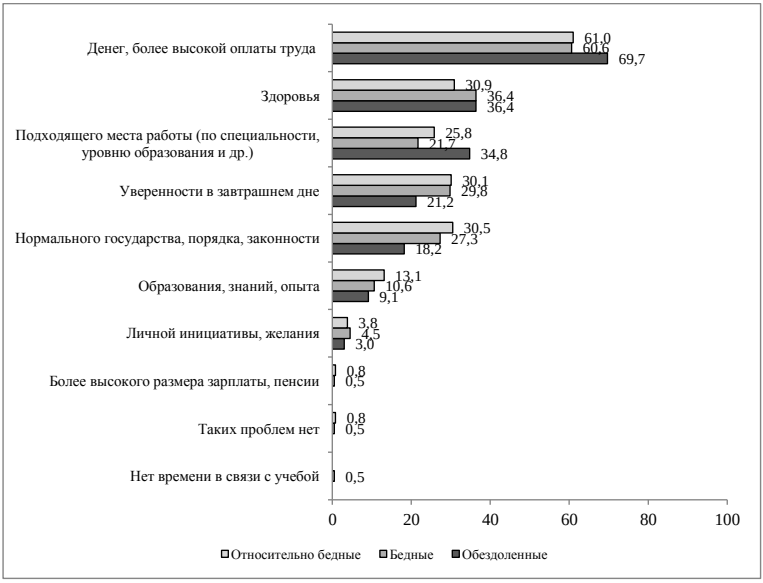


Рис. 6.6. Ресурсы по улучшению материального положения сельских жителей, различающихся материальным положением семьи, %

* * *

1. По оценкам экспертов, основными социально-экономическими проблемами села, определяющими значительные масштабы бедности, являются низкий уровень заработной платы, безработица, миграция молодежи из села. В рейтинге проблем сельских бедных лидирующие позиции занимают низкие доходы, безработица, жилищные и коммунальные проблемы, плохое здоровье и низкий уровень медицинского обслуживания.

2. Анализ причин сельской бедности показал, что независимо от признака, на основании которого проводится сравнение (пол, возраст, место проживания и т.д.), доминируют одни и те же причины: пьянство (63,8%), отсутствие желания работать, упорно трудиться (57,8%), изначально низкие стартовые возможности (выросли в бедности, не получили хорошего образования, профессии, помощи родительской семьи) – 49% опрошенных. Наличие низкоквалифицированной, малооплачиваемой работы (48,8%), реформа на селе, которая привела к массовой безработице, развалу сельского хозяйства, люди остались без средств существования (42,2%), отсутствие поддержки со стороны государства тем, кто не может сам себя обеспечить (40,4%) – эти причины указывались не так часто респондентами, но их нельзя обделить вниманием. Респонденты из Республики Алтай чаще указывали такую причину, как пьянство (95% опрошенных), в Алтайском крае – 59,5%.

3. Материальное положение сельских бедных в их представлениях зависит в равной мере и от людей, и от внешних обстоятельств – 78,8%. В

разрезе групп бедных обездоленные сельские жители чаще, чем другие группы бедных, указывают зависимость своего материального положения от таких факторов, как банкротство предприятия, неэффективная государственная политика, реформа на селе.

4. Основными ресурсами, которые могут улучшить материальное положение сельских бедных, являются деньги, более высокая оплата труда (62%), здоровье (33,8%), уверенность в завтрашнем дне (28,8%), нормальное государство, порядок, законность (27,6%). Такие ресурсы, как образование, знание, опыт, молодежью оцениваются выше, чем другими возрастными группами (11,6%).

6.2. Социально-экономическая активность сельских жителей как механизм формирования и преодоления бедности

Стратегии социально-экономической активности. К основным экономическим действиям, которые предпринимали за последние три года сельские бедные, чтобы улучшить материальное положение своей семьи, относятся в первую очередь ***поиск основной работы (24,4%), дополнительная занятость (6,6%) и ее поиск (19,4%), расширение семейного крестьянского подворья (10,2%)***. Значительную долю составляют те, кто не предпринимал ничего из-за состояния возраста и здоровья (32,4%) или другим причинам («все устраивает», уход за детьми и др. – 5,4%). Получали безвозмездную помощь от родственников 8,8% респондентов.

Поиск работы, как основной, так и дополнительной, характерен больше для мужчин (Приложение 3, рис. 3.3). Значительных различий в экономических действиях представителей трудоспособного возраста нет, но молодежи больше свойственен поиск основной работы. Почти 80% пенсионеров не предпринимали ничего из-за возраста и здоровья (Приложение 3, рис. 3.4).

Обездоленные и средняя группа бедных значительно отличаются от наиболее благополучной группы относительно бедных отсутствием экономической мотивации прежде всего в связи с возрастом, здоровьем (39,4 и 37,4% против 26,3%), а также удовлетворенностью своим положением (обездоленные в большей мере) (рис. 6.7).

Кроме того, обездоленные значительно чаще искали основную работу (37,9% против 21,7 и 22,9%), средняя группа бедных чаще обращалась к поиску подработок, а относительно бедные занимались развитием ЛПХ.

Спецификой регионального среза экономической активности является значительно бо́льшая активность при поиске основной работы жителей Республики Алтай (почти в два раза), а дополнительной работы – Алтайского края (в 1,8 раза) – Приложение 3, рис. 3.5. Дополнительная занятость характерна в большей степени для сельских бедных Республики Алтай. В Алтайском крае более значительна доля тех, кто ничего не предпринимал из-за возраста и здоровья.

Отражает социально-экономическую активность и ее потенциал, выраженный в планах по улучшению материального положения семьи. В планах

сельских бедных превалирует поиск основной и дополнительной работы и расширение ЛПХ. И, напротив, непопулярными среди сельских бедных являются планы по открытию собственного дела, обучению и переподготовке, требования своевременной выплаты заработной платы, увеличение интенсивности труда, улучшение жилищных условий, заработки за пределами села. Ничего не планирует предпринять около трети всех опрошенных сельских бедных, что говорит о сохранении масштабов социально-экономической пассивности.

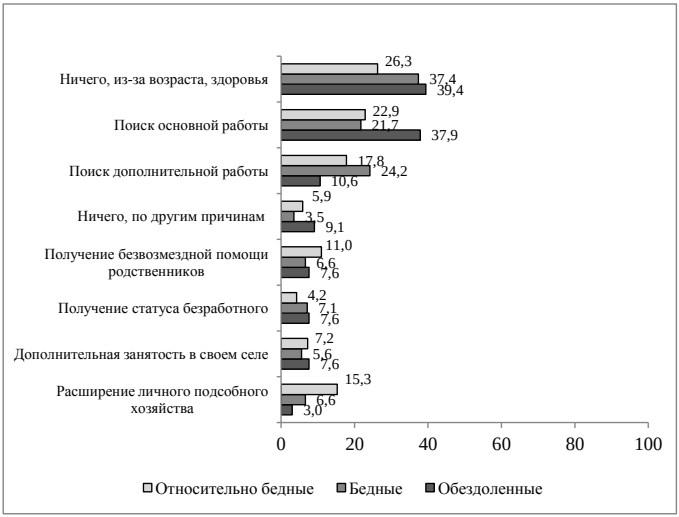


Рис. 6.7. Экономические действия сельских бедных по улучшению материального положения семьи, % (по данным опроса 2011 г.)

У мужчин больше планов поиска работы и расширения ЛПХ, женщины чаще ничего не планируют, объясняя это возрастом и плохим здоровьем (Приложение 3, рис. 3.7). Среди пенсионеров подавляющее большинство (87%) ничего не планирует из-за возраста и здоровья (Приложение 3, рис. 3.8). Молодежь чаще других возрастных групп намерена искать работу, расширять ЛПХ, пройти обучение и переподготовку для получения новой профессии и занятости, выезжать на заработки, кроме того, в этой группе высоки надежды на получение помощи от родственников. Для представителей среднего и старшего возраста более характерны планы по поиску дополнительной занятости.

Анализ потенциала социально-экономической активности в разрезе трех групп сельских бедных, различающихся материальным положением семьи, показал близкое к реализованным распределение планируемых действий (рис. 6.8), но все же потенциал активности ниже реализованного. Низким уровнем активности (отсутствием намерений улучшить материальное положение семьи) в связи с возрастом и здоровьем характеризуется в большей

степени средняя группа бедных (40% представителей группы) и в еще большей мере – обездоленные (43,9%), среди относительно бедных таковых существенно меньше (28,4%). Вместе с тем популярными планами обездоленных (чаще, чем среди представителей других групп бедных) является поиск основной и дополнительной работы (27,3% обездоленных), а относительно бедных – развитие ЛПХ и смена работы на более оплачиваемую.

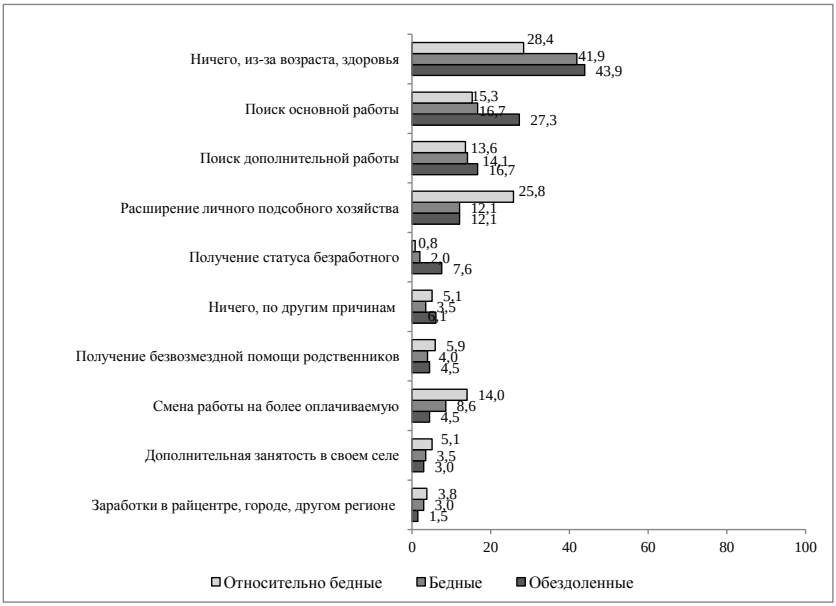


Рис. 6.8. Планы сельских бедных по улучшению материального положения семьи, % (по данным опроса 2011 г.)

Более высок потенциал экономической активности у сельских жителей Республики Алтай, это касается прежде всего поиска работы, а также обучения и переподготовки и выездов за пределы села на заработки (Приложение 3, рис. 3.6). В Алтайском крае более значительна доля ничего не планирующих (из-за удовлетворенности существующим положением или из-за семейных обстоятельств), а также больше тех, кто собирается обратиться за помощью родственников.

В целом сравнительный анализ реализованных и планируемых действий сельских жителей позволил выявить, с одной стороны, ***снижение потенциала поиска основной работы и получения помощи родственников***, а с другой – ***увеличение потенциала поиска дополнительной работы и намерений развития ЛПХ***.

Об уровне и характере социально-экономической активности свидетельствуют также стратегии поведения сельских бедных в сфере ЛПХ в пе-

риод безработицы, наемных работников при длительных задержках заработной платы, что рассмотрено в главе 4.

К наиболее активным в экономическом отношении сельским бедным относятся, по мнению экспертов, представители среднего возраста, квалифицированные работники, мужчины, жители крупных сел, не злоупотребляющие алкоголем, имеющие семью.

По оценкам экспертов – руководителей органов местного самоуправления, директоров предприятий и руководителей общественных организаций, ***основными стратегиями социально-экономической активности сельских бедных в 2000-х гг., направленных на улучшение материального положения семьи, являются занятость семейным крестьянским хозяйством и заработки в других населенных пунктах***. Распространены также стратегии поиска и смены места основной работы, работы, поиск дополнительной работы, батрачество на своих односельчан. Менее популярными являются смена профессии, повышение образования и квалификации, увеличение интенсивности, производительности труда, а также такие социально-политические по форме действия, как требования повышения уровня заработной платы, социальных гарантий и регулярности их выплат. Закономерно, что достаточно редкими среди сельских бедных являются попытки открыть собственное дело.

В целом уровень экономической активности бедного сельского населения, как правило, заметно ниже среднего. К наиболее активным в экономическом отношении сельским бедным относятся, по мнению экспертов, представители среднего возраста, квалифицированные работники, мужчины, жители крупных сел, не злоупотребляющие алкоголем, имеющие семью.

Руководители общественных организаций чаще, чем другие эксперты, отмечали, что бедные ведут себя в основном пассивно. Директоров сельских предприятий не устраивает или настораживает в работниках, среди которых значительную часть составляют бедные, в первую очередь равнодушие, безразличие к работе, недисциплинированность и пьянство. Реже директора отмечают такие проблемы, как низкий уровень профессиональной подготовки и недостаток молодежи со специальным образованием.

По материалам глубинного интервью с представителями региональных органов власти, характерной деятельностью для сельских жителей является прежде всего занятость в сфере ЛПХ, чаще всего эти действия и предпринимаются для преодоления бедности:

«… сельские жители развивают подсобное хозяйство. Так было всегда, это не только времена сегодняшние. … Большого богатства не было, но люди могли прокормить себя и прокормить свою семью именно подсобным хозяйством» (руководитель органа социальной защиты региона);

«…чаще всего они (сельские бедные) *просят оказать материальную помощь на приобретение крупного рогатого скота»* (руководитель комитета органа социальной защиты региона).

Трансформация структуры доходов сельского бедного населения как результат социально-экономической активности. За годы реформ произошли значительные изменения в структуре доходов сельского населения, что связано, с одной стороны, с изменениями социально-экономических стратегий, а с другой – с изменениями возможностей социальной политики. В 1990-х гг. в процессе адаптации селян к сложным социально-экономическим условиям семейное крестьянское хозяйство играло ведущую роль, являлось основой их выживания. В начале 2000-х (по опросу 2002 г.) 83% респондентов назвали ЛПХ в качестве основного источника доходов.

По данным опроса 2011 г., ***в структуре доходов сельских бедных жителей оплата труда занимает одну из ведущих позиций*** (63% респондентов). ***С 2001 г., по оценкам этих опрошенных, произошло незначительное сокращение роли этого источника доходов*** (66,4%) (рис. 6.9). (Для сравнения: в докризисный 2008 г. зарплату получала такая же доля всех сельских жителей, а в 2002–2003 гг. – значительно больше (¾ опрошенных), и эта доля практически не менялась с 1992 г. (77%).

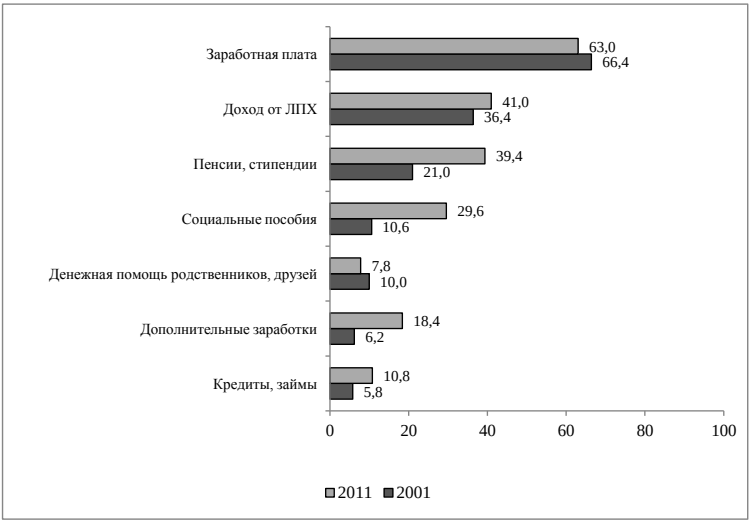


Рис. 6.9. Структура сельского населения по источникам доходов, % (по данным опроса в 2011 г.)

Сохранилась значительная роль доходов от семейного подворья (41% бедных селян). И ***в годы глобального финансового кризиса роль ЛПХ в производстве сельхозпродукции продолжала расти*** прежде всего за счет увеличения товарности семейных хозяйств. При этом 37,2% опрошенных бедных сельских жителей имели доходы от ведения ЛПХ в 2008 г. (тогда они составляли половину всех сельских жителей) (половина всех сельских жителей по опросу 2008 г.) и примерно столько же – в начале десятилетия (36,4%).

В 2000-х существенно увеличилась доля получающих социальные трансферты. И в настоящее время ***социальные трансферты занимают лидирующую позицию***: ***почти две трети*** (64,5%) ***бедных сельских жителей получают социальные трансферты*** (пенсии, стипендии, пособия), в т.ч. почти 30% – социальные пособия и 5,8% – пособие по безработице. Накануне кризиса, в 2008 г., доля бедных, получавших социальные трансферты, составляла чуть более половины, тогда как доля всех жителей села – чуть более трети. А в начале десятилетия доля «реципиентов» достигала чуть более 30%.

Роль дополнительных заработков в структуре доходов опрошенных существенно выросла в 2000-х: в два раза больше стало получавших такой источник доходов в годы экономического роста (с 6,2 до 12,6% за 2001–2008 гг.), а за последние три года доля таких увеличилась еще в полтора раза (18,4%). ***Кардинально, на порядок, возросла роль такого источника доходов, как кредиты и займы*** (10,8%), в начале десятилетия доля тех респондентов, кто получил различные займы и кредиты, была равна 5,8%. И ***по-прежнему значимыми для бедных селян являются социальные сети, однако их роль заметно снизилась***. Только 7,5% респондентов использовали социальный капитал в виде помощи родственников и друзей, а также в форме наследства, тогда как накануне кризиса каждый пятый сельский житель имел такой источник доходов.

Сравнительный анализ структуры источников доходов трех групп бедных, различающихся материальным положением семьи, показал, что ***среди обездоленных*** значительно меньше тех, кто получал зарплату (42,6% против 61,1 и 70,3%), но ***больше получателей денежной помощи от родных, родственников и друзей*** (9,3 против 8,5 и 6,3%), ***пособия по безработице*** (9,3% против 7,3 и 5,4%) и социальных пособий (по инвалидности, детские и др.): 35,2% против 29,3 и 26,6%. А ***в группе относительно бедных почти на треть больше имеющих доходы от семейного подворья*** (47,7 против 38,9 и 34,8%).

Среди наиболее значимых (первой-второй значимости) ***источников доходов сельские бедные выделяют в первую очередь заработную плату*** (64,4%)***, а также пенсии и стипендии*** (40,9%) – рис. 6.10. ***Доходы от ЛПХ относят в большей мере к источникам второй значимости***, хотя совокупный рейтинг этого источника достигает 43,6%. Сравнительно высоко сельские бедные оценили роль такого источника, как социальные пособия (по инвалидности, детские, для матерей-одиночек, малообеспеченных, жилищные субсидии и др.), общий рейтинг, с преобладанием второй значимости, составил 23,6%. Заметную роль играют также дополнительные заработки (14,8%).

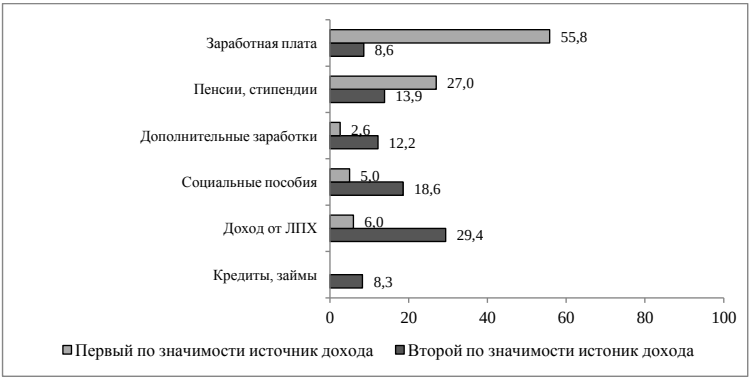


Рис. 6.10. Распределение сельского населения по значимости источников доходов, % (по данным опроса в 2011 г.)

Результаты проведенного опроса опровергают бытующее мнение среди чиновников и директоров сельских предприятий ***о том, что пособия по безработице формируют иждивенческие настроения и низкую трудовую мотивацию среди сельских жителей***. Значимым источником его считают только 5,1% респондентов, что заметно ниже даже такого источника, как займы и кредиты (8,3%).

Факторы социально-экономической активности. Стимулирующими факторами экономической активности, по оценкам экспертов, являются, с одной стороны, выгодные социально-экономические позиции самого бедного, такие как экономическая мотивация (*стремление выжить, вызванное низким уровнем жизни, повысить уровень материального благосостояния семьи,* а также *желание самореализоваться, заинтересованность в работе)*, относительно высокий уровень образования и квалификации и практический опыт, наличие стартового капитала для занятия бизнесом, рекомендации, связи, молодой возраст, хорошее состояние здоровья и личностные качества человека (*целеустремленность, коммуникабельность, трудолюбие, ответственность*).

С другой стороны, благоприятно воздействуют на экономическую активность и факторы внешней среды. К ним относятся наличие вакантных рабочих мест и доступность информации о них, создание правовых и экономических условий в стране, регионе и различные меры социально-экономической поддержки со стороны государства. Стимулируют также благоприятные условия труда в организациях: стабильность и уверенность в завтрашнем дне, основанные на увеличении заработной платы, ее регулярной выплате, социальных гарантиях, а также социально-психологический климат в трудовом коллективе.

Среди факторов, негативно влияющих на экономическую активность бедных сельских жителей, эксперты считают основными пассивность и низкий уровень мотивации к труду. Значительно воздействуют также нестабиль-

ность, неуверенность в завтрашнем дне, основанные на отсутствии требуемых вакансий на рынке труда, сокращении и задержках заработной платы, низкий уровень жизни и часто вызванные этим иждивенческие настроения. Важными являются такие факторы внешней среды, как отсутствие заемных средств и сложность получения кредита, неблагоприятные условия труда, проблемы во взаимоотношениях с руководителями предприятия. Особое внимание руководители общественных организаций обратили на такие дестимулирующие факторы, как бюрократия, волокита, неправовые действия государственных чиновников (взяточничество, коррупция и др.), воровство и другие криминальные действия. Многое зависит также и от социально-экономических характеристик сельского бедного: преклонный возраст, плохое состояние здоровья, слабый социальный капитал (отсутствие рекомендаций и связей), неудовлетворенность своим положением, недостаточное образование, низкая квалификация и отсутствие опыта, личностные качества (эксперты здесь единодушно выделили такое качество, как лень). Директоров сельских предприятий не устраивает в работниках, среди которых значительную часть составляют бедные, в первую очередь равнодушие, безразличие к работе, недисциплинированность и пьянство.

Что может стать сегодня основным стимулом, мотиватором повышения экономической активности сельских бедных? ***Главным положительным стимулом экономической активности сельских бедных является***, по мнению экспертов, ***прежде всего увеличение оплаты труда***. Стимулируют также льготы на приобретение скота, кормов, дров, помощь в обучении в вузах детей работников, в улучшении их жилищных условий. Позитивно воздействуют и такие внешние факторы, как повышение доступности кредитов на ведение личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств, потребительских кредитов, создание рабочих мест, возрождение коллективных хозяйств и социальной сферы, повышение закупочных цен на сельхозпродукцию. На предприятии хорошими стимулами, по мнению директоров предприятий, могут стать денежные премии, улучшение условий отдыха и досуга работников (спортивные, культурные мероприятия). Среди санкций наиболее эффективными они считают увольнение недисциплинированных работников, реже – лишение премий и наказание работников за хищение имущества предприятия и небрежное отношение к нему.

Для выявления эффективных стратегий преодоления бедности и основных групп риска попадания в категорию бедных нами проведен сравнительный анализ особенностей социально-экономического положения и поведения трех групп бедных: 1) *«бывших обездоленных»* (тех, кто оценил материальное положение своей семьи в 2001 г. как наиболее неблагополучное, т.е. денег иногда не хватало на питание, но к настоящему времени их материальное положение улучшилось (условно говоря, «статус повысился») и семья является средней или относительно бедной); 2) *«постоянно обездоленных»* (тех, кто весь рассматриваемый период оставался обездоленным, статус сохранился) и

3) *«новых обездоленных», чье материальное положение ухудшилось до наиболее неблагополучного (статус снизился)* – табл. 6.1.

Таблица 6.1

Действия, предпринимаемые сельскими бедными для улучшения материального положения семьи

Действия	**Повысившие статус**	**Снизившие статус**	**Сохранившие статус**
Ничего, из-за возраста, здоровья	29,2	31,9	40,1
Ничего, по другим причинам	4,2	5,6	4,7
Поиск основной работы	16,7	29,2	24,5
Поиск дополнительной работы	20,8	22,2	20,3
Смена работы на более оплачиваемую	20,8	2,8	3,6
Дополнительная занятость в своем селе	16,7	1,4	7,8
Заработки в райцентре, городе, другом регионе	10,4	4,2	1,6
Расширение личного подсобного хозяйства	12,5	5,6	5,7
Открытие собственного дела, посредническая деятельность	0,0	0,0	1,0
Обучение, переподготовка	0,0	2,8	0,0
Получение статуса безработного	2,1	12,5	5,2
Требования своевременной выплаты заработной платы	6,3	4,2	1,6
Получение безвозмездной помощи родственников	4,2	9,7	5,7
Увеличение интенсивности труда	0,0	2,8	0,0
Улучшение жилищных условий	0,0	0,0	0,5
Затрудняюсь ответить	4,2	2,8	5,7

Источник: данные опроса 2011 г.

Как показали результаты исследования, изначально более выгодные социально-экономические позиции и активное использование выигрышных стратегий социально-экономической активности позволили существенной части обездоленных улучшить свое социально-экономическое положение и являются основой успешного преодоления бедности в дальнейшем (табл. 6.2). К сельским бедным с выгодными позициями относятся преимущественно имеющие высокое образование, наемные работники, женщины, а также проживающие в крупных селах (даже удаленных от городов), сельские жители, имеющие семью. Среди эффективных стратегий, реализованных за последние три года (на момент опроса весной 2011 г.) – основная и дополнительная занятость на экономически выгодных рабочих местах, активный поиск такой работы и трудоустройство, трудовая миграция, требования повышения заработной платы и регулярности ее выплат, повышение образования и др. Среди бывших обездоленных меньше всего тех, кто не предпринимал специально никаких действий для улучшению материального положения своей семьи.

По мнению экспертов, ***наиболее эффективной стратегией экономической активности по преодолению бедности является открытие своего дела.*** Кроме того, помогает улучшению материального положения, преодолению бедности интенсивная занятость в семейном крестьянском хозяйстве. Выгодными стратегиями в этом отношении являются также получение образования и повышение квалификации, переезд в город, подработка поездками в город или другой регион. Необходимым условием является также высокая трудовая мотивация самого бедного.

Анализ основных характеристик сельских бедных, сохранивших наиболее неблагополучное положение и ухудшивших позиции, показал, что в их число вошли преимущественно ***пенсионеры, имеющие низкий уровень образования (часто без профессионального образования), длительно или постоянно безработные, мужчины, жители небольших периферийных сел, а также злоупотребляющие алкоголем***. Для таких категорий сельских жителей характерны проигрышные позиции и стратегии социально-экономической активности, и именно они являются ***основными группами риска бедности***.

* * *

Анализ социально-экономической активности как социального механизма формирования и преодоления сельской бедности позволил получить следующие выводы.

1. Социально-экономическая активность бедных характеризуется реализацией преимущественно традиционных стратегий и отчасти деструктивных для самого бедного из-за чрезмерной нагрузки и негативного воздействия на здоровье. К основным социально-экономическим стратегиям сельских бедных относятся поиск основной работы, дополнительная занятость и ее поиск, расширение семейного крестьянского подворья. Значительную долю составляют те, кто не предпринимал ничего из-за состояния возраста и здоровья или другим причинам.

2. В сравнении с более благополучными в материальном отношении сельскими бедными поведение обездоленных отличается меньшей активностью, более частым использованием «пассивных» форм (обращение за помощью к родственникам) и форм вынужденной активности (таких как поиск основной и дополнительной работы и др.). Почти половина обездоленных не предпринимала и не планирует специально предпринимать никаких усилий для улучшения своего материального положения; эта величина почти в два раза больше, чем в группе относительно бедных, наблюдается также заметное превышение в сравнении с «середняками». Кроме причин объективного характера, предопределивших пассивный тип экономического поведения (сокращение рабочих мест, здоровье и др.), обездоленные отметили *«отсутствие необходимости в осуществлении этих действий»*, их *«устраивает существующее положение»*.

Таким образом, результаты наших исследований в очередной раз подтвердили выводы социологов о том, что низкий уровень доходов и материального положения, их сокращение далеко за границы нормального социального воспроизводства приводят к резкому снижению трудовой и иных форм экономической мотивации, стимулов людей к улучшению своей жизни. Они все больше становятся пассивными в труде и в других видах социальных отношений, теряют веру *«в лучшую жизнь»*.

3. Сравнительный анализ реализованных и планируемых действий сельских жителей позволил выявить, с одной стороны, снижение потенциала поиска основной работы и получения помощи родственников, а с другой – увеличение потенциала поиска дополнительной работы и намерений развития ЛПХ.

4. Анализ динамики структуры доходов как результата социально-экономической активности сельских бедных показал, что лидирующие позиции занимают пенсии и социальные пособия, затем оплата труда и доходы от семейного подворья. С начала 2000-х выросла роль социальных трансфертов, приработков, кредитов и займов, упала значимость оплаты труда. Сформировалась высокая зависимость сельских бедных от социальных трансфертов: почти две трети респондентов получают пенсии, стипендии и различные пособия.

5. По оценкам экспертов, ведущими факторами социально-экономической активности сельских бедняков являются экономическая мотивация, стабильность и уверенность в завтрашнем дне, основанные на благоприятной ситуации на рынке труда, увеличении заработной платы, социальных гарантиях, поддержке государства.

6. Наиболее выигрышные стратегии активности занимают квалифицированные работники с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, молодежь старше 25 лет и представители среднего трудоспособного возраста, имеющие семьи, женщины, жители крупных сел (районных центров). Эксперты отнесли к наиболее активным на рынке труда квалифицированных наемных работников, мужчин, представителей среднего возраста.

Среди эффективных стратегий, приведших к улучшению материального положения семьи: основная и дополнительная занятость на экономически выгодных рабочих местах, активный поиск такой работы и трудоустройство, трудовая миграция, требования повышения заработной платы и регулярности ее выплат, повышение образования. Эксперты отмечают в качестве наиболее эффективной стратегии открытие своего дела.

7. Основными группами риска бедности являются: 1) *по месту проживания:* жители небольших периферийных сел (в отличие от жителей районных центров и сравнительно крупных сел); 2) *по статусу занятости и отраслевой принадлежности основного занятия*: безработные (особенно незанятые длительный период); 3) *по характеристикам социальной девиации*: злоупотребляющие алкоголем (к ним все больше добавляются в последнее

время страдающие наркоманией); 4) *по возрасту*: главным образом молодежь, преимущественно до 20-25 лет (хотя немало бедных и среди представителей старшего трудоспособного возраста); 5) по образованию и квалификации: с низким уровнем образования и квалификации, часто не имеющие профессионального образования; 6) *по полу:* мужчины чаще женщин (хотя гендерный фактор, по мнению большинства экспертов, особого значения не имеет).

6.3. Типология бедных сельских жителей по социально-экономическому положению и активности как инструмент политики преодоления бедности

Согласно методологии и методике исследования нами построена типология бедных сельских жителей по социально-экономическому положению и активности. Для построения типологии использовано три основания: 1) глубина бедности: по материальному положению сельских жителей выделяются обездоленные, средняя группа бедных и относительно бедные; 2) уровень социально-экономической активности и мотивации: выделяются пассивные, малоактивные (умеренно активные) и активные; 3) конструктивность и инновационность социально-экономических действий: выделяются бедные с конструктивными, деструктивными и смешанными стратегиями активности, оказывающими неоднозначное влияние на сельское сообщество, а также с традиционными и инновационными стратегиями. Инструментом формирования типологии является факторный и кластерный анализ.

Проведен факторный анализ показателей социально-экономической и политической активности сельских бедных. Сюда вошли прежде всего вопросы, касающиеся действий по улучшению материального положения семьи за последние три года, поведения в период безработицы и задержек по выплате зарплаты, а также поведения по отстаивании своих трудовых прав. Рассмотрены варианты разбиения совокупности признаков методом главных компонент на 14 факторов (естественное разбиение, 62% объясненной дисперсии), а также на 7-12 факторов при установленном ограничении. За основу взято разбиение на 9 факторов (47% объясненной дисперсии), имеющее сравнительно высокие значения факторных нагрузок (выше 0,5) минимум по 3-5 признакам каждый.

Затем проведен кластерный анализ методом K-means, где кроме данных признаков социальной активности использован признак глубины бедности на основе показателя материального положения семьи. Предварительно были рассмотрены варианты разбиения на 5-15 кластеров. Анализ показал, что вариант разделения на 12 кластеров дает наиболее эффективное решение с точки зрения наполненности и содержательной интерпретации 6 типообразующих кластеров. Особые точки были присоединены к этим 6 типам по критерию минимального расстояния между центрами кластеров. Дадим краткую характеристику каждому типу на основе показателей социально-эконо-

мического положения (особое внимание уделяя характеристике глубины бедности) и активности.

I тип – Самый низкий уровень бедности и высокий уровень социальной активности с традиционными и инновационными элементами (6,2% респондентов). Особенностью данного типа является преобладание наемных работников (65%) младшего и среднего трудоспособного возраста с самым высоким образованием в сравнении с другими типами. Здесь чаще можно встретить молодежь (29%), людей с высшим образованием (26%) и почти нет тех, кто не получил хотя бы среднее образование (6,5%). Этот тип образуют в основном жители Алтайского края, однако он больше других типов наполнен и населением Республики Алтай (32%). Представители данного типа проживают в малых и средних селах (61%, 52% – средних) в удаленных от городов районах (77%). Кроме того, у этого типа в большей мере женское лицо (58%).

Материальное положение семей в этом типе – одно из наиболее благополучных: ***почти нет обездоленных*** (3%) и ***большинство (61%) относительно бедных***. Здесь также чуть больше представлена ***средняя группа бедных*** в сравнении со всем массивом опрошенных: 47 против 40%. Основным источником доходов является ***заработная плата (74%)***, получаемая почти в половине случаев в таких видах экономической деятельности, как транспорт и услуги связи, образовательные услуги. Вторые по значимости источники доходов – ЛПХ (39%) и дополнительная занятость (29%).

Большинство представителей данного типа используют различные виды поиска основной и дополнительной работы, выезжали на заработки в другие села, города и регионы, меняли работу на более оплачиваемую. В большинстве случаев данная категория бедных не сталкивается с задержками зарплаты, но если это происходит, они активно ищут дополнительную работу. Те, кто в свое время оказался в ситуации безработицы, получали соответствующий статус и делали попытку открыть свое дело.

Здесь сконцентрированы сельские жители с ***потенциалом миграционной активности значительно выше среднего***: только 65% не желают уезжать из села, остальные настроены на отъезд, но подавляющая их масса не имеет для этого возможности (29% представителей этого типа).

II тип – Относительная бедность и сравнительно высокий уровень традиционной (неинновационной) социально-экономической активности (28,6% сельских бедных). Этот тип наполнен почти в равной степени как мужчинами, так и женщинами (51%), проживающими главным образом в Алтайском крае (90%), в крупных селах с численностью более 2 тыс. человек (76%), периферийных, удаленных от городов районах (85%). Данный тип образован в основном представителями среднего и старшего трудоспособного возраста (61%), а также почти на 30% его образует молодежь.

По материальному положению семьи этот тип, так же как и первый, – один из наиболее благополучных: ***самая высокая доля (64%) относительно бедных*** (при среднем значении, равном 47%) и только ***5% обездоленных***.

Зарплата является основным источником доходов, кроме того, в качестве второго источника в основном используются доходы от ЛПХ (37%).

Особенностью данного типа по статусу занятости является то, что он концентрирует самую высокую долю наемных работников (83%). Здесь проживают сельские жители с самым высоким уровнем начального и главным образом среднего профессионального образования (всего более 60%), 42% имеют среднее или неполное высшее профессиональное образование. Представители данного типа используют различные традиционные формы экономической активности для улучшения своего материального положения, в т.ч. дополнительную занятость, расширение семейного крестьянского хозяйства, получение помощи от родственников. При потере работы ищут любую подходящую работу, хотя такие случаи не являются массовыми. Однако они имеют невысокую социально-политическую активность на рынке труда, впрочем, характерную для села в целом: при задержках зарплаты подавляющее большинство из них ничего не предпринимает, но каждый пятый добивается выплаты.

В результате формирования относительно устойчивого социально-экономического положения представители данного типа имеют ***сравнительно низкий миграционный потенциал***, 72% не намерены куда-либо уезжать.

III тип – Средний уровень бедности и низкий уровень социальной активности. Это ***самый наполненный тип***, сюда входит 43% общей совокупности респондентов. Особенностью данного типа является то, что он образован в основном ***пенсионерами (56%)*** и представителями трудоспособного возраста (28% наемных работников), часто ***имеющими проблемы со здоровьем***. Соответственно в этот тип вошли в основном ***люди с самым низким уровнем образования*** в сравнении с другими типами: более половины имеют среднее общее образование или ниже среднего (их большинство – 35%), есть люди с начальным образованием и вовсе без него. Здесь больше жителей Алтайского края (более 90%), проживающих в больших селах (около 80%). У этого типа, так же как и у первого, преимущественно ***женское лицо (59%)***.

По материальному положению семьи в этом типе чуть больше представлена ***средняя группа бедных*** в сравнении со всем массивом опрошенных: 47 против 40%. Основными источниками доходов являются в основном ***пенсия (52%)***, а также зарплата (38%). Вторые по значимости источники доходов – ЛПХ и социальные пособия (29 и 24%).

Большинство представителей данного типа ***ничего не предпринимают для повышения материального положения семьи из-за возраста или здоровья*** (64%), при задержках зарплаты занимают денежные средства в долг у друзей или родственников. Здесь сконцентрированы представители ***самого низкого уровня потенциальной миграционной активности***: 84% не желают уезжать из села.

IV тип – Уровень бедности и социальной активности ниже среднего (12,2% опрошенных). Этот тип также образуют в основном ***женщины*** (59%), но ***с более высоким уровнем образования*** в сравнении с третьим ти-

пом: более половины имеют начальное или среднее профессиональное образование. Здесь также больше жителей Алтайского края (более 93%), но меньше проживающих в больших селах (72%). В данном типе – ***самая высокая доля молодежи*** (33%) и менее 5% пенсионеров.

Материальное положение семей в этом типе хуже среднего уровня. Здесь можно встретить ***больше обездоленных***: 18 против 13% в сравнении со всем массивом опрошенных бедных и меньше относительно бедных. Основными источниками доходов являются ***зарплата (64%***) в основном в сельском хозяйстве, а также в строительстве, торговле и в сфере муниципального управления. Вторые по значимости источники доходов – так же, как и в предыдущем типе, социальные пособия и доходы от ЛПХ (27 и 23%). Специфика данного типа проявляется в превалировании ***безработных*** (43%), а также ***наемных работников*** (39%) ***с низкой мотивацией и пассивным поведением***, т.е. не предпринимающих каких-либо действий из-за отсутствия возможности или нежелания что-либо изменить. При задержках зарплаты занятые обращаются за безвозмездной помощью к родственникам и друзьям. Безработные получают соответствующий статус, но большинство из них не ищет работу, объясняя это ***уходом за ребенком (***в семьях представителей этого типа проживает ***больше всего детей***: 116 на 100 семей), состоянием здоровья, многим «мешает» ***алкоголизм***.

Потенциальная миграционная активность – одна из самых низких (вторая после третьего типа): 75% не намерены уезжать, 18% не имеют для этого возможности.

V тип – Уровень бедности ниже среднего и крайне низкая социально-экономическая активность. Это самый немногочисленный тип: всего 3,8% респондентов. Спецификой является то, что этот тип с самой высокой долей людей среднего и старшего трудоспособного возраста (84%) с небольшим преобладанием мужчин. Здесь сосредоточены сельские бедные с самым низким уровнем профессионального образования: 65% не имеют такового, только 5% сельских жителей с высшим образованием. Представители этого типа проживают в подавляющем большинстве случаев в Алтайском крае (95%), в периферийных районах (74%), 68% – в крупных селах.

Главным образом здесь сконцентрированы ***безработные (84%)***, остальные ***работают по найму*** преимущественно ***в сельском хозяйстве*** (44% при 16% в целом по всем сельским бедным). Среди безработных ***почти никто не ищет работу***, объясняя это отсутствием вакантных рабочих мест в их селе, но только десятая часть оформила статус безработного. Занятые этого типа в период задержек с выплатой расходуют имеющиеся сбережения, живут за счет ЛПХ или занимают деньги у родственников и друзей. Разовые подработки были за последние три года у каждого пятого представителя этого типа, только десятая часть занимается развитием ЛПХ.

По материальному положению семьи здесь ***превалирует средняя группа бедных*** (более 47%), но ***обездоленных значительно больше среднего уровня*** по всем опрошенным (21 против 13,2%). Доходы формируются за

счет заработной платы (около 60% указало ее в качестве первого или второго по значимости источника), пенсии и различных пособий (более половины случаев), каких-либо подработок (более 20%). Для каждого четвертого-пятого представителя данного типа пособие по безработице выступает в качестве основного источника доходов.

Сложившаяся неблагополучная социально-экономического ситуация, отсутствие рабочих мест и перспектив трудоустройства формирует, с одной стороны, ***высокий уровень деструктивного поведения*** (каждый четвертый отмечает пьянство и алкоголизм как серьезную проблему, ухудшающую его материальное положение семьи), а с другой стороны – ***один из самых высоких уровней миграционного потенциала***: треть сельских бедных этого типа имеют желание покинуть свое село, и конкретные планы на отъезд уже есть у каждого пятого.

VI тип – Самый высокий уровень бедности при вынужденно низкой социально-экономической активности, с использованием традиционных и инновационных форм поиска работы (6,2% сельских бедных). Особенностью является то, что этот тип образуют только безработные, главным образом мужчины (77%) при том, что в целом среди сельских бедных, как и среди всего сельского населения, заметно преобладают женщины. Представители этого типа проживают в основном в средних и крупных селах Алтайского края, но так же, как и во втором типе, здесь около трети представителей Республики Алтай. Кроме неурбанизированных районов здесь самая высокая доля сосредоточения мест проживания в урбанизированных районах (36%).

Данный тип – самый молодой по возрасту: здесь ***нет пенсионеров и*** одна из ***самых высоких долей молодежи*** (32%). Большинство имеет профессиональное образование, причем доля сельских жителей с высшим образованием достаточно велика (19%).

Материальное положение семей представителей этого типа – самое неблагополучное. Здесь сконцентрировано ***больше всего обездоленных*** (их 42% при 13% в среднем по всему массиву респондентов) ***и меньше всего относительно бедных*** (26%). Доходы формируются за счет различных источников: это и зарплата кого-либо из членов семьи, и подработки, и социальные пособия; причем пособие по безработице не играет заметной роли. Поиск основной работы и временных подработок представителей данного типа не ограничивается традиционными формами экономической активности: большинство ищет любую подходящую работу, а не только работу по специальности (в основном они были заняты на строительных и сельскохозяйственных работах), каждый пятый уезжает на подработки в другие населенные пункты и регионы.

Как следствие сложившегося неблагополучного социально-экономического положения и отсутствия работы, в данном типе ***в наибольшей мере распространены пьянство и алкоголизм***; более трети рассматривает теперь эту проблему и как основное препятствие для улучшения материального положения. Большинство видят выход в переезде и в основном уже имеют кон-

кретные планы отъезда, здесь ***самый высокий уровень миграционного настроения***.

* * *

Таким образом, в результате факторного и кластерного анализа выделено шесть типов бедных сельских жителей, значительно различающихся по социально-экономическому положению и активности:

1 – самый низкий уровень бедности и высокий уровень социальной активности с традиционными и инновационными элементами;

2 – относительная бедность и сравнительно высокий уровень традиционной (неинновационной) социально-экономической активности;

3 – средний уровень бедности и низкий уровень социальной активности;

4 – уровень бедности и социальной активности ниже среднего;

5 – уровень бедности ниже среднего и крайне низкая социально-экономическая активность;

6 – самый высокий уровень бедности при вынужденно низкой социально-экономической активности (с использованием традиционных и инновационных форм поиска работы).

Для эффективного решения проблем сельской бедности требуется разработка дифференцированных политик с учетом выделенных особенностей социально-экономического положения и активности различных социальных групп сельских бедных. В основе разработки таких политик могут лежать полученные нами результаты типологического анализа.

Первые два типа, охватывая в совокупности около 35% сельских бедных, являются сравнительно благополучными по выделенным показателям, отличаясь в первую очередь использованием различных по конструктивности и инновационности форм и стратегий активности. Стратегии социально-экономической активности представителей этих типов должны стать основой, «точками роста» для политики преодоления бедности на селе. Необходимо создавать условия для повышения экономической активности как механизм быстрого выхода из ситуации бедности. Здесь не нужны огромные по масштабам инвестиции, наиболее уместны экономические стимулы для открытия своего дела в области сельского хозяйства и сельхозпереработки, сельского туризма и других инфраструктурообразующих видах деятельности (кредитование, страхование урожая, госзаказ на сельхозпродукцию, грантовая поддержка и др.).

Средний тип, наполненный сельскими пенсионерами и людьми с проблемами здоровья, требует существенно больше внимания в таких традиционных направлениях политики, как социальное и пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание.

Последние два типа имеют наиболее неблагоприятные характеристики социально-экономического положения и активности и наиболее высокий потенциал миграции. Сюда входят только 10% всех сельских бедных, но имен-

но они должны стать ***объектом особого внимания социальной политики*** с учетом специфики их проблем. Кроме того, к ним примыкают и представители четвертого типа, где так же, как и шестом типе, много молодежи, но (в отличие от него) с низкой мотивацией и не нацеленной на отъезд из села.

В частности, ключевым направлением решения проблем этих бедных должны стать активные политики занятости, поддержка малого бизнеса, инновационных (в т.ч. дистанционных) форм экономической деятельности в первую очередь в сельском хозяйстве и сельхозпереработке как системообразующих для сельского социума. Кроме того, важнейшими мерами социальной политики государства и органов местного самоуправления должны стать массированная (а не *«крошечно-точечная»*, по словам экспертов) социальная поддержка молодежи и молодых семей в области обеспечения жильем, детей детским садами, поскольку серьезным ограничителем для молодежи является именно создание семьи и рождение детей. Но поскольку решение проблем сельской молодежи должно являться комплексным, включать все стороны жизнедеятельности, например, культурно-досуговую сферу, то можно использовать идею создания сельских территориальных кластеров там, где это в первую очередь необходимо региону для реализации стратегических направлений его социально-экономического развития.

6.4. Репродуктивные и миграционные установки как социальные последствия сельской бедности

Репродуктивные установки сельских бедных. По данным социологического опроса, 16% сельских жителей моложе 45 лет были намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка, 14% – двух и 1% – трех. Вместе с тем почти 70% респондентов не хотели (или «больше не планировали») заводить детей, из них 8% – по состоянию здоровья, примерно четверть – из-за низких доходов и плохих жилищных условий и около 56% – «просто не хотели». По оценке одного из экспертов «около 70% семей, имеющих двух и более детей – это бедные семьи. Потому что сегодня иметь детей – большая роскошь. А семьи с тремя детьми – идут уже с минусом от прожиточного минимума. Мы проехали 48 районов и видели проблемы этих людей».

Репродуктивные планы сельских жителей существенно дифференцированы в зависимости от их социально-демографических, социально-экономических и социально-психологических характеристик (табл. 6.2).

Больше других социальных групп детей хотели: мужчины, лица в возрасте до 24 лет, холостые и не замужем, с более низким уровнем образования, экономически неактивные, материально лучше обеспеченные, проживающие с родителями, уверенные в настоящем и с оптимизмом смотрящие в будущее.

Миграционные установки сельских бедных. Результаты исследования показали, что 23,4% бедных от общей выборки опрошенных желали сменить место жительства. Из них 56,4% ***хотели бы*** сменить место жительства,

но не было возможности. Это было обусловлено различными причинами, такими как: отсутствие денег на переезд (83,3%), здоровья (25,8%), возраст (19,7%), неуверенность, неустроенность после переезда (6,1%), отсутствие работы на новом месте и жилья получили одинаковые оценки среди опрошенных (1,5%).

Таблица 6.2

Распределение ответов сельских жителей на вопрос «Намерены ли Вы (еще) иметь детей?», %

Характеристики		да	нет
В целом по массиву		31,1	68,9
Пол	мужчины	40,4	59,6
	женщины	23,7	76,3
Возраст	18–24 лет	68,8	31,2
	25–9 лет	35,6	64,4
	30–45 лет	16,1	83,9
	46–59 лет	-	-
	60 лет и более	-	-
Семейное положение	женат (замужем)	28,7	71,3
	неженат (незамужем)	34,7	65,3
Наличие детей	1 ребенок	37,8	62,2
	2 ребенка	16,7	83,3
	3 ребенка и более	10,0	90,0
Образование	начальное и основное общее	17,2	82,8
	среднее общее и начальное профессиональное	36,8	63,2
	среднее профессиональное и неполное высшее	29,3	70,7
	высшее	29,4	70,6
Занятость	занятые в экономике	31,1	68,9
	безработные	21,6	78,4
	экономически неактивное население	42,9	57,1
Материальное положение	обездоленные	11,5	88,5
	бедные	22,1	77,9
	относительно бедные	40,9	59,1
Жилищные условия	живут в собственном доме, квартире	30,5	69,5
	снимают жилье	33,3	66,7
	живут с родителями	37,5	62,5
	живут в служебной квартире	12,5	87,5
Психологическое состояние	уверены в настоящем и будущем	42,9	57,1
	состояние равнодушное	22,2	77,8
	испытываю беспокойство, неуверенность	33,3	66,7
	испытываю сильное напряжение, раздражение	16,2	83,8
	Неуверенность в будущем – своем и своих детей	0	100,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011, оценки и расчеты авторов.

Среди тех, кто не указал какие-либо препятствия, 15,4% планировали уехать в город своего края (республики), 10,3% еще не знали, куда именно, но обязательно собирались уехать, 6,8% – в другой регион России. Наиболее привлекательным для бедных потенциальных мигрантов являлся Краснодарский край. На остальные регионы приходилось не более 0,13% потенциальных бедных мигрантов (это такие субъекты, как Приморский край, Урал, Кемеровская область). Около 10% планировали сменить место жительства в пределах сельской местности, так, 6% хотели бы сменить место жительства в пределах своего села, 2,6% – уехать в другое село другого района, 1,7% – в другое село того же района, в котором жили, и 0,9% – в другую страну (рис. 6.11).

Причины, которые стимулировали миграционные намерения сельских жителей, разнообразны (рис. 6.12). ***Первое место среди причин занимало отсутствие в селе рабочих мест (47,2%).***

Данный вопрос был детализирован в анкете, что позволило увидеть следующие результаты: сельских жителей стимулировало отсутствие, прежде всего, хорошо оплачиваемой работы (60,5%), отсутствие работы как таковой (34,5%), работы, подходящей по специальности (19%), работы по состоянию здоровья (10,3%).

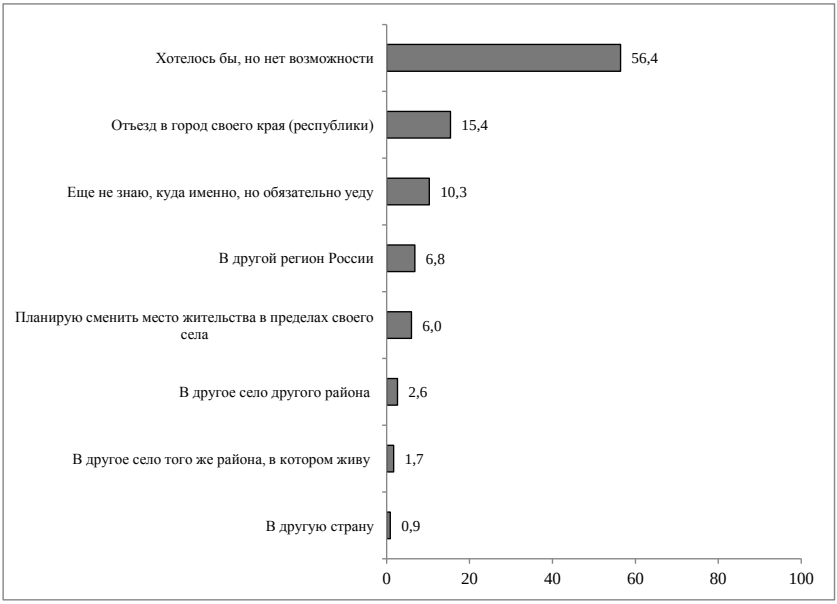


Рис. 6.11. Вектор миграционных установок сельских бедных, %

По мнению представителей региональных органов власти, главной причиной миграции молодежи являлось отсутствие рабочих мест: *«Надо сказать, что 90% молодежи на селе никак не связывают свою жизнь с селом,*

никак. Это только, если, может быть, крепкое фермерское хозяйство и сумел с раннего возраста подготовить его (сына) как специалиста, и он может продолжить дело отца. Но 90% связывают все равно свое будущее только с отъездом куда-то за пределы (села). ***Потому что никаких рабочих мест на селе нет»*** (бывший руководитель законодательного органа управления регионом).

Рис. 6.12. Причины формирования миграционных установок сельских бедных, %

Следующим фактором являлось улучшение материального положения семьи (40,8%), отсутствие перспектив для (будущих) детей (40,8%). По материалам глубинного интервью, по мнению экспертов-представителей региональных органов власти, эта причина играла немаловажную роль в формировании миграционных установок: *«Я знаю, мало-мало кто-нибудь «выбивается в люди» в деревне. Он немедленно собирается и переезжает в город. И своим ребятишкам он, загодя, наказывает: «Ты, вот, закончил школу, давай определяйся». Сейчас у нас даже быков нету, а раньше угрожали: «Пойдешь быкам хвосты крутить!»* (уполномоченный по правам человека в регионе).

Далее в качестве причин указывались жилищные проблемы, отсутствие коммунальных удобств (24% опрошенных): *«Для молодежи самое главное – это жилье и это, безусловно, работа. И в этих направлениях в Алтайском крае, в частности, идет у нас развитие. Тех программ, которые есть. Это «Жилье – молодежи села» – программа работает. И создаются через службу занятости рабочие места. Эти два направления достаточно эффективны. При социальной ответственности самого молодого человека и при профессиональных навыках и желании работать»* (руководитель органа социальной защиты региона).

Неблагоустроенность поселения (23,2% респондентов), по мнению представителей региональных органов власти, играла немаловажную роль

при формировании желания покинуть село: *«… должны быть условия для более интенсивного труда с тем, чтобы получать более высокий заработок и решить свои социальные проблемы. Но если в селе нет школы, нет медпункта, даже эти условия не будут влиять на закрепление молодежи. Молодежь все равно уйдет…. О будущем все равно каждый человек думает. Уж если не о своем, то о будущем детей»* (уполномоченный по правам человека в регионе). В качестве причин также указывались улучшение медицинского обслуживания (11,2%), получение профессионального образования (8%) и семейные обстоятельства (9,2%).

Учитывая причины формирования миграционных установок и принимая во внимание социально-экономическое положение бедных потенциальных мигрантов, нами было обнаружено увеличение обездоленной и средней бедной группы населения (на основании сравнения положения бедных мигрантов в 2001 и 2011 гг.) – рис. 6.13–6.14.

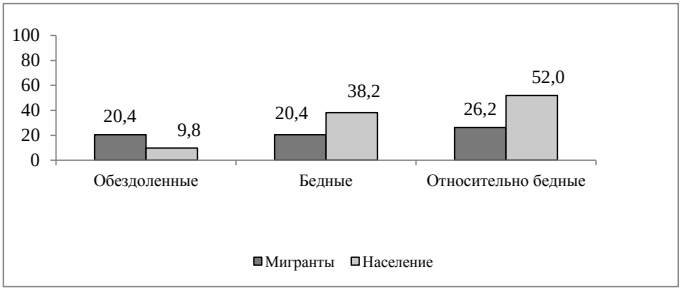


Рис. 6.13. Материальное положение семей сельского населения и бедных потенциальных мигрантов в 2001 г., %

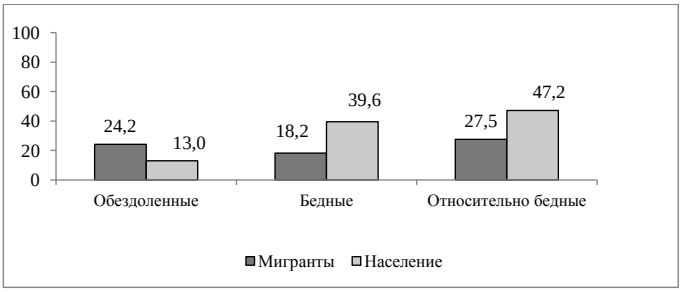


Рис. 6.14. Материальное положение семей сельского населения и бедных потенциальных мигрантов в 2011 г., %

Таким образом, материальный фактор являлся ведущим среди всех остальных при формировании миграционных установок сельских бедных. Это проявлялось в таких причинах, как отсутствие рабочих мест, улучшение материального положения, отсутствие перспектив для (будущих) детей и т.д.

При изучении материального положения семей бедных потенциальных мигрантов и причин формирования их миграционных установок немаловажным являлся статус занятости.

Значительная часть сельских бедных, которые хотели сменить место жительства, являлись студентами, учащимися и безработными. Это соответствовало главной причине формирования миграционных установок сельских бедных – отсутствию рабочих мест.

Анализ бедных потенциальных мигрантов по длительности проживания в населенном пункте позволил получить следующие результаты: желание сменить место жительства было характерно в большей степени для тех, кто проживал в сельской местности более продолжительное время. Так, 51,2% потенциальных мигрантов с рождения проживали в селе, 33% проживали более 10 лет, 6,8% – от 1 года до 5 лет, 5,9% – от 5 до 10 лет, 2,6% – до 1 года. Так как среди бедных потенциальных мигрантов есть те, кто жил не с рождения в населенном пункте, мы обратили внимание на то, где они проживали раньше (до переезда в обследуемый населенный пункт). Около половины бедных мигрантов приехали из других сел России (50,8% опрошенных), из городов России (26,3%), из села – районного центра России (8,8%), из села – районного центра стран ближнего и дальнего зарубежья (8,8%), остальные мигранты приехали из городов, поселков городского типа стран ближнего и дальнего зарубежья (3,5%), поселков городского типа России (1,8%). Принимая во внимание численность поселений, выявлено, что 35% потенциальных мигрантов из малых и средних поселений, 65% – из больших поселений.

Сравнение бедных потенциальных мигрантов по географическому признаку показало, что количество желающих сменить место жительства примерно одинаково: Алтайский край – 23,6%, Республика Алтай – 21,7%. ***Значительная доля потенциальных мигрантов из неурбанизированных (69,2%), из слабоурбанизированных районов (17,9%), 12,8% из урбанизированных*** (рис. 6.15).

По гендерному признаку потенциальные мигранты распределились следующим образом: 47,9% мужчин, 52,1% женщин; по возрасту среди потенциальных бедных мигрантов значительную долю составляли лица среднего и старшего трудоспособного возраста (46,2%), молодежь занимала второе место, не уступая в количестве (41,9%), доля пенсионеров была наименьшей и равнялась 12% соответственно.

Анализ полученных данных показал, что значимая часть сельских жителей желала покинуть сельскую местность (23,4%). Главные причины желания сменить место жительства – отсутствие рабочих мест в селе, улучшение материального положения, отсутствие перспектив для (будущих) детей. Отсутствие рабочих мест в селе являлось главной причиной, так как значительная часть бедных потенциальных мигрантов – безработные.

Такие факторы, как место и время проживания бедных мигрантов, не влияют на миграционные установки бедных сельских жителей, так как желание сменить место жительства встречалось в равной степени как среди коренных сельских жителей, так и среди приезжих.

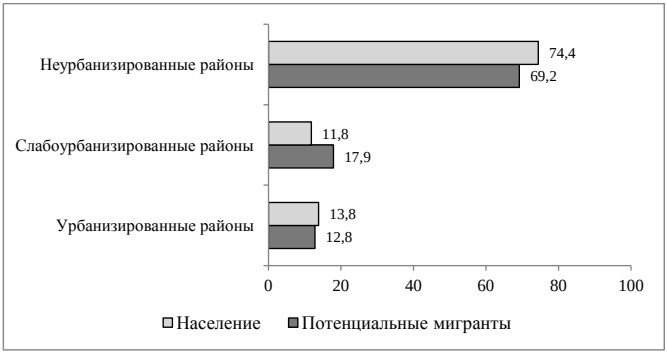


Рис. 6.15. Распределение населения и бедных потенциальных мигрантов, проживающих в районах с разным уровнем урбанизированности, %

Соотнесение миграционных установок сельских бедных и уровня урбанизированности районов показало, что значительная часть бедных потенциальных мигрантов – из слабоурбанизированных районов.

И женщины, и мужчины в равной степени желали покинуть сельскую местность, т.е. пол не оказывал существенного влияния на формирование миграционных установок. Наибольшее желание сменить место жительства высказывали лица среднего и старшего трудоспособного возраста, но молодежь несущественно уступала количественно по этому показателю. Как показал экспертный опрос представителей власти, больше половины экспертов считали наиболее важными проблемами безработицу, отсутствие рабочих мест, низкий уровень оплаты труда; больше одной трети, но менее половины экспертов к числу наиболее острых проблем относят миграцию молодежи из села. Такое же количество экспертов считало, что ситуация в селе не изменится, и в качестве одной из причин стагнации они называли отток молодежи из села. По материалам глубинного интервью с представителями региональных органов власти можно сделать вывод, что молодежь необходимо закреплять на селе, применяя различные меры: *«Как останется молодой человек? Новый трактор. Останется парень работать, если Джон Дир или Нью Холанд, придет, или наш трактор К-700. Конечно, останется. Дальше. Вот он женился. Раньше от 10 до 20 квартир каждое хозяйство строило. Дали ключи от построенной квартиры – это вторая сторона дела. Третье, Вышел на этом тракторе, почему он должен 3 тысячи в месяц получать-то? Надо отдать ему 15 или 20 тысяч, потому что средняя зарплата по Барнаулу сейчас сколько будет, 17 тысяч?»* (уполномоченный по правам человека в регионе).

Таким образом, отсутствие рабочих мест является одной из главных проблем, которая требует особого внимания со стороны государства, и молодежь как самая мобильная и ресурсная социально-демографическая группа, от которой, возможно, зависит существование и развитие села как населенного пункта. Об этом говорят и представители региональных органов власти:

«*Все брошено. Строят, кто, где вздумал, кто – ничего, поэтому в такой деревне молодежь жить, работать не будет. Она (молодежь) будет уходить куда-то. И самое страшное, что она смотрит уже не на Барнаул, она смотрит на Москву, на Санкт-Петербург, а та молодежь смотрит на Лондон. А Россия останется без защитников в прямом и переносном смысле и без кормильцев»* (бывший руководитель законодательного органа управления регионом).

* * *

Анализ репродуктивных и миграционных установок сельских бедных жителей показал следующее.

1. Менее трети бедных сельских жителей моложе 45 лет были намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка и почти 70% не хотели (или «больше не планировали») заводить детей, из них лишь 8% – по состоянию здоровья и 80% – из-за низких доходов, плохих жилищных условий или «просто не хотят». Репродуктивные планы сельских жителей существенно дифференцированы в зависимости от их социально-демографических, социально-экономических и социально-психологических характеристик. Больше других социальных групп детей хотели: мужчины, лица в возрасте до 24 лет, холостые и не замужем, с более низким уровнем образования, экономически неактивные, материально лучше обеспеченные, проживающие с родителями, уверенные в настоящем и с оптимизмом смотрящие в будущее.

2. Выявлен значительный потенциал миграции среди сельских бедных: 23,4% респондентов желали покинуть свое место жительства. Первое место среди причин формирования миграционных установок сельских жителей занимало отсутствие в селе рабочих мест (47,2%). В тройку лидеров выталкивающих факторов также вошли: желание улучшить материальное положение семьи и отсутствие перспектив для (будущих) детей (по 40,8%).

3. Масштабы ухудшения материального положения семей потенциальных мигрантов соответствовали аналогичному показателю для всего бедного сельского населения. Так, доля обездоленных увеличилась как среди сельского населения в целом, так и среди мигрантов: в 2011 г. – 13% в общей выборке и 24,2% среди потенциальных бедных мигрантов, в 2001 г. – 9,8 и 20,4% соответственно.

4. Основными группами потенциальных мигрантов являлись: молодежь (45,8%), безработные (38,9%), жители малых и средних поселений (34,5%), слабоурбанизированных районов (35,6%). Пол не оказывал существенного влияния на формирование миграционных установок: и мужчины, и женщины в равной степени желали покинуть сельскую местность.

5. Желание покинуть села проявляли в большей степени относительно бедные (28%) и обездоленные (24%), в средней группе таковых 18%.

Глава 7. ПОЛИТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

7.1. Исторический ракурс и современные акценты в государственной политике преодоления бедности

Эффективность государственной политики преодоления бедности в настоящее время зависит от того, насколько будут сконцентрированы меры по борьбе с бедностью в местах ее локализации, насколько точно будут учтены особенности социально-экономического положения и активности самих бедных. В связи с этим рассмотрим, как менялась государственная политика по преодолению бедности сельского населения и каковы ее современные результаты в стране и ее регионах (на примере Алтайского края).

Исторические этапы борьбы с сельской бедностью в России. Еще в дохристианской России благотворительность и помощь нуждающимся проявлялась в разнообразных формах, носила характер родственной и соседской взаимовыручки, заключалась в кормлении, одевании, приюте наименее защищенных членов общины. С принятием христианства на Руси благотворительность приняла направление «нищелюбия», и долгое время поддержка бедных была связана с церковью. На содержание церкви княжеским уставом была определена десятая часть княжеских доходов. При монастырях возникали больницы, приюты.

Формирование государственной помощи бедным (точнее, нищим) было заложено решением в 1551 г. на Стоглавом соборе (во времена Ивана Грозного) о строительстве в каждом городе богаделен и больниц за счет средств частных лиц, расходы которых контролировались не только духовенством, но и должностными лицами (в частности, для пресечения лженищенства).

Далее развитие государственной политики по поддержке бедных происходило в направлении формирования инфраструктуры социального обеспечения, охраны здоровья, образования и трудоустройства:

– создание приказов по призрению бедных в царствование Алексея Михайловича;

– распределение нетрудоспособных нищих по богадельням, обеспечение здоровых нищих работой во времена Федора Алексеевича;

– строительство сиротских домов, больниц и домов призрения, распределение лженищих и попрошаек на каторжные работы в период правления Петра I;

– создание в каждой губернии приказов общественного призрения, открытие под государственным контролем народных школ, заведений для умалишенных, больниц, сиротских и смирительных домов, воспитательных домов для незаконнорожденных младенцев при Екатерине II;

– открытие благотворительных больниц для бедных, воспитательных домов для глухонемых и слепых детей, вдовьих домов для вдов военнослужащих и чиновников при императрице Марии Федоровне;

– учреждение Человеколюбивого общества, заботящегося о бедных, больных и сиротах при Александре I.

С середины до конца XIX в. происходит децентрализация социального призрения и обеспечения (основная нагрузка в оказании социальной помощи нуждающимся передается на уровень городского и земского (сельского) общественного самоуправления), наблюдается развитие адресности в оказании помощи и профилактики обнищания людей. В функции дум и управ, земских органов входили попечение о призрении бедных и о прекращении нищенства, устройство и заведывание благотворительными и лечебными заведениями, участие в мероприятиях по охране народного здравия[1].

Современная ситуация в политике преодоления бедности определяется во многом наследием советского периода. В СССР малообеспеченными признавались семьи, чьи доходы существенно отставали от среднего по стране уровня материальной обеспеченности. Поддержка малообеспеченных осуществлялась главным образом с помощью пособий, в том числе в натуральной форме.

С 1917 по 1953 гг. крестьяне, составляющие основную часть населения страны, были полностью исключены из системы социального страхования и обеспечения[2]. Основными видами помощи нуждающимся на селе, оказываемыми крестьянскими комитетами общественной взаимопомощи, были пособия, ссуды, вспашка полей, уборка урожая, финансовая поддержка школ, больниц, инвалидных домов и т.д. В 1931 г. на смену крестьянским комитетам взаимопомощи пришли кассы взаимопомощи колхозников, которые могли создавать дома для престарелых, оказывать финансовую и натуральную помощь при болезни, увечье, беременности[3].

В период «хрущевской оттепели» (1953-1964 гг.) были реализованы многочисленные меры социальной политики, связанные с повышением зарплаты в госсекторе, размеров пенсий и пособий, продолжительности оплачиваемого отпуска, сокращение рабочей недели, пенсионного возраста рабочих и др. Позитивный эффект мер социальной политики почувствовали главным образом горожане, а колхозники оставались по-прежнему лишенными полного гражданства (они не имели ни паспортов, ни права свободного передвижения за пределы мест постоянного проживания), государственных пенсий, а пенсионный возраст наступал для них на пять лет позже, чем для других ра-

---

[1] Холостова Е.И. Теория социальной работы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.univer5.ru/sotsialnaya-rabota/teoriya-sotsialnoy-rabotyi-holostova-e.i.-334.html.

[2] Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность / под редакцией П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. 432 с.

[3] Холостова Е.И., Черняк, Е.М., Чупина Г.Н. Сельская семья и социальная работа [Текст]. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2005. С. 42-44.

ботающих[1]. С 1964 г. схема социальной защиты была существенно расширена, она стала охватывать крестьянство, что было связано с послевоенным демографическим спадом и фактической депопуляцией сельской местности, в т.ч. вследствие миграции сельских жителей в города после выдачи паспортов в 1960-х гг.

В период «брежневского застоя» (1964-1985 гг.) сельскохозяйственным рабочим был предоставлен гарантированный стабильный минимум заработной платы, социальные пособия для колхозников повышены до уровня остального населения[2]. В 1970-е гг. введены пособия на малообеспеченных детей. Основными признаками категории малообеспеченных были демографические (возраст, здоровье, утрата кормильца, повышенная иждивенческая нагрузка на работающего члена семьи)[3]. Территориальные различия также имели некоторое значение: признавалось неравенство в экономическом развитии регионов, между городом и деревней.

Особенность политики по сокращению и профилактике малообеспеченности в СССР состояла в том, что она основывалась преимущественно на макрорегуляторах (например, сбалансированность низкой заработной платы и низких потребительских цен, доступность социокультурных и социобытовых услуг), а не на индивидуальной организации помощи семье и личности. Индивидуальная помощь проявлялась в виде пособий на малообеспеченных детей, но она не была масштабной[4].

Федеральная политика преодоления бедности сельского населения в современной России. Рыночные реформы российского общества показали, что традиционно поддерживаемый государством аграрный сектор оказался не способным к самостоятельному функционированию. Это привело к масштабным деструктивным социально-экономических процессам в сельском сообществе: массовому сокращению рабочих мест, падению доходов и ухудшению качества жизни, разрушению социальной и производственной инфраструктуры и как следствие, концентрации бедности в селах.

Эффективные методы борьбы с бедностью (в том числе и сельской) не принимались до второй половины 1990-х гг., хотя данная проблема остро проявилась и была осознана учеными и управленцами. Законодательные основы федеральной политики преодоления бедности в 1990-х гг. были заложены в Конституции Российской Федерации, федеральных законах «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1,

---

[1] Ярская-Смирнова Е., Романов П., Лебина Н. Советская социальная политика и повседневность, 1940–1980-е [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gosbook.ru/document 3237632409preview.

[2] Ярская-Смирнова Е., Романов П., Лебина Н. Советская социальная политика и повседневность, 1940–1980-е [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gosbook.ru/ document 3237632409preview.

[3] Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: Издательство «Экзамен», 2002. С. 152.

[4] Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: Издательство «Экзамен», 2002. С. 156.

«О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ, «О государственных пособиях гражданам, имеющих детей» от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ, «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 02 августа 1995 г. № 122-ФЗ, «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ и др.

Еще до середины 1990-х гг. Министерством социальной защиты населения Российской Федерации под руководством Э. Памфиловой была разработана (но не принята) «Программа по предотвращению нищеты и по борьбе с бедностью», где предлагалось четкое разделение уровня федеральной и региональной поддержки, изменение политики доходов, комплексный подход к расширению рынка труда и политики занятости, введение прожиточного минимума. Одним из первых инструментов в решении проблемы бедности является закон № 143-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24 октября 1997 г., поскольку прожиточный минимум предназначен для оценки уровня жизни населения при разработке и реализации социальной политики, федеральных и региональных социальных программ, для обоснования устанавливаемых на федеральном уровне минимального размера оплаты труда, размеров пособий и других социальных выплат, оказания социальной помощи малоимущим гражданам и др.

До середины 2000-х гг. решение проблемы бедности осуществлялось через многочисленные разрозненные программы социальной поддержки населения, лишь с принятием в 2004 г. Федерального закона № 122, получившего в просторечии название «О монетизации социальных льгот», была значительно модернизирована система социальной поддержки путем замены части натуральных льгот денежными компенсациями, разграничения полномочий федеральных и региональных органов власти. Новый этап решения проблемы бедности начался в 2004 г. с объявления президентом РФ В. Путиным борьбы с бедностью в качестве важнейшей задачи государства. Поскольку проблема является комплексной, ее решение должно быть связано прежде всего с созданием «социальных лифтов» (повышением вертикальной социальной мобильности). Такими «социальными лифтами» являются образовательная политика, улучшение здоровья населения, обеспечение жильем, эффективные рабочие места, что нашло отражение в приоритетных национальных проектах и в долгосрочных программах по данным направлениям, среднесрочных и краткосрочных программах занятости населения.

Политика преодоления бедности в России получила сельскую проекцию с принятием в 2002 г. Федеральной программы *«Социальное развитие села до 2013 г.»*, нацеленной на повышение уровня и качества жизни сельского населения на основе развития социальной инфраструктуры и инженерного обустройства сельских населенных пунктов, создания условий для улучшения социально-демографической ситуации, расширение рынка труда и обеспечение его привлекательности. Реализация Программы осуществляется в 3 этапа. На I этапе (2003-2005 гг.) обеспечиваются совершенствование нормативно-правовой, организационно-управленческой и научно-методичес-

кой базы социального развития села и создание условий, минимально необходимых для реализации социальных гарантий, установленных законодательством Российской Федерации. На II этапе (2006-2010 гг.) предусматривается переход к формированию в сельской местности условий, обеспечивающих более высокие уровень и качество жизни. На III этапе (2011-2013 гг.) предполагается повышение уровня и качества жизни сельского населения, необходимых для улучшения демографической ситуации и формирования высокопрофессиональных трудовых кадров села в целях обеспечения устойчивого развития сельских территорий и выполнения мероприятий Программы по наращиванию объемов сельскохозяйственного производства.

В реализации I этапа приняли участие 76 субъектов Российской Федерации, в том числе и Алтайский край, где была принята соответствующая краевая программа. Основными приоритетными направлениями I этапа Программы являлись жилищное строительство, газификация, водоснабжение, развитие средств связи общего пользования и строительство автомобильных дорог в сельской местности. За 3 года реализации первого этапа Программы введено 6039 тыс. кв. м жилья, что в 2,2 раза больше плановых заданий. Свыше 75 тыс. сельских семей смогли приобрести благоустроенное жилье. Введено в действие 22,69 тыс. км распределительных газовых сетей (в 2,3 раза больше плановых заданий), газифицировано 286,5 тыс. квартир (при плановом задании 122 тыс. квартир), введена в действие 51 газонаполнительная станция. Прирост емкостей телефонной сети составил 722,5 тыс. номеров (114%). Введены в действие новые объекты социальной сферы, в том числе общеобразовательные школы на 51,8 тыс. мест, детские дошкольные учреждения на 3,65 тыс. мест, районные и участковые больницы на 4,8 тыс. коек, амбулаторно-поликлинические учреждения на 5,7 тыс. посещений в смену, 130 фельдшерско-акушерских пунктов, 146 спортивных сооружений, а также клубные учреждения на 18,9 тыс. мест. В 17 сельских районах открылись информационно-консультационные центры.

Вместе с тем из-за дефицита средств бюджетов субъектов Российской Федерации не удалось в полном объеме реализовать отдельные мероприятия Программы, в том числе по развитию сети организаций социальной сферы села, строительство которых осуществлялось преимущественно за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации. Не все регионы смогли разработать механизм замещения выбывающих источников финансирования инвестиционных проектов за счет привлечения средств внебюджетных источников.

В течение II этапа реализации Программы (2006-2010 гг.) построено или приобретено 6 889,75 тыс. кв. м жилья для сельских жителей, в том числе 2 849, 04 тыс. кв. м для молодых семей и молодых специалистов. Введено в эксплуатацию 23,5 тыс. км распределительных газовых сетей (газифицировано 195,2 тыс. домов, квартир), 8,82 тыс. км водопроводов, 4 955,75 км ЛЭП, телефонных сетей на 69,3 тыс. номеров, общеобразовательных школ на 26,2 тыс. мест, 209 ФАПов, амбулаторно-поликлинических учреждений на 43,7

тыс. посещений в смену, больниц на 349 коек, 64 спортивные площадки и сооружения, клубных учреждений на 2,49 тыс. мест, 173 информационно-консультационных пункта, реконструировано 698 предприятий розничной торговли и общественного питания.

В период с 2011 по октябрь 2012 гг. построено или приобретено 1 906,01 тыс. кв. м жилья для сельских жителей, в том числе 1 336 тыс. кв. м для молодых семей и молодых специалистов, введено в эксплуатацию 7 017,15 км распределительных газовых сетей, 4050 км локального водопровода, общеобразовательных учреждений на 7,95 тыс. мест.

Одним из экспериментов по преодолению бедности, проводимых в разных регионах страны, являлось оказание помощи бедным на основе социального контракта. Согласно поручению Президента Российской Федерации от 27 января 2010 г. № Пр-192 и Плану по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства Российской Федерации на 2010 г., Министерство здравоохранения и социального развития издало Приказ от 31 мая 2010 г. № 399 «О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента по оказанию государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта». Этим приказом был утвержден Перечень из 17 субъектов Российской Федерации, участвующих в эксперименте.

Целью внедрения технологии оказания социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта являлось повышение их качества жизни путем активизации имеющихся адаптивных возможностей семьи (малоимущего одиноко проживающего гражданина). Социальный контракт рассматривается как договор о взаимных обязательствах между малоимущим гражданином и органом социальной защиты населения субъекта Федерации о предоставлении ему и (или) его семье государственной социальной помощи в виде денежных выплат, социальных услуг или натуральной помощи.

Ученые (Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Маликов Н.С., Чесалкина Е.Ю.) отмечают позитивные стороны применения социального контракта[1]. Мониторинг эксперимента (Самарская, Тюменская и Курганская области) показал, что эффективность оказания социальной помощи признается как представителями социальных служб, непосредственно занимающихся этим вопросом, так и самими заявителями. Однако отчеты субъектов показывают, что доля малоимущих семей, получающих государственную социальную помощь на основе социального контракта в общем количестве малоимущих семей в целом незначительна. Среди рассматриваемой группы она варьирует от 7,9% в Томской области до 0,03% в Республике Коми и 0,04% в Курганской области. Поскольку степень распространения новой технологии на ее начальном этапе

[1] Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Маликов Н.С., Чесалкина Е.Ю. Социальный контракт как основа модернизации системы социальной поддержки трудоспособного малоимущего населения // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 3. С. 4-19.

невысокая, ожидать сколько-нибудь значительных результатов от ее внедрения на уровне средних по региону показателей пока еще не представляется возможным.

Программы и проекты по преодолению бедности сельского населения, реализуемые в Алтайском крае. Программирование является самой распространенной технологией борьбы с бедностью в Алтайском крае. В настоящее время в Алтайском крае реализовывается более двадцати краевых целевых программ, многие из которых включают меры, прямо или косвенно влияющие на ситуацию с бедностью.

Реализуемые в крае программы, как правило, направлены на поддержку отдельных категорий бедных. Основной инструмент помощи – выплата пособий, которые в силу своих маленьких размеров не решают проблему бедности (например, размер пособия малообеспеченным семьям, имеющим детей, порядка 2% прожиточного минимума ребенка, многодетные малообеспеченные семьи получают пособие порядка 13% прожиточного минимума ребенка на учащихся общеобразовательных учреждений детей, и около 9% – на детей, не обучающихся в общеобразовательных учреждениях[1]).

Государственная социальная политика по преодолению бедности не имеет территориального разреза «город-село», однако есть исключения: примером государственной поддержки селян является ежемесячная денежная выплата гражданам, работающим и проживающим в сельской местности (законодательство устанавливает категории граждан, имеющих право на данную выплату[2]). Размер данной выплаты невысок: в пределах 10% прожиточного минимума.

Среди специфических программ, целевое действие которых распространяется исключительно на сельских жителей, можно выделить упомянутую выше ФЦП «Социальное развитие села до 2013 г.». По данным пресс-службы Администрации Алтайского края[3], с 2003 г. в рамках данной Программы на развитие социальной и инженерной инфраструктуры поселений и жилищное обустройство в крае направлено 4,1 млрд руб. (1,3 млрд руб. – из федерального бюджета, 1,3 млрд руб. – из консолидированного бюджета края, 1,5 млрд руб. поступило из внебюджетных источников). Жилищные условия улучшили 4,8 тыс. сельских семей (в том числе 1,7 тыс. молодых семей (специалистов). Построено и приобретено более 284,6 тыс. кв. м жилья. Введено в эксплуатацию 387 км газовых сетей (газифицировано более 10 тысяч домовладений), 283,4 км водопроводов, 369,5 км линий электропередачи, 225 трансформаторных подстанций. В 2012 г. велось строительство и реконструкция объектов на территории 18 районов края. За время действия ФЦП выделены средства госу-

[1] Закон Алтайского края от 15.10.2004 № 34-ЗС «О ежемесячном пособии на ребенка».

[2] Закон Алтайского края от 31.12.2004 № 77-ЗС «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан, работающих и проживающих в сельской местности».

[3] Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://altairegion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae-okolo-5-tysyach-selskih-semei-uluchshili-zhilischnye-usloviya-blagodarya-tselevoi-programme-sotsialnoe-razvitie-sela-do-2013-goda_229595.html.

дарственной поддержки на строительство общеобразовательной школы на 176 учащихся. Данные меры позволяют сократить объемы лишений, которые испытывают бедные сельские жители, делают жизнь в селе более комфортной и привлекательной, что может снизить миграционный потенциал наиболее активных сельских жителей.

Мнения представителей региональных органов власти о действии данной Программы, направленной на улучшение положения селян, разделяются. Встречаются как негативные оценки (*«А мы-то не особо видим, что это социальное развитие села... Социальное развитие я понимаю так: где-то открылась школа, где-то клуб отремонтировался. Ничего же этого нет»* (депутат регионального органа законодательной власти), так и позитивные отзывы (*«Многие ФАПы получили поддержку… Районные больницы получили оборудование»* (заместитель начальника органа социальной защиты региона).

Кроме социальной поддержки на ситуацию с бедностью оказывают непосредственное влияние меры, направленные на борьбу с бедностью посредством поддержки экономически активного населения – тех, кто в состоянии своим трудом преодолеть бедность. Постановлением Администрации Алтайского края от 11.05.2010 г. № 200 утверждена КЦП «Содействие занятости населения Алтайского края» на 2010-2012 гг., целью которой является содействие трудоустройству незанятых граждан Алтайского края, в том числе социально незащищенных групп населения, защита их от безработицы. Программой предусмотрена реализация следующих основных задач: обеспечение информирования населения и работодателей по вопросам занятости; повышение конкурентоспособности граждан на рынке труда; содействие трудоустройству граждан, ищущих работу, и безработных, в том числе испытывающих трудности в поиске работы; социальная поддержка безработных граждан. От реализации программы ожидаются такие результаты, как снижение средней продолжительности регистрируемой безработицы до 4,7 месяца; увеличение доли безработных граждан, участвующих в мероприятиях по содействию трудоустройству, до 34,7%; снижение к концу 2012 г. уровня официально зарегистрированной безработицы (по отношению к численности трудоспособного населения) до 3,3%. Основные мероприятия включают в себя профессиональное обучение, стажировку, содействие самозанятости, содействие трудоустройству незанятых инвалидов, организацию общественных работ и другие. По мнению экспертов, ***программы занятости сыграли роль буферной подушки в годы глобального экономического кризиса.***

В 2010-2012 гг. по основным индикаторам рынка труда в Алтайском крае закрепились положительные тенденции. Общая численность безработных в 2011 г. снизилась в сравнении с 2010 г. на 4 тыс. человек (с 115,0 тыс. человек, или 8,8% от экономически активного населения, в 2010 г. до 111,0 тыс. человек, или 8,7%, в 2011 г.). В среднем за 9 месяцев 2012 г. общая численность безработных снизилась в сравнении с соответствующим периодом 2011 г. на 32,9 тыс. человек (с 117,8 тыс. человек, или 9,2% от экономически активного населения, до 84,9 тыс. человек, или 6,7%). За два года числен-

ность зарегистрированных безработных снизилась на 23,3 тыс. человек (41,2 %): с 56,5 тыс. человек на 01.01.2010 до 33,2 тыс. человек на 01.01.2012. К началу октября 2012 г. численность безработных составила 24,1 тыс. человек. Наметилась устойчивая тенденция к снижению коэффициента напряженности на рынке труда. Численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения, в расчете на одну вакансию уменьшилась с 19,1 чел. на 01.01.2010 до 3,1 чел. на 01.01.2012 (на 01.10.2012 – 1,9 чел.). При одновременном сокращении общей безработицы и численности безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения, в 2011 г. отмечалось снижение числа занятых. Численность занятого населения уменьшилась на 22,2 тыс. человек (1,9 %) с 1187,5 тыс. человек в 2010 г. до 1165,3 тыс. человек в 2011 г. В 2012 г. численность занятого населения увеличилась на 0,7 % с 1167,6 тыс. человек в среднем за 9 месяцев 2011 г. до 1175,6 тыс. человек в среднем за 9 месяцев 2012 г.

Одной из краевых программ, реализация которой направлена на сокращение бедности сельского населения посредством развития сельского хозяйства, сохранения и создания эффективных рабочих мест, является программа «Строительство, реконструкция и модернизация 100 молочных и 100 мясных комплексов и ферм в Алтайском крае» (Программа «100 + 100»). По данным пресс-службы Администрации Алтайского края[1], в 2011 г. в рамках Программы «100 + 100» построено, реконструировано и модернизировано 144 объекта животноводства на 69,7 тыс. постановочных мест. В том числе 116 объектов на 34,2 тыс. скотомест по молочному скотоводству, 17 объектов на 7,5 тыс. скотомест – по мясному скотоводству, 9 объектов на 26,8 тыс. станкомест – в свиноводстве, 2 объекта на 1,2 тыс. мест – в овцеводстве. Создано 555 новых рабочих мест.

В рамках реализации проекта Губернатора Алтайского края «Программа 75х75»[2] в регионе построено и реконструировано 75 социально значимых объектов, в том числе по одному объекту в каждом сельском районе. По данным пресс-службы Администрации Алтайского края[3], общий объем средств, направленных на реализацию данной Программы, составляет около 6 млрд руб. В рамках программы произведены реконструкция и капитальный ремонт 17 школ и детских садов, 19 городских и районных больниц, шесть сельских Домов культуры. Построены новые социальные объекты: восемь школ на

---

[1] Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. –. URL: http://altairegion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae-okolo-5-tysyach-selskih-semei-uluchshili-zhilischnye-usloviya-blagodarya-tselevoi-programme-sotsialnoe-razvitie-sela-do-2013-goda_229595.html.

[2] Постановление Администрации Алтайского края от 24.08.2010 № 377 «Об утверждении в рамках губернаторской программы перечня 75 особо значимых социальных строек и объектов, ввод в эксплуатацию которых приурочен к 75-летию образования Алтайского края».

[3] Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. –. URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/obschii-obem-sredstv-napravlennyh-na-realizatsiyu-programmy-75h75-sostavlyaet-okolo-6-mlrd-rublei_231621.html?sphrase_id=431061.

2580 учащихся, четыре детских сада на 755 мест, шесть лечебных учреждений, один Дом культуры на 822 места, четыре спортивно-оздоровительных комплекса, два спортивных центра с плавательными бассейнами. В сельских районах отремонтированы сети водоснабжения протяженностью 22,42 км, водозаборные и водопроводные сооружения, объекты инфраструктуры комплексной компактной застройки. Реализация мероприятий данной Программы расширяет возможности медицинского обслуживания, образования в определенных сельских населенных пунктах края.

На решение проблемы бедности сельского населения влияют также проекты, конечной целью которых не является преодоление бедности. Одним из таких проектов является программа «Комплексное развитие Алтайского Приобья на 2011-2015 гг. и на период до 2025 г.», которая интегрирует в себе 89 проектов локального характера в рамках четырех кластеров (туристско-рекреационного, топливно-энергетического, агропромышленного, биофармацевтического). По данным пресс-службы Администрации Алтайского края[1], общая сумма инвестиционных вложений в рамках программы – более 590,7 млрд руб., из них 40% – государственные вложения и 60% – частные инвестиции. К инвестиционным проектам агропромышленного кластера относятся реконструирование мелькомбината с. Ребриха Алтайского края: ОАО «ПАВА» (стоимость проекта – 10,5 млрд руб., количество созданных рабочих мест 350), модернизация завода по производству подсолнечного масла: ООО «АгроСиб-Раздолье» (стоимость проекта – 2,2 млрд руб., количество созданных рабочих мест – 315), строительство животноводческого комплекса по производству молока и мяса с общим содержанием 4000 голов дойного стада и 6000 голов молодняка крупнорогатого скота (всего 10 000 голов) – ООО «Западное» (стоимость проекта – 5,418 млрд руб., количество созданных рабочих мест – 300), строительство и техническое оснащение современного свиноводческого комплекса на 300 000 голов в год – ООО «Алтаймясопром» (стоимость проекта – 6,7 млрд руб., количество созданных рабочих мест – около 1200) и др.

Эксперты отмечают, что реализация проекта будет способствовать сокращению бедности сельского населения посредством развития сельского хозяйства, социально ответственного сельского бизнеса, развития социальной инфраструктуры на селе:

– *«Это не просто проект, а* ***производство сельхозпродукции и переработка продукции сельского хозяйства****. Поэтому в тех местах, где будет определено точечно развитие в соответствии с этим планом, его реализация наверняка будет способствовать закреплению молодежи» (*уполномоченный по правам человека в регионе);

– *«…Развитие «Алтайского Приобья» – это* ***сделать население экономически активным****. И привлечь социально активный бизнес, который будет*

[1] Официальный сайт Алтайского края. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/e209269.html?sphrase_id=431075.

распространяться на территории края» (начальник отдела органа социальной защиты в регионе);

– *«По этому проекту будут созданы* ***дополнительные рабочие места со стабильной заработной платой****. Плюс к этому* ***обязательная инфраструктура – это дороги, газ, электроэнергия, связь*** *и так далее»* (председатель комитета законодательного органа региона).

* * *

Таким образом, государственная борьба с бедностью сельского населения в России имеет богатую историю, основанную на использовании социальных сетей и формировании социальной инфраструктуры поддержки бедных. В советский период исключение сельского населения из системы социального обеспечения, вплоть до середины 1960-х гг., сформировало в дальнейшем политику выравнивания социальной поддержки села с городом, основанную преимущественно на макрорегуляторах. Решение проблемы бедности в России с начала рыночных реформ до середины 2000-х гг. осуществлялось через многочисленные разрозненные программы социальной поддержки населения; реализация со второй половины прошедшего десятилетия нацпроектов и долгосрочных программ, в т.ч. по социальному развитию села, привели к значительному сокращению масштабов и глубины бедности[1], распространенности различных форм государственной социальной поддержки.

В российском законодательстве закреплены основные меры по преодолению бедности. Правовые основы политики преодоления бедности в Российской Федерации включают в себя отдельные элементы, направленные на поддержку бедных и борьбу с бедностью: социальное обеспечение, социальная помощь, социальное страхование, социальное обслуживание, предполагающие обеспечение социальной справедливости, создание достойного уровня жизни людей.

Современными акцентами в государственной политике преодоления бедности сельского населения является формирование устойчивого социально-экономического развития сельских территорий путем диверсификации экономики, решения проблем занятости, обеспеченности жильем и развития социальной инфраструктуры. Основной технологией преодоления бедности сельского населения, реализуемой органами государственной власти, является программирование. Инструменты преодоления бедности, применяемые на федеральном уровне в настоящее время, охватывают как помощь бедным в виде пособий и льгот, так и

[1] Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты [Текст] коллективная монография / науч. ред. А.Я.с Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

активные политики преодоления бедности (например, политика в области занятости населения), однако их возможности ограничены.

Несмотря на то, что меры, направленные на борьбу с бедностью и помощь бедным, закреплены в законодательстве, говорить о сформированности и целостности институциональной и инструментальной системы преодоления бедности не приходится.

7.2. Практики социальной поддержки сельских бедных

Кардинальное решение проблем бедности сельского населения, значительное сокращение ее масштабов и глубины до уровня, позволяющего обеспечить социальное воспроизводство и устойчивое развитие сельских сообществ зависит сегодня во многом от эффективности действий государства и других субъектов политики в области социальной поддержки сельского населения. Рассмотрим, каковы современные проблемы социальной поддержки бедных, проживающих в сельской местности Алтайского края и Республики Алтай. Социальная поддержка бедных сельских жителей представляет собой систему практик, реализуемых органами государственной и муниципальной власти, сельским бизнесом, общественными организациями, субъектами социальных сетей (семейно-родственных и коллективных), а также самими бедными, и направленных на создание условий для улучшения материального положения их семей и преодоления бедности.

Распространенность мер государственной социальной поддержки сельских бедных. Анализ масштабов и характера социальной поддержки государством сельских бедных показал, что ***почти две трети*** (66,4%) ***сельских бедных являются получателями каких-либо мер социальной поддержки***. Исходя из полученных данных, наиболее востребованными мерами со стороны сельских бедных являются меры социальной поддержки, предоставляемые гражданам по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, их получателями являются 36% респондентов, и ежемесячные пособия на детей, которые получает 27,2% опрошенных. Каждый десятый (9,6%) получает бесплатные лекарства, льготы на проезд в общественном транспорте – 7,2%, различные социальные выплаты (по потере кормильца, малоимущим студентам, инвалидам, ветеранам труда и др.) – 6%, пособие по безработице – 4,8%, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет – 3,8%, пособие малоимущим семьям и одиноко проживающим гражданам – только 2,4% респондентов. Иными мерами социальной поддержки пользуются незначительное количество бедных сельских жителей (рис. 7.1).

Выявлены различия в распространенности мер социальной поддержки, предоставляемых сельским беднякам, в Алтайском крае и Республике Алтай (рис. 7.1). Так, в Республике Алтай более востребованными, по сравнению с Алтайским краем, являются такие меры социальной поддержки, как ежемесячное пособие на ребенка (41,7 против 25,2%), льготный проезд в общественном транспорте (10 против 6,8%), бесплатные лекарства (15 против

8,9%). По нашему мнению, такая распространенность ежемесячных пособий на детей в Республике Алтай может быть связана с более высоким уровнем рождаемости. Кроме того, выявленные различия в распространенности перечисленных выше мер могут быть обусловлены разными условиями их предоставления, что требует дополнительного сравнительного анализа нормативно-правовых баз в данной сфере по рассматриваемым регионам.

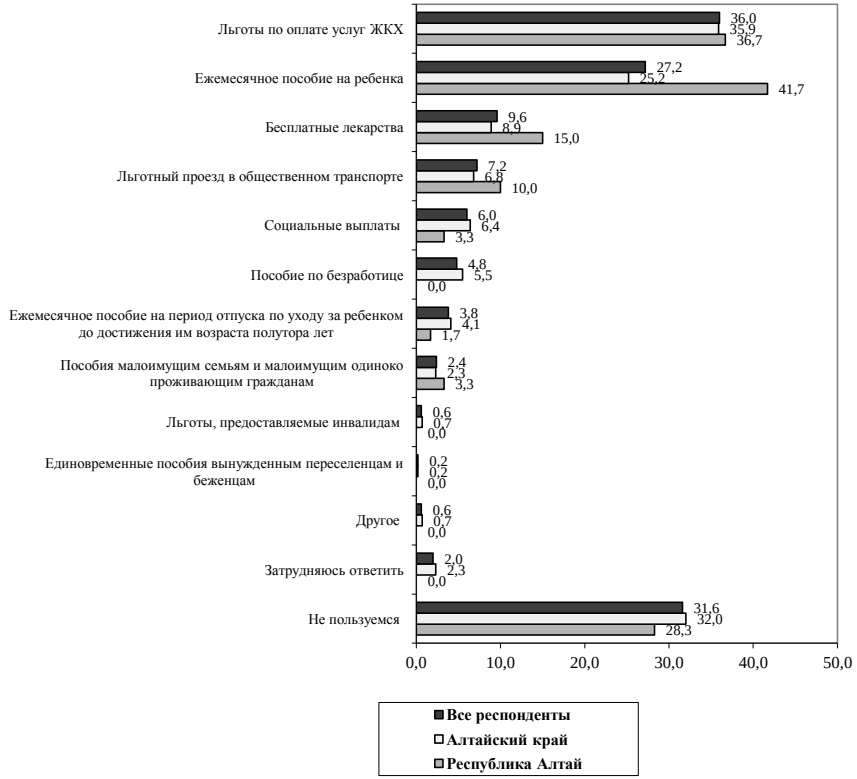


Рис. 7.1. Распространенность мер социальной поддержки в Алтайском крае и Республике Алтай, %

Выявлены различия в предоставлении мер социальной поддержки сельским бедным разного пола и возраста. В целом женщины чаще мужчин являются получателями социальных льгот. Если среди мужчин 41,1% отметили, что не пользуются никакими социальными льготами, то среди женского населения этот показатель вдвое меньше – 23,4%. Однако такую меру поддержки, как пособие по безработице, получают чаще мужчины (6 против 3,7%). Так, только 16,2% лиц пенсионного возраста отметили, что не пользуются никакими льготами. Данный показатель почти вдвое ниже, чем в других возрастных категориях. Причем две трети пенсионеров являются получа-

телями льгот по оплате ЖКУ, почти четверть получают бесплатные лекарства, каждый пятый пользуется льготным проездом в общественном транспорте, каждый десятый является получателем той иной социальной выплаты. Молодежь чаще является получателем пособий на детей и по безработице. Причем если рассматривать отдельно сельские молодые семьи, то только 19,2% отметили, что не пользуются никакими льготами. Среди сельских бедных молодых семей 72,1% получают ежемесячные пособия на детей.

Получателями социальных льгот чаще являются самые малообеспеченные категории бедных (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Предоставление мер социальной поддержки сельским бедным, различающимся материальным положением семьи, %

	Обездоленные	**Бедные**	**Относительно бедные**
Не пользуемся	27,3	31,8	32,6
Ежемесячное пособие на ребенка	34,8	24,7	27,1
Льготы по оплате услуг ЖКХ	25,8	38,9	36,4
Социальные выплаты (по потери кормильца, малоимущим студентам, инвалидам, ветеранам труда, ВОВ и др.)	9,1	6,1	5,1
Пособие по безработице	6,1	4	5,1
Льготный проезд в общественном транспорте	6,1	9,1	5,9
Бесплатные лекарства	6,1	10,6	9,7
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет	4,5	2,5	4,7
Пособия малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам	4,5	3	1,3
Льготы, предоставляемые инвалидам (санаторно-курортное лечение)	3	0,5	-
Другое (уход за престарелыми, учебный отпуск, льготное питание в столовой и т.д.)	3	0,5	-
Единовременные пособия вынужденным переселенцам и беженцам	-	0,5	-
Затрудняюсь ответить	-	1	3,4

Источник: данные опроса 2011 г.

Так, среди обездоленных только 27,3% не пользуются никакими социальными льготами, в двух остальных группах бедных этот показатель чуть выше и составляет около трети (31,8% – в средней группе бедных и 32,6% – среди относительно бедных). Обездоленные чаще являются получателями таких социальных выплат, как ежемесячное пособие на ребенка, пособие по безработице, пособия малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам, предоставление которых зависит от среднедушевого дохода. Получателями льгот, предоставляемых по категориальному признаку (льготы на оплату ЖКУ, бесплатные лекарства, льготный проезд в обще-

ственном транспорте), а это инвалиды, ветераны труда, ветераны ВОВ, являются в большей мере более благополучные группы бедных.

Роль органов социальной защиты населения в решении проблемы сельской бедности. По мнению сельских жителей, органы социальной защиты населения не являются столь значимым субъектом социальной поддержки относительно реальных потребностей сельского населения. Так, почти треть респондентов (в Алтайском крае – 33%, в Республике Алтай – 25%) ни разу не обращались в органы социальной защиты населения, еще столько же респондентов раньше обращались (и не обращались на момент опроса) (в Алтайском крае – 29,8%, в Республике Алтай – 45%), еще чуть более четверти респондентов обращаются в органы социальной защиты населения очень редко (в Алтайском крае – 28%, в Республике Алтай – 20%) и только 8,8% сельских бедных являются постоянными клиентами данных служб (в Алтайском крае – 8,7%, в Республике Алтай – 10%) – рис. 7.2.

Причины того, что не все бедняки обращаются в органы социальной защиты населения, эксперты связывают прежде всего с низким уровнем их информированности и доступности служб социальной защиты населения для некоторых селян: *«… для того, чтобы получить детские пособия 138 рублей, ему нужно 2-3 раза съездить, чтобы документы все собрать. А чтобы съездить из деревни – ему нужно заплатить 150-200 рублей… Причина – в бюрократической мешанине»* (депутат законодательного органа региона, председатель региональной общественной организации).

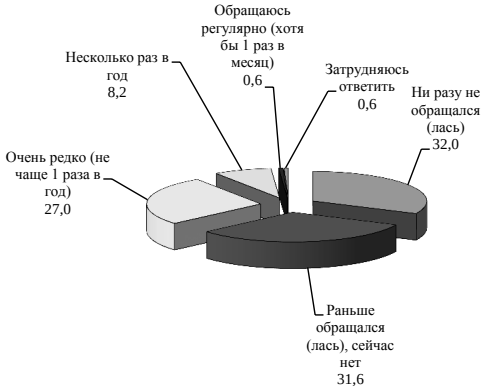


Рис. 7.2. Регулярность обращения сельских бедных в органы социальной защиты населения, %

Однако ответы сельских жителей говорят о наличии ***довольно слабой зависимости регулярности обращения в органы социальной защиты населения от уровня урбанизированности сельского района*** (коэффициент Крамера – 0,1). Наоборот, в неурбанизированных населенных пунктах селяне даже несколько чаще обращаются в органы социальной защиты (Приложение 3, рис. 3.9). Но чем больше численность населенного пункта, тем ниже

частота обращения в органы социальной защиты населения, хотя ***сила связи между регулярностью обращения в данные службы и людностью населенного пункта невысока*** (коэффициент Крамера – 0,14). Так, в органы социальной защиты населения хотя бы один раз в год обращаются 46,4% жителей сел, численностью населения до 500 человек, 45,1% – численностью населения 500-1000 человек, 42% – численностью населения 1001–2000 человек и 31,8% – численностью населения свыше 2000 человек.

Наблюдаются различия в ответах на данный вопрос респондентов разного пола и возраста. В целом женщины чаще обращаются в органы социальной защиты населения, выявлено наличие связи между полом респондента и анализируемым признаком (коэффициент Крамера – 0,24) – рис. 7.3.

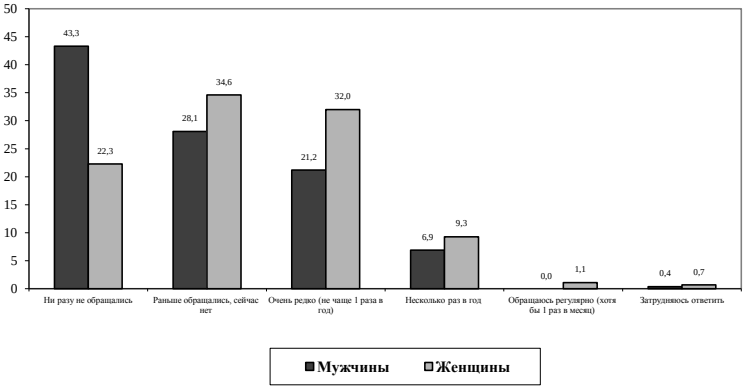


Рис. 7.3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь за помощью в органы социальной защиты населения?», %

Учитывая то, что ряд мер социальной поддержки касаются семьи в целом (субсидии на оплату ЖКУ, единовременные выплаты малоимущим семьям и т.д.), женщины чаще занимаются их оформлением, но это не означает, что мужчины их не получают. Среди мужского населения ни разу не обращались в органы социальной защиты 43,3% респондентов, среди женского населения данный показатель вдвое ниже – 22,3%. Хотя бы один раз в год в органы социальной защиты населения обращаются 28,1% мужчин и 42,4% женщин.

Анализ регулярности обращения в органы социальной защиты населения респондентов разных возрастных групп (коэффициент Крамера между анализируемыми признаками – 0,17) показал, что пенсионеры имеют больше опыта обращения в данные органы (рис. 7.4). Только 16,9% лиц пенсионного возраста ни разу не обращались в органы социальной защиты населения, среди лиц среднего и старшего трудоспособного возраста этот показатель намного выше – 37,1%, среди молодежи – 40,2%.

Рис. 7.4. Регулярность обращения в органы социальной защиты населения сельских бедных разного возраста, %

В то же время более трети (38,7%) пенсионеров отметили, что раньше обращались в органы социальной защиты, а сейчас нет, и этот показатель выше, чем в других возрастных группах.

Хотя бы один раз в год в органы социальной защиты населения обращаются 43% лиц пенсионного возраста, 32,3% лиц среднего и старшего трудоспособного возраста и 34,6% молодежи. По нашему мнению, это связано, в первую очередь, с тем, что лица пенсионного возраста чаще относятся к категориям, имеющим право на предоставление мер социальной поддержки, – являются ветеранами труда, ВОВ, имеют инвалидность и т.д.

Несмотря на то, что ***регулярность обращения молодежи в органы социальной защиты ниже***, чем в других возрастных группах, среди данной категории можно выделить тех, кто ***обращается в данные службы довольно часто – сельские молодые семьи***. Среди них ни разу не обращались в органы социальной защиты населения 21,3%, раньше обращались, сейчас нет – 34,4%, очень редко обращаются – 37,7%, несколько раз в год – 6,6%.

Обездоленные более регулярно, чем другие категории бедных, обращаются в органы социальной защиты населения (табл. 7.2). Так, за помощью к данным службам обращаются довольно регулярно (по крайней мере несколько раз в год, включая тех, кто обращается хотя бы раз в месяц) 15,1% обездоленных, 10,1% бедных и только 5,9% относительно бедных. По нашему мнению, это связано с тем, что среди обездоленных чаще встречаются постоянные получатели помощи со стороны социальных служб. В то же время в этой группе почти каждый пятый обращается в органы социальной защиты населения очень редко (не чаще одного раза в год), этот показатель заметно ниже, чем в других категориях бедных (25,3 и 30,5%). Значительная же часть сельских бедных перестала обращаться в органы социальной защиты населе-

ния, что возможно связано с низкой эффективностью деятельности данных служб. Причем среди обездоленных таковых заметно больше, чем в более благополучных группах (39,4% против 31,3 и 29,7%). Но сильной связи между категорией бедности и регулярностью обращения в органы социальной защиты населения не выявлено (коэффициент Крамера – 0,11).

Таблица 7.2

Распределение ответов респондентов, относящихся к разным категориям бедных, на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь за помощью в органы социальной защиты населения?», %

	Обездоленные	**Бедные**	**Относительно бедные**
Ни разу не обращался(лась)	25,8	32,3	33,5
Раньше обращался(лась), сейчас нет	39,4	31,3	29,7
Очень редко (не чаще 1 раза в год)	19,7	25,3	30,5
Несколько раз в год	13,6	9,6	5,5
Обращаюсь регулярно (хотя бы 1 раз в месяц)	1,5	0,5	0,4
Затрудняюсь ответить	-	1	0,4

Источник: данные опроса 2011 г.

Проблемы, с которыми сельские бедные обращаются за помощью в органы социальной защиты населения. Сельские бедные обращаются в органы социальной защиты населения преимущественно для оформления субсидий на оплату ЖКУ (50%) и пособий на детей (42,6%) (рис. 7.5). В первую пятерку проблем с существенно меньшей популярностью также входят получение единовременной денежной помощи (9,4%), консультаций (7,4%) и оформление социальных выплат (5,9%).

Существенные различия в рейтинге проблем, с которыми сельские бедные обращаются в органы социальной защиты населения, наблюдаются в разрезе регионов (рис. 7.5). Так, сельские бедные Республики Алтай чаще обращаются в органы социальной защиты населения за получением натуральной помощи (8,9 против 3,4%) и оформлением пособий на детей (51,1 против 41,4%), но реже – за получением консультаций (4,4 против 7,8%) и оформлением субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг (40 против 51,5%).

Гендерный анализ показал, что женщины чаще, чем мужчины обращаются за получением единовременной денежной помощи (11,5 против 6,1%), оформлением пособий на детей (46,9 против 50,4%). Мужчины же за получением натуральной помощи (5,3 против 3,3%), получением консультаций (9,9 против 5,7%) и получением льготного проезда в общественном транспорте (3,8 против 1,4%). Если молодежь, а также лица среднего и старшего трудоспособного возраста чаще обращаются в органы социальной защиты населения для оформления детских пособий и за консультациями (психологическими, юридическими), лица среднего и старшего трудоспособного возраста – для получения единовременной денежной помощи, то пенсионеры – для получения натуральной помощи, других социальных выплат. Обездоленные

чаще, чем другие категории бедных, обращаются за получением натуральной помощи (табл. 7.3).

Рис. 7.5. Рейтинг проблем, с которыми сельские бедные Алтайского края и Республики Алтай обращаются в органы социальной защиты населения, %

Таблица 7.3

Распределение ответов респондентов, относящихся к разным категориям бедных, на вопрос: «С какой проблемой Вы обращались за помощью в органы социальной защиты населения?», %

	Обездоленные	**Бедные**	**Относительно бедные**
Оформление пособий на детей	44	36,8	47,1
Оформление субсидий на оплату ЖКХ	34	57,1	49
Другое (оформление звания ветерана труда, уход за престарелыми, усыновление и т.д.)	10	1,5	4,5
Получение единовременной денежной помощи	8	5,3	13,4
Получение натуральной помощи (продуктами питания, одеждой)	8	3,8	3,2
Социальные выплаты (по потере кормильца, малоимущим студентам, инвалидам, ветеранам труда, ВОВ и др.)	8	6,8	4,5
Получение детских путевок в оздоровительные лагеря	2	3	3,8
Льготный проезд в общественном транспорте	2	3,8	1,3
Получение консультации (психологические, юридические)	-	7,5	9,6
Помощь по уходу за детьми	-	0,8	0,6

Более ***половины (53,4%) респондентов не имели проблем при обращении в органы социальной защиты населения*** (Приложение 3, табл. 3.5). Это касается в первую очередь жителей Алтайского края (56,1% опрошенных против 35,6% в Республике Алтай). Выявлены существенные различия в рейтинге проблем, с которыми сталкиваются сельские бедные анализируемых регионов (рис. 7.6).

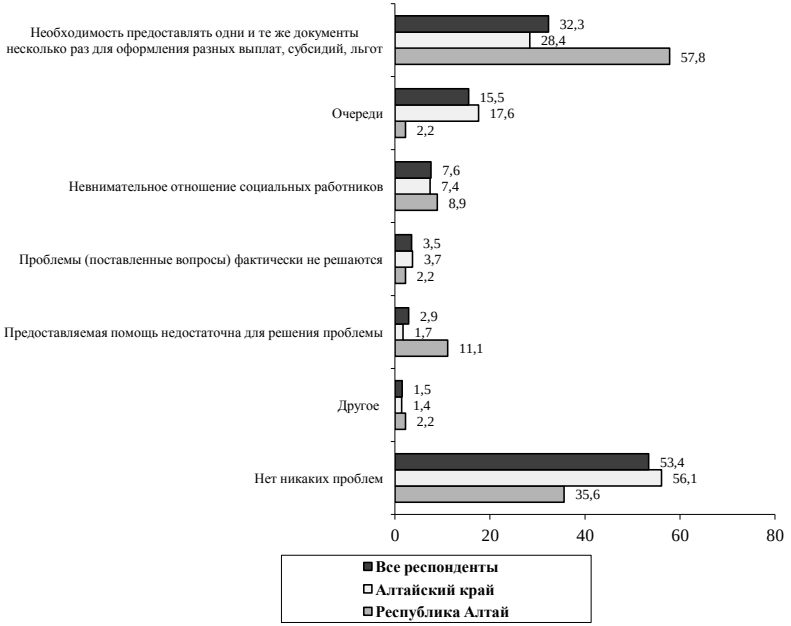


Рис. 7.6. Проблемы, с которыми сталкиваются при обращении в органы социальной защиты населения сельские бедные Алтайского края и Республики Алтай

Так, в Республике Алтай на недостаточность помощи для решения проблемы указали 11,1% респондентов (и только 1,7% респондентов в Алтайском крае), на необходимость предоставления одних и тех же документов несколько раз для оформления разных выплат, субсидий, льгот обратили внимание – 57,8% (в Алтайском крае вдвое ниже – 28,4%). В то же время для Алтайского края более характерна такая проблема, как очереди, ее указали 17,6% (в Республике Алтай – только 2,2%).

Более лояльно оценивают деятельность служб социальной защиты населения пенсионеры: у 59,3% из них отсутствуют проблемы такого рода (Приложение 3, рис. 3.10). Молодежь же наиболее критично относится к деятельности данных служб: 38,5% указали на проблему предоставления одних и тех же документов несколько раз для оформления разных выплат, субсидий, льгот, 20,1% – на проблему очередей.

Лица среднего и старшего трудоспособного возраста чаще других возрастных групп выделяют проблему невнимательного отношения социальных работников. Причем среди молодежи более требовательны представители сельских молодых семей (6,3% отметили, что проблемы органами социальной защиты фактически не решаются, 8,3% обратили внимание на невнимательное отношение социальных работников, 39,6% – на необходимость предоставлять одни и те же документы несколько раз для оформления разных выплат, субсидий, льгот). Лица среднего и старшего трудоспособного возраста более других категорий обращают внимание на такую проблему, как невнимательное отношение социальных работников. ***На недостаточность предоставляемой помощи для решения проблемы указали 10,2% обездоленных жителей, что значительно больше по сравнению с другими категориями.***

Рейтинг субъектов социальной поддержки по обращаемости и оказанию помощи сельским бедным. В рейтинге частоты обращений сельских бедных к субъектам социальной поддержки со значительным отрывом лидируют близкие и родственники, к ним за помощью обращались 44,8% респондентов, причем получили помощь от данных субъектов даже несколько больше – 46,4% (рис. 7.7).

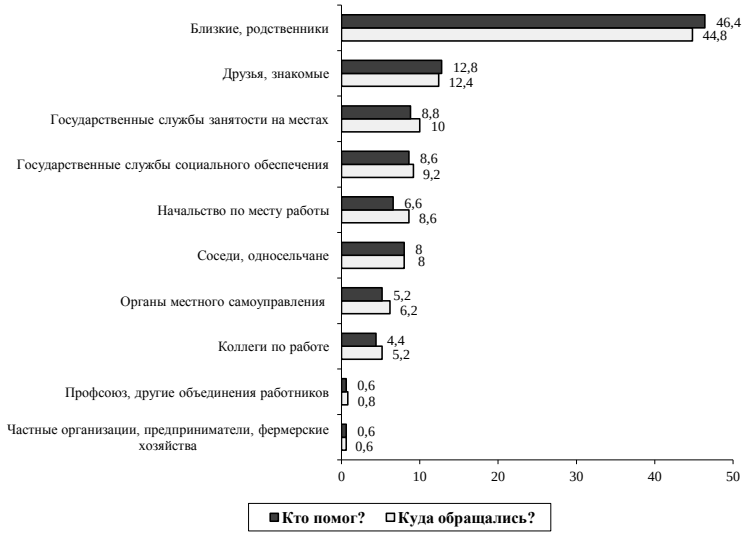


Рис. 7.7. Рейтинг субъектов социальной поддержки по частоте обращений к ним сельских бедных и оказанию помощи, % (по данным опроса 2011 г.)

К друзьям и знакомым обращались 12,4% опрошенных, получили помощь 12,8%. Далее следуют государственные службы занятости на местах (10%, помощь получили 8,8%) и государственные службы социального обеспечения (9,2%, помощь получили 8,6%). Замыкают первую пятерку проблем

руководители предприятий (*«начальство по месту работы»*), к которым за помощью обращались 8,6% респондентов, получили же помощь только 6,6%. Далее следуют такие субъекты, как соседи, односельчане, органы местного самоуправления, коллеги.

Таким образом, ***самым значимым субъектом социальной поддержки сельских бедных на селе являются субъекты социальных сетей, в первую очередь семейно-родственных и дружеских.*** Если объединить всех неформальных субъектов социальной поддержки (близкие, родственники, друзья, знакомые, соседи, односельчане, коллеги), то совокупный рейтинг обращений к ним за помощью составляет 70,4%, и почти столько же рейтинг оказания помощи – 71,6%.

Работодатели также рассматриваются экспертами как важные субъекты социальной поддержки, но, по их мнению, не все работодатели на селе берут на себя данные функции: *«Сельские предприниматели – очень отзывчивые … Раз в три года принимается программа социальной поддержки малоимущих граждан и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. И там есть, в части софинансирования, социально активный бизнес»* (заместитель руководителя регионального органа социальной защиты); *«Некоторые руководители работают и на социальную сферу, и стараются помочь и решать проблемы селян. Есть такие руководители, но их, к сожалению, не так много…, очень мало»* (депутат законодательного органа региона, председатель региональной общественной организации).

Помощь *«начальства по месту работы»* преимущественно заключается в оказании материальной помощи (5,5%), трудоустройстве, предоставлении внеочередного отпуска, путевки в лагерь и др. Профсоюз и другие объединения работников предоставляют путевки в лагерь, а также ссуды, кредиты, займы, оказывают материальную помощь. Частные организации, предприниматели, фермерские хозяйства предоставляют ссуды, займы, кредиты, выдают корма, оказывают материальную помощь.

При обращении в государственные службы занятости на местах 10% респондентов были поставлены на учет, получили статус безработного, 2,9% были трудоустроены, нашли дополнительную работу, еще 1,3% получили материальную помощь. Помощь Пенсионного фонда Российской Федерации заключалась в оформлении пенсий и материнского капитала, налоговой инспекции – в предоставлении налогового вычета, правоохранительных органов – в назначении пенсии за выслугу лет. В государственных службах социального обеспечения 6,5% опрошенных оформили льготы и субсидии на оплату ЖКУ, 3,6% – социальные пособия, 1,3% получили единовременную денежную помощь, 1% оказана медицинская помощь, предоставлены средства гигиены. Крайне редко встречаются случаи оказания помощи в виде оформления путевок в санатории, помощи в уходе за детьми и по хозяйству. Редкостью является поддержка органов местного самоуправления. Она обычно проявляется в помощи по трудоустройству, улучшению жилищных условий и ведению домашнего хозяйства, в содействии по выплате задержек

заработной платы, по оформлению документов и социальных пособий. Как наименее значимую эксперты оценивают роль общественных организаций на селе:

Более четверти респондентов (28,6%) самостоятельно решали возникающие проблемы, а 14,2% указали на то, что им никто не помогал, их проблема пока не решена (если в Алтайском крае только 12% респондентов ответили таким образом, то в Республике Алтай – 30%).

Анализ оказания помощи субъектами социальной поддержки разным категориям бедных показал, что ***почти трети (28,8%) обездоленных никто не помогал в решении жизненных проблем, проблемы их не были решены на момент опроса, а это почти вдвое больше, чем в*** средней категории ***бедных и втрое больше, чем среди относительно бедных*** (Приложение 3, табл. 3.6). В то же время именно обездоленные чаще других обращались за помощью в государственные службы занятости на местах и государственные службы социального обеспечения. Относительно бедные чаще, чем другие категории, предпочитают обращаться к близким, родственникам и друзьям, а также к руководителям предприятий по месту работы и чаще получают от них помощь.

Женщины несколько чаще обращаются в государственные службы социального обеспечения (11,2 против 6,9%), к коллегам (7,1 против 3%), соседям и односельчанам (9,3 против 6,5%), близким и родственникам (49,8 против 39%); мужчины же – в центры занятости на местах (13 протии 7,4%), к друзьям (15,2 против 10%). Кроме того, мужчины чаще женщин предпочитают самостоятельно решать возникающие проблемы (31,5 против 26,4%).

Пенсионеры, с одной стороны, намного чаще, по сравнению с молодежью, самостоятельно решают возникающие проблемы (31,7 против 19,6%), а с другой – при возникновении проблем чаще, чем представители других возрастных категорий, обращаются в государственные органы социального обеспечения (12%), каждый десятый – в органы местного самоуправления, 13,4% – к соседям, односельчанам. Молодежь же в решении жизненных проблем обращается за помощью к близким, родственникам (54,2%), друзьям, знакомым (20,6%), начальству по месту работы (13,1%). Семейная ее часть, т.е. молодые семьи, обращаются к перечисленным субъектам социальной поддержки реже. Так, за помощью к близким и родственникам обращались 50,8% опрошенных, друзьям, знакомым – 18%, начальству по месту работы – 9,8%. Но молодые семьи практически в два раза чаще обращаются в органы социального обеспечения (13,1 против 7,5%) и в частные организации, фермерские хозяйства, к предпринимателям (3,3 против 1,9%).

Роль сетей социальной поддержки в преодолении сельской бедности. Помощь, предоставляемая близкими и родственниками, – самая разнообразная. Это материальная помощь (44%), помощь в натуральной форме (10,7%), по хозяйству (10,7%), моральная поддержка (10,4%), помощь в ремонте и строительстве (6,5%), по уходу за детьми, в оказании транспортных услуг, предоставлении жилья, поиске работы, трудоустройстве. Друзья и зна-

комые оказывают преимущественно материальную помощь (11%) и моральную поддержку (4,2%), а также предоставляют займы, оказывают транспортные услуги, помощь в строительстве и ремонте, предоставлении жилья, в натуральной форме, по хозяйству, поиске работы и трудоустройстве. Соседи и односельчане в первую очередь оказывают помощь в натуральной форме (3,2%), помогают материально (2,9%) и по хозяйству (2,3%), а также предоставляют займы, оказывают помощь в уходе за детьми, в организации семейных праздников и ритуальных обрядов, в ремонте и строительстве, оказании транспортных услуг. Коллеги по работе оказывают материальную (3,2%) и моральную (2,3%) поддержку, а также помощь по хозяйству и др. (подмена на рабочем месте, по работе).

Около половины сельских бедных (48,2%) за год, предшествующий моменту опроса, получали помощь от людей, с которыми они не проживают. Лидирующими видами помощи, оказываемой сельским бедным, являются: помощь в решении материальных проблем (16,2%), продуктами (13,6%), в ремонте и строительстве (13,6%), по домашнему хозяйству (11,8%), транспортом (11,4%), а также помощь на садово-огородных участках, в ЛПХ (10%) (рис. 7.8).

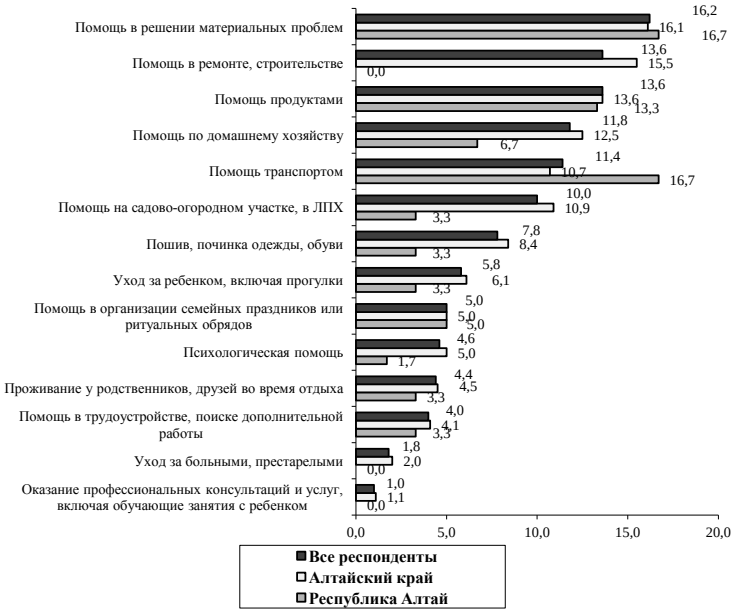


Рис. 7.8. Виды помощи, предоставляемой сельским бедным Алтайского края и Республики Алтай другими людьми, %

В Алтайском крае по сравнению с Республикой Алтай не только шире спектр субъектов социальной поддержки, но больше объем и разнообразие помощи, оказываемой сельским бедным. Исключением является помощь

транспортом, которую жители Республики Алтай получают чаще, что, по нашему мнению, связано с более низким уровнем обеспеченности автомобилями.

Если пенсионерам преимущественно оказывают нематериальную помощь (по домашнему хозяйству, на садово-огородном участке, в ЛПХ, в ремонте, строительстве), то молодежи в первую очередь помогают в решении материальных проблем. Причем половина лиц среднего и старшего трудоспособного возраста отметила, что их семьям такую помощь в течение последнего года никто не оказывал.

Содержание помощи, предоставляемой разным категориям бедных, несколько различается (табл. 7.4).

Таблица 7.4

Распределение ответов респондентов, относящихся к разным категориям бедных, на вопрос: «Приходилось ли Вашей семье в течение последнего года получать помощь от людей, с Вами не проживающих?», %

	Обездоленные	**Бедные**	**Относительно бедные**
Помощь по домашнему хозяйству (покупка продуктов, стирка, уборка и т.п.)	13,3	8,1	14,4
Помощь продуктами	30,3	13,1	9,3
Уход за ребенком, включая прогулки	3	7,1	5,5
Помощь на садово-огородном участке, в ЛПХ	6,1	10,6	10,6
Помощь в решении материальных проблем	16,7	15,2	16,9
Помощь в организации семейных праздников или ритуальных обрядов	0	5,1	6,4
Пошив, починка одежды, обуви	9,1	8,6	6,8
Помощь в ремонте, строительстве	4,5	11,1	18,2
Уход за больными, престарелыми	1,5	2	1,7
Проживание у родственников, друзей во время отдыха	4,5	3	5,5
Помощь транспортом	7,6	11,6	12,3
Оказание профессиональных консультаций и услуг, включая обучающие занятия с ребенком	0	0,5	1,7
Помощь в трудоустройстве, поиске дополнительной работы	1,5	4	4,7
Психологическая помощь	4	3,5	5,9
Семье никто такую помощь не оказывает	54,5	54,5	48,7

Так, обездоленным ***в большей мере*** оказывается помощь продуктами (29,6%), а относительно бедным – в ремонте, строительстве (18,2%), предоставлении транспорта (12,3%).

Для каждого пятого сельского бедного жителя помощь, предоставляемая другими людьми, играет существенную роль в бюджете их семьи, причем для 3% она является жизненно необходимой (рис. 7.9).

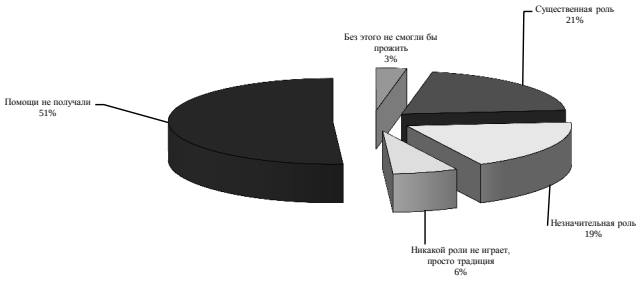


Рис. 7.9. Роль помощи людей в бюджетах сельских бедных

Почти каждый пятый оценивает такую помощь как незначительную, и только для 6,4% бедных такая помощь никакой роли для бюджета не играет, воспринимается как традиция.

Анализ оценки роли помощи, предоставляемой людьми, представителями разных гендерных и возрастных групп показал следующее. Для женщин оказываемая помощь от односельчан играет более значимую роль, чем для мужчин. Не смогли бы прожить без такой помощи 5,2% женщин и только 0,4% мужчин. Пенсионеры более склонны оценивать рассматриваемую помощь как незначительную (21,1%) и не играющую никакой роли (8,5%), для каждого же третьего (32,7%) молодого человека эта помощь оказывает существенную роль.

На наш взгляд, это связано с тем, что пенсионеры, в отличие от молодежи, имеют стабильный доход в виде пенсий. Наибольшее значение данная помощь имеет для молодых семей, 36% респондентов отвели ей существенную роль. Лица среднего и старшего трудоспособного возраста в своих оценках разделились практически поровну, при этом в данной возрастной категории, по сравнению с другими, большее количество вообще не получавших такой помощи (56,2%) – Приложение 3, рис. 3.11.

В отличие от других категорий бедных обездоленные придают большее значение той помощи, которая им оказывается другими людьми (6,1% не смогли бы без такой помощи прожить, еще для 25,8% эта помощь играет существенную роль, и только для 13,6% незначительную) – рис. 7.10.

Большинство экспертов также отмечают значимую роль социальных сетей социальной поддержки: *«взаимная поддержка и коллективизм есть среди родственников, и объединяются они по поддержке друг друга для обработки земли, для закупа, для организации каких-то предприятий»*; *«если говорить о селе, то там, наверное, чувство сопереживания, взаимопомощи еще не утеряно. Да, это традиции помощи продуктами, помощи в производстве сельхозпродукции».*

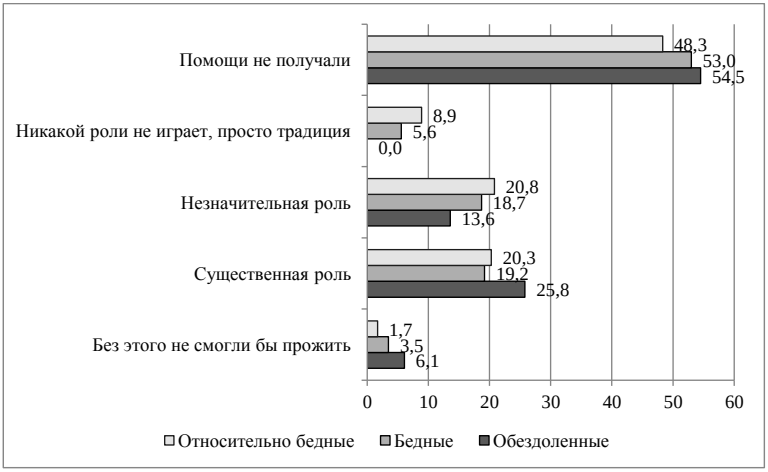


Рис. 7.10. Распределение ответов респондентов, относящихся к разным категориям бедных, на вопрос: «Если приходилось получать помощь от людей, то какую роль она играет для бюджета Вашей семьи?»

* * *

Таким образом, анализ практик социальной поддержки сельского бедного населения в Алтайском крае и Республике Алтай, по данным социологического исследования, показал следующее.

1. Популярность различных практик государственной социальной поддержки довольно высока. Имели опыт обращений за социальной поддержкой три четверти опрошенных, более двух третей были получателями каких-либо мер социальной поддержки, довольно часто обращаются в органы социальной защиты населения 8,8% респондентов.

2. Получателями различных форм социальной поддержки чаще являются самые малообеспеченные категории населения, женщины и пенсионеры. В Алтайском крае по сравнению с Республикой Алтай шире спектр субъектов социальной поддержки, а также больше масштабы и разнообразие помощи, оказываемой сельским бедным.

Более половины сельских бедных жителей не испытывают никаких проблем при обращении в органы социальной защиты населения, наиболее лояльно оценивают деятельность данных служб пенсионеры. В то же время более трети обездоленных перестали обращаться в органы социальной защиты населения, для каждого десятого из них предоставляемая помощь оказалась недостаточной для решения проблемы, это свидетельствует об относительно низкой эффективности деятельности данных служб в преодолении сельской бедности.

Почти трети обездоленных никто не помогал в решении жизненных проблем, проблемы их остались нерешенными. Таковых почти вдвое больше,

чем в средней группе бедных, и втрое больше, чем среди относительно бедных.

3. Наибольшую роль в социальной поддержке сельских бедных играют социальные сети. Далее в рейтинге субъектов социальной поддержки по обращаемости к ним идут государственные службы занятости и социального обеспечения, а затем работодатели. Органы социальной защиты населения Алтайского края не оценены сельскими бедными в качестве высокозначимого субъекта социальной поддержки относительно реальных потребностей последних.

В течение года, предшествующего опросу (до весны 2011 г.), около половины сельских бедных получали помощь от людей, с которыми не проживают. Обездоленным преимущественно оказывалась натуральная помощь. В отличие от других категорий бедных, обездоленные придают большое значение для семейного бюджета оказываемой помощи односельчан.

7.3. Оценка населением и экспертами государственной и муниципальной политики по решению проблем бедности

Оценка бедным сельским населением государственной и муниципальной политики по решению их жизненных проблем. По итогам социологического опроса в 2011 г., бедное сельское население относительно невысоко оценивает действия государства и органов местного самоуправления по решению тех или иных проблем в своей жизни (материальные, жилищные проблемы, безработица, получение достойного образования и т.д.).

Наиболее высокие оценки встречаются в области государственной образовательной политики, здравоохранения (независимо от пола, принадлежности к возрастной группе, группе бедности) и колеблются от 0,5 до 50,4% (рис. 7.11).

Действия государства по решению материальных, жилищных проблем, а также безработицы, угрозы увольнения оцениваются сельскими жителями сравнительно низко. Низкие оценки (*«плохо»* и *«очень плохо»*) колеблются в пределах от 47,7до 14,1%.

Сравнивая полученные данные с результатами социологического опроса 2008 г., мы можем говорить о том, что рейтинг мер социальной политики в оценках сельского населения практически не изменился. Оценка сельскими жителями действий государства по решению социальных проблем и прежде всего жизненных проблем самого респондента показала, что на долю «хороших» и «отличных» оценок приходится не более 10-12%, низкие оценки (*«плохо»* и *«очень плохо»*) колеблются в пределах от 32 до 43%. Причем наиболее высоко оценивают селяне действия государства также в области образовательной политики и здравоохранения, а самые низкие оценки получены по решению материальных проблем, проблем жилищно-коммунального хозяйства.

Рис. 7.11. Оценка бедными сельскими жителями действий государства по решению проблем своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

В оценках действий государства, данных бедным сельским населением в 2011 г., обнаружены существенные различия по возрастным группам. Молодежь давала преимущественно низкие оценки (*«плохо»* и *«очень плохо»*) действиям государственной политики по решению различных проблем своей жизни: их доля колеблется в пределах от 18,7 до 47,7% по оценке решения материальных проблем, от 22,4 до 44,9% – безработицы, угрозы увольнения, от 26,2 до 36,4% – жилищных проблем. Действия государства по обеспечению достойным образованием себя и своих детей молодежь оценивала уже не так низко, как респонденты среднего и старшего трудоспособного возраста (Приложение 3, рис. 3.12–3.15).

Оценки бедными сельскими жителями политики органов местного самоуправления не отличаются существенно от оценок действий государства. Примечательно, что действия органов местной власти сельские жители также оценивают выше в таких областях, как здравоохранение и образование, нежели при решении материальных, жилищных проблем, безработицы.

Оценки бедными сельскими жителями политики органов местного самоуправления не отличаются существенно от оценок действий государства (рис. 7.12). Примечательно, что действия органов местной власти сельские жители также оценивают выше в таких областях, как здравоохранение и образование, нежели при решении материальных, жилищных проблем, безработицы. Так, в разрезе групп бедных при оценивании сельским населением решения их материальных проблем силами органов местной власти преобладают преимущественно низкие оценки (*«плохо»* и *«очень плохо»*), которые колеблются в пределах от 30,1 до 41,4% (Приложение 3, рис. 3.16–3.18).

Рис. 7.12. Оценка бедными сельскими жителями действий органов местного самоуправления по решению проблем своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

Принимая во внимание результаты социологического опроса 2008 г., можно констатировать, что оценки сельского населения действий местных органов управления существенно не изменились: на долю высоких оценок приходится от 4 до 9%, удельный вес низких оценок по решению отдельных проблем составляет от 39 до 50%.

Оценка деятельности государства и местного самоуправления по решению проблемы социального обеспечения. Сельские бедные дали в целом сравнительно низкие оценки деятельности государства и органов местного самоуправления по социальному обеспечению их семей (рис. 7.13).

Так, большинство респондентов оценили на *«очень плохо»* и *«плохо»* как действия государства (56,3%), так и органов местного самоуправления (53,8%). Каждый третий сельский бедный дал удовлетворительную оценку действиям обоих органов. Высокие оценки (*«хорошо»* и *«отлично»*) действий государства получены только от 7% респондентов, органы местного самоуправления так оценили почти в два раза меньше сельских бедных – 3,8%.

Сельские бедные Республики Алтай более негативно оценивают действия государства и особенно органов местного самоуправления в решении указанной проблемы (Приложение 3, табл. 3.7). Так, удовлетворительные оценки действий государства по решению данной проблемы дали 34,5% жителей Алтайского края и 25% респондентов Республики Алтай, действий органов местного самоуправления – 35,5 и 21,7% соответственно.

В целом наиболее негативную оценку действий государства и органов местного самоуправления дают представители среднего и старшего трудоспособного возраста, что, возможно, связано с тем, что данная категория, как правило, «выпадает» из различных программ социальной поддержки (Приложение 3, рис. 3.19-3.20).

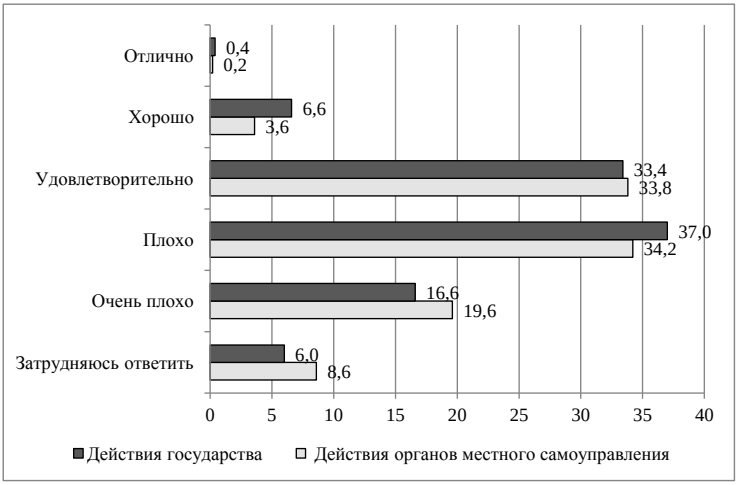


Рис. 7.13. Оценка действий государства и органов местного самоуправления в области социального обеспечения

Анализ оценок действий государства и органов местного самоуправления разными категориями бедных показал, что ***более негативно оценивают данные действия лица, отнесенные к категории обездоленных.*** Так, *«плохо»* и *«очень плохо»* действия государства и органов местного самоуправления оценили 63,6% респондентов данной группы, что выше, чем в других категориях. Положительные оценки *(«хорошо»)* действий государства дали 4,5% обездоленных, действий органов местного самоуправления – только 3%.

Экспертная оценка государственной и муниципальной политики преодоления бедности. По результатам полуформализованного интервью с экспертами – руководителями местных органов управления, проведенного в 2011 г., получены довольно низкие оценки эффективности современной политики по борьбе с бедностью: федеральная и региональная (субъекта федерации) политики – по 2,9 балла из пяти возможных, политика местного самоуправления – 2,6 балла. Руководители агропромышленных предприятий и общественных организаций села более критично оценивают эффективность государственной и муниципальной политики по борьбе с бедностью. Оценка директорами предприятий (по пятибалльной шкале) федеральной и региональной политики равна чуть более 2 баллам, политика местного самоуправления оценена почти на 2 балла. Руководители общественных организаций

дали самую низкую оценку политике федеральных органов власти (1,9 балла), но чуть выше, чем директора предприятий, оценили региональную (2,2) и местную (2,0) политики.

По мнению руководителей местных органов управления, за последние три года федеральная помощь в преодолении бедности россиянам заключалась главным образом в мерах по содействию трудоустройства, самозанятости, по увеличению размера социальных выплат, улучшению жилищных условий. Помощь региональных властей сельским жителям в решении проблем бедности заключалась, по мнению представителей местных органов управления, также в основном в содействии трудоустройству и самозанятости, улучшении жилищных условий, увеличении социальных выплат, оказании материальной помощи, установлении льгот по газификации. На муниципальном уровне – это также прежде всего содействие трудоустройству и самозанятости, но кроме того, денежные выплаты беременным, поддержка малого бизнеса, улучшение жилищных условий.

В качестве реальных мер, направленных на сокращение сельской бедности, которые наиболее часто предпринимаются государственными и муниципальными органами управления, большинство экспертов указывают организацию общественных работ и временной занятости, содействие трудоустройству по месту жительства, содействие предпринимательству и самозанятости населения. Следующими по популярности мерами являются поддержка семейного крестьянского хозяйства, профессиональная ориентация населения, профессиональное обучение и переобучение. Заметно реже (их отмечают менее трети экспертов) реализуются такие меры, как микрокредитование, целевая поддержка рабочих мест, создание дополнительных рабочих мест, содействие трудоустройству с выездом в другие районы, регионы на сезонные работы (на Север вахтовым методом в зимнее время и др.), помощь слабозащищенным группам населения (молодежи, инвалидам, беженцам) путем квотирования рабочих мест, поддержку доходов бедных и безработных, защиту прав наемных работников.

Вновь всплыли также вопросы необходимости более высокой оплаты труда, создания рабочих мест и обеспечения молодежи жильем (*«нет возможности привлекать молодых, потому что жилья нет, его никто не строит»; «нет мотивации не только из-за диспаритета цен, но и диспаритета в заработных платах. Сельский труд ведь – каторжный труд, это тяжелый труд, и платить гроши и ждать результата, что человек будет с радостью идти на работу и с радостью возвращаться – утопия»* (представитель законодательного органа региона). Руководитель органа социальной защиты региона подчеркивает: *«Для молодежи самое главное – это жилье и это, безусловно, работа. И в этих направлениях в Алтайском крае, в частности, идет у нас развитие тех программ, которые есть. Это «Жилье – молодежи села», программа работает. И создаются через службу занятости рабочие места. Эти два направления достаточно эффективны. При соци-*

альной ответственности самого молодого человека и при профессиональных навыках и желании работать».

К организациям, которые играют наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности, по мнению подавляющего большинства экспертов, относятся в первую очередь государственная служба занятости, центры занятости, а также государственные органы социальной поддержки населения (*табл. 7.5*).

Таблица 7.5

Рейтинг организаций, играющих наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности (по данным опроса 2011 г.)

Организации	Представители местных органов управления		Руководители сельских предприятий		Руководители обществ. организаций		Общий рейтинг		
	кол-во ответов	рейтинг	кол-во ответов	рейтинг	кол-во ответов	рейтинг	кол-во ответов	%	рейтинг
Государственная служба занятости, центры занятости	32	1	15	1	8	1	55	87	1
Государственные органы социальной поддержки населения	27	2	9	2	7	2	43	65	2
Другие государственные (федеральные и региональные) органы управления	2	7	1	6	1	7	4	6	6
Органы местного самоуправления	12	5	6	3	5	3	23	35	4
Сельские предприятия, учреждения (государственные, муниципальные, частные)	13	4	5	5	1	6	19	29	5
Фермерские хозяйства, частные предприниматели (без образования юридического лица)	21	3	6	4	4	4	31	47	3
Общественные организации: молодежные, женские, ветеранов, инвалидов и т.п.	1	8	0	7	3	5	4	6	6
СМИ	3	6	1	6	0	8	4	6	6
Религиозные организации	0	9	0	7	0	8	0	0	7

Третье место по значимости занимают фермерские хозяйства или частные предприниматели (без образования юридического лица). Затем экспертами отмечается, что немаловажную роль в преодолении сельской бедности играют органы местного самоуправления, остальные сельские предприятия и учреждения.

* * *

Таким образом, результаты социологических исследований позволили получить следующие результаты и выводы по оценке политики преодоления бедности.

1. Действия государства и органов местной власти оцениваются бедным сельским населением относительно низко. Причем по сравнению с результатами социологического опроса 2008 г., оценки сельского населения не претерпели каких-либо существенных изменений. Сельское население сравнительно низко оценивает действия государства и органов местного самоуправления по улучшению их социально-экономического положения, наиболее низкие оценки получены по решению материальных и жилищных проблем, проблем безработицы, что отчасти вызвано низким уровнем информированности о проводимых мероприятиях, а также недостаточной эффективностью и масштабностью реализуемых действий.

2. Экспертные оценки эффективности государственной и муниципальной политики по борьбе с сельской бедностью также низки, особенно это касается действий местных органов. К наиболее эффективным реализуемым мерам по преодолению бедности на селе относятся организация общественных работ и временной занятости, содействие трудоустройству, предпринимательству и самозанятости.

Наибольшую помощь сельским бедным оказывают такие организации, как государственная служба занятости, государственные органы социальной поддержки населения, органы местного самоуправления.

7.4. Роль сельского бизнеса и общественных организаций в преодолении сельской бедности

Характер и специфика участия сельского бизнеса в решении проблем бедности. В условиях становления и развития многосубъектной социальной политики в России, формирования местного самоуправления особую роль в социальном развитии села, поддержке социальной инфраструктуры, преодолении сельской бедности и помощи беднякам, проживающим на селе, продолжают играть сельские предприятия.

Большинство руководителей старается что-либо предпринять для улучшения материального положения своих работников (табл. 7.6). В 2011 г. доля руководителей, не оказывающих помощь своим работникам, практически не изменилась в сравнении с 2008 г. и составила 10% (против 13% в 2008 г.). В основном (так же, как и в 2008 г.) отличившимся работникам выплачивают денежные премии (редко – премии в натуральном виде). Широко

применяется предоставление работникам льгот на приобретение скота, кормов, семян, твердого топлива, сена, некоторых продуктов питания (мука, масло подсолнечника) в отличие от 2008 г., когда такие виды помощи оказывались редко. Также часто встречается такой способ помощи, как предоставление служебного транспорта. В 2008 г. эта мера была распространена реже: средний уровень распространенности.

Таблица 7.6

Формы поддержки, оказываемой сельскими предприятиями своим работникам в 2008 и 2011 гг. (по результатам опросов руководителей предприятий)

	2008 г.	**2011 г.**
Выплачивает отличившимся работникам денежные премии	***	***
Премирует отличившихся работников товарами	*	*
Предоставляет льготы на приобретение скота, кормов, семян, дров, др.	*	***
Реализует продукцию предприятия по более низким ценам	***	**
Оказывает материальную помощь нуждающимся работникам	**	**
Оказывает помощь ветеранам предприятия	*	*
Организует льготное питание	**	**
Предоставляет служебный транспорт	**	***
Вкладывает средства в развитие персонала, повышение профессионально-квалификационного уровня работников	**	**
Осуществляет поддержку молодежи, в т.ч. путем участия в образовательных проектах, программах, организует или оказывает помощь в проведении молодежных мероприятий	*	*
Помогает оплачивать расходы на обучение в вузах детей своих работников	*	*
Назначает стипендии для своих работников и их детей, обучающихся в вузах	*	-
Оказывает помощь в организации медицинского обслуживания: диспансеризация, дополнительное медстрахование	*	**
Строит или предоставляет жилье для своих работников и приглашенных специалистов	**	*
Выдает ссуды (кредиты) или гарантии для получения кредита на покупку или строительство жилья, хозяйственных построек и т.п.	*	*
Выдает ссуды (кредиты) или гарантии для получения кредита на приобретение дорогостоящих вещей (мебели, автомобилей и т.д.)	*	*
Оплачивает полностью или частично расходы на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях	*	-
Предоставляет путевки (погашает расходы) работникам и их семьям в дома отдыха, санатории, профилактории, курорты, летние лагеря и др.	*	*
Организует или помогает проводить спортивные мероприятия, помогает приобретать спортинвентарь	**	…
Предприятие ничего не предоставляет	*	*

*** – широко распространено (более 50% случаев); ** – средний уровень распространенности (20-49%); * – редко применяется (менее 20%); «-» – не применяется (0%).

Средне распространена среди руководителей предприятий реализация продукции предприятия по более низким ценам. Причем в 2008 г. эта мера была распространена чаще. Традиционными (распространенными как в 2011 г., так и в 2008 г.), но имеющими средний уровень распространения, являются такие способы помощи, как материальная помощь нуждающимся работникам, льготное питание, вложение средств в развитие персонала, повышение профессионально-квалификационного уровня работников. Также реализуется такая мера, как помощь в организации медицинского обслуживания: диспансеризация, дополнительное медстрахование, что в 2008 г. встречалось редко (табл. 7.6).

Редко (реже, чем в 2008 г.) применяется такая мера, как строительство или предоставление жилья для работников и приглашенных специалистов. Как в настоящее время, так и в 2008 г. редко встречаются премирование отличившихся работников, помощь ветеранам предприятия, поддержка молодежи, помощь оплаты расходов на обучение в вузах детей работников, предоставление путевок (погашение расходов) работникам и их семьям в дома отдыха, санатории, профилактории, курорты, летние лагеря и др. Раньше редко применялись такие меры помощи, как оплата полностью или частично расходов на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях, назначение стипендий для работников, их детей, обучающихся в вузах, сейчас они не применяется вовсе (табл. 7.6).

Более четверти руководителей предприятий не оказывают помощи не являющимся их работниками малообеспеченным односельчанам. Остальные в основном помогают бедным в приобретении скота, кормов, семян, дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.), предоставляют служебный транспорт для оказания медицинской помощи (табл. 7.7).

Помогают также участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют бесплатное или льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях, оказывают помощь школе, медицинским учреждениям *(«предоставление молока в детское отделение районной больницы»)*.

О роли сельского бизнеса в решении проблем бедности косвенно можно судить также по ответам экспертов-сельских предпринимателей об их участии в улучшении социального и экономического положения жителей села. По результатам опроса 2008 г. большинство экспертов отметили, что поддерживали и организовывали массовые культурно-развлекательных мероприятия на селе, участвовали в финансировании культурных объектов, оказывали материально-техническую помощь дому культуры (клубу), участвовали в благоустройстве села (дороги, озеленение и др.). Многие подчеркнули распространенность таких практик, как оказание материально-технической помощи администрации сельского совета поселения, поддержка деятельно-

сти и обновление материальной базы школы и других образовательных учреждений, развития спорта, покупка спортинвентаря, участие в финансировании спортивных мероприятий и спортивных объектов, поддержка незащищенных групп населения (пенсионеров, инвалидов, бедных семей и др.). Некоторую популярность имеют также практики оказания материально-технической помощи детскому саду и другим детским дошкольным учреждениям, помощи в оборудовании детских площадок и лагерей труда и отдыха, пляжей и т.п. Значительно реже встречаются такие формы поддержки предпринимателями, как материально-техническая помощь больнице (амбулатории) и другим медицинским учреждениям, участие в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, в финансировании строительства религиозных объектов.

Таблица 7.7

Виды помощи, оказываемой сельскими предприятиями малообеспеченным селянам

Виды помощи	**2011 г.**
Предприятие никакую помощь не оказывает	**
Помощь в приобретении скота, кормов, семян, дров, другое	***
Реализует продукцию предприятия по более низким ценам	**
Оказывает материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.)	*
Организует бесплатное или льготное питание	*
Предоставляет служебный транспорт для оказания медицинской помощи	*
Помогает оплачивать расходы на обучение детей	*
Оказывает помощь в строительстве жилья, хозяйственных построек и т.п.	–
Участие в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве	*
Помогает оплачивать расходы на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях	*
Помощь школе	*
Помощь медицинским учреждениям	*

*** – широко распространено (более 50% случаев); ** – средний уровень распространенности (20–49%); * – редко применяется (менее 20%); «–» – не применяется (0%)

В рейтинге организаций, играющих наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности, сельский бизнес, по мнению руководителей предприятий, лидирующую позицию не занимает, но все-таки играет важную роль. По оценкам экспертов в 2004 и 2011 гг., среди организаций, поддерживающих бедных, высокой была и остается роль фермерских хозяйств, частных предпринимателей (без образования юридического лица), а муниципальным предприятиям эксперты дали самый низкий рейтинг (табл. 7.8). В качестве примеров сокращения сельской бедности эксперты в первую очередь приводили примеры, связанные с развитием предпринимательства и созданием рабочих мест. Рейтинг государственных предприятий упал со вто-

рого на третье место, а частных предприятий, напротив, – поднялся с третьего на второе место. Для сравнения: в 2008 г. эксперты–руководители предприятий фермерским хозяйствам давали самый высокий рейтинг организаций, играющих наиболее значимую роль в развитии социальной сферы села, второе место было у частных предприятий, а частным предпринимателям без образования юридического лица оставляли четвертое место.

Среди представителей государственных органов власти встречаются разные позиции в оценке роли агропромышленного бизнеса по решению социальных проблем села. Однако преобладают достаточно высокие оценки его значимости: *«сельские предприниматели – очень отзывчивые, отзываются на всевозможные предложения, и на создание в социальных учреждениях попечительских советов. И больше в попечительских советах находится сельских предпринимателей»* (представитель регионального органа социальной защиты населения). Несмотря на то, что *«первая забота – это все-таки выжимание прибыли и удовлетворение своих потребностей»*, предприятия все же готовы оказывать помощь своим односельчанам: *«некоторые руководители работают и на социальную сферу, и стараются помочь решать проблемы селян; есть такие руководители, но их, к сожалению, не так много, очень мало… Постепенно придут к этому»* (депутат законодательного органа региона). Положительное влияние деятельности сельского бизнеса на материальное положение селян и решении других социальных проблем проявляется в «*увеличении рабочих мест»,* «*в софинансировании программы социальной поддержки малоимущих граждан и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации (не пьяниц, а детей и стариков), «в поддержке продуктами, какой-то натуроплатой, причем и по льготной цене, и даже иногда бесплатно»*. Отмечая необходимость в повышении роли агропромышленных предприятий в социальном развитии села, лишь один из экспертов обратил внимание на негативные изменения в отношении многих руководителей агропромышленных предприятий к социальной поддержке селян в последние годы: *«слушать даже не хотят об этом, в лучшем случае на похороны выделят деньги».*

Бедное сельское население, в отличие экспертов, в значительно меньшей степени признает роль сельского бизнеса в решении разнообразных жизненных проблем (которые прямо или косвенно связаны с бедностью). Крайне редко малообеспеченные селяне обращаются за помощью к начальству по месту работы, еще реже – в частные организации, фермерские хозяйства, к предпринимателям. Также ничтожно мала доля респондентов, отметивших, что им оказали помощь вышеназванные организации (*рис. 7.7*). Среди видов оказанной помощи основными являются материальная помощь, предоставление кредитов, ссуд, займов.

Значимость общественных организаций в преодолении сельской бедности. Эксперты-представители власти очень низко оценивают роль общественных организаций в преодолении сельской бедности и помощи бедным.

Таблица 7.8

Рейтинг субъектов хозяйствования, играющих наиболее значимую роль в поддержке бедных, решении проблем сельской бедности

Организации	2004 г.			2011 г.		
	Кол-во ответов	%	Рейтинг	Кол-во ответов	%	Рейтинг
Государственные предприятия, учреждения	2	8	2	8	11	3
Муниципальные предприятия, учреждения	6	3	4	7	9	4
Частные предприятия, учреждения	9	4	3	9	12	2
Фермерские хозяйства, частные предприниматели (без образования юридического лица)	11	46	1	31	41	1

По результатам полустандартизированного интервью, проведенного среди трех групп экспертов (представителей органов местного самоуправления на селе, руководителей сельских предприятий и общественных сельских организаций), общественные организации в решении проблемы сельской бедности значительную роль не играют (пятое место из семи возможных, лишь 13% экспертов признают их важность) – см. табл. 7.5. Сами представители общественных организаций также невысоко оценивают свою роль в решении проблемы сельской бедности, отводят себе пятое место из семи возможных. Лишь треть таких экспертов отмечает, что общественные организации оказывают значимую помощь бедным селянам, помогают в преодолении бедности (пятое место из семи возможных в рейтинге организаций, играющих наиболее существенную роль в решении проблемы сельской бедности).

Вместе с тем значимость общественных организаций в оценках экспертов за последние годы несколько выросла. Ранее, по данным опроса экспертов в 2004 г., профсоюзы и другие общественные организации даже не включались экспертами в список организаций, которые помогут преодолеть сельскую бедность. В 2008 г. среди представителей сельского бизнеса уже появились те, кто признавал важность общественных организаций в развитии социальной сферы села (немногим более 6%, шестое место из семи возможных).

Хотя активность общественных организаций и не является определяющей в решении проблемы сельской бедности, руководители общественных организаций в 2011 г. отметили, что их деятельность в целом направлена на поддержку бедных. В частности, молодежные организации принимают участие в решении проблем сельской молодежи: содействуют в получении молодежью жилья, участвуют в реализации образовательных программ (в т.ч. профессиональной ориентации, профессионального обучения и переобучения), организуют общественные работы, проводят мероприятия в сфере досуга и отдыха. Организации пенсионеров содействуют в решении таких вопро-

сов, как получение социальных льгот, оказывают материальную помощь, проводят мероприятия в сфере досуга и отдыха, участвуют в организации общественных работ, помощи в семейном крестьянском хозяйстве, решении бытовых проблем, содействуют в решении проблем улучшения жилищных условий. Женские организации поддерживают доходы бедных и безработных сельских женщин, содействуют в получении жилья, оказывают моральную поддержку сельским женщинам, организуют общественные работы, помогают в семейном крестьянском хозяйстве. Организации инвалидов участвуют в решении проблем инвалидов, в частности, в форме поддержки доходов бедных инвалидов, организации общественных работ, мероприятий в сфере досуга и отдыха.

По результатам опроса представителей общественных организаций в 2008 г., их участие в развитии социальной сферы села и улучшении социального положения сельских жителей заключалось главным образом в поддержке и организации массовых культурно-развлекательных и спортивных мероприятий на селе, помощи в деятельности школы и других образовательных учреждений, в благоустройстве села и поддержании общественного порядка, а также в поддержке незащищенных групп населения (пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, бедных семей и др.).

Малообеспеченные сельские жители почти не обращаются за помощью в решении проблем в общественные организации. Ничтожна доля тех селян, кому общественные организации оказали помощь в решении проблем (менее 1% опрошенных). Такая помощь заключалась в предоставлении путевок в лагерь, а также ссуд, кредитов или займов; кроме того, оказывалась материальная помощь.

* * *

Таким образом, анализ значимости сельского бизнеса и общественных организаций в решении проблем бедности на селе показал следующее.

1. В целом, по мнению экспертов, сельский бизнес играет значительную роль в преодолении бедности сельского населения. Эксперты–представители бизнеса как в настоящее время, так и в докризисный 2008 г., отмечают, что принимают непосредственное участие в решении социальных проблем села в целом, и в частности, в решении проблемы бедности. Помогают они как своим работникам, так и бедным односельчанам, на предприятиях не работающим.

Представители региональной власти и органов местного самоуправления, общественных организаций отмечают значимую, но недостаточную роль сельского бизнеса в решении проблемы бедности. Малообеспеченное сельское население склонно не обращаться с проблемами к представителям сельского бизнеса, но обращавшиеся респонденты в основном отмечали, что помощь они получали.

2. Подавляющее большинство (90%) представителей бизнеса способствуют, по их мнению, улучшению материального положения работников,

применяя такие традиционные меры, как премирование, установление льгот на приобретение скота, кормов, семян, твердого топлива, сена, некоторых продуктов питания, материальная помощь нуждающимся, льготное питание, повышение профессионально-квалификационного уровня работников. Руководители предприятий стали реже строить и предоставлять жилье работникам. В настоящее время не применяется такая мера, как частичная или полная оплата расходов на содержание детей в детских дошкольных учреждениях, что осуществлялось ранее. Руководители предприятий стали больше времени уделять организации медицинского обслуживания в своих организациях.

3. Почти три четверти представителей сельского бизнеса оказывают помощь малообеспеченным односельчанам: в основном в приобретении скота, кормов, семян и дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.), предоставляют служебный транспорт для оказания медицинской помощи. Помогают также участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют бесплатное или льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, их содержание в дошкольных учреждениях, оказывают помощь школе, медицинским учреждениям.

4. Современное село характеризуется низким уровнем развития институтов гражданского общества. Эксперты–представители власти как в Алтайском крае, так и в Республике Алтай очень низко оценивают роль общественных организаций в преодолении сельской бедности и помощи бедным. Среди наиболее значимых общественных организаций можно выделить молодежные, женские, ветеранские, организации пенсионеров, инвалидов. В основном используются традиционные методы решения проблем селян: материальная помощь (в том числе натуральная), моральная поддержка, организация досуга отдельных категорий селян и прочее.

Глава 8. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

8.1. Перспективы преодоления бедности сельского населения: институциональные основы и субъективные оценки

Институциональные основы преодоления бедности сельского населения. Перспективы преодоления бедности в России заложены в федеральных и региональных стратегических документах и программах. На федеральном уровне признано, что бедность несет угрозу национальной безопасности страны. Так, согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»[1] обеспечение национальной безопасности включает повышение качества жизни российских граждан, для чего силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества, в частности, содействуют росту благосостояния, сокращению бедности и различий в уровне доходов населения.

Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»[2] основными целевыми ориентирами социальной политики являются: снижение уровня абсолютной бедности с 13,4% в 2007 г. до 6-7% в 2020 г. и относительной бедности (малообеспеченной части населения) с 22% в 2007 г. до 15% в 2020 г., увеличение среднего класса к 2020 г. до более половины населения; снижение дифференциации населения по уровню доходов (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных) с 16,8 раза в 2007 г. до 12 раз в 2020 г. и др. Одно из направлений долгосрочной политики социальной поддержки населения – улучшение социального климата в обществе, снижение бедности и уменьшение дифференциации населения по уровню доходов. Основными факторами борьбы с бедностью и улучшения благосостояния населения являются высокие темпы экономического роста, создание эффективных рабочих мест и рост заработной платы. Огромное влияние на улучшение социальной ситуации окажут позитивные изменения в системах образования и здравоохранения.

Одним из направлений развития аграрного и рыбохозяйственного комплексов, согласно Концепции, является создание предпосылок для устойчивого развития сельских территорий, включая: осуществление мер по улучшению демографической ситуации в сельской местности и обеспечению занятости сельского населения, созданию новых рабочих мест, в том числе путем развития альтернативной деятельности, а также по снижению бедности сельского населения; развитие социальной инфраструктуры и инженерного обустройства села; улучшение жилищных условий сельского населения, под-

[1] Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537.

[2] Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

держка комплексной компактной застройки и благоустройство сельских поселений; повышение престижности сельскохозяйственного труда; развитие на селе местного самоуправления и институтов гражданского общества.

В качестве одного из итогов реализации стратегических направлений «Концепции социально-экономического развития Алтайского края до 2020 года»[1] представлено сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума до 3-4%. Малообеспеченное население составит 20-25%. Доля населения со средними доходами составит не менее 50-55%.

Главной целью «Долгосрочной программы социально-экономического развития Алтайского края на период до 2017 года»[2] является достижение высокого уровня благосостояния населения на основе создания конкурентоспособной и сбалансированной экономики, обладающей долгосрочным потенциалом динамичного роста. К ожидаемым результатам реализации программы относится сокращение доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума до 6%. В Программе уделено внимание таким проблемам сельской местности, как более высокий уровень безработицы на селе по сравнению с гордом, низкая рентабельность и низкая доля совокупных налоговых поступлений аграрного сектора, занимающего доминирующее положение в структуре экономики края, выделены основные проблемы сельского хозяйства (низкие темпы технического перевооружения в сельском хозяйстве, экстенсивное ведение сельскохозяйственного производства, низкое качество жизни сельского населения, сложное положение в социальной сфере, низкая заработная плата и занятость и др.).

Стратегической целью № 1 Программы является достижение высокого уровня благосостояния населения и создание благоприятного социального климата для деятельности и здорового образа жизни. Для повышения материального благосостояния населения предполагается реализовать действия, направленные на уменьшение уровня бедности как фактора, непосредственно влияющего на качество человеческого капитала и, следовательно, на конкурентоспособность края. Одним из стратегических приоритетов Программы является развитие АПК – одной из значимых отраслей края, за счет которой формируется значительная доля ВРП.

Государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»[3] включает в себя в качестве подпрограмм развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, модернизацию и развитие социального обслуживания населения, совершенствование социальной поддержки семьи и детей, повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. Целью программы является создание условий для роста благосостояния граждан-получателей мер социальной поддержки и повышение доступности социаль-

[1] Одобрена Постановлением Администрации Алтайского края от 28 декабря 2007 № 622.
[2] Утверждена постановлением Администрации Алтайского края от 21 сентября 2009 г. № 394.
[3] Утверждена Распоряжением Правительства РФ № 2553-р от 27 декабря 2012 г.

ного обслуживания населения. Программа включает следующие задачи: выполнение обязательств государства по социальной поддержке граждан; обеспечение потребностей граждан старших возрастов, инвалидов, включая детей-инвалидов, семей и детей в социальном обслуживании; создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, функционирования института семьи, рождения детей; повышение роли сектора негосударственных некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг.

Индикаторами реализации Программы являются доля населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, в общей численности населения Российской Федерации и доля граждан, получивших социальные услуги в учреждениях социального обслуживания населения, в общем числе граждан, обратившихся за получением социальных услуг в учреждения социального обслуживания населения. Одним из ожидаемых результатов Программы является снижение бедности среди получателей мер социальной поддержки на основе расширения сферы применения адресного принципа ее предоставления.

Подпрограмма «Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» Программы «Социальная поддержка граждан» направлена на расширение масштабов представления в денежной форме мер социальной поддержки отдельным категориям граждан с соответствующим сокращением мер социальной поддержки, предоставляемой в натуральной форме; повышение охвата бедного населения программами предоставления мер социальной поддержки. Основными мерами социальной поддержки отдельных категорий граждан являются меры социальной поддержки в денежной форме (в том числе ежемесячные денежные выплаты, социальные доплаты к пенсиям, субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг, компенсационные и единовременные выплаты, выплаты, приуроченные к знаменательным датам, адресная материальная помощь в денежной форме), меры социальной поддержки в натуральной форме (в том числе обеспечение необходимыми лекарственными средствами по рецептам врача; предоставление при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение; бесплатный проезд на городском пассажирском и пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно; предоставление и содержание жилых помещений; натуральная помощь), меры социальной поддержки в форме льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг и др., меры социальной поддержки в виде предоставления услуг (медицинское, протезно-ортопедическое обслуживание и пр.). Программа предусматривает перечень категорий граждан, нуждающихся в социальной поддержке.

Целью ДЦП «Содействие занятости населения Алтайского края»[1] на 2013-2015 гг. является создание условий для развития эффективного рынка труда, обеспечивающего стабильный рост качества занятости и уровня жизни населения Алтайского края. Ожидаемыми конечными результатами реализа-

[1] Утверждена постановлением Администрации Алтайского края от 29.12.2012 № 741.

ции программы и показателями социально-экономической эффективности являются снижение к концу 2015 г. уровня официально зарегистрированной безработицы (по отношению к численности трудоспособного населения) до 2,0%; обеспечение повышения конкурентоспособности на рынке труда не менее 20,0% безработных граждан; увеличение доли трудоустроенных граждан в общей численности граждан, обратившихся в органы службы занятости за содействием в поиске подходящей работы, до 65,0% к 2015 г.; создание и сохранение ежегодно до 30,0 тыс. рабочих мест для трудоустройства ищущих работу и безработных и граждан; увеличение удельного веса трудоустроенных инвалидов в общей численности инвалидов, обратившихся в органы службы занятости за содействием в поиске подходящей работы, до 46,5% к 2015 г. В рамках действия программы планируется сохранить имеющиеся и создать порядка 84 тыс. новых рабочих мест. Пройдут профессиональное обучение более 18 тыс. безработных граждан. Получат поддержку порядка 4 тыс. предпринимательских инициатив граждан. Общественно полезным трудом будут заняты около 33 тыс. человек. Благодаря программе 40 тыс. подростков смогут получить первый трудовой опыт.

Одной из мер, которая может помочь преодолеть бедность, является заключение социального контракта[1], представляющего собой соглашение, которое заключено между гражданином и органом социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания гражданина и в соответствии с которым орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, гражданин – реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации. Программа социальной адаптации представляет собой разработанные органом социальной защиты населения совместно с гражданином мероприятия, которые направлены на преодоление им трудной жизненной ситуации, определенной в соответствии с законодательством Российской Федерации, и включают в себя виды, объем и порядок реализации этих мероприятий. Мероприятия могут включать в себя поиск работы; прохождение профессиональной подготовки, переподготовки; осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности; ведение личного подсобного хозяйства; осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации.

Бедность, концентрирующаяся на селе, тормозит процесс устойчивого развития сельских территорий. Согласно Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г.[2] целям государственной политики устойчивого сельского развития до 2020 г. соответствует снижение уровня бедности сельского населения в 2,3-2,5 раза – до 18-19%. В данной Концепции детально проработаны механизмы преодоления бедности сельского населения. Основные направления государственной по-

[1] Данная мера предусмотрена Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 25.12.2012) «О государственной социальной помощи».
[2] Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.

литики в области устойчивого развития сельских территорий включают демографическую политику и создание условий для переселения в сельскую местность, диверсификацию сельской экономики, политику повышения занятости и доходов сельского населения, улучшение жилищных условий сельского населения, развитие социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры и др.

На смену ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года», которая реализуется с 2003 года, придет ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»[1]. Главные цели программы – создать благоприятные условия жизни в сельской местности, в том числе для молодых специалистов и их семей, и существенно повысить престиж сельского образа жизни. На реализацию ФЦП планируется затратить в общей сложности около 300 млрд рублей. Из них – 90,4 млрд рублей будут выделены из федерального бюджета, 134,5 млрд – из региональных бюджетов, и ещё 74,3 млрд – из внебюджетных источников. Программа будет реализована в два этапа (первый с 2014 по 2017 гг., второй – с 2018 по 2020 гг.). По прогнозным оценкам, реализация мероприятий Программы позволит обеспечить к 2020 г. достижение следующих результатов, отражающих эффективность предусмотренных в Программе мер государственной поддержки: улучшение жилищных условий 75,5 тыс. сельских семей, в том числе 42,1 тыс. молодых семей и молодых специалистов; сокращение количества обучающихся в общеобразовательных учреждениях, находящихся в аварийном состоянии, на 22,2 тыс. человек; расширение сети фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врачей общей практики на 858 единиц; привлечение к занятиям физической культурой и спортом граждан, проживающих в сельской местности, прежде всего молодежи, путем расширения сети плоскостных спортивных сооружений на 519,2 тыс. кв. метров; улучшение доступа сельского населения к услугам учреждений культурно-досугового типа путем расширения сети таких учреждений на 9,96 тыс. мест; повышение уровня инженерного обустройства сельских поселений газом – до 60,1%, водой – до 61,9%; обеспечение реализации проектов комплексного обустройства площадок под компактную жилищную застройку в 132 сельских поселениях; повышение гражданской активности граждан, проживающих в сельской местности, а также активизация их участия в решении вопросов местного значения путем поддержки 775 проектов местных инициатив; привлечение внимания общества к достижениям в различных сферах развития сельских территорий путем проведения ежегодных всероссийских мероприятий (спортивных соревнований, конкурсов).

Перспективные направления и технологии преодоления сельской бедности в оценках населения и экспертов. На данный момент в нашей стране нет программы по борьбе с бедностью, в т.ч. с бедностью сельского населения, и в ближайшее время ее создание не планируется. Большинство экспертов (руководителей региональных органов власти) не видят целесооб-

[1]Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 8 ноября 2012 г. № 2071-р.

разности в создании подобной программы: *«Если эта программа будет создана отдельно, вне производства, вне социального блока, она останется бумагой. Должно быть вначале, первично – производство, вторично – люди, и третично – вот эти все программы, которые привязаны к людям и к производству»* (бывший советник губернатора региона по сельскому хозяйству); *«Дополнительная целевая программа не нужна, если мы укрепим существующие. В любом случае они направлены прежде всего на увеличение объемов производства, повышение уровня доходов сельских жителей»* (председатель комитета законодательного органа региона); *«Я против создания каких-то целевых программ, предлагаю правительству создать нормальные экономические отношения государства в условиях рынка в агропромышленном комплексе.»* (один из руководителей законодательного органа управления регионом).

Некоторые эксперты отметили рациональность формирования подобных проектов на уровне муниципалитетов: *«Любые действия относительно села не будут лишними. Пусть каждый муниципалитет, исходя из возможностей, скажет, что у меня столько-то домов, и я их отдам бедным, которые живут в завалившихся избах; у меня столько-то земли, и я выделю наделы для своих. Главное, чтобы программы работали и имели какие-то финансовые средства»* (начальник отдела органа социальной защиты населения региона). Встречались предложения об осуществлении конкретных действий в данной области, куда следует включить *«анализ причин возникновения бедности, изучение состояния сельского населения, мероприятия, направленные на создание условий для того, чтобы можно было эту бедность преодолеть»* (начальник отдела органа социальной защиты в регионе).

Перспективы сокращения бедности сельского населения связаны с эффективностью социальной политики в данной области, реализуемой в настоящее время. Как считает около половины опрошенных представителей органов местного самоуправления (опрос 2011 г.), ситуация с бедностью сельского населения не изменится в ближайшие три года по причине неэффективной политики государственной власти и органов местного самоуправления (в частности – неэффективной политики занятости), оттока молодежи из села, пассивности селян. Полярные точки зрения разделились почти поровну. Более четверти экспертов уверены, что положение сельских бедняков ухудшится. Причины называют те же, добавляя к ним банкротство сельскохозяйственных предприятий. Позитивное мнение о возможности улучшения положения селян в ближайшие три года почти четверти представителей органов местного самоуправления связано, напротив, с реализацией эффективной политики государственной власти и органов местного самоуправления, развитием сельского бизнеса.

Для преодоления бедности сельского населения, по мнению большинства опрошенных руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов, на федеральном уровне необходима эффективная политика занятости, поддержка сельского хозяйства путем осуществления контроля за

ценообразованием, сокращения диспаритета цен, регулирования цен на сельхозпродукцию. Так, по мнению региональных экспертов, *«должен быть госзаказ, государственное регулирование и никуда от этого не деться»* (уполномоченный по правам человека в регионе), *«грантовые программы – это точечные программы, этим проблему не решишь. Здесь нужен общий государственный подход. Если не будет вложений в сельское хозяйство, то одними пожеланиями ничего не решишь»* (представитель законодательного органа региона); *«государство должно регулировать этот вопрос напрямую, и посредники не должны выступать установщиками цен…. Представители государства должны быть основными закупщиками, а не предприниматели должны скупать картошку и потом ждать, хранить на своих складах, а весной продавать ее втридорога тому же государству, детским садам, школам, интернатам и прочим»* (руководитель комитета органа социальной защиты региона).

Руководители региональных органов власти в качестве одного из основных механизмов решения проблемы бедности видят создание эффективных рабочих мест: *«Должны быть созданы хорошие сельскохозяйственные комплексы с благоприятными условиями труда* (руководитель органа социальной защиты региона); *«Либо создаем рабочие места, либо доплачиваем до прожиточного минимума»* (начальник отдела органа социальной защиты региона); *«один крестьянин, работающий в производстве, создает в других отраслях 6-7 рабочих мест»* (один из руководителей законодательного органа управления регионом). Причем рабочие места должны создаваться прежде всего в перерабатывающих отраслях: *«В первую очередь – перерабатывающие, потому что они производят продукцию! Им дать толчок, чтобы рядом с производителем был переработчик, без посредника»* (представитель законодательного органа региона). Немаловажным является повышение заработной платы, совершенствование налогового законодательства в пользу бедных: *«Посмотрите: нигде ни в одной стране мира нет такого, чтобы 13% платили все – и бедные, и богатые»* (представитель законодательного органа региона).

На региональном уровне в качестве основных мер, наряду с мерами федерального уровня, экспертами отмечены улучшение жилищных условий селян, развитие социальной сферы, поддержка молодежи, молодых семей *(«если уж бороться с бедностью, то нужно и перераспределять адресную помощь тем, кто действительно находится в этом состоянии, а это семьи с детьми, которые проживают на селе»* (руководитель комитета органа социальной защиты региона)).

Самой эффективной мерой органов местного самоуправления по преодолению бедности сельского населения эксперты считают политику занятости, поддержку предпринимательства и сельского хозяйства, повышение активности бедных, их мотивации к труду улучшение жилищных условий селян, развитие образования и улучшение медицинского обслуживания на селе. На муниципальном уровне также необходимо повысить информированность

населения о программах развития села: *«Слабая информированность, в связи с тем, что боимся иждивенчества. Программы направлены на то, чтобы помочь гражданину самому встать на ноги, а не поддерживать его с периодичностью. А почему он не обращается? Чем ниже у человека уровень жизни, тем меньше у него потребности. Поэтому и не пытается преодолеть бедность. А если бы его стимулировали, он бы обращался в органы соцзащиты, и тем самым улучшал бы свое качество жизни»* (руководитель комитета органа социальной защиты региона).

Необходимыми мерами для преодоления бедности сельского населения, которые необходимо реализовать на федеральном уровне, как считают руководители сельских предприятий, является совершенствование законодательной базы, поддержка сельского хозяйства, сельского бизнеса, регулирование цен на сельхозпродукцию; встречается мнение о необходимости помощи сельским молодым семьям. На региональном уровне руководители сельских предприятий отмечают в качестве потенциально эффективных мер создание рабочих мест и поддержку сельского бизнеса, несколько реже – регулирование цен на сельхозпродукцию. На уровне муниципалитета, по мнению представителей сельского бизнеса, наиболее эффективными мерами преодоления бедности сельского населения могут стать создание рабочих мест, поддержка сельского хозяйства, сельского бизнеса, молодежи и информирование о программах развития села. Сельские предприниматели также отмечают, что на бедность сельского населения повлияет усиление взаимодействия власти и бизнеса, контроля за соблюдением трудовых прав со стороны работодателей.

Руководители общественных организаций так же, как и представители органов местного самоуправления, считают, что для преодоления бедности сельского населения важно создавать рабочие места, реализовывать мероприятия по содействию занятости, часто отмечается необходимость увеличения зарплат и социальных выплат. Кроме того, встречается мнение о необходимости стимулирования мотивации к труду, борьбы с алкоголизмом, пресечения *«произвола чиновников»*, развития сельского хозяйства, поддержки сельского бизнеса, молодежи.

Руководители молодежных общественных организаций в качестве необходимых мер повышения эффективности социальной поддержки бедной сельской молодежи отмечают предоставление социальных гарантий, льгот на получение образования и улучшение материального положения молодежи, более стабильное финансирование в сфере образования, увеличение количества рабочих мест, повышение заработной платы, решение жилищных проблем (*«более ускоренное получение квартир при рождении ребенка»*). Для улучшения положения пенсионеров и ветеранов, по мнению большинства руководителей общественных организаций, занимающихся решением данных проблем требуется эффективная ценовая политика, повышение трудовых и социальных пенсий, улучшение жилищных условий и повышение качества и территориальной доступности медицинских услуг. По мнению руководите-

лей женских общественных организаций, для улучшения положения бедных сельских женщин требуется увеличение размеров пособий и других мер, направленных на повышение уровня жизни многодетных семей, создание эффективных рабочих мест с достойной оплатой труда.

Повышение мотивации и экономической активности селян может стать одним из механизмов решения проблемы бедности экономически активного населения. По мнению большинства опрошенных представителей региональных и муниципальных органов управления, существенно улучшить материальное положение и преодолеть бедность селяне смогут, *«открыв свое дело»*, увеличив масштабы семейного хозяйства, вплоть до создания КФХ. Также отмечается важность поиска дополнительной работы, получения образования и повышения квалификации, различные формы трудовой миграции (маятниковой, сезонной). Самыми эффективными мерами повышения активности бедных селян эксперты считают увеличение оплаты труда, нормирование объемов работ и улучшение условий труда, моральное стимулирование, льготы на приобретение скота, кормов, помощь работникам в обучении в вузах детей, в улучшении жилищных условий. Кроме того, выделяют выдачу или лишение денежных премий, повышение доступности кредитов (потребительских, на ведение ЛПХ), улучшение условий досуга и отдыха работников. Экспертами выделена проблема большей выгоды в получении пособия по безработице, чем низкооплачиваемой работы, отрицательно влияющей на мотивацию труда.

Повысить заинтересованность бедных сельских жителей в труде, по мнению руководителей предприятий и общественных организаций, можно не только повышением оплаты труда и денежными премиями, а также льготами на приобретение скота, кормов, дров и др., помощью в обучении в вузах детей работников. Кроме того, эксперты выделяют такие положительные стимулы, как помощь работникам в улучшении жилищных условий, повышение доступности кредитов на ведение личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств и потребительских кредитов, увеличение закупочных цен на сельхозпродукцию, улучшение условий отдыха и досуга работников (спортивные, культурные мероприятия).

В общем рейтинге положительных стимулов повышения мотивации бедных селян лидируют позиции увеличение оплаты труда, льготы на приобретение скота, кормов и др., помощь в обучении в вузах детей работников предприятий. Средний уровень распространенности имеют такие меры, как помощь работникам в улучшении жилищных условий, денежные премии, повышение доступности кредитов (на развитие ЛПХ, КФХ, потребительских), улучшение условий отдыха и досуга работников (спортивные, культурные мероприятия) – табл. 8.1.

В контексте проблем преодоления бедности практически всеми экспертами поднималась проблема закрепления молодежи на селе, которая является фактором сложившейся ситуации: *«Решить эту проблему* (закрепления молодежи на селе) *можно, если создать возможность обеспечить жизнь это-*

му молодому человеку нормальным трудом, ...через эффективное развитие производства и обеспечение его занятости, нормальными условиями труда, с нормальным заработком» (уполномоченный по правам человека в регионе).

Таблица 8.1

Рейтинг стимулов повышения мотивации бедных сельских жителей, их заинтересованности в труде (по результатам опроса экспертов, 2011 г.)

Стимулы	**Представители органов местного самоуправления**	**Руководители сельских предприятий**	**Руководители общественных организаций**	**Общий рейтинг**
Увеличение оплаты труда	***	***	***	***
Денежные премии	**	***	***	**
Льготы на приобретение скота, кормов, дров и др.	***	***	***	***
Помощь в обучении в вузах детей работников	***	***	***	***
Помощь работникам в улучшении жилищных условий	***	**	**	**
Повышение доступности потребительских кредитов	**	**	**	**
Повышение доступности кредитов на ведение личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств	**	**	**	**
Улучшение условий отдыха и досуга работников (спортивные, культурные мероприятия)	*	**	**	**
Увеличение закупочных цен на сельхозпродукцию	*	*	-	*
Возрождение колхозов и социальной сферы	*	-	-	*
Выполнение обещаний работодателя в области оплаты и условий труда	*	-	-	*
Создание рабочих мест	*	-	-	*

*** – широко распространено (более 50% случаев)

** – средний уровень распространенности (20-49%)

* – редко применяется (менее 20%), «-» – не является стимулом (0%)

Ресурсы, которых, на взгляд экспертов, не хватает для преодоления сельской бедности, можно объединить в три группы:

– наличие производственного комплекса, который обеспечивал занятость сельского населения, активное участие сельского бизнеса в решении проблем бедности, его социальная ответственность, взаимодействие с властью;

– полноценная федеральная государственная политика (в т.ч. увеличение зарплаты, социальных выплат), разумная экономическая поддержка села, сельских молодых семей, молодежи Центром, квалифицированные кадры в сфере местного самоуправления, пресечение произвола чиновников;

– экономическая активность самих бедных, их трудовая мотивация, борьба с алкоголизмом.

По результатам опроса бедного сельского населения, основными мерами, которые будут способствовать преодолению сельской бедности, являются главным образом создание рабочих мест, увеличение государственной помощи нуждающимся, в т.ч. оказание помощи в получении бесплатного высшего и среднего профессионального образования и помощи в приобретении жилья (в первую очередь отмечалось молодежью).

* * *

На основании опроса населения и экспертов выделены следующие направления и механизмы преодоления сельской бедности:

– *на федеральном уровне*: повышение занятости сельского населения (организация рабочих мест, соблюдение трудовых прав сельских жителей); поддержка сельского бизнеса и сельхозпроизводства (государственное регулирование цен на сельхозпродукцию, госзаказ, правовая поддержка сельского бизнеса – совершенствование налогового законодательства).

– *на региональном уровне:* повышение доходов и уровня жизни сельских жителей (увеличение заработной платы, социальных выплат, перераспределение средств в пользу нуждающихся, развитие программного обеспечения политики по преодолению бедности, обеспечение жильем молодежи).

– *на муниципальном уровне:* информационная поддержка программ по преодолению бедности (консультирование сельских жителей относительно возможности участия в программах, проектах, что потребует увеличения квалифицированных кадров в органах местного самоуправления).

8.2. Рекомендации по совершенствованию государственной и муниципальной политики сокращения сельской бедности

Анализ масштабов, глубины, динамики и форм сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления в условиях модернизационного развития экономики российского общества, осуществленный на основе результатов опросов населения и экспертов, статистических данных и изучения нормативно-правовых документов России, Алтайского края и Республики Алтай, позволили выделить следующие перспективные направления и технологии решения проблем сельской бедности и разработать рекомендации по совершенствованию государственной и муниципальной политики в данной области.

1. В сфере труда и занятости приоритетными направлениями являются:

– *сохранение и повышение эффективности функционирования имеющихся рабочих мест и создание новых* как важнейшего условия преодоления бедности. Особое внимание необходимо уделить поддержке крупных и средних предприятий отраслей специализации, способных производить конкурентную продукцию, а также предприятий малого бизнеса и личного подсобного хозяйства. Важно:

1) усилить присутствие государства в аграрном секторе экономики – увеличить госзаказ на основные виды сельхозпродукции, выявить причины низкой эффективности участия сельхозпроизводителей в зерновых торгах и разработать механизмы ее повышения, стимулировать производство конечной продукции с высокой долей добавленной стоимости. Более активно использовать меры антимонопольной политики и предпринять усилия по сдерживанию цен на энергоносители, горюче-смазочные материалы, сельхозтехнику. Защитить внутренний рынок от внешних интервенций некачественного продовольствия, помочь российскому производителю расширить рынки сбыта сельскохозяйственной продукции как внутри страны, так и за ее пределами, облегчить условия лизингового приобретения новой техники;

2) способствовать развитию интеграционных связей в агропромышленном комплексе страны. Необходимо расширить посредничество государства в формировании более справедливых и долгосрочных прямых связей между смежниками. В частности, между производителями фуражного зерна, животноводческими комплексами, птицефабриками и предприятиями сельхозпереработки; между производителями продовольственного зерна, мукомольными и крупяными предприятиями и т.п. Разработать и внедрить схемы сотрудничества и организации производства, позволяющие снизить налоговое бремя на сельхозпроизводителей;

3) расширить меры по развитию кооперации для сбора молока, мяса, яиц, овощей, картофеля в ЛПХ, их доставки на перерабатывающие предприятия и рынки, совместного использования техники при проведении посевных работ и сборе урожая. Обеспечить правовое сопровождение деятельности производственных, заготовительных и сбытовых кооперативов в сельской местности, поддерживать инициативы населения в этом направлении;

4) стимулировать на селе развитие самозанятости. Необходимо снизить налоговое бремя для малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, устранить административные барьеры для занятий бизнесом, развивать и дальше льготное кредитование малых форм предпринимательства. Усилить в регионах координацию деятельности по разработке и реализации целевых комплексных программ, направленных на развитие малого бизнеса, в частности, способствовать плавному переходу участников программ по снижению напряженности на рынке труда в части содействия самозанятости безработных под действие программ по поддержке малого бизнеса;

– *формирование на сельском рынке труда предложения, сбалансированного со спросом на рабочую силу в количественном и качественном аспектах* для снижения безработицы и бедности на селе. С целью повышения

качества трудовых ресурсов, быстрой адаптации сельского населения к динамично меняющимся условиям на рынке труда и удовлетворения спроса на квалифицированные кадры необходимо:

1) повысить уровень и доступность профессиональной подготовки сельского населения, содействовать распространению системы непрерывного профессионального образования, в т.ч. посредством внедрения дистанционных форм обучения;

2) уделить особое внимание подготовке молодых специалистов и квалифицированных рабочих в области сельского хозяйства, их закреплению в реальном секторе аграрной экономики путем формирования обоснованного государственного заказа на подготовку специалистов и рабочих базовых профессий, совершенствования механизма целевого набора учащихся в профессиональные учебные заведения в направлении повышения ответственности всех участников этого процесса, введения системы льготных образовательных кредитов, создания приемлемых условий для приобретения молодыми работниками благоустроенного жилья, установления для них достойной заработной платы;

3) создать кадровый резерв из высокообразованных руководителей и специалистов, квалифицированных рабочих, разработать специальную программу поддержки этой категории работников при направлении их на отсталые, нерентабельные предприятия;

4) регулярно осуществлять подготовку и переподготовку кадров местного самоуправления с целью повышения эффективности их деятельности;

5) повысить информированность сельского населения о социальных процессах на селе и о ходе реализации целевых комплексных программ развития села.

Решение вопросов развития профессионального образования предполагает объединение бюджетных средств, средств населения и работодателей. При этом целесообразно более активно использовать инструменты налоговой и кредитной политики. В частности, установить льготы по налогообложению прибыли для организаций, направляющих средства на обучение своих работников, освободить их от части налогов в местный бюджет; предоставлять безвозвратные ссуды предприятиям на полное или частичное возмещение затрат на производственное обучение лиц, особо нуждающихся в социальной защите, освобождать их от части выплат в социальные фонды;

– *повышение заработной платы*:

1) необходимо разработать ряд новых социальных стандартов в области оплаты сельского труда, определить объективно обусловленную цену рабочей силы, привести величину прожиточного минимума трудоспособного населения в соответствие с реальными затратами на ее воспроизводство. При этом последовательно сокращать разрыв между достигнутыми показателями и социальными нормативами с тем, чтобы в обозримом будущем его ликвидировать;

2) уделить особое внимание созданию условий, обеспечивающих своевременную и в полном объеме выплату заработной платы. Важно отметить, что привлекая руководителей предприятий – должников по заработной плате к юридической ответственности, следует учитывать экономическую ситуацию на каждом конкретном предприятии и возможные последствия такого шага для локального рынка труда;

3) сформировать стратегии защиты собственных интересов у сельских наемных работников (при определении цены рабочей силы, регулировании уровня и регулярности выплат заработной платы, получении различных социальных благ).

Эффективными механизмами реализации вышеназванных мер могут стать социальное партнерство, налоговая политика, строгий контроль за соблюдением трудового законодательства, а также ускоренный рост заработной платы в бюджетной сфере. Все это будет способствовать не только преодолению бедности и повышению уровня жизни работников АПК и их семей, но и восстановлению стимулирующей функции заработной платы, активизации экономического поведения сельского населения, росту производительности труда, а также увеличению потребительского спроса и стимулированию экономического роста;

– *повышение эффективности региональной политики занятости,* здесь необходимо:

1) изменить концептуальный подход к этой политике, рассматривая ее как ядро всей социально-экономической политики в регионах и муниципальных образованиях;

2) усилить координацию деятельности региональных и местных органов управления по регулированию совокупного рынка труда в рамках программ содействия занятости населения;

3) создать надежную информационно-аналитическую основу политики занятости в регионе и упростить процедуру согласования финансовых вопросов с вышестоящими органами;

4) ужесточить отдельные положения Закона о занятости населения в РФ и принять ряд новых федеральных и региональных законов, в частности «О занятости молодежи», «О занятости населения в сельской местности», «О финансировании программ активной политики занятости»;

5) сформировать условия для инновационных механизмов активной адаптации сельского населения к реальной экономике (в отличие от консервативных и латентных механизмов), что особенно актуально в период глобального экономического кризиса.

При реализации выделенных направлений необходимо установить разумный баланс интересов между федеральным центром, региональными и местными органами власти, предпринимателями, общественными организациями и населением.

2. В сфере поддержки сельского бизнеса и сельхозпроизводителей необходимо следующее:

− массированная поддержка инновационных форм экономической деятельности в первую очередь в сельском хозяйстве и сельхозпереработке как системообразующих для сельского социума; усиление поддержки инициатив в области развития агротуризма;

− увеличивать объемы и доступность микрокредитования крестьянских хозяйств и выделения кредитов крупным и средним предприятиям АПК;

− разработать единый механизм защиты интересов сельхозпроизводителей, включая страхование урожая, развитие сбытовой и потребительской кооперации и формирование госзаказа на важнейшую сельхозпродукцию для решения проблем продовольственной безопасности.

Для сокращения масштабов социальной исключенности сельских бедных от важнейших социальных благ и услуг ***в сфере развития сельской социальной инфраструктуры необходимо:***

1) совершенствование системы государственных социальных стандартов в области потребления и оказания социальных услуг населению (медицинское обслуживание, образование, дошкольное воспитание и др.) с учетом специфики жизнедеятельности сельского населения, бюджетное обеспечение их исполнения;

2) совершенствование государственной (федеральной и региональной) и муниципальной налоговой системы и распределительных отношений в целях обеспечения оптимального функционирования и развития сельской социальной инфраструктуры;

3) развитие внебюджетного механизма обеспечения функционирования и развития сельской социальной инфраструктуры при участии государственных институтов, коммерческих и некоммерческих организаций, отдельных граждан;

4) повышение социальной ответственности государства и бизнеса за состояние проблем жизнедеятельности сельского населения, функционирование и развитие сельской социальной инфраструктуры;

5) реализация государственных и муниципальных программ и проектов, позволяющих системно решать проблемы функционирования и развития сельской социальной инфраструктуры.

3. В сфере молодежной политики основными направлениями повышения эффективности являются:

1) усиление мер государственной поддержки молодых сельских семей в приобретении жилья, обеспечении детей детским садами, поскольку серьезным ограничителем для молодежи является именно создание семьи и рождение детей; в частности, необходимо увеличение средств на уплату первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита или займа на приобретение или строительство жилья, повышение их доступности;

2) развитие поддержки молодежного предпринимательства (в т.ч. его дистанционных форм) и регулирование занятости молодежи на селе: первоочередное выделение молодым семьям земли для ведения крестьянского

(фермерского) хозяйства; создание условий для профессионального самоопределения и повышения квалификации сельской молодежи края; поощрение инициатив молодежи в области промышленного и сельскохозяйственного производства, сфере предоставления социальных услуг и в другой деятельности, способствующей развитию сельского сообщества;

3) расширение мер профилактики и лечения алкоголизма и наркомании, сохранение психического здоровья сельской молодежи;

4) совершенствование работы с молодежью на селе, создание условий для повышения социальной активности и обеспечения духовно-нравственного воспитания сельской молодежи, развитие массового молодежного спорта;

5) создание системы информационного обеспечения молодежной политики и поддержка молодежных общественных объединений на селе.

Особое внимание следует уделить информационной грамотности сельской молодежи в отношении проводимых государством на всех уровнях управления проектов, программ и других действий, направленных на повышение уровня и качества жизни сельской молодежи, а также повышению доступности системы бесплатного консультирования и получения информации в органах труда и занятости по вопросам выбора сферы деятельности, трудоустройства и возможности профессионального обучения.

Комплексная реализация мероприятий молодежной политики позволит вывести работу с сельской молодежью в стране на уровень, соответствующий требованиям модернизационного развития и оптимизировать использование имеющихся в регионах и сельских муниципалитетах организационных, административных, кадровых, финансовых и других ресурсов.

4. В области миграционной политики необходимо:

1) создание социально-экономических условий и правовой базы для сокращения миграционного оттока населения из сельской местности, закрепления здесь молодежи, оптимизации миграционных потоков по сельским территориям, привлечение квалифицированных специалистов, менеджеров и рабочих в село, увеличение финансовой помощи семьям, переселяющимся в сельскую местность;

2) проведение комплекса правовых, организационных и экономических мер, направленных на легализацию и лучшую адаптацию иммигрантов в сельской местности (распространение на них норм трудового законодательства, социальной защиты, а также налогообложения); более активное использование миграционной амнистии; стержневым направлением в миграционной политике должно стать расширение возможностей для проявления личной инициативы мигрантов в обеспечении себя жильем и работой путем наделения их земельными участками, льготными кредитами, строительными материалами и т.д.;

3) установление прямых связей с финансово благополучными северными территориями страны по переселению с Севера в село избыточного населения, в первую очередь пенсионеров, инвалидов и т.п.; создание здесь

условий для проживания нефтяников Западной (а в перспективе и Восточной) Сибири, работающих вахтовым методом, отдыха и лечения других категорий северян, выделение для этих целей земельных участков, использование местной строительной базы, содействие ускорению принятия Закона РФ «О миграции населения из районов Крайнего Севера»;

4) создание законодательной базы, материальной, финансовой и социальной инфраструктуры для сельских трудовых мигрантов (с тем, чтобы исключить или хотя бы ограничить злоупотребления как со стороны самих мигрантов, так и со стороны государственных структур; принятие федеральных законов «О трудовой миграции», «Об использовании иностранной рабочей силы в сельской местности».

Осуществление такой политики позволит в перспективе сократить механическую убыль сельского населения.

5. В области совершенствования законодательного и программного обеспечения действующей государственной и муниципальной политики, направленной на преодоление сельской бедности:

− *на федеральном уровне* необходимо совершенствовать законодательство по социальному развитию села; укрепить контроль за реализацией федеральных программ по развитию АПК и социальному развитию села;

− *на региональном уровне* требуется совершенствовать законодательную базу по социальному развитию села и усилить контроль за реализацией региональных программ в этой области;

− *на уровне местного самоуправления* необходимо содействовать развитию мелкого и среднего предпринимательства и стимулированию создания новых рабочих мест, организации самозанятости населения.

6. Для реализации комплексного подхода к решению проблем сельской бедности необходимо:

− провести инвентаризацию законодательной базы, проектов и программ, направленных на решение проблемы сельской бедности на федеральном и региональном уровнях;

− разработать концепцию преодоления сельской бедности с включением механизмов вертикальной социальной мобильности сельского населения на основе развития человеческого потенциала («социальных лифтов») и механизмов эффективной горизонтальной социальной мобильности, «закрепления» инновационной части сельского населения, прежде всего молодежи на селе («социальных якорей»);

− сформировать систему индикаторов комплексной оценки масштабов, глубины и динамики сельской бедности, используя для этого разработанные авторами методические подходы такой оценки;

− на основе концепции преодоления сельской бедности, Концепции устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 г. и сформированной системы индикаторов комплексной оценки масштабов, глубины и динамики сельской бедности организовать российский и региональные мониторинги проблем сельской бедности и развития социальной сферы села;

− обеспечить доступность баз данных мониторинга не только для органов управления, но и для экспертного сообщества. В качестве самостоятельного элемента мониторинга выделить инновации в решении проблем бедности и социальной мобильности сельского населения;

− разработать дифференцированные политики решения проблем сельской бедности для различных социальных групп сельских бедных с учетом особенностей их социально-экономического положения и активности. Для этого предлагается использовать разработанные авторами проекта методический подход, полученные результаты типологизации и предложения по решению проблем сельской бедности для социальных групп сельских бедных, различающихся социально-экономическим положением и активностью.

В силу того, что сельская местность не выделена как единый объект управления, доминирует узкоотраслевой подход и ведомственная разобщенность в решении социальных проблем села. Межведомственная координация осуществляется недостаточно; отсутствует и орган управления, который мог бы взять на себя реализацию этой функции. Все это препятствует решению проблем сельской бедности. Нам представляется целесообразным в рамках формирования особой аграрной территории в Алтайском крае и Концепции устойчивого развития сельских территорий края на период до 2020 года предусмотреть механизмы координации деятельности в этом направлении профильных ведомств и создание соответствующей институциональной инфраструктуры. Далее можно распространить этот опыт на другие регионы.

Кроме того, в условиях ситуации массового социального неблагополучия на селе, огромных масштабов сельской бедности в стране необходимо развитие идеи кластерного подхода, создания и поддержки развития сельских кластеров с учетом стратегических направлений социально-экономического развития страны и регионов.

Заключение

1. **Анализ теоретико-методологических и методических подходов к изучению бедности и социального развития села позволил авторам разработать собственный подход к исследованию масштабов, глубины и динамики сельской бедности в России, механизмов ее формирования и преодоления в условиях перехода страны к модернизационному развитию экономики.**

Данный подход заключается, *во-первых*, в понимании сельской бедности как социально-экономического положения сельского населения, характеризующегося низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными и натуральными ресурсами, их нехваткой, что не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи. *Во-вторых*, ***в оценке сельской бедности на основе трех основных концепций определения и измерения бедности*** (абсолютной, относительной и субъективной). *В-третьих*, ***в применении социоструктурного, деятельностно-активистского и рискового подходов***, а также ***концепций аккумулированной депривации Е. Хансена и измерения бедности на основе неравенства социального выбора А. Сена*** (подразумевающих необходимость учитывать доступность социальных благ), концепции устойчивого развития общества (в данном случае сельских сообществ), ***концепции моральной экономики выживания Дж. Скотта*** (подчеркивающей важность взаимной поддержки субъектов социальных сетей в традиционном сельском сообществе), в совокупности создающих основу комплексного исследования сельской бедности, выделения групп риска бедности на селе, условий и стратегий ее преодоления, а также попадания в категорию бедных, и разработки дифференцированных политик преодоления сельской бедности с учетом социального положения и активности различных групп бедных.

2. **Анализ динамики бедности и социального расслоения по доходам в России и регионах аграрной специализации за годы реформ** позволил выявить качественное изменение масштабов и глубины этих явлений. К основным тенденциям относятся рост бедности и резкое усиление социальной дифференциации в 1990-х гг., сокращение бедности при менее интенсивном росте различий по доходам в годы экономического роста в 2000-х гг. В аграрных регионах страны сокращение масштабов бедности в 2000-х гг. происходило более высокими темпами в сравнении с остальными субъектами Федерации и страной в целом. Но в стране по-прежнему действует социально-экономический механизм воспроизводства бедности в аграрных регионах, хотя со второй половины прошедшего десятилетия заметно ослабла зависимость масштабов бедности от аграрной специализации. На фоне устойчивого роста социальных различий по доходам населения в стране процессы расслоения в аграрных регионах были заметно слабее.

По процессам бедности и социальной дифференциации по доходам сибирские регионы аграрной специализации не соответствуют средним трендам

аграрных регионов России, имеют разнонаправленные тенденции. Алтайский край отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной, но отставанием от аграрных регионов в решении этой проблемы. Бедность в Алтайском крае в полтора раза масштабнее среднего уровня аграрных регионов России, а социальные различия по доходам здесь существенно меньше. Республика Алтай специфична более интенсивным сближением с показателями аграрных регионов при более значительных масштабах бедности в начале прошедшего десятилетия.

Несмотря на позитивные социально-экономические изменения в 2000-х гг., бедность и социальное расслоение в аграрных регионах по-прежнему являются социальными вызовами, внимание к которым со стороны государственной социально-экономической политики не должно ослабевать в условиях ВТО. «Лидерство» Алтайского края в бедности и его «падение» на нижние позиции в рейтинге доходов населения не только страны, но и аграрных регионов, особенно в последние годы, свидетельствуют о сохранении реальной угрозы устойчивому социальному развитию в сельской местности и регионе в целом.

3. **Дана комплексная оценка масштабов и глубины сельской бедности**, основанная на использовании различных методических подходов, в т.ч., во-первых, оценки сельским населением материального положения своей семьи, среднего уровня совокупных (денежных и натуральных) доходов на члена семьи, материальной обеспеченности семьи на фоне населения страны, уровня лишений (исключенности) и, во-вторых, экспертных оценок обездоленности, абсолютной и относительной бедности по характеристикам доходов, материального положения семьи и лишений.

Масштабы обездоленности на селе, оцениваемой сельскими жителями ***по материальному положению семьи*** (среди тех, кому *средств хватает только на питание, или чьи семьи практически голодают*), сравнительно невелики и равны 13% сельских бедных жителей по оценкам населения. Около 40% составляет средняя группа бедных (которым «*хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет»*). И менее половины составляет наиболее благополучная группа относительно бедных (им *«денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой»*). По оценкам экспертов, уровень сельской бедности по материальному положению семьи (охватывающий все три группы бедных по отношению ко всему сельскому населению) достигает 87%.

Выявлены значительные различия в глубине бедности по возрасту, региону, урбанизированности сельского района. Наиболее высок уровень обездоленности среди представителей среднего и старшего трудоспособного возраста, жителей урбанизированных районов, Республики Алтай. Наиболее благополучная группа относительно бедных в большей степени представлена среди молодежи, жителей неурбанизированных районов, Алтайского края.

Уровень бедности ***по методике ООН*** (доля бедных, чьи среднедушевые доходы меньше стоимости потребления на уровне и ниже 2,15 доллара США в день) составляет 20% всех опрошенных сельских бедных и около половины обездоленных, оцененных по материальному положению семьи. ***По методике Росстата*** уровень бедности (доля тех, чьи среднедушевые доходы меньше бюджета прожиточного минимума) среди респондентов равен 78%, а удельный вес обездоленных (со среднедушевыми доходами на уровне и ниже стоимости потребительской корзины) – 43%. Относительно бедные с доходами выше двух бюджетов прожиточного минимума составили 20%. Бедность, оцененная ***по преобладанию затрат на питание в структуре доходов***, характерна для 84% всех опрошенных сельских бедных и 92% обездоленных.

Масштаб сельской бедности измерен также на основе сравнительной оценки сельскими бедными жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны, сюда относятся 60% тех, чье материальное положение ниже среднего уровня и 11% – кто живет за чертой бедности. Среди всех сельских жителей, по оценкам экспертов, доля первых составляет 36%.

Использование нескольких методик оценки масштабов и глубины бедности позволило выделить группы бедных, удовлетворяющие нескольким критериям бедности одновременно. Среди обездоленных, оцененных по материальному положению семьи, 49% соответствуют критерию бедности по методике ООН и 94% – по методике Росстата. Среди относительно бедных по оценке материального положения семьи: 11% бедных по стандартам ООН, 71% – по методике Росстата.

4. **Выявлены высокий уровень и различные формы проявления социальной исключенности, лишений сельских бедных** на основе анализа характеристик качества питания, обеспеченности одеждой и другими непродовольственными товарами и товарами длительного пользования, наличия и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицинских услуг. Причем чем глубже уровень бедности, тем больших масштабов достигает исключенность от потребления социальных благ и услуг и к значительно большим негативным последствиям (потере здоровья сельских жителей, деградации и проблемам социального воспроизводства сельского социума) это приводит. По оценкам экспертов на селе более 25% эксклюзантов – ограниченных в доступе к социальным благам, возможностям удовлетворять самые насущные потребности в жилье, в медицинском обслуживании, в получении образования и других социальных благ, а также чьи трудовые и другие социальные права нарушаются.

Высока социальная исключенность сельских бедных в отношении ***уровня качества и структуры питания***. Низкий уровень качества питания характерен для 9,2% всех сельских бедных и 42% обездоленных. Рацион питания сельских бедных не соответствует установленным государством социальным нормативам: преобладают картофель и хлебопродукты, только более половины регулярно употребляют овощи и бахчевые, яйца, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, около 40% – растительное масло (марга-

рин), чуть более 10% – рыбопродукты, фрукты и ягоды. Из-за нехватки средств каждая пятая семья сельских бедных не может потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания. Только в семьях 19% опрошенных не испытывают проблем питания.

Значительны масштабы социальной ***исключенности по потреблению непродовольственных товаров***. Уровень потребления таких товаров в семьях сельских бедных в основном ниже установленных в России государственных минимальных социальных нормативов потребления, а для отдельных групп населения по разным категориям товаров от 8 до 15% респондентов находится значительно ниже этих нормативов. Большинство сельских бедных беспокоят проблемы изношенности обуви и верхней одежды на холодное время года, 5-6% – отсутствие таковых. Каждая десятая семья не может покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста. Среди семей сельских бедных имеется значительная доля тех, кто не обеспечен необходимым набором товаров длительного пользования.

Низкие обеспеченность и качество жилья являются важнейшей характеристикой социальных лишений бедных сельских жителей. Беспокоят проблемы с жильем 94% респондентов, крайне нуждаются в улучшении жилищных условий 36%. Не имеют собственного жилья 16% сельских бедных. Имеющееся жилье отличается высоким износом и низким уровнем благоустройства. Требует капремонта 37% жилья, каждое четвертое – экстренного ремонта. Отсутствие или нехватка коммунальных удобств характерна для жилья 45% опрошенных. В домах (квартирах) каждой четвертой бедной сельской семьи отсутствует водопровод, у 81% семей – центральная канализация. Крайне редкой является оборудованность жилья горячим водоснабжением и централизованным газоснабжением. Зафиксированы единичные случаи отсутствия электричества.

Сокращение сети сельских медицинских учреждений, особенно в кардинальных масштабах со второй половины 2000-х, привело к формированию ***масштабной социальной исключенности сельских бедных от медицинского обслуживания*** в виде временной и материальной недоступности услуг врачей и медпрепаратов (36-41% респондентов), а также разных форм проявления территориальной недоступности медицинских услуг (17-30%). Как следствие, здоровье становится мощным ограничителем в решении проблемы бедности и важным фактором ее формирования. Более половины сельских бедных имеют серьезные проблемы со здоровьем, 12% – инвалидность, каждый третий – хроническое заболевание. Среди обездоленных доля двух последних – 18 и 42%.

Достигла больших размеров ***социальная исключенность сельских бедных в разных формах проявления недоступности образования их детей***, прежде всего школьного и дошкольного. Более 70% сельских бедных, имеющих детей-школьников, имеют материальные проблемы доступности образования в виде проблем обеспечения детей школьно-письменными принадлежностями и учебниками (24% имеющих детей-школьников), оплаты их

питания в школе (17% обездоленных). Большинству семей сельских бедных, имеющих школьников, не хватит средств для получения их детьми высшего образования. Из-за отсутствия дошкольных учреждений на селе или мест в них, а также возможности одеть и обуть детей и оплачивать их пребывание в детских садах не посещают детские сады дети 46% бедных, имеющих дошкольников. Социальная исключенность дошкольного образования для детей из обездоленных семей достигает 77%.

Жесткая экономия является распространенной формой социальных лишений сельских бедных. Сельские бедные экономят в первую очередь на покупке мебели, бытовой техники, одежды, обуви и других необходимых вещах и предметах повседневного пользования, организации отдыха и ремонте жилья. Почти каждая четвертая семья респондентов вынуждена экономить на продуктах питания (и 35% обездоленных), а каждая пятая (и 41% обездоленных) – на лечении, что приводит к ухудшению здоровья, к губительным последствиям.

5. **Анализ динамики материального положения сельских бедных** позволил выявить на основе оценок населения рост масштабов обездоленности (на 35%) и сокращение относительного материального благополучия (на 9%) за последние десять лет. За последние три года, в сравнении с началом экономического кризиса, также происходило ухудшение материального положения бедных сельских семей. Причинами последнего являются инфляция, рост безработицы и низкий уровень пенсионного обеспечения, сокращение заработной работы и дополнительных приработков. Оценки бедными сельскими жителями ближайших перспектив скорее оптимистичны, чем негативны, однако среди обездоленных пессимистичные оценки значительно перевешивают позитивные.

Социальное настроение бедного сельского населения довольно пессимистично (в сравнении с результатами ранее проведенных опросов всех сельских жителей): только 15% «уверенных оптимистов», 14% респондентов ощущают сильное напряжение.

6. **Изучение ситуации в сфере труда и занятости** позволило сделать следующие выводы. Занятость сельских бедных имеет определенную специфику. Она характеризуется более низким уровнем и оплатой труда по сравнению с сельским населением России в целом, преимущественной концентрацией в организациях государственной и муниципальной собственности, преобладанием в профессиональной структуре, с одной стороны, носителей профессий неквалифицированного труда, а с другой – повышенной долей специалистов высшей квалификации (в соответствии с Общероссийским классификатором занятий).

Уровень безработицы среди сельских бедных в 2,5 раза выше по отношению к среднероссийским показателям на сельском рынке труда. Бедные безработные отличаются более низким уровнем образования и квалификации, более высокой долей представителей сельскохозяйственных, строитель-

ных и торговых профессий. Для большинства бедных типична долговременная безработица.

По сравнению с 2001 г. положение бедных селян в социально-трудовой сфере заметно изменилось: сократилось число занятых и в 2 раза возросло число безработных. Такая динамика была обусловлена как естественным движением сельского населения, так и воздействием глобального экономического кризиса.

Сельские жители, пытаясь приспособиться к сложной ситуации на рынке труда, расширяли свою занятость в традиционных сферах и осваивали новые виды и формы занятости, приносящие доход. Это активное развитие ЛПХ, трудовые миграции, дополнительная работа.

Нарушения трудовых прав среди бедных носят массовый характер. Результатом подобных нарушений явились бесправное положение наемных работников и отсутствие для них гарантий в таких сферах как оплата и условия труда, режим работы, процедуры приема и увольнения и т.п. Широкое распространение получили произвольное установление уровня оплаты труда, зачастую несоответствующего реальному трудовому вкладу, штрафные санкции как мера дисциплинарного воздействия, ненормированный рабочий день без компенсации за сверхурочные работы и работу в праздничные и выходные дни, отсутствие предварительного уведомления об увольнении, отказ в предоставлении очередного отпуска и выплате денежной компенсации в период временной нетрудоспособности, нарушении правил по технике безопасности и гигиене труда. В целом с несоблюдением конституционных гарантий в сфере труда и занятости столкнулось более 65% сельских бедных.

Для преодоления негативных явлений в социально-трудовой сфере и сокращения сельской бедности необходимо осуществить комплекс мер, направленных на повышение эффективности федеральной и региональной политики занятости, развитие аграрной экономики и расширение спроса на рабочую силу, повышение квалификации сельских жителей и формирование эффективного предложения труда, совершенствование пространственной организации сельскохозяйственного производства и повышение территориальной мобильности работников, совершенствование ценообразования и активизацию экономического поведения сельского населения на рынке труда.

7. **Характеристика состояния и динамики социального положения сельской молодежи** Алтайского края с начала 2000-х гг. показала следующее. В целом можно говорить о позитивной динамике социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг. Выявлена существенная дифференциация характеристик социального положения молодых селян в зависимости от уровня и динамики развития микросоциальной среды их жизнедеятельности, на основе анализа которой выделены группы сельской молодежи региона с наиболее неблагополучными характеристиками социального положения, в перспективе создающими угрозы устойчивому развитию сельских территорий региона.

С начала 2000-х гг. для Алтайского края стало характерным снижение абсолютных и относительных показателей численности сельской молодежи, происходящее более быстрыми темпами по сравнению как с молодыми горожанами, так и с более старшим сельским населением трудоспособного возраста. В настоящее время сельская молодежь, составляя практически пятую часть всего сельского населения и треть сельского населения региона в трудоспособном возрасте, уступает по данным показателям соответствующим территориально-демографическим группам населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом.

Сельская молодежь Алтайского края отличается менее интенсивным миграционным оттоком за пределы региона по сравнению с молодыми горожанами и, напротив, более интенсивным по сравнению с более старшим сельским населением трудоспособного возраста. Основными причинами, побуждающими представителей сельской молодежи региона сменить место жительства (как внутри региона, так и за его пределы) является неудовлетворительное состояние доходно-потребительских и профессионально-трудовых характеристик их социального положения.

Молодые селяне отличаются меньшей долей занятых в экономике в составе экономически активного населения, более низким уровнем образования, а также более неблагоприятной структурой доходов по сравнению с городской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста. Однако доля безработной сельской молодежи региона значительно ниже по сравнению с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом.

Бедная сельская молодежь как подгруппа молодых селян с наиболее неудовлетворительным состоянием доходно-потребительских характеристик социального положения отмечает незначительное их улучшение с начала 2000-х гг. В качестве основных причин положительной динамики рассматриваемых характеристик социального положения представители бедной сельской молодежи выделяют увеличение заработной платы кого-либо из членов семьи, а также появление дополнительной работы. Напротив, основными угрозами состояния доходно-потребительских характеристик своего социального положения молодые сельские бедные считают рост цен, опережающий рост доходов и увеличение семейных расходов, а также уменьшение заработной платы кого-либо из членов семьи и потерю дополнительной работы.

Для улучшения социального положения сельской молодежи необходимо в государственной политике, во-первых, формирование комплексного подхода к сельской молодежи как территориально-демографической группе населения региона с особым социальным положением, и во-вторых – дифференцированного подхода к сельской молодежи, акцентирующего внимание на положение наиболее неблагополучных молодых селян.

8. **Анализ факторов и причин сельской бедности** показал следующее. По оценкам экспертов, основными социально-экономическими проблемами села, определяющими значительные масштабы бедности, являются низкий уровень заработной платы, безработица, миграция молодежи из села. В рейтинге проблем сельских бедных лидирующие позиции занимают низкие доходы, безработица, жилищные и коммунальные проблемы, плохое здоровье и низкий уровень медицинского обслуживания.

Главными причинами сельской бедности, по оценкам экспертов, являются низкая оплата труда, безработица, алкоголизм и наркомания. Установлено, что доминируют одни и те же причины сельской бедности в оценках населения (независимо от признака, по которому проводился сравнительный анализ – пол, возраст, место проживания и др.): пьянство, низкая экономическая мотивация, безработица, низкие стартовые возможности (выросли в бедности, не получили хорошего образования, профессии, помощи родительской семьи), низкоквалифицированная и малооплачиваемая работа и низкий уровень социальной поддержки государства.

Основными ресурсами, которые могут улучшить материальное положение сельских бедных, являются более высокая оплата труда, здоровье, уверенность в завтрашнем дне, нормальное государство (порядок, законность). Такие ресурсы, как образование, знание, опыт, молодежью оцениваются выше, чем другими возрастными группами.

9. **Изучение динамики доходов населения как фактора формирования бедности** в аграрных районах на примере Алтайского края показало, что в годы реформ в крае, как и в других регионах России и Сибири, происходило качественное изменение характера и динамики процессов в сфере доходов населения. В 1990-х гг. к основным тенденциям доходов населения Алтайского края и России относятся падение реальных доходов и покупательной способности. На фоне регионов Сибирского федерального округа и России в первом десятилетии рыночных реформ в крае наблюдался более острый характер проявления большинства негативных процессов, среди которых: более значительные по масштабам (до 1,5–2 раз) в сравнении с российским уровнем падение реальных доходов и покупательной способности населения.

В годы экономического роста Алтайский край характеризовался положительной динамикой реальных доходов, оплаты труда и других показателей уровня жизни. Тем не менее по большинству показателей по-прежнему сохраняется значительное отставание. В 2009 г. реальные доходы населения края составили только 21% от значения соответствующего показателя в 1990 г.

10. **Изучение социально-экономической активности как социального механизма формирования и преодоления сельской бедности** позволило получить следующие выводы. Социально-экономическая активность бедных характеризуется реализацией преимущественно традиционных стратегий и отчасти деструктивных в отношении самих бедных из-за чрезмерной нагрузки и негативного воздействия на здоровье. К основным социально-

экономическим стратегиям сельских бедных относятся поиск основной работы, дополнительная занятость и ее поиск, расширение семейного крестьянского подворья. Значительную долю составляют те, кто не предпринимал ничего из-за состояния возраста и здоровья или другим причинам.

В сравнении с более благополучными в материальном отношении сельскими бедными поведение обездоленных отличается меньшей активностью, более частым использованием «пассивных» форм (обращение за помощью к родственникам) и форм вынужденной активности (таких как поиск основной и дополнительной работы и др.). Почти половина обездоленных не предпринимала и не планирует предпринимать специально никаких усилий для улучшения своего материального положения, эта величина заметно больше, чем в группе «середняков» и почти в два раза – чем в группе относительно бедных. Кроме причин объективного характера, предопределивших пассивный тип экономического поведения (сокращение рабочих мест, здоровье и др.), обездоленные отметили *«отсутствие необходимости в осуществлении этих действий»* фактически из-за нежелания что-либо самостоятельно предпринимать, их «*устраивает существующее положение*».

Анализ динамики структуры доходов как результата социально-экономической активности сельских бедных показал, что лидирующие позиции занимают пенсии и социальные пособия, затем оплата труда и доходы от семейного подворья. С начала 2000-х выросла роль социальных трансфертов, приработков, кредитов и займов, упала значимость оплаты труда. **Выявлена высокая зависимость сельских бедных от социальных трансфертов**: почти две трети респондентов получают пенсии, стипендии и различные пособия.

По оценкам экспертов, ведущими факторами социально-экономической активности сельских бедняков являются экономическая мотивация, стабильность и уверенность в завтрашнем дне, основанные на благоприятной ситуации на рынке труда, увеличении заработной платы, социальных гарантиях, поддержке государства.

Определены наиболее выигрышные стратегии активности сельских бедных. Их занимают квалифицированные работники с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, молодежь старше 25 лет и представители среднего трудоспособного возраста, имеющие семьи, женщины, жители крупных сел (районных центров). Эксперты отнесли к наиболее активным на рынке труда квалифицированных наемных работников, мужчин, представителей среднего возраста.

Среди эффективных стратегий, приведших к улучшению материального положения семьи: основная и дополнительная занятость на экономически выгодных рабочих местах, активный поиск такой работы и трудоустройство, трудовая миграция, требования повышения заработной платы и регулярности ее выплат, повышение образования. Эксперты отмечают в качестве наиболее эффективной стратегии открытие своего дела.

Выявлены основные группы риска бедности на селе, ими являются: 1) по месту проживания: жители небольших периферийных сел, в отличие от жителей районных центров и сравнительно крупных сел; 2) по статусу занятости и отраслевой принадлежности основного занятия: безработные (длительный период); 3) по характеристикам социальной девиации: злоупотребляющие алкоголем, к ним все больше добавляются в последнее время страдающие наркоманией; 4) по возрасту: главным образом молодежь, преимущественно до 20-25 лет, хотя немало бедных и среди представителей старшего трудоспособного возраста; 5) по образованию и квалификации: с низким уровнем образования и квалификации, часто не имеющие профессионального образования; 6) по полу: мужчин чаще женщин по результатам опроса населения (хотя гендерный фактор, по мнению большинства экспертов, особого значения не имеет).

11. **В результате факторного и кластерного анализа выделено шесть типов бедных сельских жителей**, значительно различающихся по социально-экономическому положению и активности: 1 – самый низкий уровень бедности и высокий уровень социальной активности с традиционными и инновационными элементами (6,2% респондентов); 2 – относительная бедность и сравнительно высокий уровень традиционной (неинновационной) социально-экономической активности (28,6%); 3 – средний уровень бедности и низкий уровень социальной активности (43%); 4 – уровень бедности и социальной активности ниже среднего (12,2%); 5 – уровень бедности ниже среднего и крайне низкая социально-экономическая активность (3,8%); 6 – самый высокий уровень бедности при вынужденно низкой социально-экономической активности (с использованием традиционных и инновационных форм поиска работы) (6,2%).

На основе анализа социальных портретов каждого типа разработаны предложения для дифференцированных политик преодоления бедности, учитывающих особенности социально-экономического положения и активности различных групп сельских бедных. Первые два типа, охватывая в совокупности около 35% сельских бедных, являются сравнительно благополучными по выделенным показателям, отличаясь в первую очередь использованием различных по конструктивности и инновационности форм и стратегий активности. Стратегии социально-экономической активности представителей этих типов должны стать основой, «точками роста» для политики преодоления бедности на селе. Необходимо создавать условия для повышения экономической активности как механизма быстрого выхода из ситуации бедности. Здесь не нужны большие инвестиции, наиболее уместны экономические стимулы для открытия своего дела (кредитование, страхование урожая, госзаказ на сельхозпродукцию, грантовая поддержка и др.) в области сельского хозяйства и сельхозпереработки, сельского туризма и других инфраструктурообразующих видах деятельности.

Средний тип, наполненный сельскими пенсионерами и людьми с проблемами здоровья, требует существенно больше внимания в таких традици-

онных направлениях политики, как социальное и пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание.

Последние два типа имеют наиболее неблагоприятные характеристики социально-экономического положения и активности и наиболее высокий потенциал миграции. Сюда входят только 10% всех сельских бедных, но именно они должны стать объектом особого внимания социальной политики с учетом специфики их проблем. Кроме того, к ним примыкают и представители четвертого типа, где так же, как и шестом типе, много молодежи, но (в отличие от него) с низкой мотивацией и не нацеленной на отъезд из села.

В частности, ключевым направлением решения проблем этих бедных должны стать активные политики занятости, поддержка малого бизнеса, инновационных (в т.ч. дистанционных) форм экономической деятельности в первую очередь в сельском хозяйстве и сельхозпереработке как системообразующих для сельского социума. Кроме того, важнейшими мерами социальной политики государства и органов местного самоуправления должны стать массированная (а не «крошечно-точечная», по словам экспертов) социальная поддержка молодежи и молодых семей в области обеспечения жильем, детей детским садами, поскольку серьезным ограничителем для молодежи является именно создание семьи и рождение детей. Но поскольку решение проблем сельской молодежи должно являться комплексным, включать все стороны жизнедеятельности, например, культурно-досуговую сферу, то начинать надо с кластерного подхода, создавая и поддерживая развитие сельских кластеров там, где это в первую очередь необходимо региону для реализации его стратегических направлений социально-экономического развития.

Реализация данных политик может стать основой комплексного решения проблемы бедности на селе.

12. **Проведен анализ репродуктивных и миграционных установок сельских жителей как социальных последствий бедности.** Менее трети бедных сельских жителей моложе 45 лет намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка и почти 70% не хотят (или больше не хотят) заводить детей, из них лишь 8% – по состоянию здоровья и 80% – из-за низких доходов, плохих жилищных условий или «просто не хотят». Репродуктивные планы сельских жителей существенно дифференцированы в зависимости от их социально-демографических, социально-экономических и социально-психологических характеристик. Больше других социальных групп детей хотят: мужчины, лица в возрасте до 24 лет, холостые и не замужем, с более низким уровнем образования, экономически неактивные, материально лучше обеспеченные, проживающие с родителями, уверенные в настоящем и с оптимизмом смотрящие в будущее.

Выявлен значительный потенциал миграции среди сельских бедных. Желает покинуть свое место жительства 23% респондентов, главным образом, из-за отсутствия рабочих мест, открывающихся возможностей улучшения материального положения семьи, отсутствия на селе перспектив для (будущих) детей на селе. Основными группами потенциальных мигран-

тов являются молодежь (46%), безработные (39%), жители малых и средних поселений и слабоурбанизированных районов. Желание покинуть села проявляют в большей степени относительно бедные и обездоленные.

13. Рассмотрены особенности формирования и реализации государственной политики преодоления сельской бедности в России и ее аграрных регионах, проведен анализ законодательного и программного обеспечения борьбы с сельской бедностью, ролей основных субъектов.

Государственная борьба с бедностью сельского населения в России имеет богатую историю, основанную на использовании социальных сетей и формировании социальной инфраструктуры поддержки бедных. Решение проблемы бедности в России с начала рыночных реформ до середины 2000-х гг. осуществлялось через многочисленные разрозненные программы социальной поддержки населения; реализация со второй половины прошедшего десятилетия нацпроектов и долгосрочных программ, в т.ч. по социальному развитию села, привели к значительному сокращению масштабов и глубины бедности[1], распространенности различных форм государственной социальной поддержки.

Современными акцентами в государственной политике преодоления бедности сельского населения является формирование устойчивого социально-экономического развития сельских территорий путем диверсификации экономики, решения проблем занятости, обеспеченности жильем и развития социальной инфраструктуры. Основной технологией преодоления бедности сельского населения, реализуемой органами государственной власти, является программирование. Инструменты преодоления бедности, применяемые на федеральном уровне в настоящее время, охватывают как помощь бедным в виде пособий и льгот, так и активные политики преодоления бедности (например, политика в области занятости населения), однако их возможности ограничены.

Изучение законодательного и программного обеспечения политики преодоления бедности в России и регионах аграрной специализации (на примере Алтайского края) показало, что, несмотря на то, что в российском законодательстве и целевых программах закреплены основные меры по преодолению бедности, они фрагментарны, не представляют собой целостной системы, в стране отсутствует единая государственная концепция преодоления бедности и сельской бедности в том числе. Все это свидетельствует об отсутствии комплексного подхода к решению проблем сельской бедности.

Результаты реализации государственной политики в виде национальных проектов и государственных целевых программ свидетельствуют о том, что в последние годы появились позитивные процессы в решении проблем

[1] Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты [Текст] коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

сельской бедности, связанные с выделением материальных и финансовых ресурсов. Но для комплексного решения данной проблемы сегодня недостаточно неувязанных между собой программ в отношении отдельных составляющих уровня жизни сельского жителя, нуждающихся в качественном изменении состояния и стимулировании развития.

Дана оценка сельским населением и экспертами эффективности действий государства и органов местного самоуправления по решению проблем сельской бедности. По результатам опроса, сельское население сравнительно низко оценивает действия государства и органов местного самоуправления по улучшению их социально-экономического положения, наиболее низкие оценки получены по решению материальных и жилищных проблем, проблем безработицы, что отчасти вызвано низким уровнем информированности о проводимых мероприятиях, а также недостаточной эффективностью и масштабностью реализуемых действий.

Экспертные оценки эффективности государственной и муниципальной политики по борьбе с сельской бедностью также низки, особенно это касается действий местных органов. К наиболее эффективным реализуемым мерам по преодолению бедности на селе относятся организация общественных работ и временной занятости, содействие трудоустройству, предпринимательству и самозанятости. Наибольшую помощь сельским бедным оказывают такие организации, как государственная служба занятости, государственные органы социальной поддержки населения, органы местного самоуправления.

Определена значимость органов социальной поддержки населения в решении проблем сельских бедных. Эти органы не являются высокозначимым субъектом социальной поддержки относительно реальных потребностей сельского населения. Около трети сельских бедных приходится самостоятельно решать возникающие жизненные проблемы. Среди субъектов социальной поддержки наибольшую роль играют социальные сети, далее в рейтинге субъектов социальной поддержки по обращаемости идут государственные службы занятости и социального обеспечения, а затем работодатели.

Почти треть сельских бедняков не пользуются какими-либо мерами социальной поддержки, регулярно обращаются в органы социальной защиты населения менее 10% респондентов. Более трети обездоленных перестали обращаться в органы социальной защиты населения, для каждого десятого из них предоставляемая помощь оказалась недостаточной для решения проблемы. Все это свидетельствует о низкой эффективности деятельности данных служб.

Выявлены характер и специфика участия сельского бизнеса в решении проблем бедности. Почти три четверти представителей сельского бизнеса оказывают помощь малообеспеченным односельчанам: в основном в приобретении скота, кормов, семян и дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.), предоставляют слу-

жебный транспорт для оказания медицинской помощи. Помогают также участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют бесплатное или льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, на содержание детей в дошкольных учреждениях. Представители региональной власти и органов местного самоуправления, общественных организаций отмечают значимую, но недостаточную роль сельского бизнеса в решении проблемы бедности.

Определена роль общественных организаций в преодолении сельской бедности. Современное село характеризуется низким уровнем развития институтов гражданского общества. Эксперты–представители власти как в Алтайском крае, так и в Республике Алтай очень низко оценивают роль общественных организаций в преодолении сельской бедности и помощи бедным. Среди наиболее значимых общественных организаций можно выделить молодежные, женские, ветеранские, организации инвалидов. В основном используются традиционные методы решения проблем селян: материальная помощь (в том числе натуральная), моральная поддержка, организация досуга отдельных категорий селян и прочее.

14. Выделены перспективные направления и механизмы преодоления сельской бедности в условиях перехода российского общества на модернизационный путь развития.

По результатам опроса населения и экспертных опросов выделены следующие перспективные направления и механизмы преодоления сельской бедности:

– *на федеральном уровне*: повышение занятости сельского населения (ресурсное и нормативное обеспечение организации рабочих мест, соблюдения трудовых прав сельских жителей); поддержка сельского бизнеса и сельхозпроизводства (государственное регулирование цен на сельхозпродукцию, госзаказ, правовая поддержка сельского бизнеса – совершенствование налогового законодательства).

– *на региональном уровне*: повышение доходов и уровня жизни сельских жителей (увеличение заработной платы, социальных выплат, перераспределение средств в пользу нуждающихся, развитие программного обеспечения политики по преодолению бедности, обеспечение жильем молодежи).

– *на муниципальном уровне*: информационная поддержка программ по преодолению бедности (консультирование сельских жителей относительно возможности участия в программах, проектах, что потребует увеличения квалифицированных кадров в органах местного самоуправления).

15. **Разработаны рекомендации по совершенствованию государственной и муниципальной политики преодоления сельской бедности.** ***В сфере труда и занятости*** необходимо: сохранение и повышение эффективности функционирования имеющихся рабочих мест и создание новых; формирование на сельском рынке труда предложения, сбалансированного со спросом на рабочую силу в количественном и качественном аспектах; повы-

шение заработной платы в аграрной экономике; совершенствование федеральной и региональной политики занятости.

При реализации выделенных направлений необходимо установить разумный баланс интересов между федеральным центром, региональными и местными органами власти, предпринимателями и населением.

В сфере поддержки сельского бизнеса и сельхозпроизводителей необходимо: увеличивать объемы и доступность микрокредитования крестьянских хозяйств и выделения кредитов крупным и средним предприятиям АПК; разработать единый механизм защиты интересов сельхозпроизводителей, включая страхование урожая, развитие сбытовой и потребительской кооперации и формирование госзаказа на важнейшую сельхозпродукцию для решения проблем продовольственной безопасности.

Для сокращения масштабов социальной исключенности сельских бедных от важнейших социальных благ и услуг в сфере развития сельской социальной инфраструктуры требуется совершенствование системы государственных социальных стандартов в области потребления и оказания социальных услуг населению, налоговой системы и распределительных отношений, а также повышение социальной ответственности государства и бизнеса за решение проблем жизнедеятельности сельского населения.

В сфере молодежной политики основными направлениями повышения эффективности являются: усиление мер государственной поддержки молодых сельских семей в приобретении жилья; развитие дистанционных форм обучения сельской молодежи и поддержки молодежного предпринимательства на селе; расширение мер профилактики и лечения алкоголизма и наркомании, сохранение психического здоровья сельской молодежи; совершенствование работы с молодежью на селе, создание условий для повышения социальной активности и обеспечения духовно-нравственного воспитания сельской молодежи, развитие массового молодежного спорта; создание системы информационного обеспечения молодежной политики и поддержка молодежных общественных объединений на селе.

Для реализации комплексного подхода к решению проблем сельской бедности необходимо:

- провести инвентаризацию законодательной базы, проектов и программ, направленных на решение проблемы сельской бедности на федеральном и региональном уровнях;
- разработать концепцию преодоления сельской бедности с включением механизмов вертикальной социальной мобильности сельского населения на основе развития человеческого потенциала («социальных лифтов») и механизмов эффективной горизонтальной социальной мобильности, «закрепления» инновационной части сельского населения, прежде всего молодежи на селе («социальных якорей»);
- сформировать систему индикаторов комплексной оценки масштабов, глубины и динамики сельской бедности, используя для этого разработанные авторами методические подходы такой оценки;

− на основе концепции преодоления сельской бедности, Концепции устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 г. и сформированной системы индикаторов бедности организовать российский и региональные мониторинги проблем сельской бедности; обеспечить доступность баз данных мониторинга не только для органов управления, но и для экспертного сообщества;

− разработать дифференцированные политики решения проблем сельской бедности для различных социальных групп сельских бедных с учетом особенностей их социально-экономического положения и активности. Для этого предлагается использовать разработанные авторами проекта методический подход, полученные результаты типологизации и предложения по решению проблем сельской бедности для социальных групп сельских бедных, различающихся социально-экономическим положением и активностью.

* * *

Таким образом, **научная ценность результатов проведенного исследования, их новизна** состоит в комплексной и дифференцированной оценке масштабов, глубины и динамики бедности сельского населения, процессов ее формирования и механизмов преодоления. Специфика такого подхода заключается в:

– разработке теоретико-методологических основ и методики исследования сельской бедности, включая систему индикаторов ее оценки;

– выявлении традиционных и новых механизмов формирования и преодоления бедности, в т.ч. анализе влияния на сельскую бедность государственной социально-экономической политики, глобального экономического кризиса, активности населения, социальных сетей;

– дифференцированном анализе социально-экономического положения и активности трех групп сельских бедных (обездоленных, средней группы и относительно бедных); определении «выигрышных» и «проигрышных» условий и стратегий преодоления бедности;

– построении типологии бедных по социально-экономическому положению и активности и выявлении групп риска сельской бедности;

– определении роли сельского бизнеса в формировании и преодолении сельской бедности, современных механизмов его участия в решении проблемы бедности, роли институтов гражданского общества в социальной поддержке бедных селян;

– оценке эффективности деятельности государственных и муниципальных органов управления по преодолению сельской бедности.

Практическая значимость результатов исследования заключается в выявлении перспективных направлений и технологий социально-экономической политики по преодолению сельской бедности, разработке рекомендаций по совершенствованию политики в условиях реализации стратегии модернизационного развития российской экономики. Эти результаты мо-

гут быть использованы при формировании научной базы для совершенствования существующей системы государственного и муниципального управления социальным развитием села, разработки федеральных и региональных программ социального развития села и борьбы с бедностью. Кроме того, результаты исследования могут быть применены в учебном процессе при разработке дисциплин по социальной политике, экономической социологии, социологии села и др.

Социальная польза полученных результатов исследования заключается в своевременной оценке масштабов, динамики и глубины сельской бедности и разработке системы мер по ее преодолению, включая действия государственных и муниципальных органов власти, бизнеса, институтов гражданского общества и самих бедных. Это будет способствовать созданию условий для сокращения бедности на селе, эффективного перераспределения ограниченных средств в пользу наиболее проблемных групп и снижения нагрузки государства по поддержке сельских бедных.

Перспективным в условиях значительных масштабов сельской бедности в стране является ***развитие идеи кластерного подхода***, создания и поддержки развития сельских территориальных кластеров с учетом стратегических направлений социально-экономического развития страны и регионов. Мы выражаем надежду на то, что использование полученных нами данных в дальнейшем позволит осуществить более детальную проработку таких идей.

Библиографический список

1. Budowski M. Conceptualizing ‘precarious prosperity’: Empirical and theoretical elements for debate // International Journal of Comparative Sociology. 2010. 51 (4). P. 269-288.

2. Gallie D., Paugam S., Jacovs S. Unemployment, poverty and social isolation // European societies. 2003. Vol. 5. No 1. P. 1-32.

3. Gore Ch. Introduction: Markets, citizenship and social exclusion // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994.

4. Oppenheim C, Harker L. Poverty: the Facts. L., 1996.

5. Scott J.C. The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia. Yale University Press, New Haven and London, 1976.

6. Smith N. Economic inequality and poverty: where do we go from here? // International Journal of Sociology and Social Policy. 2010. Vol. 30. No 3/4. P. 127-139.

7. Somavia J. From poverty to decent work: Bridging the gap [Electronic resource]. – URL: http://www.reitingi.lv/en/news/darbs/2423.htm.

8. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth, 1979.

9. Veit-Wilson J. Horses for discourses: poverty, purpose and closure in minimum income standards policy //D. Gordon, P. Townsend (eds.) Measuring Poverty and Social Exclusion / L., 2000.

10. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York: Free Press, 1957.

11. Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения: очерки. М.: Наука, 2005. 464 с.

12. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158-166.

13. Аверин А.Н. Социальная политика органов государственной власти субъектов Российской Федерации: учебное пособие. Издание второе. М.: РАГС, 2007. 126 с.

14. Агабекян Р.Л. Математические методы в социологии. Анализ данных и логика вывода в эмпирическом исследовании: учеб. пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 192 с.

15. Адресная социальная помощь. Теория. Практика. Эксперимент / [Бочкарева В.К., Брейтвейт Ж., Волкова Г.Н. и др.]; под ред. Н.М. Римашевской; М.: ИСЭПН РАН, 1999. 256 с.

16. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. 488 с.

17. Александрова А.Л. Проблемы бедности // Аспекты регионального развития: взгляд из Самарской области – региона-лидера. Серия «Научные

доклады: независимый экономический анализ», М.: Московский общественный научный фонд. 2005. № 166. С. 104–115.

18. Алтайский край – территория экономического роста / под ред. М.П. Щетинина. Барнаул: Азбука, 2007. 306 с.

19. Алтайский край в цифрах. 1997–2001. Стат. сб. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, 2002. 307 с.

20. Алтайский край в цифрах. 2000–2004. Стат. сб. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, 2005. 200 с.

21. Алтайский край в цифрах. 2001–2005. Стат. сб. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, 2006. 248 с.

22. Алтайский край: итоги и задачи, 2007–2008. Барнаул, 2008. 46 с.

23. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 296 с.

24. Барсукова С.Ю. Неформальные практики в реализации национального проекта АПК // Социс. 2008. № 3. С. 43-51.

25. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. науч. докл. / под ред. Т.М. Малевой. Моск. центр Карнеги; Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги, 1998. 281 с.

26. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. М., 2000. 384 с.

27. Беляева Л.А. И вновь о среднем классе России // Социс. 2007. № 5. С. 3-13.

28. Беляева Л.А. Материальное неравенство в России: реальность и тенденции // Социс. 2007. № 11. С. 29-41.

29. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // Социс. 2006. № 9. С. 52-63.

30. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Маликов Н.С., Чесалкина Е.Ю. Социальный контракт как основа модернизации системы социальной поддержки трудоспособного малоимущего населения // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 3. С. 4-19.

31. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2006. Т. 22. С. 90-113.

32. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр // Социс. 2004. № 12. С. 17-30.

33. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы: динамический аспект // Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. 728 с.

34. Большой толковый социологический словарь. Том 1. (А-О). пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 2001. 244 с.

35. Бондаренко Л. Бедность сельской России [Текст] / Л. Бондаренко // Отечественные записки. 2012. № 6. С. 104-116.

36. Бондаренко Н.В. Бедные экономят деньги, богатые – собственное время: история имущественного накопления российских семей за последние десять лет // Вестник общественного мнения. 2005. № 4. С. 55-62.

37. Бондаренко Н.В. Интерпретация субъективных оценок личного материального благосостояния // Экономические и социальные перемены. 1997. № 6. С. 25-30.

38. Бородкин Ф.М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 2003.

39. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Borodkin_Soc_zhur_2000_3.pdf.

40. Бочарова Е.В. Основные направления преобразований на селе и перспективы социальной политики // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 88-90.

41. Бреева Е. Б. Социальное сиротство в социально ориентированном государстве // Социс. 2004. № 4. С. 44-51.

42. Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: Монография. Новосибирск: Издательство Сибирской академии государственной службы, 2000. 512 с.

43. Валеев Ю.С. Большие проблемы маленькой деревни // Социс. 2007. № 11. С. 78-81.

44. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 406 с.

45. Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 55-63.

46. Великий П.П. Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи // Социс. 2008. № 7. С. 101-108.

47. Великий П.П. Российское село в условиях новых вызовов // Социс. 2007. № 7. С. 60-66.

48. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации: [монография] / под ред. Ю.С. Воронова. – Саратов: Научная книга, 2012. 340 с.

49. Великий П.П. Социальная политика на селе: новые вызовы, старые ограничения // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 2. Т. 5. С. 231-244.

50. Великий П.П., Елютина М.Э., Штейнберг И.Е., Бахтурина Л.В. Старики российской деревни. Саратов: Изд-во «Степные просторы», 2000. 128 с.

51. Веттерберг Гуннар. Новое общество. О возможностях общественного сектора. Библиотека московской школы политических исследований. М., 1999. 303 с.

52. Владимиров Д.Г. Старшее поколение как фактор экономического развития России // Социс. 2004. № 4. С. 57-60.

53. Возрастно-половой состав и состояние в браке / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т.: Т. 2. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

54. Волгин Н.А., Гриценко Н.Н., Шарков Ф.И. Социальное государство: Учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003. 416 с.

55. Волчкова Л.Т., Минина В.Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социс. 1999. № 1. С. 49-56.

56. Гатаулина Е.А. Сельское лицо бедности // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 26-30.

57. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 134-149.

58. Глобализация сопротивления: борьба в мире / отв. ред. С. Амин и Ф. Утар: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.В. Бузгалина. М.: Едиториал УРСС, 2004. 304 с.

59. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Безработные: особенности российского бытия // Социс. 2001. № 5. С. 67-76.

60. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социс. 2008. № 7. С.75-84.

61. Голосенко И.А. Нищенство как социальная проблема // Социс. 1996. № 7. С. 27-35.

62. Гонтмахер Е.Ш. Социальная политика в России: уроки 90-х. М.: Гелиос АРВ, 2000. 336 с.

63. Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18-35.

64. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 512 с.

65. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян [Электронный ресурс]. – URL: http://ecsocman.edu.ru /images/pubs/ 2007/05/25/0000308323/002.GORSHKOV.pdf.

66. Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств / Давыдова Н.М., Меннинг Н., Сидорина Т.Ю. [и др.]; под общ. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 463 с.

67. Граждан В.Д. Социология управления: учебник. М.: КНОРУС, 2008. 512 с.

68. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М., 2003. 495 с.

69. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. СПб. 1997. 372 с.

70. Громов И.А., Мацкевич А.Ю. Западная теоретическая социология. Теория «социального действия» [Электронный ресурс]. – URL: http://society.polbu.ru/gromov_sociology/ch19_ii.html.

71. Давыдова Н., Седова Н. Особенности образа жизни бедных и богатых в современной России // Социс. 2004. № 3. С. 15-42.

72. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социс. 2003. № 6. С. 88-96.

73. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М.: Астрель, Транзиткнига, 2006. 352 с.

74. Демографический ежегодник России: стат. сб. Госкомстат России. М., 2007. 551 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1137674209312.

75. Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. 525 с.

76. Денисова И.П., Клиновенко П.Р. Социальная политика: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 347 с.

77. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т. 15. Стратификация и мобильность. М.: Инфра, 2007. 1030 с.

78. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. коллективная монография / рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: ГУВ – ШЭ, 2005. 348 с.

79. Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. 272 с.

80. Зайцева А.Н., Рахимова Л.Р. Формирование и развитие теории человеческого капитала в западной экономической мысли // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С. 150-155.

81. Заславская Т.И. Социальная стратификация и дифференциация доходов в России // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / под ред. Ш. Рамон; пер. с англ. под ред. Б.Ю. Шапиро. М., 1997. С. 76-92.

82. Заславская Т.И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4. С. 7-13.

83. Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России [Текст] / Т.И. Заславская // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 3-16.

84. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/saslavskaja_soc/.

85. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.

86. Захаров А.Н., Староверов В.И. Научное обеспечение социологического исследования реформирования российского АПК // Аграрно-сельская социология: история, концепция, методология. М., РАКО АПК, 2009, 416 с.

87. Зинченко Г.П. Социология управления. Серия «Высшее образование». Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 384 с.

88. Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 199 с.

89. Золотов В.И., Степанов В.И. Социология управления: учебное пособие; Алтайский экономико-юридический институт. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 431 с.

90. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. 264 с.

91. Зубова Л.Г., Ковалева Н. Общественное мнение по социальным проблемам // Бедность в России: государственная политика и реакция населения / под ред. Д. Клугман. Всемирный Банк: Вашингтон. М., 1998. С. 293-309.

92. Иванова О.А. Территориальные характеристики социального положения сельской молодежи Алтайского края / Социализация молодежи и профилактика экстремизма в молодежной среде: монография / под общ. ред. Е.В. Романовой. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. С. 256-271.

93. Ильин И.Е. «Великий перелом» в чувашском селе. Результаты и следствия аграрной реформы // Социс. 2007. № 11. С. 69-78.

94. Калугина З.И., Фадеева О.П. Проблемы малых деревень // Новосибирская область: проблемы управления пространственным развитием / под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 199-216.

95. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. 340 с.

96. Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России / отв. ред. Д. Н. Карпухин. Ин-т экономики РАН. М.: Наука. 2006. 324 с.

97. Качанов М.А., Молчанова Е.С. Причины, последствия и перспективы бедности крестьянства в России // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 72-73.

98. Кетова Н.П. Методологические подходы к оценке бедности сельского населения // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 6-8.

99. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социс. 2002. № 12. С. 23-33.

100. Ковалев В.Н. Социология управления социальной сферой: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2003. 240 с.

101. Козер Льюис А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / пер. с англ. Т.И. Шумилиной; под ред. д.ф.н., проф. И.Б. Орловой. М.: Норма, 2006. 528 с.

102. Кознова И.Е. Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социс. 2004. № 12. С. 74-85.

103. Социологический онлайн-словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/n/neravenstvo.html.

104. Крылатых Э.Н. «Бедность рынка» или «Рынок бедности» // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 16-18.

105. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: учебник / Институт социально-политических исследований РАН. Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Книга и бизнес. Сер. науч. и уч. литературы «За нашу и Вашу безопасность». Прил. к журн. «Безопасность Евразии», 2003. 880 с.

106. Латова Н. Бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/BEDNOST.html.

107. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М.: Московская школа политических исследований. 2000. 576 с.

108. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2011. 1024 с.

109. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. Основные направления исследований / под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1999. С. 94-109.

110. Лылова О.В. Экономическое поведение и уровень жизни сельского населения в период реформ // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М. ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 30-32.

111. Малева Т.М. Средний класс вчера, сегодня, завтра, или как построить «социальный лифт» // SPERO. 2008. № 8. С. 7-28.

112. Мамедов О.Ю. После нищеты и бедность кажется богатством // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 2. С. 5-7.

113. Маркс К. Капитал. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 2230 с.

114. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: «Дело» при участии изд-ва «Catallaxy», 1993. 240 с.

115. Микульский К.И. и др. Социальная политика КПСС. М.: Политиздат, 1987. 352 с.

116. Минакова И.В., Чугунова Н.В., Гретченко В.В. Проблемы бедности в России и ее измерения // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М. ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 18-20.

117. Михайлов Ю.П., Роговская Н.В. К вопросу стратегии преодоления сельской бедности // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 86-88.

118. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сборник статей и материалов. Выпуск 2 / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. 272 с.

119. Можина М. Бедные. Где проходит черта? // Свободная мысль. 1992. № 4. С. 11-18.

120. Морозова Т.В. Сельские сообщества России в региональном измерении. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 200. М.: Московский общественный научный фонд, 2008, 238 с.

121. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Сухарев М. В. Регион как социально-экономическая система. Петрозаводск, 2010. 308 с.

122. Немировский В.Г. Современная теоретическая социология: учеб. пособие. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2003. 304 с.

123. Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Натуральная экономика и редистрибутивная функция государства // Социс. 2001. № 9. С. 55-58.

124. Никифорова Е.Н., Кадыкова О.Ф. Анализ индикаторов уровня жизни как основа разработки социальной политики на селе // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 22-24.

125. Никифорова Е.О., Эпштейн Д.Б. Диспаритет экономических отношений сельского хозяйства как фактор бедности на селе // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 68-69.

126. Никулин А.М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология, 2003. № 1(4). С. 130-140.

127. Никулин А.М. Село и воля // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей ; под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 288 с.

128. Новохацкая О.В. Повседневная деятельность селян: гендерный аспект // Социс. 2008. № 3. С. 52-59.

129. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малевой / Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимова и др.; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. 432 с.

130. Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93 (ОКЗ) (утв. постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kadrovik.ru/docs/08/okz010-93.30.12.93n298.html.

131. Общественное мнение. 2008. М.: Левада-Центр, 2008. 192 с.

132. Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 26-30.

133. Огнивцев С.Д. Основные направления борьбы с сельской бедностью // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 84-86.

134. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 1200 с.

135. Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://altairegion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae-okolo-5-tysyach-selskih-semei-uluchshili-zhilischnye-usloviya-blagodarya-tselevoi-programme-sotsialnoe-razvitie-sela-do-2013-goda_229595.html.

136. Официальный сайт Алтайского края. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/e209269.html?sphrase_id=431075

137. Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/obschii-obem-sredstv-napravlennyh-na-realizatsiyu-programmy-75h75-sostavlyaet-okolo-6-mlrd-rublei_231621.html?sphrase_id=431061.

138. Официальный сайт ФС Госстат по Алтайскому краю. [Электронный ресурс]. – URL: http://ak.gks.ru/news/DocLib/I.html.

139. Панков Д.П. Экономическая бедность на селе: генезис, формы проявления, прогноз // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 67-68.

140. Парамонов В.В. Социальная политика: учеб пособие. М.: Изд-во РУДН, 2006. 114 с.

141. Пациорковский В.В. Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социс. 2007. № 1. С. 90-100.

142. Пациорковский В.В., О'Брайн Д.Дж., Вегрен С.К. Масштаб и структура сельской бедности // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 24-26.

143. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН. 2010. 390 с.

144. Пашков А.С. Избранные труды по трудовому праву. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 520 с.

145. Пейн М. Сообщество как основа социальной политики и социального действия // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / под ред. Ш. Рамон; пер. с англ. под ред. Б.Ю. Шапиро. М., 1997. С. 44-62.

146. Писарев А.В. Образ пожилых в современной России // Социс. 2004. № 4. С. 51-57.

147. Подузов А.А. Измерение бедности (зарубежный опыт) // Проблемы прогнозирования. 1996. № 4. С. 100-108; № 5. С. 100-114.

148. Полюбина И.Б. Бедность в современном обществе: теоретический аспект // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 8-10.

149. Полякова Н.В. Экономическое поведение. Иркутск, 1998. 236 с.

150. Попов Н.П. Как измерить бедность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.indem.ru/PUBLICATII/Popov/KakIzmerBedn.html.

151. Постановление Администрации Алтайского края от 24.08.2010 № 377 «Об утверждении в рамках губернаторской программы перечня 75 особо значимых социальных строек и объектов, ввод в эксплуатацию которых приурочен к 75-летию образования Алтайского края».

152. Преодоление (материалы Международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления») / под ред. Ф.М. Бородкина. Новосибирск, 2000.

153. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. 250 с.

154. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 с.

155. Радаев В. Кто поможет работающим бедным? // Proetcontra. Т. 6. № 3. Человек в социальном государстве. С. 63-80.

156. Радаев В. Экономическая социология: курс лекций. М., 2004. 368 с.

157. Ракитский Б. В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся. Ч. 2: Социальная политика // Трудовая демократия. Вып. 10. М., 1998. 92 с.

158. Региональное измерение государственной экономической политики России. С.С. Сулакшин, В.Н. Лексин, А.Н. Швецов, Л.А. Реймер, А.С. Малчинов, И.Б. Орлов. М.: Научный эксперт, 2007. 200 с.

159. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России – Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др. / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 592 с.

160. Римашевская М.Н. Бедность и маргинализация населения социальное дно // Социс. 2004. № 4. С. 33-44.

161. Римашевская Н.М. Социальные исследования экономических трансформаций в России // Социс. 1997. № 6. С. 55-65.

162. Родионова Г.А. «Лицом к селу»: национальное проектирование сельской жизни // Социс. 2007. № 7.

163. Родионова Г.А. Сельская бедность в Таджикистане и проекты развития // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 2. Т. 5. С. 201-216.

164. Родионова Г.А. Сельская бедность: проблемы измерения и сокращения // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 3-5.

165. Родионова Л.В., Родионова О.Е. Методика интегральной оценки напряженности на рынке труда в регионе // Человек и труд. 2007. № 10. С. 23-25.

166. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. 640 с.

167. Романов П.В. Социальные изменения и социальная политика [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/romanov_gatvinskiy.pdf.

168. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социол. анализа / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, М.: Наука. 2005. 396 с.

169. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь / ред. кол.: М.П. Мчедлов и др.; авт. кол.: А.Л. Андреев и др. М.: Республика, 2001. 544 с.

170. Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. М.: Независимый институт социальной политики, 2008. 208 с.

171. Российский статистический ежегодник. Госкомстат России, 1999. 621 с.

172. Российский статистический ежегодник. Госкомстат России, 2007.

173. Россия 2002-2005: соц.-демогр. ситуация: XII аналит. доклад / под ред. А.Ю. Шевякова; сост. В.М. Жеребин; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН. М.: Наука, 2008. 311 с.

174. Россия в XX веке: Люди, идеи, власть / отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 240 с.

175. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова; Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т экономики и промышленного производства. Новосибирск: Из-во СО РАН, 2008. 748 с.

176. Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. 728 с.

177. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. 640 с.

178. Рубакин Н.А., Суринов А.Е. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Сто лет спустя. М.: Изд-во РАГС, 2009. 310 с.

179. Рывкина Р.В. Драма перемен. М.: Дело, 2001. 472 с.

180. Рывкина Р.В. Советская социология и теория социальной стратификации. М.: Постижение, 1989. С. 17-35.

181. Саралиева З.Х. Нижегородские семьи: городские и сельские / З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов, Н.Т. Отделкина, М.В. Ушакова // Нижегородские семьи: городские и сельские // С.С. Балабанов и др. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2009. 111 с.

182. Семенова И.В. Истоки сельской бедности // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004.

183. Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей / отв. ред. О.В. Синявская. М.: Независимый институт социальной политики, 2009. 162 с.

184. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ., под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое изд-во, 2004. 432 с.

185. Сергиенко А.М. Виды и формы экономического поведения россиян в период реформ: теоретические подходы и опыт регионального исследования // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: Социология. Юриспруденция. Экономика. 2002. № 2 (24). С. 27-32.

186. Сергиенко А.М., Ситникова Е.В. Дифференцированный анализ локальных рынков труда Алтайского края: методические положения и результаты // Образование и соц. развитие региона. 1996. № 1. С. 50-55.

187. Сергиенко А.М. Аграрные регионы России: масштабы и динамика бедности и социального расслоения // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2012. № 8. С. 22-27.

188. Сергиенко А.М. Особенности трансформации региональной социальной политики // Региональная социальная политика: особенности трансформации и направления развития / под ред. С.И. Григорьева, А.М. Сергиенко. Барнаул, 2002. С. 58-70.

189. Сергиенко А.М. Оценка ситуации на локальных рынках труда // Экономические реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда) / под ред. А.Я. Троцковского. Барнаул, 1996. С. 136-157.

190. Сергиенко А.М. Оценка уровня бедности и социального расслоения населения Алтайского края в период реформ // Образование и соц. развитие региона. 1998. № 2-4. С. 47-51.

191. Сергиенко А.М. Политика и результаты регулирования доходов населения // Социально-экономические аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы / под ред. А.Я. Троцковского. Новосибирск, 2001. С. 165-186.

192. Сергиенко А.М. Положение и поведение сельских бедных на рынке труда / А.М. Сергиенко // Регион: Экономика и социология. 2005. № 4. С. 105-119.

193. Сергиенко А.М. Региональные особенности формирования и реализации социальной политики в 90-х годах (на примере Алтайского края) // Социальная работа: Спецвыпуск журнала «Образование и соц. развитие региона». Барнаул, 2000. С. 65-81.

194. Сергиенко А.М., Муронова И.Ю. Сельский рынок труда в Алтайском крае: ситуация, перспективы, политика на региональном и муниципальном уровнях // Муниципальный мир. 2003. № 5. С. 83-92.

195. Сергиенко А.М. Современные процессы формирования и использования доходов населения российского региона в свете проблем устойчивого развития // Изв. Алт. гос. ун-та. 1999. № 2 (12). С. 12-18.

196. Сергиенко А.М. Социальная политика как объект анализа трансформационных процессов // Ползуновский вестник. 2005. № 3. С. 210-221.

197. Сергиенко А.М. Социальная политика России в 90-х гг.: региональные особенности регулирования доходов населения // Изв. Алт. гос. ун-та. 2000. № 2 (16). С. 29-34.

198. Сергиенко А.М., Родионова Л.В. Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регионе // Стратегическое

управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. С. 377-393.

199. Сергиенко А.М. Социально-экономические и социально-политические факторы и механизмы формирования активности сельского населения на российском рынке труда // Изв. Алт. гос. ун-та. 2003. № 2. С. 87-94.

200. Сергиенко А.М. Социально-экономическое положение сельского населения на рынке труда // Экономика и энергетика Алтайского края / под ред. А.Н. Логинова и др. Барнаул, 2004. С. 95-114.

201. Сергиенко А.М. Социальные технологии регулирования доходов населения России 90-х гг.: федеральный уровень и уровень региона как субъекта Федерации // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. Барнаул, 1999. Вып. 7. С. 196-212.

202. Сергиенко А.М. Стратегии экономической активности населения агропромышленного региона // Образование и соц. развитие региона. 2002. № 1-2. С. 38-47.

203. Сергиенко А.М. Сфера доходов населения и социальная политика: российские тенденции периода реформ // Образование и соц. развитие региона. 2001. № 3-4. С. 48-52.

204. Сергиенко А.М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв.: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 308 с.

205. Сергиенко А.М. Экономическое поведение бедных слоев населения проблемного региона и социальная политика // Образование и соц. развитие региона. 2002. № 3-4. С. 22-27.

206. Сергиенко А.М., Родионова Л.В. и др. Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века. М., 2004.

207. Серова Е.В., Тихонова Т.В., Храмова И.Г., Храмова С.В., Шик О.В. Сельская бедность и сельское развитие в России. М.: ИЭПП, 2004. 49 с.

208. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Международной научно-практической конференции 30-31 марта 2006 г.: в 3 ч. Омск: Издательство ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2006. Ч. 1. 320 с.

209. Силласте Г.Г. Сельская школа и село России в начале XXI века. М.: Центр образовательной литературы, 2003. 502 с.

210. Скот Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанина; под ред. А.В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 432 с.

211. Смирнов С.Н. Региональные аспекты социальной политики. М.: Гелиос АРВ, 1999. 320 с.

212. Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. 432 с.

213. Социальная защита населения России: проблемы и решения 2000-х годов. М., 2008. 330 с.

214. Социальная политика: реалии 21 века. Выпуск 1. Независимый институт социальной политики. М.: Сигналъ, 2003. 166 с.

215. Социальная политика: Учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: Издательство «Экзамен», 2002. 736 с.

216. Социальная помощь: на пути к адресности: сб. ст. / под ред. М.И. Либоракиной. М.: Фонд «Институт экономики города», 2001. 44 с.

217. Социальная траектория развития Алтая. Барнаул: Изд-во ООО «Полиграф-Сервис», 2006. 232 с.

218. Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социальной школы / ред. кол.; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 736 с.

219. Социальное неравенство и публичная политика / ред. кол. В.А. Медведев, М.К. Горшков, Ю.А. Красин. Культурная революция, 2007. 336 с.

220. Социальное положение и уровень жизни населения России 2008: статистический сборник. Росстат. М., 2008. 502 с.

221. Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 373 с.

222. Социально-экономическое развитие сибирского села / Калмык В.А., Рывкина Р.В., Л.А. Хахулина и др. Новосибирск: Наука, 1987. 447 с.

223. Социальные неравенства и социальная политика в современной России / [Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова]; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2008. 423 с.

224. Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.

225. Социология управления: учебник / под общ. ред. В.Э. Бойкова. М.: Изд-во РАГС, 2006. 336 с.

226. Социология. Кравченко А.И., Анурин В.Ф. СПб.: Питер, 2003, 432 с.

227. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. 480 с.

228. Социология: энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 480 с.

229. Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / ред.-сост. Р.В. Рывкина. М.: Референдум, 2003. 672 с.

230. Ставцева Т.И. К вопросу о бедности как проявлении экономического неравенства // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М. ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 20-22.

231. Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социс. 2004. № 12. С. 64-74.

232. Староверов О.В. Отдельные модели экономической социологи. Центр. экон.-мат. ин-т РАН. М.: Наука, 2006. 232 с.

233. Статистический сборник «Социальное положение и уровень жизни населения России». Росстат, 2008.

234. Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. 432 с.

235. Тихонова Н.Е. Низший в социальной структуре российского общества. Социс. 2011. № 5. С. 24-35.

236. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007. 320 с.

237. Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России: ресурс роста среднего класса или будущий низший класс? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hse.ru/data/2010/07/02/1218936203/Тихонова.doc.

238. Троцковский А.Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации / Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, 1997. 249 с.

239. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты [Текст]: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.

240. Фадеева О.П. Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социс. 2007. № 11. С. 64-69.

241. Федотовская Т.А. Проблема бедности в современной России / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213).

242. Хагуров А.А. Социология российского села: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 390 с.

243. Хагуров, А.А. О состоянии и проблемах российского села [Текст] // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 149.

244. Холостова Е.И. Теория социальной работы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.univer5.ru/sotsialnaya-rabota/teoriya-sotsialnoy-rabotyi-holostova-e.i.-334.html.

245. Холостова Е.И., Черняк, Е.М., Чупина Г.Н. Сельская семья и социальная работа [Текст]. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2005. 242 с.

246. Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: науч.-практ. пособие М.: Проспект, 2009. 104 с.

247. Черешева Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (с измене-

ниями от 22 августа, 29 декабря 2004 г., 25 ноября 2006 г., 18 октября 2007 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

248. Чертов Н.А. Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона: монография. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2003. 307 с.

249. Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю., Шилова Л.С., Шишкин С.В. Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / Независимый институт социальной политики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 232 с.

250. Чураков В.Я. Кризис российской деревни: реалии и прогноз. М., 2000. 303 с.

251. Шевелев В.Н. Социология управления: учебное пособие для высшей школы. Ростов н/Дону: Феникс, 2004. 352 с.

252. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 256 с.

253. Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с.

254. Шурупова А.С. К вопросу о причинах сельской бедности // Сельская бедность: причины и пути преодоления. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2004. С. 70-71.

255. Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ: стратегии и механизмы формирования / под ред. А.М. Сергиенко, Л.В. Родионовой. Барнаул: Азбука, 2001. 300 с.

256. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Дело, 2001. 352 с.

257. Эффективность муниципальных социальных программ: возможность и необходимость оценки. Пример оценки программы «От пособия к зарплате» в г. Перми / А.Л. Александрова, З.Л. Садовская, Р.Дж. Страйк, К.Г. Чагин. М.: Фонд «Институт экономики города», 2003. 88 с.

258. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. [Электронный ресурс]. – OCR: AllanShadehttp://www.soclib.ru.

259. Якобсон Л. Социальная политика: консервативная перспектива, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: www.polit.ru/lectures/2006/01/31/jacobson.html.

260. Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы). [Электронный ресурс]. – URL:http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/yaroshenko.pdf.

261. Ярская-Смирнова Е., Романов П., Лебина Н. Советская социальная политика и повседневность, 1940–1980-е [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gosbook.rudocument3237632409preview.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1.1

Распределение сельских жителей в возрасте 18 лет и старше по регионам, %

Субъекты РФ	2002 г.	2010 г.
Алтайский край	90,1	88,2
Республика Алтай	9,9	11,8

Примечание. Рассчитано на основе данных Переписи населения 2002 г., оценок Росстата и его территориальных органов по Алтайскому краю и Республике Алтай.

Источник: Возрастно-половой состав и состояние в браке / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т: Т. 2. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 12, 223, 235; Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 45; Численность постоянного населения по полу и отдельным возрастам на начало 2010 года Республика Алтай / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай [Электронный ресурс]. – URL: http://statra.gks.ru/digital/region1/DocLib;
Распределение численности населения Алтайского края по полу и возрастным группам на 1 января 2010 года / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. – URL: http://ak.gks.ru/DocLib1.

Таблица 1.2

Поселенческая структура сельского населения, %

Сельские населенные пункты с числом жителей, человек	Доля населения		
	РФ	Алтайский край	Республика Алтай
500 и менее	28,7	14,6	21,5
501–1000	19,5	19,3	20,8
1001–2000	18,2	28,0	19,7
более 2000	33,6	38,1	38,0

Примечание. Рассчитано на основе данных Переписи населения 2002 г., оценок Росстата и его территориальных органов по Алтайскому краю и Республике Алтай.

Источник: Численность и размещение населения / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т: Т. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 348, 356, 357.

Таблица 1.3

Распределение сельских жителей в возрасте 18 лет и старше по полу, %

Пол	РФ		Алтайский край		Республика Алтай	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Мужчины	46,4	46,7	46,4	46,5	47,4	47,6
Женщины	53,6	53,3	53,6	53,5	52,6	52,4

Примечание. Рассчитано на основе данных Переписи населения 2002 г., оценок Росстата и его территориальных органов по Алтайскому краю и Республике Алтай.

Источник: Возрастно-половой состав и состояние в браке / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т: Т. 2. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 12, 17, 223, 235; Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 45; Численность постоянного населения по полу и отдельным возрастам на начало 2010 года Республика Алтай / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай [Электронный ресурс]. – URL: http://statra.gks.ru/digital/region1/DocLib; Распределение численности населения Алтайского края по полу и возрастным группам на 1 января 2010 года / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. – URL: http://ak.gks.ru/DocLib1.

Таблица 1.4

Распределение сельских жителей по возрасту, %

Возраст, лет	РФ		Алтайский край		Республика Алтай	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
18–29	23,5	21,2	23,4	21,2	28,9	26,7
30–54 (59)	49,2	48,9	48,5	50,5	51,1	54,0
55 (60) и старше	27,4	29,9	28,1	28,3	20,0	19,3

Примечание. Рассчитано на основе данных Переписи населения 2002 г., оценок Росстата и его территориальных органов по Алтайскому краю и Республике Алтай.

Источник: Возрастно-половой состав и состояние в браке / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т: Т. 2. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 12, 17, 223, 235; Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 45; Численность постоянного населения по полу и отдельным возрастам на начало 2010 года Республика Алтай / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай [Электронный ресурс]. – URL: http://statra.gks.ru/digital/region1/DocLib; Распределение численности населения Алтайского края по полу и возрастным группам на 1 января 2010 года / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. – URL: http://ak.gks.ru/DocLib1.

Таблица 1.5

Распределение респондентов по возрасту, %

Возраст, лет	Алтайский край	Республика Алтай	Итого по двум регионам
18–29	21,2	26,7	21,8
30–54 (59)	50,5	54,0	50,8
55 (60) и старше	28,3	19,3	27,4

Примечание. Рассчитано на основе данных Переписи населения 2002 г., оценок Росстата и его территориальных органов по Алтайскому краю и Республике Алтай.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Районы и населенные пункты Алтайского края и Республики Алтай, где проводился выборочный опрос сельского населения

Таблица 2.1

Сельские административные районы

Алтайский край:

1. Баевский
2. Волчихинский
3. Змеиногорский
4. Косихинский
5. Кулундинский
6. Курьинский
7. Мамонтовский
8. Новичихинский
9. Панкрушихинский
10. Первомайский
11. Ребрихинский
12. Родинский
13. Романовский
14. Топчихинский
15. Третьяковский
16. Усть-Пристанский
17. Чарышский

Республика Алтай:

1. Майминский
2. Усть-Коксинский

Таблица 2.2

Сельские населенные пункты

Алтайский край:

1. с. Барановка
2. с. Верх-Чуманка
3. с. Волчиха
4. с. Вяткино
5. с. Журавлиха
6. с. Ивановка
7. с. Каяушка
8. с. Кулунда
9. с. Мамонтово
10. с. Налобиха
11. с. Новичиха
12. с. Панкрушиха
13. с. Победим
14. с. Ребриха
15. с. Родино
16. с. Романово
17. с. Староалейское
18. с. Топчиха
19. с. Чарышское
20. с. Таловка
21. с. Луковка

Республика Алтай:

1. с. Огневка
2. с. Карлушка
3. с. Майма

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 3.1

Статистические показатели, используемые для типологического анализа сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной среды жизнедеятельности территориальных групп населения

1. Естественный прирост на 1 тыс. населения, ‰.
2. Миграционный прирост на 1 тыс. населения, ‰.
3. Больничные медицинские учреждения на 10 тыс. населения, ед.
4. Поликлинические медицинские учреждения на 10 тыс. населения, ед.
5. Врачи всех специальностей на 10 тыс. населения, чел.
6. Средний медицинский персонал на 10 тыс. населения, чел.
7. Заболевания с впервые установленным диагнозом на 1 тыс. населения, ед.
8. Площадь квартир на 1 жителя, кв.м.
9. Доля ветхого жилья, %.
10. Ввод в действие жилья на 1 жителя, кв.м.
11. Доля жилья с водопроводом, %.
12. Доля жилья с канализацией, %.
13. Доля жилья с отоплением, %.
14. Доля жилья с газом, в т.ч. природным, %.
15. Доля жилья с горячей водой, %.
16. Оборот розничной торговли на 1 жителя, руб.
17. Оборот общественного питания на 1 жителя, руб.
18. Оборот платных услуг на 1 жителя, руб.
19. Среднемесячная зарплата на 1 работника, руб.
20. Среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве на 1 работника, руб.
21. Уровень официальной безработицы, %.
22. Учащиеся школ на 10 тыс. населения, чел.
23. Количество детей на 1 детский сад, чел.
24. Библиотеки на 10 тыс. населения, ед.
25. Культурно-досуговые учреждения на 10 тыс. населения, ед.

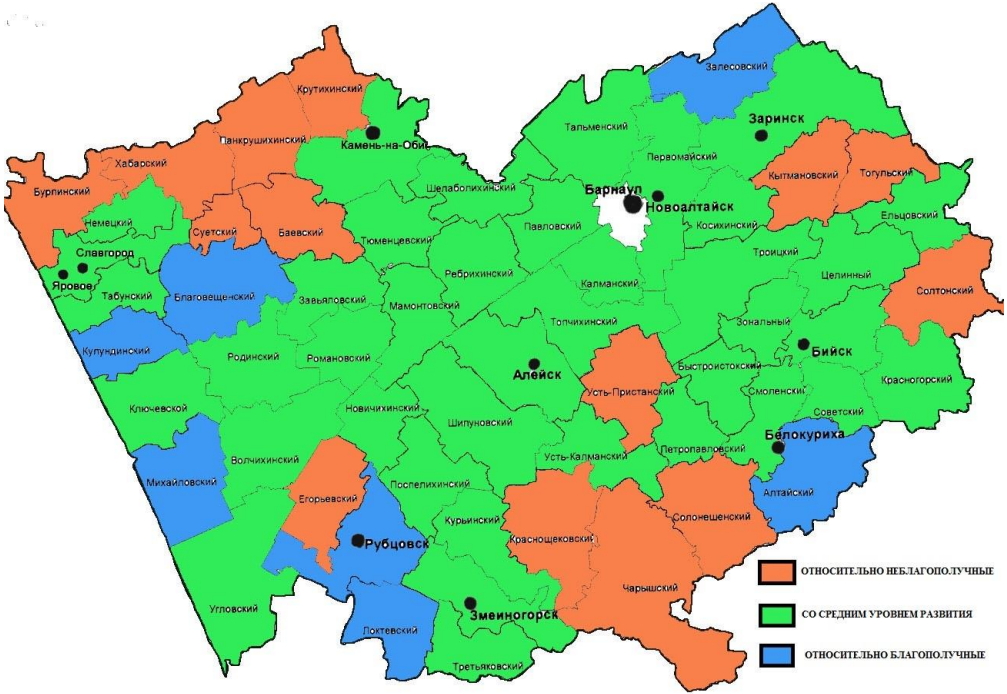


Рис. 3.1. Типы (кластеры) сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2000 г.

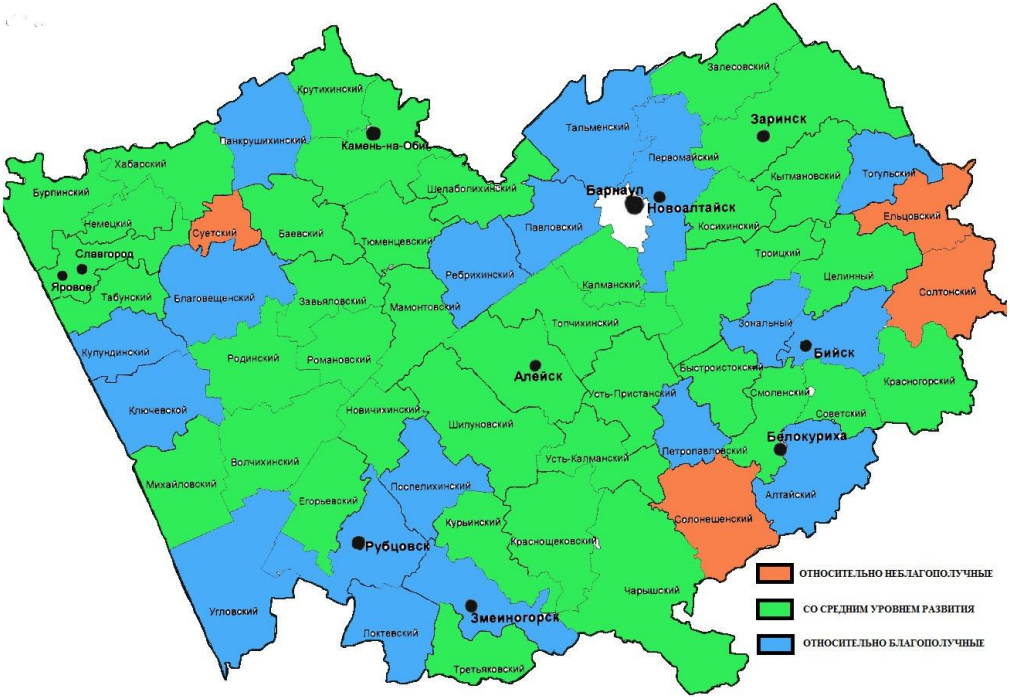


Рис. 3.2. Типы (кластеры) сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г.

Таблица 3.2

Рейтинг социально-экономических проблем села по степени остроты и актуальности (по результатам экспертного опроса 2011 г.)

	Наиболее острая	**Одна из самых важных**	**Незначительная**
1. Низкий уровень жизни, бедность сельского населения	**	***	*
2. Чрезмерное расслоение на бедных и богатых	*	**	***
3. Жилищные проблемы	**	**	**
4. Высокие цены на товары и услуги	**	***	*
5. Безработица, отсутствие подходящих рабочих мест	***	**	*
6. Низкий уровень заработной платы, несоответствие ее трудовым затратам работников	***	**	*
7. Задержки по оплате труда	*	**	***
8. Нехватка квалифицированных рабочих, специалистов	**	***	**
9. Молодежь уходит из села, трудовые ресурсы не воспроизводятся	**	**	*
10. Низкий уровень социальных гарантий (маленький размер пенсий, пособий и др.)	**	***	**
11. Недоступность образовательных услуг	*	**	***
12. Ухудшение здоровья сельского населения, недоступность, низкое качество медицинских услуг	**	***	**
13. Недоступность услуг бытового обслуживания	*	**	***
14. Низкий уровень развития культуры и досуга	*	**	***
15. Сокращение численности селян из-за снижения рождаемости, роста смертности и миграции в города	**	**	**
16. Духовно-нравственный кризис сельских жителей (пессимизм и апатия и т.п.)	**	**	**
17. Проблема преступности	*	**	**
18. Алкоголизм, наркотизация населения	**	***	*
19. Высокие цены на энергоносители	*		
20. Плохие дороги в селах	*		

*** – широко распространено (более 50% случаев)
** – средний уровень распространенности (20-49%)
* – редко применяется (менее 20%)

Таблица 3.3

Рейтинг актуальности, степени и остроты социально-экономических проблем села (по данным опроса представителей региональной и местной власти), голосов

Проблемы	**2011 г.**			**2008 г.**
	Все эксперты	**Алтайский край**	**Республика Алтай**	**Алтайский край**
Низкий уровень жизни, бедность сельского населения	41	36	5	52
Чрезмерное расслоение на бедных и богатых	16	12	4	19
Жилищные проблемы	31	24	7	45
Высокие цены на товары и услуги	41	34	7	55
Безработица, отсутствие подходящих рабочих мест	43	36	7	53
Низкий уровень заработной платы, несоответствие ее трудовым затратам работников, задержки по оплате труда	53	46	7	53
Нехватка квалифицированных рабочих, специалистов	35	29	6	41
Молодежь уходит из села, трудовые ресурсы не воспроизводятся	42	38	4	54
Низкий уровень социальных гарантий (маленький размер пенсий, пособий и др.)	35	28	7	46
Недоступность образовательных услуг	17	14	7	41
Ухудшение здоровья сельского населения, недоступность, низкое качество медицинских услуг	37	32	5	40
Недоступность услуг бытового обслуживания	14	12	7	24
Низкий уровень развития культуры и досуга	21	20	7	42
Сокращение численности селян из-за снижения рождаемости, роста смертности и миграции в города	33	32	7	50

Продолжение таблицы 3.3

Проблемы	2011 г.			2008 г.
	Все эксперты	**Алтайский край**	**Республика Алтай**	**Алтайский край**
Проблема недоверия к власти и неуважения сельскими жителями «начальников»	…	…	…	36
Духовно-нравственный кризис сельских жителей (пессимизм и апатия и т.п.)	33	29	4	45
Деградация сельских жителей, падение нравственности	…	…	…	
Проблема преступности	24	19	7	33
Алкоголизм, наркотизация населения	42	35	7	72
Коммунальные проблемы: отсутствие водопровода, горячей воды, центрального отопления	…	…	…	37
Низкие цены на сельхозпродукцияю	…	…	…	46
Неблагоустройство поселения	…	…	…	49

Таблица 3.4

Рейтинг актуальности, степени и остроты социально-экономических проблем села (по данным опроса представителей общественных организаций), голосов

Проблемы	2011 г.			2008 г.
	Все эксперты	**Алтайский край**	**Республика Алтай**	**Алтайский край**
Низкий уровень жизни, бедность сельского населения	12	10	2	32
Чрезмерное расслоение на бедных и богатых	6	5	1	21
Жилищные проблемы	6	4	2	24
Высокие цены на товары и услуги	9	8	1	13
Безработица, отсутствие подходящих рабочих мест	11	9	2	26
Низкий уровень заработной платы, несоответствие ее трудовым затратам работников, задержки по оплате труда	14	12	2	37
Нехватка квалифицированных рабочих, специалистов	7	6	1	21
Молодежь уходит из села, трудовые ресурсы не воспроизводятся	12	10	0	18

Продолжение таблицы 3.4

Проблемы	2011 г.			2008 г.
	Все эксперты	**Алтайский край**	**Республика Алтай**	**Алтайский край**
Низкий уровень социальных гарантий (маленький размер пенсий, пособий и др.)	12	10	2	17
Недоступность образовательных услуг	8	7	1	24
Ухудшение здоровья сельского населения, недоступность, низкое качество медицинских услуг	11	10	1	25
Недоступность услуг бытового обслуживания	7	7	0	7
Низкий уровень развития культуры и досуга	3	3	0	13
Сокращение численности селян из-за снижения рождаемости, роста смертности и миграции в города	12	10	2	…
Проблема недоверия к власти и неуважения сельскими жителями «начальников»	5	3	2	11
Духовно-нравственный кризис сельских жителей (пессимизм и апатия и т.п.)	9	7	2	22
Деградация сельских жителей, падение нравственности	…	…	…	13
Проблема преступности	7	5	2	14
Алкоголизм, наркотизация населения	11	9	2	34

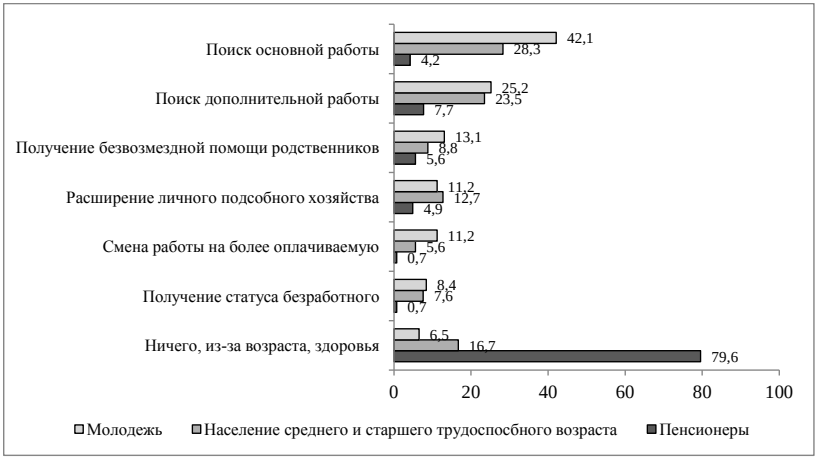


Рис. 3.3. Экономические действия сельских бедных разных возрастных групп по улучшению материального положения семьи, %

Рис. 3.4. Действия сельских мужчин и женщин по улучшению материального положения семьи, %

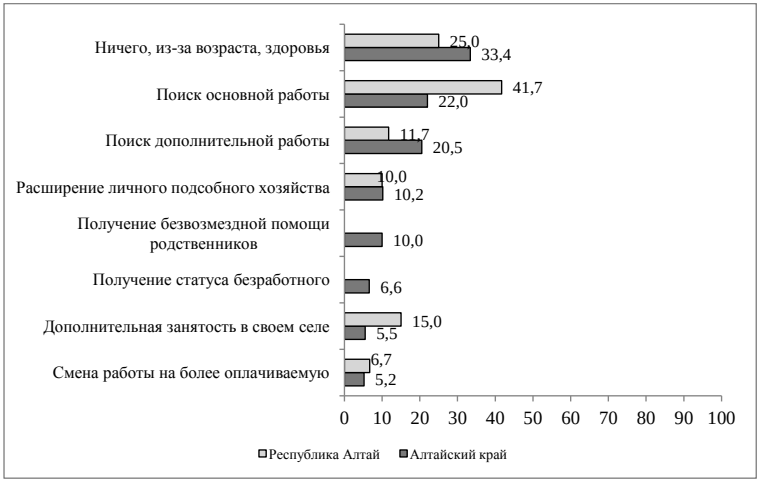


Рис. 3.5. Экономические действия сельских бедных жителей двух регионов по улучшению материального положения семьи, %

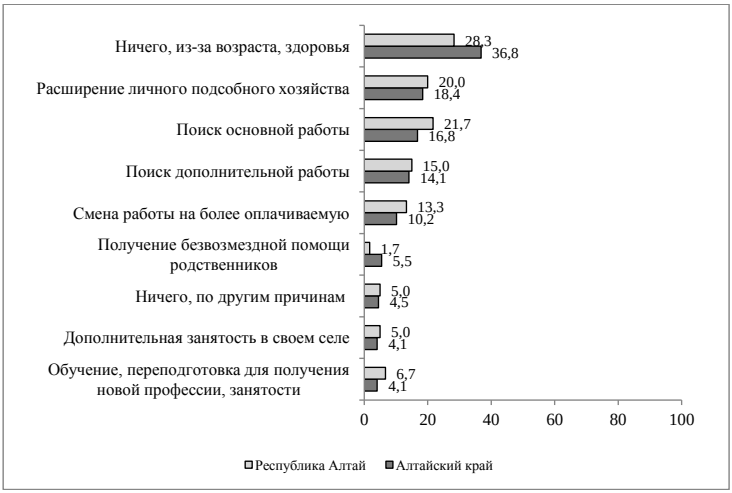


Рис. 3.6. Планы сельских жителей по улучшению материального положения семьи, %

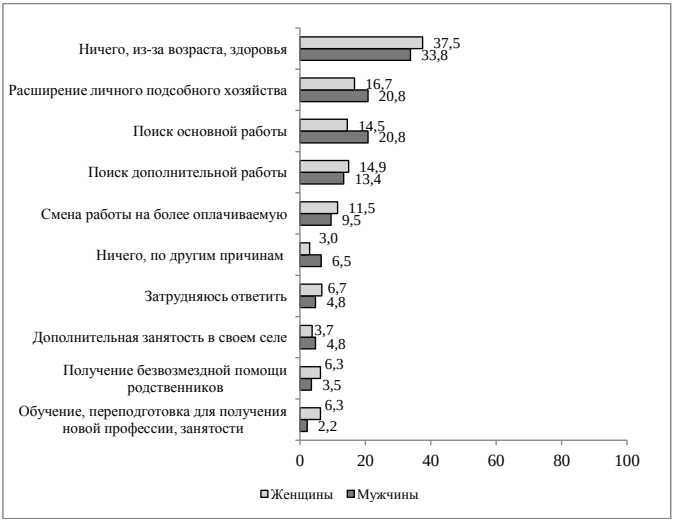


Рис. 3.7. Планы сельских бедных мужчин и женщин по улучшению материального положения семьи, %

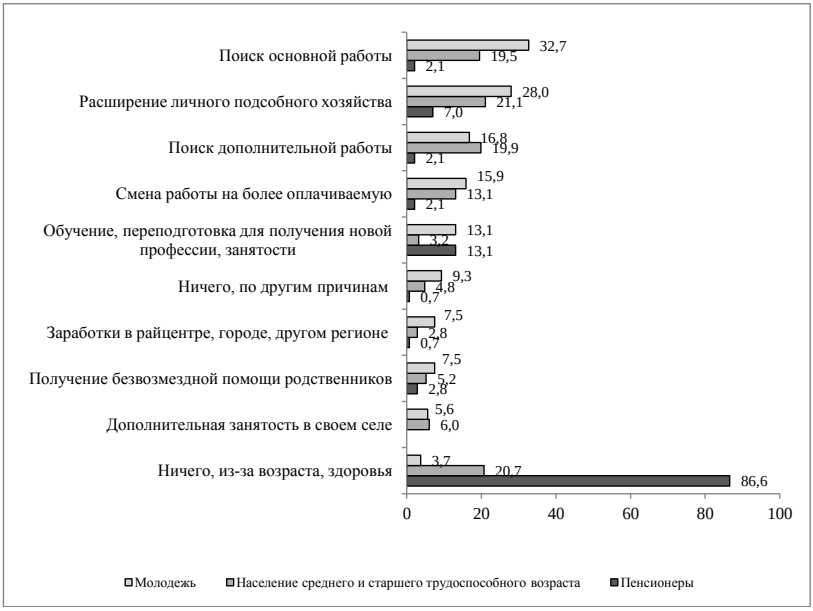


Рис. 3.8. Планы сельских бедных разных возрастных групп по улучшению материального положения семьи, %

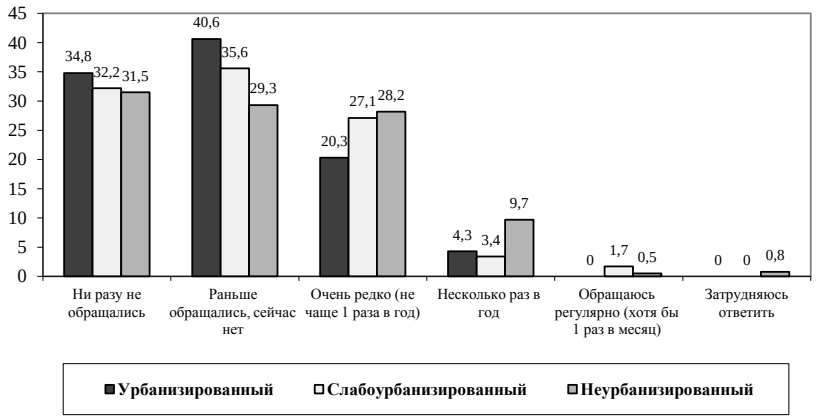


Рис. 3.9. Регулярность обращения в органы социальной защиты сельских бедных, проживающих в районах разной степени урбанизированности, %

Таблица 3.5

Распределение ответов на вопрос: «С какими проблемами Вы столкнулись при обращении в органы социальной защиты населения?**», %**

	Мужчины	**Женщины**
Проблемы (поставленные вопросы) фактически не решаются	3	3,8
Предоставляемая помощь недостаточна для решения проблемы, в т.ч.	2,3	3,3
маленький размер денежной помощи	2,3	2,9
другое		0,5
Невнимательное отношение социальных работников	5,3	9,1
Очереди	19,7	12,9
Необходимость предоставлять одни и те же документы несколько раз для оформления разных выплат, субсидий, льгот	31,1	33
Другое (нехватка бесплатных лекарств, медлительность, необходимость платить за квитанции)	0,8	1,9
Нет никаких проблем	53,8	53,1

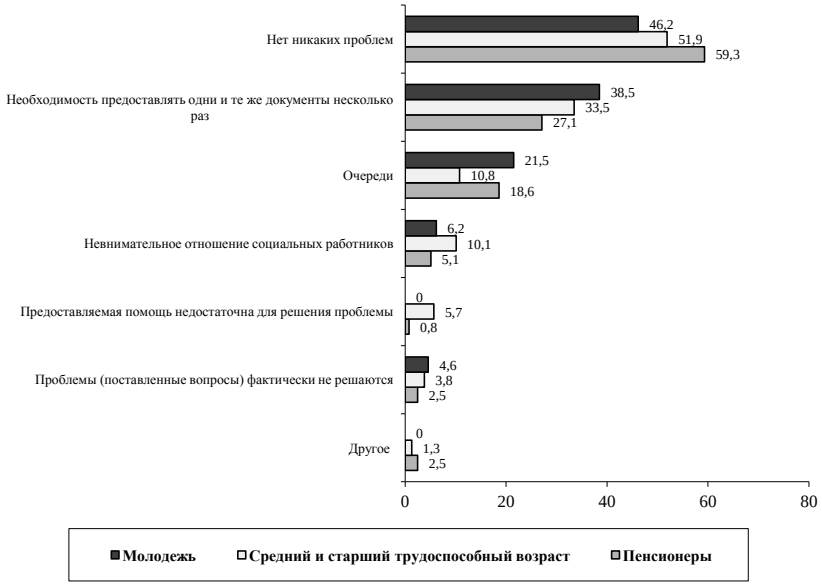


Рис. 3.10. Проблемы, с которыми сталкиваются при обращении в органы социальной защиты населения респонденты разных возрастных групп, %

Таблица 3.6

Распределение ответов сельских бедных на вопрос: «Куда Вы или члены Вашей семьи обращались за помощью, кто помогал и каким образом в решении Ваших жизненных проблем за последние три года?», %

	Куда обращались?		**Кто помог?**	
	Мужчины	**Женщины**	**Мужчины**	**Женщины**
Близкие, родственники	39	49,8	40,3	51,7
Друзья, знакомые	15,2	10	15,2	10,8
Государственные службы занятости на местах	13	7,4	11,3	6,7
Начальство по месту работы	8,2	8,9	6,5	6,7
Государственные службы социального обеспечения	6,9	11,2	6,9	10
Органы местного самоуправления (района, поселения)	6,9	5,6	4,8	5,6
Соседи, односельчане	6,5	9,3	6,5	9,3
Коллеги по работе	3	7,1	2,6	5,9
Частные организации, предприниматели, фермерские хозяйства	0,4	0,7	0,4	0,7
Профсоюз, другие объединения работников	0,4	1,1	0	1,1

Окончание таблицы 3.6

	Куда обращались?		Кто помог?	
	Мужчины	**Женщины**	**Мужчины**	**Женщины**
Казачество	0,4	0	0,4	0
Налоговая инспекция	0,4	0	0,4	0
Правоохранительные органы (полиция)	0,4	0	0,4	0
Пенсионный фонд РФ	0	0,7	0	0,7
Религиозные организации	0	0,4	0	0,4
Самостоятельно решил (и) проблему	31,2	26,4	31,2	26,4
Никто не помогал, проблема не решена	16,5	12,3	16,5	12,3
Никуда не обращались, проблем нет	0,9	0,4	0,9	0,4

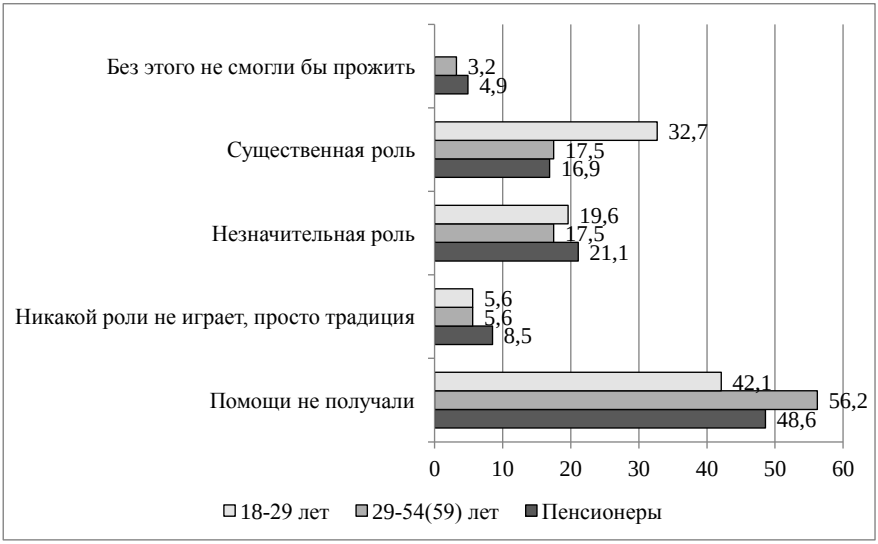


Рис. 3.11. Оценка роли помощи людей в бюджете сельских бедных респондентами разных возрастных групп

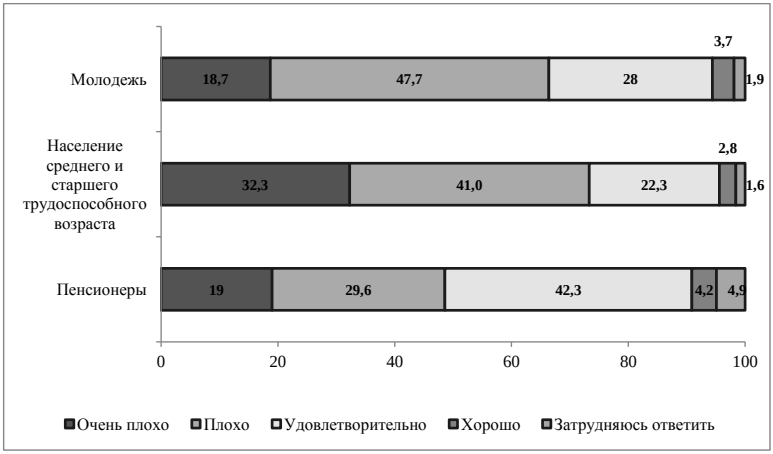


Рис. 3.12. Оценка бедными сельскими жителями разных возрастных групп действий государства по решению материальных проблем в своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

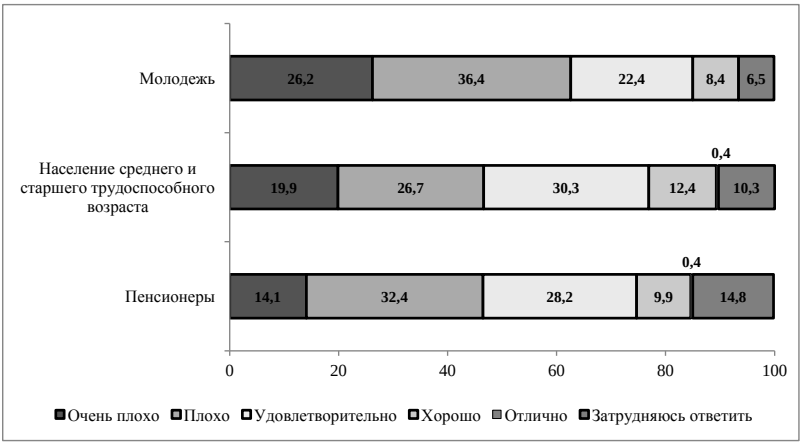


Рис. 3.13. Оценка бедными сельскими жителями разных возрастных групп действий государства по решению жилищных проблем в своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

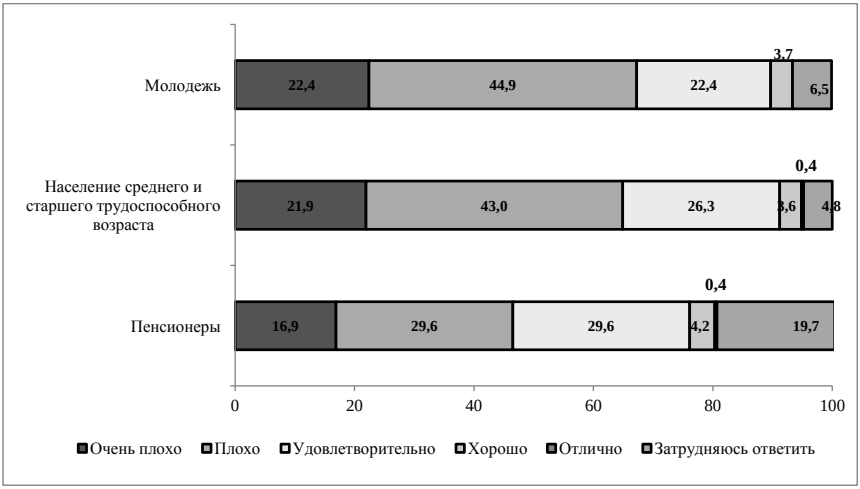


Рис. 3.14. Оценка бедными сельскими жителями разных возрастных групп действий государства по решению проблем безработицы в своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

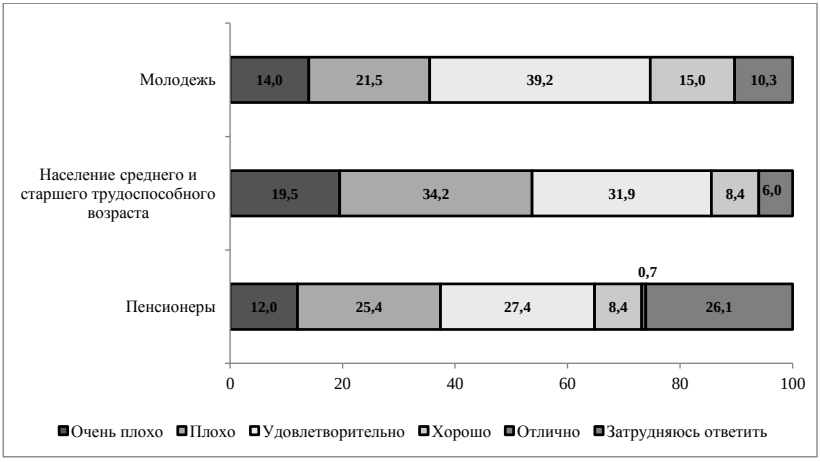


Рис. 3.15. Оценка бедными сельскими жителями разных возрастных групп действий государства по решению проблемы обеспечения себя и своих детей достойным образованием, % (по данным опроса 2011 г.)

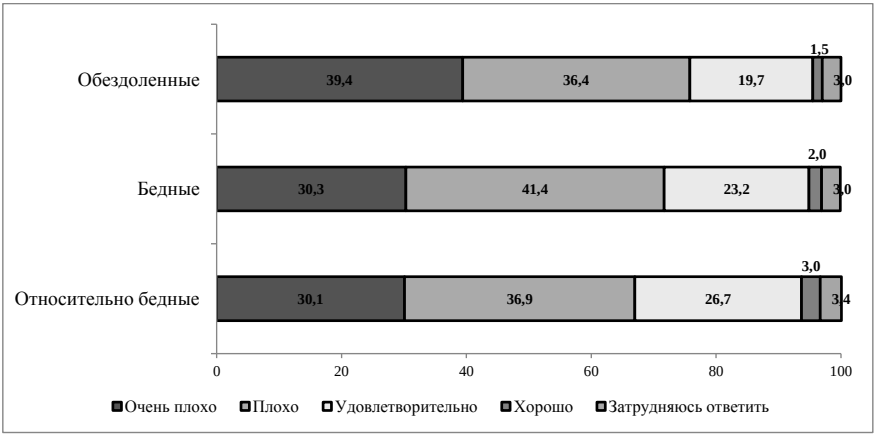


Рис. 3.16. Оценка сельскими жителями, различающимися материальным положением семьи, действий органов местного самоуправления по решению материальных проблем в своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

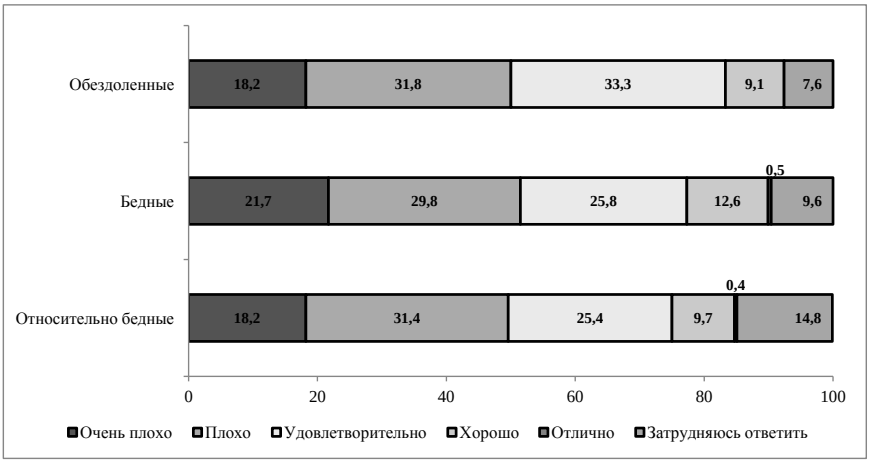


Рис. 3.17. Оценка сельскими жителями, различающимися материальным положением семьи, действий органов местного самоуправления по решению жилищных проблем в своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

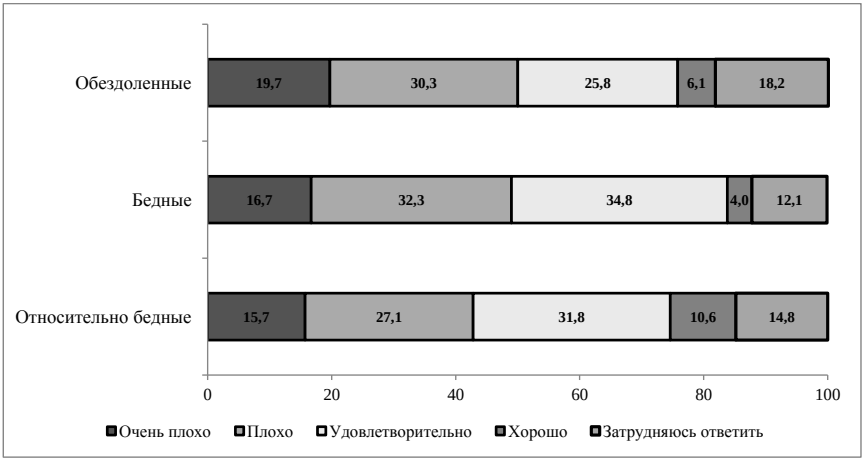


Рис. 3.18. Оценка сельскими жителями, различающимися материальным положением семьи, действий органов местного самоуправления по решению проблем обеспечения себя, своих детей достойным образованием, % (по данным опроса 2011 г.)

Таблица 3.7

Оценка жителями Алтайского края и Республики Алтай действий государства и органов местного самоуправления местного самоуправления в области социального обеспечения

	Оценка действий государства		Оценка действий органов местного самоуправления	
	Алтайский край	Республика Алтай	Алтайский край	Республика Алтай
Очень плохо	16,6	16,7	19,1	23,3
Плохо	36,8	38,3	33,4	40
Удовлетворительно	34,5	25	35,5	21,7
Хорошо	6,4	8,3	3,4	5
Отлично	0,5	-	0,2	-
Затрудняюсь ответить	5,2	11,7	8,4	10

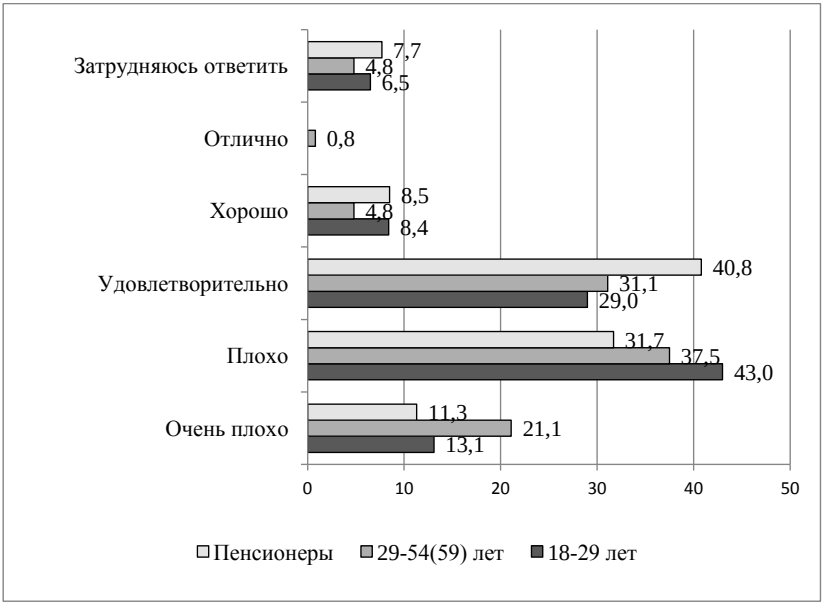


Рис. 3.19. Оценка действий государства в области социального обеспечения сельскими бедными разных возрастных групп

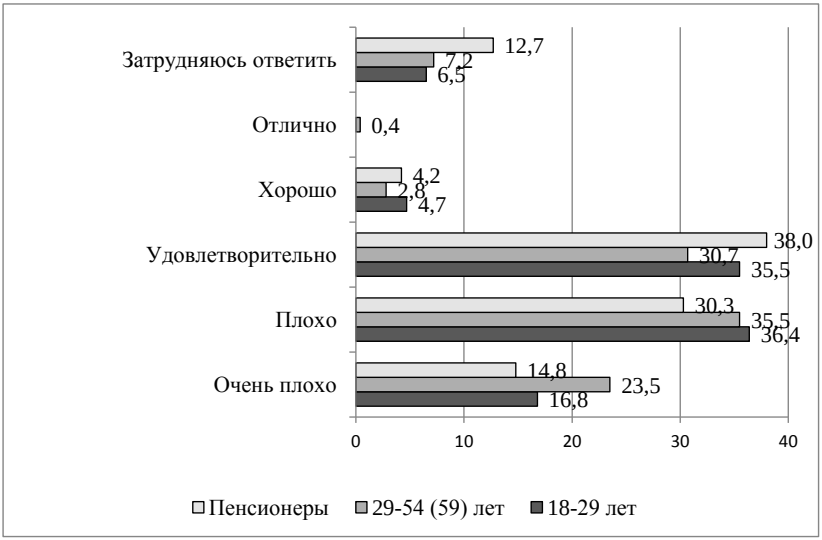


Рис. 3.20. Оценка действий органов местного самоуправления в области социального обеспечения сельскими бедными разных возрастных групп

Сведения об авторах

Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Алтайской лаборатории Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН), директор Центра социально-экономических исследований и региональной политики, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета.

Анисимова Мария Михайловна, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований и региональной политики.

Иванова Оксана Андреевна, аспирант кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, социолог Центра специальной связи и информатизации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Алтайском крае.

Перекаренкова Юлия Александровна, младший научный сотрудник Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН.

Решетникова Софья Александровна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований и региональной политики, заместитель председателя комитета по кадрам и муниципальной службе администрации г. Барнаула.

Рзаева Сабина Валеховна, инженер Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН.

Родионова Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН.

Сергиенко Юлия Викторовна, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований и региональной политики.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЕДНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ

Монография

Подписано к печати 10.01.2014 г.
Формат бумаги 60х70/16.
Усл.-п. л. 19. Тираж 500 экз. Заказ 762.
Цена договорная.

Отпечатано в ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98-а
тел. 22-91-03, 22-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru